

ANNALES CONTEMPORAINES

СОВРЕМЕННАЯ ЗАПИСКИ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
и ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ

I

1920
ПАРИЖЬ

Современныя Записки

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

издаваемый при ближайшемъ участіи:

**Н. Д. АВКСЕНТЬЕВА, И. И. БУНАКОВА,
М. В. ВИШНЯКА, А. И. ГУКОВСКАГО и
В. В. РУДНЕВА.**

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
1. ОТЪ РЕДАКЦИИ.	
2. Гр. Алексѣй Н. Толстой. — ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМЪ. (Романъ). Главы XI—XIII.	1
3. К. Бальмонтъ. — ИЗЪ НОЧИ (Стихотвореніе)	34
4. Софья Федорченко. — СКАЗКИ	36
5. Марина Цвѣтская. — Стихотворенія	49
6. К. Бальмонтъ. — МЫСЛИ О ТВОРЧЕСТВѢ	51
7. Н. Крандѣвская. — Стихотвореніе	65
8. Амарн. — Стихотвореніе	66
9. В. Зензиновъ. — РУССКОЕ УСТЬЕ. (Изъ дневника ссыльнаго) .	67
10. Л. Шестовъ. — ОТКРОВЕНІЯ СМЕРТИ. (Послѣднія произведе- нія Л. Н. Толстого)	81
11. Тихонъ Полиеръ. — О ТОЛСТОМЪ. (Клочки воспоминаній) . .	107
12. Николай Авксентьевъ. — PATRIOTICA	125
13. С. Загорскій. — СОЦІАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕАКЦІЯ ВЪ СОВѢТСКОЙ РОССІИ.	136
14. З. Ленскій. — ПОЛОЖЕНІЕ РУССКОЙ КООПЕРАЦИИ	155
15. В. Рудневъ. — ЛИГА НАЦІЙ И МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО	168
16. С. А. Корфъ. — ФЕДЕРАЛИЗМЪ И ЦЕНТРАЛИЗАЦІЯ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКѢ	189

17. **М. В. Вышинскъ. — НА РОДИНѢ.** — Традиція русской журналистики. — Собираніе разсѣянаго свѣта. — «Рефлекторы» и «аккумуляторы». — I. Что дѣлается въ Россіи? — Источники познанія. — Правительственныя сообщенія. — Иностранная экспертиза. — Двѣ категоріи экспертовъ. — Недегальная литература. — II. Мизерность мировой войны по сравненію съ гражданской въ Россіи. — Математическое доказательство конца большевиковъ. — Смертная казнь отменена. — «Да здравствуетъ смертная казнь!» — Творимая легенда. — Хаосъ и случай. — Подъ условнымъ разстрѣломъ. — Достаточно-ли одной правды? 205
18. **КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ.** — Проф. бар. Б. Э. Нольде. **ЛИГА ЦАРЬ-ДОВЪ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ СУДЪ.** — С. П. Тюринъ. **GUILD SOCIALISM.** — М. Цетлигъ. **АНРИ БАРБЮССЪ.** — А. Койрапскій. **ТЕАТРЪ ВЪ АНГЛИИ** 232

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Гр. Алексѣй Н. Толстой. — **ХОЖДЕНІЕ ПО МУКАМЪ.** (Романъ). Гл. I-X 1-84.
ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ Редакціи.

Выпуская въ свѣтъ первую книжку «Современныхъ Записокъ», считаемъ необходимымъ предпослать нѣсколько словъ относительно характера и задачъ возникающаго изданія.

«Современныя Записки» посвящены прежде всего интересамъ русской культуры. Нашему журналу суждено выходить въ особо тяжелыхъ для русской общественности условіяхъ: въ самой Россіи свободному, независимому слову нѣтъ мѣста, а здѣсь, на чужбинѣ, сосредоточено большое количество культурныхъ силъ, насильственно оторванныхъ отъ своего народа, отъ дѣйствительнаго служенія ему. Это обстоятельство дѣлаетъ особенно отвѣтственнымъ положеніе единственнаго сейчасъ большого русскаго ежемѣсячника за границей. «Современныя Записки» открываютъ поэтому широко свои страницы, — устраняя вопросъ о принадлежности авторовъ къ той или иной политической группировкѣ, — для всего, что въ области ли художественнаго творчества, научнаго изслѣдованія или исканія общественнаго идеала представляетъ объективную цѣнность съ точки зрѣнія русской культуры. Редакція полагаетъ, что границы свободы сужденія авторовъ должны быть особенно широки теперь, когда нѣтъ ни одной идеологіи, которая не нуждалась-бы въ критической провѣркѣ при свѣтѣ совершающихся грозныхъ міровыхъ событій.

Какъ журналъ общественно-политическій, «Современныя Записки», органъ виѣпартійный, намѣрены проводить ту демократическую программу, которая, какъ итогъ русскаго освободительнаго движенія XIX и начала XX вѣка, была провозглашена и воспринята народами Россіи въ мартовскіе дни 1917 г. Единство Россіи на основѣ федераціи входящихъ въ ея составъ народовъ; Учредительное Собраніе; республиканскій образъ правленія; гарантіи политическихъ и гражданскихъ свободъ; всеобщее избирательное право въ органы народнаго представительства и мѣстнаго самоуправленія;

передача земли трудящимся на ней; всесторонняя охрана труда и его правъ въ промышленности, — таковы основные элементы программы, за которыми, по глубокому убѣжденію Редакціи, продолжаетъ стоять подавляющее большинство населенія Россіи.

Тяжкій опытъ истекшаго треслѣтія способенъ лишь укрѣпить убѣжденіе въ необходимости демократическаго обновленія Россіи. Не цѣль, но средства, ведущія къ ней, должны подвергнуться критическому пересмотру, послѣ того какъ, въ результатъ большевистскаго переворота, на пути къ этому обновленію стали такія новыя препятствія, какъ государственный и хозяйственный распадъ, международная изоляція, ростъ внутренней реакціи и пр.

Но здѣсь, въ краткомъ предисловіи, не могутъ быть разрѣшены тѣ жгучія проблемы, которыя вытекаютъ изъ факта обособленія входившихъ прежде въ составъ Россіи народностей, существованія внутренняго антибольшевистскаго фронта, иноземной интервенціи и пр. Лаконическія и потому упрощенныя формулы, въ отношеніи столь сложныхъ и большихъ вопросовъ, скорѣе вредны, чѣмъ полезны. Редакція считаетъ необходимымъ установить здѣсь лишь основную свою точку зрѣнія: что возсозданіе Россіи не совмѣстимо съ существованіемъ большевистской власти; что оно возможно лишь въ мѣру самостоятельности внутреннихъ силъ самого русскаго народа, и что разрѣшеніе этой задачи, непосильной ни для одной партіи или класса въ отдѣльности, требуетъ объединенныхъ усилій всѣхъ, искренне порвавшихъ со старымъ строемъ и ставшихъ на сторону общенародной революціи 1917 г.

„Современныя Записки“ не стремятся стать боевымъ политическимъ органомъ, неизбѣжно заостряющимъ свои лозунги, и способнымъ поэтому объединить лишь тѣсную группу единомышленниковъ. Въ соотвѣтствіи съ выдвигаемой на первый планъ задачей общественнаго объединенія, „Современныя Записки“ будутъ органомъ независимаго и непредвзятаго сужденія о всѣхъ явленіяхъ современности съ точки зрѣнія широкихъ, очерченныхъ выше, руководящихъ началъ.

ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМЪ.

РОМАНЪ.

О, РУССКАЯ ЗЕМЛЯ!..

(Слово о полку Игоревъ)

(Продолженіе) *)

ХІ.

Докторъ Дмитрій Степановичъ Булавинъ, отецъ Даши, сидѣлъ въ столовой около большаго, помятаго и валившаго паромъ самовара и читалъ мѣстную газету — «Самарскій Листокъ». Когда папирса у него догорала до ваты, онъ бралъ изъ толсто набитаго портсигара новую, закуривалъ ее объ окурокъ, кашлялъ, весь багровѣя, и почесывалъ подъ раскрытой рубашкой волосатую грудь. Крахмальная манишка и галстухъ лежали здѣсь же, на столѣ. Кудрявые, сѣдые волосы—не чесаны; читая, онъ прихлебывалъ съ блюда жидкій чай и сыпалъ пепломъ на газету, на рубаху, на скатерть.

Когда за дверью послышался скрипъ кровати, затопали ноги и въ столовую вошла Даша, въ накинутаго на рубашку бѣломъ халатикѣ, вся еще розовая и сонная. Дмитрій Степановичъ посмотрѣлъ на дочь поверхъ треснувшаго пенснэ сѣрыми, холодными, какъ у Даши, насмѣшливыми глазами и подставилъ ей щеку. Даша поцѣловала его и сѣла напротивъ, пододвинувъ хлѣбъ и масло.

---

*) Начало романа гр. А. И. Толстого печаталось въ кн. 1 и 2 «Грядущей Россіи». Читатели, не имѣвшіе въ рукахъ этого журнала, найдутъ въ приложеніи перепечатку первыхъ главъ. Ред.

— Опять вѣтеръ, вотъ скука, — сказала она. Дѣйствительно, второй день дулъ сильный, горячій вѣтеръ. Известковая пыль тучей висѣла надъ городомъ, заслоняя солнце. Густыя, колючія облака этой пыли порывами пронеслись вдоль улицъ, и было видно, какъ спиною къ нимъ поворачивались рѣдкіе прохожіе и морщились нестерпимо. Пыль проникала во всѣ щели, сквозь рамы оконъ, лежала на подоконникахъ тонкимъ слоемъ и хрустѣла на зубахъ. Отъ вѣтра дрожали стекла и громыхала желѣзная крыша. При этомъ было жарко, душно и даже въ комнатахъ пахло улицей.

— Эпидемія глазныхъ заболѣваній. Недурно, — сказалъ Дмитрій Степановичъ. Даша не отвѣтила, только вздохнула. Отцу интересны эпидеміи и политика, а ей, о Господи, не все ли равно, сколько въ городѣ глазныхъ заболѣваній, если у нея самой все такъ не устроено и неопредѣленно.

Двѣ недѣли тому назадъ на сходняхъ парохода Даша простилась съ Телѣгинымъ, проводившимъ ее, въ концѣ концовъ, до Самары, и съ тѣхъ поръ она безъ дѣла живетъ у отца въ этой новой, ей незнакомой, пустой квартирѣ, гдѣ въ залѣ стоятъ еще съ зимы нераспечатанные ящики съ книгами, до сихъ поръ не повѣшены занавѣси, ничего нельзя найти, никуда нельзя прийтнуться, какъ на постояломъ дворѣ.

Помѣшивая чай въ стаканѣ, Даша съ тоской глядѣла, какъ за окномъ летятъ снизу вверхъ клубы сѣрой пыли. Ей казалось, что вотъ — прошли два года, какъ сонъ, и она опять дома, а отъ всѣхъ надеждъ, волнений, людской пестроты, — отъ шумнаго Петербурга, — остались только вотъ эти пыльные облака.

— Эригерцога убили, — сказалъ Дмитрій Степановичъ, переворачивая страницу.

— Какого?

— То-есть, какъ какого? Австрійскаго эригерцога убили въ Сараевѣ.

— Онъ былъ молодой?

— Не знаю. Налей-ка еще стаканъ.

Дмитрій Степановичъ бросилъ въ ротъ маленькій кусочекъ сахару, — онъ пилъ всегда въ прикуску, — и насмѣшливо оглядѣлъ Дашу, стоящую передъ самоваромъ:

— Скажи на милость — Екатерина окончателно разошлась съ мужемъ? Я что-то не совсѣмъ понимаю.

— Я же тебѣ рассказывала, папа.

— Ну, ну...

И онъ опять принялся за газету. Даша подошла къ окну. Какое уныніе. И она вспомнила бѣлый пароходъ и, главное, солнце повсюду, — синее небо, рѣка, чистая палуба, и все, все полно солнцемъ, влагой и свѣжестью. Тогда казалось, что этотъ сіяющій путь — широкая, медленно извивающаяся рѣка — ведетъ къ счастью: этотъ просторъ воды и пароходъ «Федоръ Достоевскій», вмѣстѣ съ Дашей и Телѣгинимъ, вольются, войдутъ въ синее, безъ береговъ, море свѣта и радости — счастье.

И Даша не торопилась, хотя знала, что переживалъ Телѣгинъ и ничего не имѣла противъ этого переживанія. Но къ чему было спѣшить, когда каждая минута этого пути и безъ того хороша, и все равно же приплывутъ къ счастью.

Иванъ Ильичъ очень страдалъ. Подъѣзжая къ Самарѣ, онъ осунулся, пересталъ шутить и все что-то путалъ. Даша думала, — плывемъ къ счастью, и чувствовала на себѣ его взглядъ, такой, точно сильнаго, веселаго человѣка переѣхали колесами. Ей было жалко его, и была признательна и нѣжна, но что она могла подѣлать, какъ допустить его до себя, хотя бы немножко, если тогда, — она это понимала, — сразу начнется то, что должно быть въ концѣ пути. Они не доплывутъ до счастья, а на полъ дорогѣ нетерпѣливо и неумно разворуютъ его. Поэтому она была нѣжна съ Иваномъ Ильичемъ, какъ сестра, и только. Ему же казалось, что онъ чудовищно оскорбитъ Дашу, если хоть словомъ намекнетъ на то, изъ-за чего не спалъ уже четвертую ночь и чувствовалъ себя въ томъ особомъ, на половину призрачномъ, мірѣ, гдѣ все виѣшнее скользило мимо, какъ тѣни въ голубоватомъ туманѣ, гдѣ грозно и тревожно горѣли сѣрые глаза Даши, гдѣ дѣйствительностью были лишь запахи, свѣтъ солнца и неперестающая боль въ сердцахъ.

Въ Самарѣ Иванъ Ильичъ пересѣлъ на другой пароходъ и уѣхалъ обратно. А Дашино сіяющее море, куда она такъ спокойно плыла, исчезло, рассыпалось, поднялось клубами пыли за дребезжащими стеклами.

— А зададутъ австріяки трепку этимъ самымъ сербамъ, — сказалъ Дмитрій Степановичъ, снявъ съ носа пенснэ и бросилъ

его на газету. — Ну, а ты что думаешь о славянскомъ вопросѣ, кошка?

— Обѣдать. папа, ты прѣдешь? — проговорила Даша, возвращаясь къ столу.

— Ни подъ какимъ видомъ. У меня scarlatina-сь на Постниковой дачѣ.

— Въ эту пыль ѣхать на дачу — съ ума надо сойти.

Дмитрій Степановичъ, не слѣша, надѣлъ манишку, застегнулъ чесучевый пиджакъ, осмотрѣлъ по карманамъ — все ли на мѣстахъ, и сломаннымъ гребешкомъ началъ начесывать на лобъ сѣдые волосы.

— Ну, такъ какъ же, все-таки, насчетъ славянскаго вопроса, кошка?

— Ей Богу, не знаю. Что ты, въ самомъ дѣлѣ, пристаешь ко мнѣ.

— А я кое-какое имѣю свое собственное мнѣніе, Дарья Дмитриевна, — ему, видимо, очень не хотѣлось ѣхать на дачу, да и вообще Дмитрій Степановичъ любилъ поговорить утромъ, за самоваромъ, о политикѣ: — славянскій вопросъ, — ты слушаешь меня, — славянскій вопросъ — это гвоздь міровой политики. На этомъ много народу сломаеть себѣ шею. Вотъ почему мѣсто происхожденія славянъ. Балканы, ни что иное, какъ европейскій аппендицитъ. Въ чемъ же дѣло? — ты хочешь меня спросить. Изволь. — И онъ сталъ загибать толстые пальцы. — Первое, славянъ — болѣе двухсотъ милліоновъ, и они плодятся, какъ кролики. Второе, — славянамъ удалось создать такое мощное военное государство, какъ Россійская Имперія. Третье, — мелкія славянскія группы, несмотря на ассимиляцію, организуются въ самостоятельныя единицы и тяготѣютъ къ такъ называемому всеславянскому союзу. Четвертое, — самое главное, — славяне представляютъ изъ себя морально совершенно новый и въ нѣкоторомъ смыслѣ чрезвычайно опасный для европейской цивилизаціи типъ — богоискателя. И богоискательство, — ты слушаешь меня, кошка? — есть отрицаніе и разрушеніе всей современной цивилизаціи. Я ищу Бога, то-есть — правды въ самомъ себѣ. Для этого я долженъ быть свободенъ, и я разрушаю моральные устои, подъ которыми я погребенъ, разрушаю государство, которое держитъ меня на цѣпи, и я спрашиваю — почему нельзя лгать? нельзя красть? нельзя убивать? Отвѣчай,

почему? Ты думаешь, что правда лежитъ только въ добрѣ? А я нарочно пойду и убью, чтобы переступить черезъ самое тѣжное — совѣсть, и въ отчаяніи найти правду.

— Папочка, поѣзжай на дачу, — сказала Даша уныло.

— Нѣтъ, ищи правду тамъ, — Дмитрій Степановичъ потыкалъ пальцемъ, словно указывая на подиолѣе, но вдругъ замолчалъ и обернулся къ двери. Въ прихожей трещалъ звонокъ.

— Даша, поди, отвори.

— Не могу, я раздѣта.

— Матрена! — закричалъ Дмитрій Степановичъ, — ахъ, баба проклятая, оторву ей голову, какъ-нибудь. — И самъ пошелъ открывать парадное, и сейчасъ же вернулся, держа въ рукѣ письмо.

— Отъ Катюшки, — сказалъ онъ, — подожди, не хватай изъ рукъ, я сначала доскажу... Такъ вотъ, — богоискательство, прежде всего, начинается съ разрушенія, и этотъ періодъ очень опасенъ и заразителенъ. Какъ разъ этотъ моментъ болѣзни Россія сейчасъ и переживаетъ... Все развалилось къ чорту, — понимаешь, кошка? Попробуй, выйди вечеромъ на главную улицу—только и слышно орутъ: «Карауууль». По улицѣ шатаются горчишники (слободскіе ребята и фабричные), никому не даютъ прохода, озорство такое, что полиція съ ногъ сбилась. Эти ребята—безо всякихъ признаковъ морали—хулиганы, мерзавцы, горчишники — богоискатели. Поняла? Сегодня они озоруютъ на главной улицѣ, завтра начнутъ озоровать во всемъ государствѣ Россійскомъ. Безобразничать во имя разрушенія, и только. Никакой другой сознательной цѣли у нихъ нѣтъ. А въ цѣломъ народъ переживаетъ первый фазисъ богоискательства — разрушеніе основъ.

Дмитрій Степановичъ засопѣлъ, закуривая папиросу. Даша вытащила у него катило письмо и ушла къ себѣ. Онъ же нѣкоторое время еще что-то доказывалъ, ходилъ, хлопая дверями, по большой, на половину пустой, пыльной квартирѣ съ крашенными полами, затѣмъ уѣхалъ на дачу.

«Данюша, милая, — писала Катя, — до сихъ поръ ничего не знаю ни о тебѣ, ни о Николаѣ. Я живу въ Парижѣ. Здѣсь сезонъ въ разгарѣ. Носятъ очень узкія впизу платья, въ модѣ — шифонъ. Куда поѣду въ концѣ іюня—еще не знаю. Парижъ очень красивъ. И всѣ рѣшительно, — вотъ бы тебѣ посмо-

трѣтъ, — весь Парижъ танцуетъ танго. За завтракомъ, между блюда — встають и танцуютъ, и въ пять часовъ, и за обѣдомъ, и такъ до утра. Я никуда не могу укрыться отъ этой музыки, она какая-то печальная, мучительная и сладкая. Мнѣ все кажется, что хороню молодость, что-то невозвратное, когда гляжу на этихъ женщинъ съ глубокими вырѣзами платьевъ, съ глазами, подведенными синимъ, и на ихъ кавалеровъ, до того изящныхъ, что, право, страшно иногда и грустно. Въ общемъ, у меня тоска. Все думается, что кто-то долженъ умереть. Очень боюсь за папу. Онъ вѣдь совсѣмъ не молодъ. Здѣсь полно русскими, все наши знакомые; каждый день собираемся гдѣ-нибудь, — точно и не увѣжала изъ Петербурга. Кстати, здѣсь мнѣ рассказали о Николаѣ, что онъ былъ близокъ, будто-бы, съ одной женщиной. Она — вдова, у нея двое дѣтей и третій маленькій. Понимаешь? Мнѣ было очень больно вначалѣ. А потомъ, почему-то, стало ужасно жалко этого маленькаго... Онъ-то въ чемъ виноватъ?.. Ахъ, Данюша, иногда мнѣ хочется имѣть ребенка. Но вѣдь это можно только отъ любимаго человѣка. Выйдешь замужъ — рожай, слышишь, дѣвочка»...

Даша прочла письмо нѣсколько разъ, прослезилась, въ особенности надъ этимъ, ни въ чемъ неповинномъ, ребеночкомъ, и сѣла писать отвѣтъ; прописала его до обѣда; обѣдала одна, — такъ, только пощипала что-то, — затѣмъ пошла въ кабинетъ и начала рыться въ старыхъ журналахъ, отыскала длиннѣйшій романъ подъ заглавiемъ «Она простила», легла на диванъ посреди разбросанныхъ книгъ и читала до вечера. Наконецъ, прiѣхалъ отецъ, запыленный и усталый; сѣли ужинать, и онъ на всѣ вопросы отвѣчалъ: «угу»; Даша вывѣдала, — оказывается, скарлатинный больной, мальчикъ трехъ лѣтъ у секретаря управы — умеръ. Дмитрiй Степановичъ, сообщивъ это, засопiлъ, спряталъ пенснѣ въ футляръ и ушелъ спать. Даша легла въ постель, закрылась съ головой простыней и всласть наплакалась о разныхъ грустныхъ вещахъ.

Прошло два дня. Пыльная буря кончилась грозой и ливнемъ, барабанившимъ по крышѣ всю ночь, и утро воскресенья настало тихое и влажное — вымытое.

Утромъ, какъ Дашѣ встать, зашелъ къ ней старый знакомый, Семенъ Семеновичъ Говядинъ, земскiй статистикъ — худой

и сутулый, всегда блѣдный мужчина, съ русой бородой и зачесанными за уши волосами. Отъ него пахло сметаной; онъ отвергалъ вино, табакъ и мясо, и былъ на счету у полиціи. Здороваясь съ Дашей, онъ сказалъ, безо всякой причины, насмѣшливымъ голосомъ :

— Я за вами, женщина. Ёдемъ за Волгу.

Даша подумала : — «Итакъ, все кончилось земскимъ статистикомъ Говядинымъ», — взяла бѣлый зонтикъ и пошла за Семеномъ Семеновичемъ внизъ, къ Волгѣ, къ пристанямъ, гдѣ стояли лодки.

Между длинныхъ, досчатыхъ бараконъ съ хлѣбомъ, бунтовъ лѣса и цѣлыхъ горъ изъ тюковъ съ шерстью и хлопкомъ бродили грузчики и крючники, широкоплечіе, широкогрудые мужики и парни, босые, безъ шапокъ, съ голыми шеями. Иные играли въ орлянку, иные спали на мѣшкахъ и доскахъ; вдалекѣ челоуѣкъ тридцать съ ящиками на плечахъ сбѣгали по зыбкимъ сходямъ. Между телѣгъ стоялъ пьяный челоуѣкъ, весь въ грязи и ныли, съ окровавленной щекой, и, придерживая обѣими руками штаны, ругался лѣнливо и матерно.

— Этотъ элементъ не знаетъ ни праздниковъ, ни отдыха, — наставительно замѣтилъ Семень Семеновичъ, — а вотъ мы съ вами, умные и интеллигентные люди, Ёдемъ въ это время праздно любоваться природой. Причина несправедливости лежитъ въ самомъ социальномъ строѣ.

И онъ, проговоривъ : — «простите, пожалуйста», — перешагнувъ черезъ огромныя, босыя ноги грудастаго и губастаго парня, лежащаго навзничъ; другой сидѣлъ на бревнѣ и жевалъ французскую булку. Даша слышала, какъ лежащій сказалъ ей вслѣдъ :

— Филиппъ, вотъ бы намъ такую.

И другой отвѣтилъ лѣнливо набитымъ ртомъ :

— Чиста очень. Возни много.

— Ну, я навалюсь, — не повозится.

По гладкой, болѣе версты шириной, желтоватой рѣкѣ, въ зыбкихъ и длинныхъ солнечныхъ отсвѣтахъ двигались темныя силуэты лодочекъ, направляясь къ дальнему песчаному берегу. Одну изъ такихъ лодокъ нанялъ Говядинъ; попросилъ Дашу править рулемъ, самъ сѣлъ на весла и сталъ выгребать противъ теченія. Скоро на блѣдномъ лицѣ у него выступилъ потъ.

— Спортъ — великая вещь, — сказалъ Семень Семеновичъ, и принялся стаскивать я себя пиджакъ, стыдливо отстягнуть помочи и сунулъ ихъ подъ носъ лодки. У него были худыя, съ длинными рѣдкими волосами, слабыя руки, какъ червяки, двигающіяся въ гутаперчевыхъ манжетахъ. Даша раскрыла зонть и, прищурясь, глядѣла на воду.

— Простите за нескромный вопросъ, Дарья Дмитриевна, — въ городѣ поговариваютъ, что вы выходите замужъ. Правда это? — Нѣтъ, не правда.

Тогда онъ широко ухмыльнулся, что было неожиданно для его интеллигентнаго, озабоченнаго лица, и жиденькимъ голоскомъ попробовалъ было запѣть: «Эхъ, да внизъ по матушкѣ, по Волгѣ», — но поперхнулся, застыдился, и со всей, что было у него, силы ударилъ въ весла.

Навстрѣчу проплыла лодка, полная народомъ. Три мѣшанки въ зеленыхъ и пунцовыхъ шерстяныхъ платяхъ грызли сѣмечки и плевали шелухой себѣ на колѣни. Напротивъ сидѣлъ совершенно пьяный горчишникъ, кудрявый, съ черными усиками, закатывалъ, точно умирая, глаза и игралъ польку на гармоникѣ. Другой шибко гребъ, раскачивая лодку, третій, взмахнувъ кормовымъ весломъ, закричалъ Семену Семеновичу :

— Сворачивай съ дороги, шляпа, тудыть твою въ душу. — И они съ крикомъ и руганью проплыли совсѣмъ близко, едва не столкнулись.

Наконецъ, лодка съ шорохомъ скользнула по песчаному дну. Даша выпрыгнула на берегъ. Семень Семеновичъ опять надѣлъ помочи и пиджакъ.

— Хотя я городской житель, но искренно люблю природу, — сказалъ онъ, прищурясь, — особенно, когда ее дополняетъ фигура дѣвушки, въ этомъ я нахожу что-то тургеневское. Пойдемте къ лѣсу.

И они побрели по горячему песку, увязая въ немъ по щиколотку. Говядицъ поминутно останавливался, вытиралъ платкомъ лицо и говорилъ:

— Нѣтъ, вы взгляните, что за очаровательный уголокъ!

Наконецъ, песокъ кончился, пришлось взобраться на небольшой обрывъ, откуда начинались луга съ кое-гдѣ уже скошенной травой, вянущей въ рядахъ. Здѣсь горячо пахло медовыми цвѣтами. По берегу узкаго оврага, поднаго воды,

рость кудривый орѣшникъ. Въ низинкѣ, въ сочной травѣ, журчалъ ручей, переливаясь въ другое озеро — круглое. На берегу его росли двѣ старыя липы и корявая сосна съ одной, отставленной, какъ рука, вѣткой. Дальше, по узкой гривкѣ, цвѣлъ бѣлый шиповникъ. Это было мѣсто, излюбленное вальдшнепами во время перелетовъ. Даша и Семень Семеновичъ сѣли на траву. Подъ ихъ ногами синѣла небомъ, зеленѣла отраженіемъ листыя, сверкала подъ солнцемъ вода по извилистымъ овражкамъ. Неподалеку отъ Даши въ кусту прыгали, однообразно посвистывая, двѣ сѣрыхъ птички. И со всей грустью покинутаго любовника, гдѣ-то въ чащѣ дерева, ворковалъ, ворковалъ, не уставая, дикій голубь. Даша сидѣла, вытянувъ ноги, сложивъ руки на колѣняхъ и слушала, какъ въ вѣтвяхъ покинутый любовникъ бормоталъ нѣжнымъ голосомъ:

«Дарья Дмитріевна. Дарья Дмитріевна, ахъ, что происходитъ съ вами, — не понимаю, почему вамъ такъ грустно, хочется плакать. Вѣдь ничего еще не случилось, а вы грустите, будто жизнь ужъ кончена, прошла, пролетѣла. Вы просто отъ природы плакса».

— Миѣ хочется быть съ вами откровеннымъ. Дарья Дмитріевна, — проговорилъ Говядинъ, — позвольте мнѣ, такъ сказать, отбросить въ сторону условности?..

— Говорите, мнѣ все равно, — отвѣтила Даша и, закинувъ руки за голову, легла на спину, чтобы видѣть небо, а не бѣгающіе глазки Семена Семеновича, который исподтишка поглядывалъ на ея бѣлые чулки.

— Вы гордая, смѣлая дѣвушка. Вы молоды, красивы, полны кипучей жизни...

— Предположимъ, — сказала Даша.

— Неужто вамъ никогда не хотѣлось разрушить эту условную мораль, привитую воспитаніемъ и средой. Неужто во имя этой, всѣми авторитетами уже отвергнутой, морали вы должны сдерживать свои красивые инстинкты?

— Предположимъ, что я не хочу сдерживать своихъ инстинктовъ — тогда что? — спросила Даша, и съ дѣтскимъ любопытствомъ ждала, что онъ отвѣтитъ. Ее разогрѣло солнце, и было такъ хорошо глядѣть въ небо, въ солнечную пыль, наполнившую всю эту синюю бездну, что не хотѣлось ни думать, ни шевелиться.

Семень Семеновичъ молчалъ, ковыряя въ землѣ пальцемъ. Даша знала, что онъ женатъ на акушеркѣ Марьѣ Давыдовнѣ Позернѣ. Раза два въ годъ Марья Давыдовна забирала троихъ дѣтей и уходила отъ мужа къ матери, живущей напротивъ, черезъ улицу. Семень Семеновичъ въ земской управѣ объяснялъ сослуживцамъ эти семейные разрывы чувственнымъ и безпокойнымъ характеромъ Марьи Давыдовны. Она же въ земской больницѣ объясняла ихъ тѣмъ, что мужъ каждую минуту готовъ ей измѣнить съ кѣмъ угодно, только объ этомъ и думаетъ, и не измѣняетъ по трусости и вялости, что уже совсѣмъ обидно, и она больше не въ состояніи видѣть его длинную вегетарьянскую фізіономію. Во время этихъ размолвокъ Семень Семеновичъ по нѣскольку разъ въ день, безъ шапки, переходилъ улицу. Затѣмъ, супруги мирились, и Марья Давыдовна съ дѣтьми и подушками перебиралась въ свой домъ.

— Когда женщина остается вдвоемъ съ мужчиной, — у нея возникаетъ единственное желаніе принадлежать, у него — овладѣть ея тѣломъ, — покашлявъ, проговорилъ, наконецъ, Семень Семеновичъ, — я васъ зову быть честной, открытой. Загляните вглубь себя, и вы увидите, что среди предрасудковъ и лжи у васъ горитъ яркое и естественное желаніе здоровой чувственности.

— А у меня сейчасъ никакого желанія не горитъ, что это значитъ? — спросила Даша. Ей было смѣшно и лѣниво. Надъ головой въ блѣдномъ цвѣткѣ шиповника, въ желтой пыльцѣ, ворочалась пчела. А покинутый любовникъ продолжалъ бормотать въ осинникѣ: «Дарья Дмитріевна, Дарья Дмитріевна, не влюблены ли вы, въ самомъ дѣлѣ. Влюблены, влюблены, честное слово, — оттого и горюете». — Слушая, Даша тихонько начала сѣяться.

— Кажется, у васъ забрался песокъ въ туфельки. Позвольте, я вытряхну, — проговорилъ Семень Семеновичъ какимъ-то особеннымъ, глуховатымъ голосомъ, и потянулъ ее за каблукъ. Тогда Даша быстро сѣла, вырвала у него туфлю и шлепнула ею Семена Семеновича по щекѣ.

— Вы негодяй, — сказала она, — я никогда не думала, что вы такой омерзительный человекъ.

Она вытряхнула изъ туфельки песокъ, надѣла ее, встала,

подобрала зонтикъ и, не взглянувъ на Говядина, пошла къ рѣкѣ.

«Вотъ дура, вотъ дура, не спросила даже адреса — куда нисать, — думала она, спускаясь съ обрыва, — не то въ Кинешму, не то въ Нижний. Вотъ теперь и сиди съ Говядинымъ. Ахъ, Боже мой!».. — Она обернулась. Семень Семеновичъ шагаль по спуску, по травѣ, подымая ноги, какъ журавль, и глядѣль въ сторону. — Напишу Катѣ: «Представь себѣ, кажется, я полюбила, такъ мнѣ кажется». И, прислушиваясь внимательно, Даша повторила въ полтъ голоса: «Милый, милый, милый Иванъ Ильичъ»...

Въ это время неподалеку раздался голодь: — «Не полѣзу и не полѣзу, пусти, юбку оборвешь». По колѣно въ водѣ у берега бѣгаль голый человѣкъ, пожилой, съ желтыми ребрами, съ чернымъ гайтаномъ креста на впалой груди и съ короткой бородой. Онъ былъ непристоень и злобно, молча тащиль въ воду унылую женщину. Она повторала: «Пусти, юбку оборвешь».

Тогда Даша изо всей силы побѣжала вдоль берега къ лодкѣ, — стиснуло горло отъ омерзения и стыда; казалось — пережить этого невозможно. Покуда она стлкнувала лодку въ воду, — подбѣжалъ запыхавшійся Говядинъ. Не отвѣчая ему, не глядя, Даша сѣла на корму, прикрылась зонтомъ и молчала всю обратную дорогу.

Послѣ этой прогулки у Даши, какимъ-то особымъ, непонятнымъ ей самой, путемъ, началась обида на Телѣгина, точно онъ былъ виноватъ во всемъ этомъ уныніи пыльнаго, раскаленного солнцемъ, провинціального города, съ вонючими заборами и гнусными подворотнями, съ кирпичными, какъ ящики, домишками, съ телефонными и телеграфными столбами вмѣсто деревьевъ, съ тяжелымъ зноемъ въ полдень, когда по сѣроватобѣлой, безъ тѣней, улицѣ бредеть одурѣвшая баба со связками вяленой рыбы на коромыслѣ и кричить, глядя на пыльные окошки: «Рыбы воблой, рыбы»; но остановится около нея и понюхаетъ рыбу какой-нибудь тоже одурѣвшей и наполовину сбѣсившійся песь; когда со двора издалека, дунайской сосуцей скукой заиграетъ шарманка; когда знаешь, что въ городѣ всѣ наѣлись пироговъ, нахлебались окрошки и спать, похрапываютъ.

Телѣгинъ виноватъ былъ въ томъ, что Даша воспринимала

сейчасъ съ особенной чувствительностью весь этотъ, окружающій ее, лѣнивый, утробный покон, не нагрѣвающійся, видимо, во вѣки-вѣковъ сдвинуться съ мѣста, хотъ выбѣги на улицу и закричи дикимъ голосомъ: «Жить хочу, жить!»

Телѣгинъ былъ виноватъ въ томъ, что черезчуръ ужъ былъ скромнень и застѣнчивъ: не ей же, Дашѣ, въ самомъ дѣлѣ, брать его за шею и говорить: «Понимаете, что люблю». Онъ былъ виноватъ въ томъ, что не подавалъ о себѣ вѣстей, точно сквозь землю провалился, а, можетъ быть, даже и думать за-былъ о поѣздочкѣ на пароходѣ.

И въ прибавленіе ко всему этому унынію, въ одну изъ знойныхъ, какъ въ печкѣ, черныхъ ночей Даша увидѣла сонъ, тотъ же, что и въ Петербургѣ, когда проснулась въ слезахъ, и такъ же, какъ и тогда, онъ исчезъ изъ памяти, точно дымка изъ запотѣвшаго стекла. Но ей казалось, что этотъ мучительный и страшный сонъ предвѣщаетъ какую-то бѣду. Дмитрій Степановичъ посовѣтовалъ Дашѣ вспрыскивать мышьякъ. Затѣмъ было получено второе письмо отъ Кати. Она писала:

«Милая Данюша, я очень тоскую по тебѣ, по своимъ и по Россіи. Мнѣ все сильнѣе думается, что я виновата и въ разрывѣ съ Николаемъ, и въ чемъ-то еще болѣе важномъ. Я просыпаюсь и такъ весь день живу съ этимъ чувствомъ вины и какой-то душевной затхлою. И потомъ — я не помню, писала ли я тебѣ, — меня вотъ ужъ сколько времени преслѣдуетъ одинъ человекъ. Выхожу изъ дома, — онъ идетъ навстрѣчу. Поднимаюсь въ лифтѣ, въ большомъ магазинѣ, — онъ по пути впрыгиваетъ въ лифтъ. Вчера была въ Луврѣ, въ музеѣ, устала и сѣла на скамеечку, и вдругъ чувствую, — точно мнѣ провели рукой по спинѣ, — оборачиваюсь — неподалеку сидитъ онъ. Худой, черный, съ сильной просѣдью, борода точно наклеенная на щекахъ. Руки положилъ на трость, глядитъ сурово, глаза ввалившіеся. Я дверь насилу нашла. Онъ ни заговариваетъ, ни пристаётъ ко мнѣ, но я его боюсь. Мнѣ кажется, что онъ какими-то кругами около меня ходитъ»...

Даша показала письмо отцу. Дмитрій Степановичъ на другое утро за газетой сказалъ, между прочимъ:

— Кошка, поѣзжай въ Крымъ.

— Зачѣмъ?

— Разыщи этого Николая Ивановича и скажи ему, что онъ

розиня. Пускай отправляется въ Парижъ, къ женѣ. А, впрочемъ, какъ хочеть... Это ихъ частное дѣло...

Дмитрій Степановичъ разсердился и взволновался, хотя терпѣть не могъ показывать своихъ чувствъ. Даша поняла, что ѣхать надо, и вдругъ обрадовалась: Крымъ ей представился симъ, шумящимъ волнами, чудеснымъ просторомъ. Длинная тѣнь отъ пирамидальнаго тополя, каменная скамья, развѣвающійся на головѣ шарфъ и чьи-то безпокойные глаза слѣдятъ за Дашей.

Она быстро собралась и уѣхала въ Евпаторію, гдѣ купался Николай Ивановичъ.

XII.

Въ это лѣто въ Крыму былъ необычайный наплывъ прѣзжихъ съ сѣвера. По всему побережью бродили съ облупленными носами колючіе петербуржцы, съ катаррами и бронхитами, и шумные, растрепанные москвичи съ лѣнливой и поюшей рѣчью, и черноглазые кievляне, не знающіе различія гласныхъ «о» и «а», и презирающіе эту російскую суету богатые сибиряки; жарились и обгорали до-черна молодыя женщины и голенастые юноши, священники, чиновники, почтенные и семейные люди, живущіе, какъ и все тогда жило въ Россіи, расхлябано, точно съ перебитой поясницей.

Въ серединѣ лѣта отъ соленой воды, жары и загара у всѣхъ этихъ людей пропадало ощущение стыда, городскія платья начинали казаться пошлостью, и на прибрежномъ пескѣ появлялись женщины, кое-какъ прикрытыя татарскими полотенцами, и мужчины, похожіе на изображенія на етрусскихъ вазахъ.

Въ этой необычайной обстановкѣ синихъ волнъ, горячаго песка и голаго тѣла, лѣзущаго отовсюду, шатались семейные устои. Здѣсь все казалось легкимъ и возможнымъ. А какова будетъ расплата потомъ, на сѣверѣ, въ скучной квартирѣ, когда за окнами дождь, а въ прихожей трещить телефонъ и всѣ кому-то что-то обязаны, — стоитъ ли думать о расплатѣ. Морская вода съ мягкимъ шорохомъ подходитъ къ берегу, касается ногъ, и вытянутому тѣлу на пескѣ, закинутымъ рукавъ и закрытымъ вѣлкамъ — легко, горячо и сладко. Все, все, даже самое опасное, — легко и сладко.

Нынѣшнимъ лѣтомъ легкомысліе и шаткость среди прѣзжихъ превзошли всякіе размѣры, словно у этихъ сотенъ тысячъ городскихъ обывателей какимъ-то гигантскимъ протуберанцемъ, вылъстѣвшимъ въ одно іюньское утро изъ раскаленного солнца, отшибло память и благоразуміе.

По всему побережью не было ни одной благополучной дачи. Неожиданно разрывались прочныя связи. И, казалось, самый воздухъ былъ полонъ любовнаго шопота, нѣжнаго смѣха и неопикуемой чепухи, которая говорила на этой горячей землѣ, усѣянной обломками древнихъ городовъ и костями вымершихъ народовъ. Было похоже, что къ осеннимъ дождямъ готовится какая-то всеобщая расплата и горькія слезы.

Даша подѣзжала къ Евпаторіи послѣ полудня. Незадолго до города, съ дороги, пыльной, бѣлой легкой бѣгущей по ровной степи, мимо солончаковъ, ометовъ соломы и кое-гдѣ, вдали, длинныхъ строеній, она увидѣла противъ солнца большой деревянный корабль. Онъ медленно двигался въ полуверстѣ, по степи, среди польни, сверху до низу покрытый черными, поставленными бокомъ, парусами. Это было до того удивительно, что Даша ахнула. Сидѣвшій рядомъ съ ней въ автомобиль старый армянинъ сказалъ, засмѣявшись: — «Сейчасъ море увидишь».

Автомобиль повернулъ мимо квадратныхъ запрудъ солеваяренъ на песчаную возвышенность, и съ нею открылось море. Оно лежало выше земли, темно-синее, покрытое бѣлыми, длинными жгутами пѣны. Веселый вѣтеръ засвистѣлъ въ ушахъ. Даша стиснула на колѣняхъ кожаный чемоданчикъ и подумала:

«Вотъ оно. Начинается».

Въ это же время Николай Ивановичъ Смоковниковъ сидѣлъ въ павильонѣ, вынесенномъ на столбахъ въ море, и пилъ кофе съ любовникомъ-резонеромъ. Подходили послѣ обѣденнаго отдыха дачники, садились за столики, перекликались, говорили о пользѣ іодистаго леченія, о морскомъ купаньи и женщинахъ. Въ павильонѣ было прохладно. Вѣтромъ трепало края бѣлыхъ скатертей и женскіе шарфы. Мимо прошла однопарусная яхта, и оттуда крикнули: «Передайте Лелѣ, что мы ждемъ». Толпою появилась и заняли большой столъ москвичи, все міровыя знаменитости. Любовникъ-резонеръ поморщился при видѣ

нихъ и продолжалъ разсказывать содержаніе драмы, которую задумалъ написать.

— Если бы не этотъ проклятый коньячище, я бы давно кончилъ первый актъ, — говорилъ онъ, вдумчиво и благородно глядя въ лицо Николаю Ивановичу, — у тебя свѣтлая голова, Коля, ты поймешь мою идею: красивая, молодая женщина тоскуетъ, томится, кругомъ нея пошлость. Хорошіе люди, но жизнь засосала, — гнилыя чувства и пьянство... Слопомъ, ты понимаешь... И вдругъ она говоритъ: «я должна уйти, порвать съ этой жизнью, уйти туда, куда-то, къ свѣтлому»... А тутъ — мужъ и другъ... Оба страдаютъ... Коля, ты пойми, — жизнь засосала... Она уходитъ, я не говорю къ кому, — любовника нѣтъ, все на настроеніи... И вотъ двое мужчинъ сидятъ въ кабацкѣ, молча, и пьютъ... Глотаютъ слезы вмѣстѣ съ коньякомъ... А вѣтеръ въ каминной трубѣ завываетъ, хоронитъ ихъ... Грустно... Пусто... Темно...

— Ты хочешь знать мое мнѣніе? — спросилъ Николай Ивановичъ.

— Да. Ты только скажи: «Миша, брось писать, брось», и я брошу.

— Пьеса твоя замѣчательная. Это — сама жизнь. — Николай Ивановичъ, закрывъ глаза, помоталъ головой. — Да, Миша, мы не умѣли цѣнить своего счастья, и оно ушло, и вотъ мы — безъ надежды, безъ воли — сидимъ и пьемъ. И воеетъ вѣтеръ надъ нашимъ кладбищемъ... Твоя пьеса меня чрезвычайно волнуетъ...

У любовника-резонера задрожали большіе мѣшки подъ глазами, онъ потянулся и крѣпко поцѣловалъ Николая Ивановича, стиснулъ ему руку, затѣмъ налилъ по рюмочкѣ. Они чокнулись, положили локти на столъ и продолжали душевную бесѣду.

— Коля, — говорилъ любовникъ-резонеръ, тяжело глядя на собесѣдника, — а знаешь ли ты, что я любилъ твою жену, какъ Бога?

— Да. Мнѣ это казалось.

— Я мучился, Коля, но ты былъ мнѣ другомъ... Сколько разъ я бѣжалъ изъ твоего дома, клянясь не переступить больше порога... Но я приходилъ опять и разыгрывалъ шута... И ты, Николай, не смѣешь ее винить, — онъ вытянулъ губы и сложилъ ихъ свирѣпо...

— Миша, она жестоко поступила со мною.

— Можетъ быть... Но мы всё передъ ней виноваты... Ахъ, Коля, одного я въ тебѣ не могу понять, — какъ ты, живя съ такой женщиной, — вѣдь съ ней нужно на колѣняхъ разговаривать, — а ты, прости меня, путался, вмѣсто этого, съ какой-то вдовой Чимириязевой. Зачѣмъ?

— Это сложный вопросъ.

— Лжешь. Я ее видѣлъ, обыкновенная курица.

— Видишь ли, Миша, теперь дѣло прошлое, конечно... Софья Ивановна Чимириязева было просто добрымъ человѣкомъ. Она давала мнѣ минуты радости и никогда ничего не требовала. А дома все было слишкомъ сложно, трудно, углубленно... На Екатерину Дмитриевну у меня не хватало душевныхъ силъ...

— Коля, но неужели — вотъ мы вернемся въ Петербургъ, вотъ настанетъ вторникъ, и я не приду къ вамъ послѣ спектакля... Какъ мнѣ жить?... Слушай... Гдѣ жена сейчасъ?

— Въ Парижѣ.

— Переписываешься?

— Нѣтъ.

— Поѣзжай въ Парижъ. Поѣдемъ вмѣстѣ.

— Безполезно...

— Коля, выпьемъ за ея здоровье.

— Выпьемъ.

Въ павильонѣ, между столиками, появилась актриса Чародѣва. въ зеленомъ, прозрачномъ платьѣ, въ большой шляпѣ, худая, какъ змѣя, съ синей тѣнью подъ глазами. Ее, должно быть, плохо держала спина, — такъ она извивалась и клонилась. Ей навстрѣчу поднялся редакторъ эстетическаго журнала «Хоръ Музъ», взявъ за руку и, не спѣша, поцѣловалъ въ сгибъ локтя.

— Изумительная женщина, — проговорилъ Николай Ивановичъ сквозь зубы.

— Нѣтъ, Коля, нѣтъ, Чародѣва — просто падалъ. Въ чемъ дѣло?... Жила три мѣсяца съ Безсоновымъ, на концертахъ мяукаетъ декадентскіе стихи... Смотри, смотри — ротъ до ушей, на шеѣ жилы. Помеломъ ее со сцены, я давно объ этомъ кричу...

Все-же, когда Чародѣва, кивая шляпой направо и налево, улыбаясь большимъ ртомъ съ розовыми зубами, приблизилась къ ихъ столику, любовникъ-резонеръ, словно пораженный, мед-

ленно поднялся, всплеснулъ руками, сложилъ ихъ подъ подбородкомъ и проговорилъ:

— Милая... Ниночка... Какой туалетъ!.. Не хочу, не хочу... Миѣ прописанъ глубокой покой, родная моя...

Чародѣева взяла его костлявой рукой за подбородокъ, поджала губы, сморщила носъ:

— А что болталъ вчера про меня въ ресторанѣ?

— Я тебя ругалъ вчера въ ресторанѣ? Ниночка!

— Да еще какъ.

— Честное слово, меня оклеветали.

Чародѣева со смѣхомъ положила ладонь ему на губы: — вѣдь знаешь, что не могу на тебя долго сердиться. — И уже другимъ голосомъ, изъ какой-то воображаемой, свѣтской пьесы, обратилась къ Николаю Ивановичу:

— Сейчасъ проходила мимо вашей комнаты; къ вамъ прѣхала, кажется, родственница, — прелестное создание.

Николай Ивановичъ быстро взглянулъ на друга, затѣмъ взялъ съ блюдечка окурокъ сигары и такъ принялся его раскуривать, что задымилась вся борода.

— Это неожиданно, — сказалъ онъ, — что бы это могло означать?.. Бѣгу. — Онъ бросилъ сигару въ море и сталъ спускаться по лѣстницѣ на берегъ, вертя серебряной тростью, сдвинувъ шляпу на затылокъ. Но въ гостиницу Николай Ивановичъ вошелъ уже запыхавшись....

— Даша, ты зачѣмъ? Что случилось? — спросилъ онъ, притворяя за собой дверь. Даша сидѣла на полу около раскрытаго чемодана и зашивала чулокъ. Когда вошелъ зять, она, не слѣща, поднялась, подставила ему щеку для поцѣлуя и сказала разсѣянно:

— Очень рада тебя видѣть. Мы съ папой рѣшили, чтобы ты ѣхалъ въ Парижъ. Я привезла два письма отъ Кати... Вотъ. Прочти, пожалуйста.

Николай Ивановичъ схватилъ у нея письма и отошелъ къ окну. Даша изъ умывальной комнаты, одѣваясь, слушала, какъ онъ шуршалъ листочками, вздыхалъ и затѣмъ затихъ. Даша насторожилась.

— Ты завтракала? — вдругъ спросилъ онъ, — если голодна — пойдемъ въ навильонъ. Тогда она подумала: — «Раз-

любиль ее совсѣмъ», — обѣими руками надвинула на голову шапочку и рѣшила разговоръ о Парижѣ отложить на завтра.

По дорогѣ къ павильону Николай Ивановичъ молчалъ и глядѣлъ подъ ноги, но когда Даша спросила:—ты купаешься?—онъ весело поднялъ голову и заговорилъ о томъ, что здѣсь у нихъ образовалось общество борьбы съ купальными костюмами, главнымъ образомъ преслѣдующее гигиеническія цѣли.

— Представь, — за мѣсяць купанья на этомъ пляжѣ организмъ поглощаетъ іода больше, нежели за это время можно искусственно ввести его во внутрь. Кромѣ того, ты поглощаешь солнечные лучи и теплоту отъ нагрѣтаго песка. У насъ, мужчинъ, еще терпимо, только небольшой поясъ, но женщины закрываютъ почти двѣ трети тѣла. Мы съ этимъ рѣшительно начали бороться... Въ воскресенье я читаю лекцію по этому вопросу, за тѣмъ мы устраиваемъ концертъ.

Они шли вдоль воды по свѣтло-желтому, мягкому, какъ бархатъ, песку изъ плоскихъ, обтертыхъ приборами, раковинокъ. Неподалеку, тамъ, гдѣ на отмель набѣгали и разбивались кинящей пѣной небольшія волны, покачивались, какъ поплавки, двѣ дѣвушки въ красныхъ чепчикахъ.

— Наши адептки, — сказалъ Николай Ивановичъ дѣловито. У Даши все сильнѣе росло чувство не то возбужденія, не то безпокойства; казалось, — нужно собрать всѣ силы и почувствовать что-то, не пропустить, пережить, иначе будетъ навсегда поздно. Это началось съ той минуты, когда она увидѣла въ степи черный корабль.

Даша остановилась, глядя, какъ вода тонкой пеленой взлизываетъ на песокъ и отходитъ, оставляя ручейки, и это прикосновеніе воды къ землѣ было такое радостное и вѣчное, что Даша присѣла и опустила туда руки. Маленькій, плоскій крабъ шархнулъ бокомъ, пустивъ облачко песка, и исчезъ въ глубинѣ. Волной Дашѣ замочило руки выше локтя.

— Какая-то съ тобой переменна, — проговорилъ Николай Ивановичъ, прищурясь, — не то ты еще похорошѣла, не то похудѣла, не то замужъ тебѣ пора.

Даша обернулась, взглянула на него страшно, точно раскосо; поднялась и, не обтирая рукъ, пошла къ павильону, откуда любовникъ-резонеръ махалъ соломенной шляпой.

Дашу кормили чебуреками и простоквашей, поили шампан-

скимъ; любовникъ-резонеръ суетился, время отъ времени впадалъ въ столбнякъ, шепча словно про себя: — Боже мой, какъ хороша!—и подводилъ знакомить какихъ-то юношей—учениковъ драматической студіи, отвѣчавшихъ на вопросы придушенными голосами, точно на исповѣди. Николай Ивановичъ былъ польщенъ и взволнованъ такимъ успѣхомъ «своей Дашурки».

Даша пила вино, смѣялась, ѣла, что ей подставляли, протягивала кому-то для поцѣлуевъ руку и, не отрываясь, глядѣла на сіяющее голубымъ свѣтомъ, взволнованное море. «Этѣ счастье» — думала она, и ей хотѣлось плакать.

Послѣ купанья и прогулки пошли ужинать въ гостиницу. Было шумно, свѣтло и нарядно. Любовникъ-резонеръ много и горячо говорилъ о любви. Николай Ивановичъ, глядя на Дашу, подвыпилъ и загрустилъ. А Даша все время сквозь щель въ занавѣси окна видѣла, какъ невдалекъ появляются, исчезаютъ и скользятъ какіе-то жидкіе блики. Наконецъ, она поднялась и вышла на берегъ. Ясная и круглая луна, совсѣмъ близкая, какъ въ сказкахъ Шехерезады, висѣла въ голубовато-серебряной безднѣ надъ чешуйчатой дорогой черезъ все море. Даша вложила пальцы въ пальцы и хрустнула ими.

Когда послышался голосъ Николая Ивановича, она спѣшно пошла вдоль воды, сонно лижущей берегъ. На пескѣ сидѣла женская фигура и другая, мужская, лежала головой у нея на колѣняхъ. Подальше, между зыбкими бликами въ чернוליловой водѣ плавала человѣческая голова, и на Дашу взглянули и долго слѣдили за ней два глаза съ лунными отблесками. Дальше — лежалъ на боку сѣдой человѣкъ, опершись на локоть. Потомъ стояли двое, прижавшись; миновавъ ихъ, Даша услышала вздохъ и поцѣлуй.

Издалека звали: «Даша, Даша!» — Тогда она сѣла на песокъ, положила локти на колѣни и подперла подбородокъ. Если бы сейчасъ подошелъ Телъгинъ, опустился бы рядомъ, обнялъ рукой за спину и голосомъ суровымъ и тихимъ спросилъ: «Моя»? Отвѣтила бы: «Твоя».

За бугоркомъ нескѣ пошевелилась сѣрая, лежащая ничкомъ, фигура, сѣла, уронивъ голову, долго глядѣла на играющую, точно на забаву дѣтямъ, лунную дорогу, поднялась и побрела мимо Даши, уныло, какъ мертвая. И съ отчаянно быющимъ сердцемъ Даша увидѣла, что это — Безсоновъ.

Такъ начались для Даши эти послѣдніе дни стараго міра. Ихъ осталось немного, насыщенныхъ зноемъ догорающаго лѣта, радостныхъ и безпечныхъ. Но люди, привыкшіе думать, что будущій день такъ же ясенъ, какъ синеватыя очертанія горъ, куда собралась ѣхать веселая компанія на осликахъ, даже умные и прозорливые люди не могли ни видѣть, ни знать ничего, лежащаго внѣ мгновенія ихъ жизни. За мгновеніемъ, многоцвѣтнымъ, насыщеннымъ запахами, наполненнымъ бѣніемъ всѣхъ соковъ жизни, лежалъ мертвый и непостижимый мракъ... Туда ни на волосокъ не проникали ни взглядъ, ни ошущеніе, ни мысль, и только, быть можетъ, неяснымъ чувствомъ, какое бываетъ у звѣрей передъ грозой, воспринимали иные то, что надвигалось. Это чувство было, какъ необъяснимое безпокойство. Люди торопились жить. А въ это время на землю опускалось облако, бѣшено крутящееся какими-то торжествующими и яростными и какими-то падающими и изнемогающими очертаніями. И это было отмѣчено лишь полосой солнечной тѣни, зачеркнувшей съ юга-востока на сѣверо-западъ всю старую, грѣшную жизнь на землѣ.

XIII.

Въ эти жаркіе дни, когда праздное населеніе во всемъ старомъ свѣтѣ развѣивало скуку морскими купаньями, танцами, паруснымъ спортомъ и любовью, когда болѣе многочисленное трудовое населеніе съ безнадежно-тоскливымъ однообразіемъ создавало и создавало все новые милліарды никому уже болѣе ненужныхъ цѣнностей, когда еще болѣе огромное, никѣмъ не замѣчаемое, не принимаемое въ расчетъ ни одной соціологической проблемой, деревенское населеніе — мужики — доканчивали уборку хлѣба, въ это время нѣсколько человекъ мудрыхъ и лукавыхъ дипломатовъ, тайно отъ всего міра переговаривались шифромъ. Причина переговоровъ была въ томъ, что правительство какой-то одной изъ великихъ державъ во что бы то ни стало хотѣло начать войну, но кто именно этого хотѣлъ — попытаться было невозможно, — всѣ отвѣчали уклончиво и отрицательно, а пороховая нить гдѣ-то невидимо уже горѣла, пахло гарью.

Казалось, стоитъ только найти конецъ этой зловѣщей ипги, и взрывъ будетъ предупрежденъ, и было тѣмъ болѣе удивительно, что онъ не находился. По всѣмъ соображеніямъ — злая воля шла отъ германскаго императора, но его дипломаты по чистой совѣсти утверждали, что войны, во что бы то ни стало, хочетъ Россія, но русскій министръ иностранныхъ дѣлъ напрягалъ всѣ усилія, чтобы предотвратить возможный ультиматумъ, и т. д., и т. д. Причина этой неясности, главнымъ образомъ, была въ томъ, что населеніе по крайней мѣрѣ четырехъ великихъ державъ хотѣло войны, не той, которая произошла, но войны, какъ избавленія отъ безнадежно растущаго количества вещей. За полъ столѣтія европейскаго мира государственные механизмы, военные и деспотическіе по своей природѣ, перейдя на мирное положеніе, задачей своей ставили не увеличеніе счастья каждаго человѣка, не развитіе духовной его жизни въ добрѣ и любви, но производство имъ въ кратчайшее время наибольшаго количества вещей. Эти вещи часто не нужны были ни тому, кто ихъ дѣлалъ, ни тому, кто ихъ заставлялъ дѣлать, ни даже тому, кто ихъ приобрѣталъ. Человѣкъ долженъ былъ приспособляться къ неимоვნю сложной міровой фабрикѣ. Онъ превращался въ частицу механизма. Ему приходилось урѣзывать въ себѣ добрыя желанія и подавлять яркія чувства, иначе бы онъ задохнулся въ предназначенной ему пожизненно рубрикѣ. И желанія и чувства приходили въ состояніе первобытное и злое. И даже тѣ немногіе, кто собиралъ жатву на этомъ рабочемъ полѣ, были, болѣе чѣмъ кто-либо, во власти вещей и цифръ.

Такъ, новые варвары, съ такой торжествующей пѣсней начавшіе девятнадцатый вѣкъ, беззаботно и шумно перешли границу разумнаго и съ жадностью упились виномъ жизни, лукаво имъ поданнымъ, и захмѣлѣли, и сами себѣ воздвигли жертвенникъ, и принесли брата, и заклали его во имя свое. И, когда была сказана эта безумная формула — я есть я, — замкнулся кругъ, и началась гибель: «я», какъ туманъ, исчезало, становилось ничѣмъ, нулемъ, абстракціей. И тогда появилась вещь. И вещь стала всѣмъ.

Сильнѣе всего это человѣческое уничтоженіе сказалось въ Германіи. Количество созданныхъ тамъ вещей было неимоვნю. Люди задыхались подъ этимъ грузомъ цивилизаціи, и казалось.

что, если страна теперь же не будет разгружена — народъ задохнется. Но исторія не давала иныхъ примѣровъ разгрузки, кромѣ войны.

Въ войнѣ была двойная радость — разрушеніе вещей и выходъ человѣка изъ нумерованной рубрики на вольное поле. Война была психологически желанна и неминуема.

Этимъ только и можно объяснить ту легкость, съ какой европейскія государства вошли въ состояніе военныхъ дѣйствій, и быстроту, съ какой повсюду прошла мобилизація.

И все-же въ эти послѣдніе дни никто ничего не зналъ и не предвидѣлъ. Жизнь была благоустроена, безопасна и сытна. И миллионы людей томилась — одни тѣмъ, что жизнь бессмысленна, какъ колесо въ каторжной тюрьмѣ, другіе тѣмъ, что жизнь пошла и надоѣдлива, какъ приставшая на улицѣ пьяная, крашенная дѣвка.

Эту, сводящую скулы оскомину переживалъ и Безсоновъ, когда цѣлыми днями валялся у моря. Разглядывая лица: женскія — смѣющіяся, покрытыя солнечной пылью загара, и мужскія — мѣдно-красныя и взволнованныя, онъ съ уныніемъ чувствовалъ, что сердце его, какъ ледъ, лежитъ въ груди. Глядя на море — думалъ, что вотъ оно тысячи лѣтъ шумитъ волнами о берегъ. И берегъ былъ когда-то пустъ, и вотъ онъ населенъ людьми, и они умрутъ, и берегъ опять опустѣетъ, а море будетъ все такъ-же набѣгать на песокъ. Думая, онъ морщился, сгребалъ пальцемъ раковинки въ кучечку и засовывалъ въ нее потухшую папиросу. Затѣмъ шелъ купаться. Затѣмъ лѣниво обѣдалъ. Затѣмъ уходилъ спать.

Вчера, неподалеку отъ него, быстро сѣла въ песокъ какая-то дѣвушка и долго глядѣла на лунный свѣтъ; отъ нея слабо пахло фіалками. Въ оцѣпенѣвшемъ мозгу прошло воспоминаніе. Безсоновъ заворочался, подумалъ: — «ну, нѣтъ, я этотъ крючокъ не зацѣпишь, не заманишь, къ чорту, спать», — поднялся и побрѣлъ въ гостиницу.

Даша послѣ этой встрѣчи струсила. Ей казалось, что петербургская, душная, бессонная жизнь — всѣ эти воробьиныя ночи — отошли навсегда, и Безсоновъ, непонятно чѣмъ занозившій ея воображеніе, — забыть.

Но отъ одного взгляда, отъ этой минутки, когда онъ чернымъ силуэтомъ прошелъ передъ свѣтомъ мѣсяца, въ ней все

поднялось съ новой силой, и не въ видѣ смутныхъ и неясныхъ переживаній, а теперь было точное желаніе, горячее, какъ полуденный жаръ: она жаждала почувствовать этого человѣка. Ни любить, ни мучиться, ни раздумывать — а только ощутить.

Сидя въ залитой луннымъ свѣтомъ бѣлой комнатѣ, у окна, она повторяла слабымъ голосомъ:

— Ахъ, Боже мой, ахъ, Боже мой, что же это такое?..

Въ семьмъ часу утра Даша пошла на берегъ, раздѣлась, вошла по колѣно въ воду и заглядѣлась. Море было выцвѣтшее, блѣдно-голубое и только кое-гдѣ вдаль тронутое рябью. Было видно дно, и вода, не спѣша, всходила то выше колѣнъ, то опускалась ниже. Даша протянула руки, упала въ эту небесную прохладу и поплыла. Потомъ, освѣженная и вся соленая, закуталась въ мохнатый халатъ и легла на песокъ, уже тепловатый.

«Люблю одного Ивана Ильича, — думала она, лежа щекой на локтѣ, розовомъ и пахнущемъ свѣжестью, — люблю, люблю Ивана Ильича. Съ нимъ чисто, свѣжо, радостно. Слава Богу, что люблю Ивана Ильича. Выйду за него замужъ»...

Она закрыла глаза и заснула, чувствуя, какъ рядомъ, набѣгая, будто дышетъ вода въ ладъ съ ея дыханіемъ.

Этотъ сонъ былъ сладокъ. Она, не переставая, чувствовала, какъ ея тѣлу тепло и легко лежать на песокъ. И во снѣ она ужасно любила себя какой-то особой, взволнованной влюбленностью.

На закатѣ, когда солнце сплюсненнымъ шаромъ опускалось въ оранжевое, безоблачное зарево, Даша встрѣтила Безсонова, сидѣвшаго на камнѣ у тропинки, вьющейся черезъ плоское, поlyingное поле. Даша забрела сюда, гуляя, и сейчасъ, увидѣвъ Безсонова, остановилась, хотѣла повернуть, побѣжать, но давешняя легкость опять исчезла, и ноги, отяжелѣвъ, точно приросли, и она исподлобья глядѣла, какъ онъ подходилъ, почти не удивленный встрѣчей, какъ снялъ соломенную шляпу и поклонился по-монашески — смиреннымъ наклоненіемъ:

— Вчера я не ошибся, Дарья Дмитріевна, — это вы были на берегу?

— Да, я...

Онъ помолчалъ, опустивъ глаза, потомъ взглянулъ мимо Даши въ глубину уже потемнѣвшей стени:

— На этомъ полѣ, во время заката, чувствуешь себя, какъ въ пустынѣ. Сюда рѣдко кто забредеть. Кругомъ — полынь, камни, и въ сумерки представляется, что на землѣ никого уже не осталось, — я одинъ.

Безсоновъ засмѣялся, медленно открывъ бѣлые зубы. Даша глядѣла на него, какъ птица. Потомъ она пошла рядомъ съ нимъ по тропинкѣ. Съ боковъ и по всему полю росли невысокіе, горько пахнушіе кустики полыни; отъ каждого ложилась на сухую землю еще не яркая лунная тѣнь. Надъ головами, вверхъ и внизъ, неровно и трепеща, летали двѣ мыши, ясно видимыя въ полосѣ заката.

— Соблазны, соблазны, никуда отъ нихъ не скроешься, — проговорилъ Безсоновъ, — прельщаютъ, заманиваютъ, и снова попадаешься въ обманъ. Смотрите — до чего лукаво подстроено, — онъ показать палкой на невысоко висящей шаръ луны, — всю ночь будетъ ткать сѣти, тропинка прикинется ручьемъ, каждый кустикъ — населеннымъ, даже трупъ покажется красивъ, и женское лицо — таинственно. А, можетъ быть, дѣйствительно, такъ и нужно: вся мудрость въ этомъ обманѣ... Какая вы счастливая, Дарья Дмитріевна, какая вы счастливая...

— Почему же это обманъ? По-моему совсѣмъ не обманъ. Просто — свѣтитъ луна, — сказала Даша упрямо.

— Ну, конечно, Дарья Дмитріевна, конечно... «Будьте, какъ дѣти». Обманъ въ томъ, что я не вѣрю ничему этому. Но — «будьте такъ же, какъ змѣи». А какъ это соединить? Что нужно для этого... Говорятъ, соединяетъ любовь? А вы, какъ думаете?

— Не знаю, ничего не думаю.

— Изъ какихъ она приходитъ пространствъ? Какъ ее заманить? Какимъ словомъ заклясть? Лечь въ пыль и взывать: о, Господи, пошли на меня любовь!... — Онъ не громко засмѣялся, показавъ зубы.

— Я дальше не пойду, — сказала Даша, — я хочу къ морю.

Они повернули и шли теперь по полыни къ песчаной возвышенности. Неожиданно, Безсоновъ сказалъ мягкимъ и осторожнымъ голосомъ:

— Я до послѣдняго слова помню все, что вы говорили тогда у меня, въ Петербургѣ. Я васъ спугнулъ. А птица прилетала съ доброй вѣстью.

Даша молчала, глядя предъ собой, и шла очень быстро.

— Но, почему-то, мнѣ всегда казалось, Дарья Дмитріевна, что мы продолжимъ нашу бесѣду. Я помню — тогда меня потрясло одно ощущеніе... Не ваша особенная красота, нѣтъ... Меня поразила, пронизала всего непередаваемая музыка вашего голоса. Когда-то — очень давно — я слушалъ въ оркестрѣ симфонію — забыть какую. И вотъ, изъ всѣхъ звуковъ родился одинъ звукъ, — нѣла труба, печальная и чистая; казалось, — ее было слышно во всѣхъ концахъ земли. — таковъ будетъ голосъ архангела въ послѣдній часъ.

— Богъ знаетъ, что вы говорите! — воскликнула Даша, остановившись; взглянула на него и опять пошла.

— Болѣе страшнаго искушенія не было въ моей жизни. Я глядѣлъ тогда на васъ и думалъ — «это мѣсто свято». Здѣсь мое спасеніе: отдать сердце вамъ, стать нищимъ смиреннымъ, растаять въ вашемъ свѣту... А можетъ быть, взять ваше сердце? Стать бесконечно богатымъ?.. Подумайте, Дарья Дмитріевна, вотъ вы пришли, и я долженъ отгадать загадку.

Даша, опередивъ его, взбѣжала на песчаную дюну. Широкая лунная дорога, переливаясь, какъ чешуя, въ тяжелой громадѣ воды, обрывалась на краю моря длинной и ясной полосой, и тамъ надъ этимъ свѣтомъ стояло темное сіяніе. У Даши такъ билось сердце, что пришлось закрыть глаза. «Господи, спаси меня отъ него», — подумала она. Безсоновъ нѣсколько разъ возилъ палку въ песокъ:

— Только ужъ нужно рѣшаться, Дарья Дмитріевна... Кто-то долженъ сгорѣть на этомъ огнѣ... Вы ли... Я ли... Подумайте. отвѣйте...

— Не понимаю, — отрывисто сказала Даша.

— Когда вы станете нищей, опустошенной, сожженной, — тогда только настанетъ для васъ настоящая жизнь, Дарья Дмитріевна... Безъ этого луннаго свѣта, — соблазна на три копейки. Будетъ страшная жизнь — мудрость. И чувство непомѣрнаго величія — гордость. И всего только и нужно для этого — сбросить платьице дѣвочки...

Безсоновъ ледяной рукой взялъ Дашину руку и заглянулъ ей въ глаза. Даша только и могла, что — медленно зажмурилась. Спустя долгое молчаніе, онъ сказалъ:

— Впрочемъ, пойдите лучше по домамъ — спать. Пого-

ворили, обсудили попрось со всѣхъ сторонъ, — да и часъ поздній...

Онъ довелъ Дашу до гостиницы, простился учтиво, сдвинулъ шляпу на затылокъ и пошелъ вдоль воды, вглядываясь въ неясныя фигуры гуляющихъ. Внезапно остановился, повернулъ и подошелъ къ высокой женщинѣ, стоящей неподвижно, закутавшись въ бѣлую шелковую шаль. Безсоновъ перекинулъ трость черезъ плечи, взялся за ея концы и сказалъ:

— Нина, здравствуй.

— Здравствуй.

— Ты что дѣлаешь одна на берегу?

— Стою.

— Почему ты одна?

— Одна, потому что — одна, — отвѣтила Чародѣева тихо и сердито.

— Неужели все еще сердишься?

— Нѣтъ, голубчикъ, давно успоковлась. Ты-то вотъ не волнуйся на мой счетъ.

— Нина, пойдемъ ко мнѣ.

Тогда она, откинувъ голову, молчала долго, потомъ дрогнувшимъ, неяснымъ голосомъ отвѣтила:

— Съ ума ты сошелъ?

— А ты развѣ этого не знала?

Онъ взялъ ее подъ руку, но она рѣзко выдернула ее и пошла медленно, рядомъ съ нимъ, вдоль лунныхъ отсвѣтовъ, скользящихъ по масляно-черной водѣ вслѣдъ ихъ шагамъ.

На утро Дашу разбудилъ Николай Ивановичъ, осторожно постучавъ въ дверь:

— Данюша, вставай, голубчикъ, идемъ кофе пить.

Даша спустила съ кровати ноги и посмотрѣла на сброшенные вчера чулки и туфельки, — всѣ въ сѣрой пыли. Что-то случилось. Или опять приснился тотъ омерзительный сонъ? Нѣтъ, нѣтъ, было гораздо хуже, не сонъ. Даша кое-какъ одѣлась и побѣжала купаться.

Но вода утомила ее и солнце разожгло. Сидя подъ мохнатымъ халатомъ, обхвативъ голыя колѣнки, она думала, что здѣсь ничего хорошаго случиться не можетъ.

«И не ума, и трусиха, и бездѣльница. Воображеніе преуве-

личное. Сама не знаю, чего хочу. Утромъ одно, вечеромъ другое. Какъ разъ тотъ типъ, какой ненавижу».

Склонивъ голову, Даша глядѣла на море, и даже слезы вернулись у нея, — такъ было смутно и грустно.

«Подумаешь — велико сокровище берегу. Кому оно нужно — ни одному человѣку на свѣтѣ. Никого по-настоящему не люблю, себя ненавижу. И выходитъ — онъ правъ: лучше ужь сжечь все, сгорѣть и стать трезвымъ человѣкомъ. Онъ позвалъ, и пойти къ нему нынче же вечеромъ. и... Охъ, нѣтъ»!..

Даша опустила лицо въ колѣни, — такъ стало жарко. И было ясно, что дальше жить этой двойной жизнью нельзя. Должно прійти, наконецъ, освобожденіе отъ невыносимаго долгие дѣвчества. Или ужь пусть — будетъ бѣда.

Такъ, сидя въ уныніи, она раздумывала:

«Предположимъ — уѣду отсюда. Къ отцу. Въ пыль. Къ мухамъ. Дождусь осени. Начнутся занятія. Стану работать по двѣнадцати часовъ въ сутки. Высохну, стану уродомъ. Навзусь выучу международное право. Буду носить бумажейныя юбки: уважаемая юристъ-дѣвица Булавина. Конечно, выходъ очень почтенный... Ахъ, Боже мой, Боже мой!»

Даша стряхнула прилипшій къ кожѣ песокъ и пошла въ домъ. Николай Ивановичъ лежалъ на террасѣ, въ шелковой пижамѣ, и читалъ запрещенный романъ Анатоля Франса. Даша сѣла къ нему на ручку качалки и, покачивая туфелькой, сказала раздумчиво:

— Вотъ, мы съ тобой хотѣли поговорить насчетъ Кати.

— Да, да.

— Видишь ли, Николай, женская жизнь, вообще, очень трудная. Тутъ въ девятнадцать-то лѣтъ не знаешь, что съ собой дѣлать.

— Въ твои годы, Данюша, надо жить во-всю, не раздумывая. Много будешь думать — останешься на бобахъ. Смотрю на тебя — ужасно ты хороша собой.

— Такъ и знала, Николай, — съ тобой бесполезно разговаривать. Всегда скажешь не то, что нужно, и безтактно. Отъ этого-то и Катя отъ тебя ушла.

Николай Ивановичъ засмѣялся, положилъ романъ Анатоля Франса на животъ и закинулъ за голову толстыя руки:

— Начнутся дожди, и птичка сама прилетитъ въ домъ. А

помнишь, какъ она перышки чистила?.. Я Катюшу, несмотря ни на что, очень люблю. Ну, что-же — оба нагрѣшили, я квиты.

— Ахъ, ты вотъ какъ теперь разговариваешь! А вотъ я на мѣстѣ Кати точно такъ-же бы поступила съ тобой....

— Ого! Это что-то новое у тебя?..

— Да, новое.... Дѣйствительно, — уже съ ненавистью глядя на него, проговорила Даша, — любишь, мучаешься, мѣста себѣ не находишь, а онъ очень доволенъ и увѣренъ....

И она отошла къ периламъ балкона, разсерженная не то на Николая Ивановича, не то еще на кого-то.

— Станешь постарше и увидишь, что слишкомъ серьезно относиться къ житейскимъ невздамъ — вредно и не умно, — проговорилъ Николай Ивановичъ, — это ваша закваска, Булавинская — все усложнять... Проще, проще надо, ближе къ природѣ....

Онъ вздохнулъ и замолчалъ, разсматривая ногти. Мимо террасы проѣхалъ потный гимназистъ на велосипедѣ. — привезъ изъ города почту.

— Пойду въ сельскія учительницы, — проговорила Даша мрачно. Николай Ивановичъ переспросилъ сейчасъ-же:

— Куда?

Но она не отвѣтила и ушла къ себѣ. Съ почты принесли письма для Даши: одно было отъ Кати, другое отъ отца. Дмитрій Степановичъ писалъ:

... «Посылаю тебѣ письмо отъ Катюшки. Я его читалъ и мнѣ оно не понравилось. Хотя — дѣлайте, какъ хотите... У насъ все по-старому. Очень жарко. Кромѣ того, Семена Семеновича Говядина вчера въ городскомъ саду избили горчишники, но за что — онъ скрываетъ. Вотъ и всѣ новости. Да, была тебѣ еще открытка отъ какого-то Телѣгина, но я ее потерялъ. Кажется, онъ тоже въ Крыму, не то еще гдѣ-то...»

Даша внимательно перечла эти послѣднія строчки, и неожиданно шибко забилось сердце. Потомъ, съ досады, она даже топнула ногой; — извольте радоваться: «не то въ Крыму, не то еще гдѣ-то»... Отецъ, дѣйствительно, кошмарный человекъ, неряха и эгоистъ. Она скомкала его письмо и долго сидѣла у письменнаго столика, подперевъ подбородокъ. Потомъ стала читать то, что было отъ Кати:

«Помнишь, Данюша, я писала тебѣ о человекѣ, который за

мною ходитъ. Вчера вечеромъ въ Люксембургскомъ саду онъ под-
сѣлъ ко мнѣ. Я вначалѣ струсилла, но осталась сидѣть. Тогда онъ
мнѣ сказалъ: «Я васъ преслѣдовалъ, я знаю ваше имя, и кто вы
такая. Но, затѣмъ, со мной случилось большое несчастье, — я
васъ полюбилъ». Я посмотрѣла на него, — сидитъ, какъ въ церкви,
важно, лицо строгое, темное какое-то, обтянутое. «Вы не должны
бояться меня. Я старикъ. Одинокій. У меня грудная жаба, каждую
минуту я могу умереть. И вотъ — такое несчастье». У него по
щекамъ потекла слеза. Потомъ онъ проговорилъ, покачивая голо-
вой: «О, какое милое, какое милое ваше лицо». Я сказала: —
«Не преслѣдуйте меня больше». И хотѣла уйти, но мнѣ стало его
жалко, я осталась и говорила съ нимъ. Онъ слушалъ и, закрывъ
глаза, покачивалъ головой. И, представъ себѣ, Данюша, — сего-
дня получаю отъ какой-то женщины, кажется, отъ консьержки,
гдѣ онъ жилъ, письмо... Она, «по его порученію», сообщаетъ,
что онъ умеръ ночью... Охъ, какъ это было страшно... Вотъ
и сейчасъ — подошла къ окну, на улицѣ тысячи, тысячи огней,
катятся экипажи, люди идутъ между деревьями. Послѣ дождя —
туманно. И мнѣ кажется, что все это уже бывшее, все умерло,
эти люди — мертвые, будто я вижу то, что кончилось, а того,
что происходитъ сейчасъ, когда стою и гляжу, — не вижу, но
знаю, что все кончилось. Вотъ — прошелъ человекъ, обернулся,
посмотрѣлъ на мое окно, и мнѣ ясно, что онъ обернулся и по-
смотрѣлъ не сейчасъ, а давно, когда-то... Должно быть, мнѣ
совсѣмъ плохо. Иногда — лягу и плачу, — жалко жизни, зачѣмъ
прошла. Было, какое ни на есть, но, все-таки, счастье, любимые
люди, — и слѣда не осталось... И сердце во мнѣ стало сухонь-
кое — высохло. Я знаю, Даша, предстоитъ еще какое-то большое
горе, и все это въ расплату за то, что мы всѣ жили дурно.
Данюша, Данюша, дай Богъ тебѣ счастья»...

Даша показала это письмо Николаю Ивановичу. Читая, онъ
принялся вздыхать, потомъ заговорилъ о томъ, что онъ всегда
чувствовалъ вину свою передъ Катей:

— Я видѣлъ, — мы живемъ дурно, эти непрерывныя удоволь-
ствія кончатся, когда-нибудь, взрывомъ отчаянія. Но что я могъ
подѣлать, если занятіе моей жизни, и Катиной, и всѣхъ, кто
насъ окружалъ, — веселиться... Иногда, здѣсь, гляжу на море и
думаю: — существуетъ какая-то Россія, пашетъ землю, пасетъ
скотъ, долбитъ уголь, ткеть, куетъ, строитъ, существуютъ люди,

которые заставляют ее все это дѣлать, а мы, какіе-то третьи, умственная аристократія страны, интеллигенты — мы ни съ какой стороны этой Россіи не касаемся. Она насъ содержитъ. Мы — папильоны. Это трагедія. Попробуй я, напримѣръ, разводить овощи, или построй заводъ, — ничего не выйдетъ. Я обреченъ до конца дней летать папильономъ. Конечно, мы пишемъ книги, произносимъ рѣчи, дѣлаемъ политику, но это все тоже входитъ въ кругъ времяпрепровожденія, даже тогда, когда гложетъ совѣсть. У Катюши эти непрерывныя удовольствія кончились душевнымъ опустошеніемъ. Иначе и не могло быть... Ахъ, если бы ты знала, — какая это была прелестная, нѣжная и деликатная женщина!... Я развратилъ ее, опустошилъ... Да, ты права, нужно къ ней ѣхать...

Ѣхать въ Парижъ рѣшено было обоимъ, и немедленно, какъ только получатся заграничные паспорта. Послѣ обѣда Николай Ивановичъ ушелъ въ городъ, а Даша принялась передѣлывать въ дорогу большую соломенную шляпу, но только разорила ее, пришла въ отчаяніе и подарила горничной. Потомъ написала письмо отцу и въ сумерки прилегла на постель, — такая, внезапно, напала усталость, — положила ладони подъ щеку и слушала, какъ шумитъ море, все отдаленнѣе, все пріятнѣе.

Потомъ показалось, что кто-то наклонился надъ ней, отвелъ съ лица прядь волосъ и поцѣловалъ въ глаза, въ щеки, въ уголки губъ, легко — однимъ дыханіемъ. По всему тѣлу разлилась сладость этого поцѣлуя. Даша медленно пробудилась. Въ открытое окно виднѣлись рѣдкія звѣзды, и вѣтерокъ, залетѣвъ, шелестѣлъ листками письма. Затѣмъ изъ-за стѣны появилась человѣческая фигура, облокотилась снаружи на подоконникъ и глядѣла на Дашу.

Тогда Даша проснулась совсѣмъ, сѣла и поднесла руку къ груди, гдѣ было разстегнуто платьѣ.

— Что вамъ нужно? — спросила она, едва слышно. Человѣкъ въ окнѣ голосомъ Безсонова проговорилъ:

— Я васъ ждалъ на берегу. Почему вы не пришли? Бойтесь? Даша отвѣтила, помолчавъ:

— Да.

Тогда онъ перелѣзъ черезъ подоконникъ, отодвинулъ столъ и подошелъ къ кровати:

— Я провель омерзительную ночь, — еще бы немного и удавился. У васъ есть хоть какое-нибудь чувство ко мнѣ?

Даша покачала головой, но губъ не раскрыла.

— Слушайте, Дарья Дмитриевна, не сегодня, завтра, черезъ годъ, — это должно случиться. Я не могу безъ васъ существовать. Не заставляйте меня терять образъ человѣческой. — Онъ говорилъ тихо и хрипло, и подошелъ къ Дашѣ совсѣмъ близко. Она вдругъ глубоко, коротко вздохнула и продолжала глядѣть ему въ лицо. — Все, что я вчера говорилъ, — гнусно, вранье... Я жестоко страдаю... У меня нѣтъ силы вытравить память о васъ... Будьте моей женой...

Онъ наклонился къ Дашѣ, вдыхая ея запахъ, положилъ руку сзади ей на шею и прильнулъ къ губамъ. Даша уперлась въ грудь ему, но руки ея согнулись. Тогда въ оцѣпенѣвшемъ сознаниіи прошла спокойная мысль: «Это то, чего я боялась и хотѣла, но это похоже на убійство»... Отвернувъ лицо, она слушала, какъ Безсоновъ, дыша виномъ, бормоталъ ей что-то въ ухо. И Даша подумала: «Точно также было у него съ Катей». И тогда уже ясный, разсудительный холодокъ поджалъ все тѣло, и рѣзче сталъ запахъ вина и омерзительнѣе бормотанье.

— Пустите-ка, — проговорила она, съ силой отстранила Безсонова и, отойдя къ двери, застегнула, наконецъ, воротъ на платьѣ.

Тогда Безсоновымъ овладѣло бѣшенство: схвативъ Дашу за руки, онъ притянулъ ее къ себѣ и сталъ цѣловать въ горло. Она, сжавъ губы, молча боролась. Когда же онъ поднялъ ее и понесъ, — Даша проговорила быстрымъ шопотомъ:

— Никогда въ жизни, хоть умрите....

Съ силой оттолкнула его, освободилась и стала у стѣны. Все еще трудно дыша, онъ опустился на стулъ и сидѣлъ неподвижно. Даша поглаживала руки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были слѣды пальцевъ.

— Не нужно было спѣшить, — сказалъ Безсоновъ. Она отвѣтила:

— Вы мнѣ омерзительны.

Онъ сейчасъ-же положилъ голову бокомъ на спинку стула. Даша сказала:

— Вы съ ума сошли... Уходите же...

И повторила это нѣсколько разъ. Онъ, наконецъ, понялъ,

поднялся и тяжело, неловко выдвѣзъ черезъ окно. Даша затворила ставни и принялась ходить по темной комнатѣ. Эта ночь была проведена плохо.

Подъ утро Николай Ивановичъ, шлепая, босикомъ, подошелъ къ двери и спросилъ заспаннымъ голосомъ:

— У тебя зубы, что-ли, болятъ, Даша?

— Нѣтъ.

— А что это за шумъ былъ ночью?

— Не знаю.

Онъ, пробормотавъ: «удивительное дѣло», ушелъ. Даша не могла ни присѣсть, ни лечь, — только ходила, ходила отъ окна до двери, чтобы утомить въ себѣ это острое, какъ зубная боль, омерзение къ себѣ. Случилось самое отвратительное, чего никогда нельзя было даже предугадать, — словно ночью на погостѣ собаки рвали падаль... И это дѣлала она, Даша. Если бы Безсоковъ совладалъ съ ней, — кажется было бы лучше. И съ отчаянной болью она вспоминала бѣлый, залитый солнцемъ, пароходъ, и еще то, какъ въ осинникѣ ворковалъ, бормоталъ, все лгалъ, все лгалъ покинутый любовникъ, увѣрялъ, что Даша влюблена.

Такъ вотъ это все чѣмъ кончилось? Оглядываясь на бѣлѣв-шую въ сумракѣ постель, страшное мѣсто, гдѣ только что лицо человѣческое превращалось въ песью морду, Даша чувствовала, что жить съ этимъ знаніемъ нельзя. Какую-бы угодно взяла муку на себя, — только бы не чувствовать этой брезгливости ко всему живому, къ людямъ, къ землѣ, къ себѣ... Закрывая лицо ладонями, Даша повторяла: — «Отче Нашъ, иже еси на небесахъ, спаси меня»... Но слова не могли дойти до Него... Горѣла голова и хотѣлось точно содрать съ лица, съ шеи, со всего тѣла паутину.

Наконецъ, свѣтъ сквозь ставни сталъ совсѣмъ яркій. Въ домѣ начали хлопать дверьми, чей-то звонкій голосъ позвалъ: — «Матреша, принеси воды»... Проснулся Николай Ивановичъ и за стѣной чистилъ зубы. Даша ополоснула лицо и, надвинувъ на глаза шапочку, вышла на берегъ. Море было, какъ молоко, песокъ — сыроватый. Пахло водорослями. Даша повернула въ поле и побрела вдоль дороги. Навстрѣчу, поднимая пыльцу колесами, двигалась плетушка объ одну лошадь. На козлахъ сидѣлъ татаринъ, позади него — какой-то широкій человѣкъ, весь

въ бѣдомъ. Взглянувъ, Даша подумала, какъ сквозь сонъ (отъ солнца, отъ усталости сливались глаза): «вотъ ѣдетъ хорошій, счастливый человекъ, ну и пускай его — и хорошій и счастливый», — и она отошла съ дороги. Вдругъ изъ плетушки послышался испуганный голосъ:

— Дарья Дмитриевна!

Кто-то спрыгнулъ на землю и побѣжалъ. Отъ этого голоса у Даши закатилось сердце, упало куда-то вглубь, ослабли ноги. Она обернулась. Къ ней подбѣгалъ Телѣгинъ, загорѣлый, взволнованный, синеглазый, до того неожиданно-родной, что Даша стремительно положила руки ему на грудь, прижалась лицомъ и громко, по-дѣтски, заплакала.

Телѣгинъ твердо держалъ ее за плечи. Когда Даша срывающимся голосомъ попыталась что-то объяснить, онъ сказалъ:

— Пожалуйста, Дарья Дмитриевна, пожалуйста, потомъ. Это не важно...

Парусиновый пиджакъ на груди у него промокъ отъ Дашиныхъ слезъ. И ей стало легче.

— Вы къ намъ ѣхали? — спросила она.

— Да, я проститься пріѣхалъ, Дарья Дмитриевна... Вчера только узналъ, что вы здѣсь, и вотъ... хотѣлъ бы проститься...

— Проститься?

— Призываютъ, ничего не подѣлаешь.

— Призываютъ?

— Развѣ вы ничего не слыхали?

— Нѣтъ.

— Война, оказывается, вотъ въ чемъ дѣло-то. — И, улыбаясь, онъ влюбленно и, какъ-то по-новому, увѣренно глядѣлъ Дашѣ въ лицо.

Гр. Алексѣй Н. Толстой.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ИЗЪ НОЧИ.

Я отъ дѣтства жилъ всегда напѣвомъ,
Шелестомъ деревьевъ, цвѣтомъ травъ.
Зналъ, какая радость, надъ поспѣвомъ,
Слышать гулъ громовъ и шумъ дубравъ.

Видѣть честность лицъ, когда упруго
Жметъ рука надежную соху,
Слышать, сколько звуковъ въ сердцѣ друга,
Волю мчатъ по звонкому стиху.

Въ полѣ ячменей свѣтловолосыхъ
Видѣть знакъ достойнаго труда.
Путь иной — ходить въ кровавыхъ росахъ,
Знакъ иной — багряная звѣзда.

Чась иной — когда всѣ люди звѣри,
И отъ сердца къ сердцу нѣтъ дорогъ.
Я не зналъ, какой дождусь потери,
Этого предвидѣть я не могъ.

Я не зналъ, что всѣ дожди не смоютъ
Ржавчины, увавшей на поля,
Люди строятъ, духи тоже строятъ,
Въ маревѣ родимая земля.

Я смотрю на ночь изъ кельи тѣсной,
Безъ конца проходятъ облака.
Гдѣ мой день святыни благочестной?
Гдѣ моя прозрачная рѣка?

Я смотрю на міръ въ окно чужое,
И чужое небо надо мной.
Я хочу страдать, еще, хоть вдвое,
Только-бъ видѣть свѣтлымъ край родной.

Слышу, въ сердцѣ ледъ разбился звонко,
Волны бьются, всплески жалобъ дня.
Мать моя, прими любовь ребенка,
Миръ тебѣ, родимая земля.

К. Бальмонтъ.

СКАЗКИ.

Эти нѣсколько сказокъ взяты изъ огромнаго матерьяла — разговоровъ, стиховъ, пьсенъ и сказокъ, — собраннаго Софьей Федорченко на войнѣ, гдѣ она работала, какъ сестра милосердія.

Матерьялъ этотъ записывался на привалахъ, по дорогамъ, въ вагонахъ, въ лазаретахъ, часто подслушивался украдкой. На прилагаемыя сказки нельзя смотрѣть, какъ на записку строго научную. Онѣ, какъ и весь собранный Федорченко матерьялъ, есть лишь живой свидѣтель того, что въ народѣ не изсякъ источникъ творчества. — Ред.

БѢСЪ ДА ИНОКЪ.

Вышелъ Инокъ въ лѣсъ, видитъ подъ елью Бѣсъ притаился, въ пекло до пѣтуховъ не поспѣлъ. Хвостъ поджалъ, дрожитъ, какъ кутенокъ въ корытѣ. Инокъ ему и говоритъ:

— «Въ самое время тебя мнѣ Господь послалъ. Сколько хожу, ни черта не вижу, а пора ужъ мнѣ ваше чертово племя на разумъ наводить».

А Бѣсъ ему и говоритъ:

— «Вотъ ты все: «чертъ да чертъ», а поваландался-бы ты съ мое въ пеклѣ, такъ еще-бы и меня чертѣе сталъ. Давай мы такъ: на годъ съ сего часу — я въ скитъ на поправку, а ты въ пекло на испытаніе. И мнѣ, Бѣсу, пора, да и тебѣ, Иноку, не вредно будетъ».

— «Ладно», — Инокъ говоритъ. Сказано-сдѣлано: одѣлъ Бѣсъ ряску и всю одежду иноческую, да въ скитъ на поправку,

а Инокъ нагишемъ, да съ бѣсовымъ словомъ, въ пекельныя двери на испытаніе.

Вотъ прошелъ годъ, и сошлись на томъ самомъ мѣстѣ Инокъ да Бѣсъ. Бѣсъ-то въ рясѣ, голова въ маслѣ, хвостъ на подвигъ отрубленъ, глаза въ небо лупить, и, правду сказать, брюхо выростилъ. А Инокъ шерстью обросъ, волосъ въ хвостъ пошелъ, голова босая да вся въ рогахъ, глазъ у него жадный, самъ тощій, ноги до копытъ заскорузли. Вотъ Бѣсъ въ рясѣ и говорить:

— «Охо-хо, грѣхи наши тяжкіе. Да, какъ-же это ты, Инокъ, до такого образа себя допустилъ?... Миѣ за тебя что-ли молиться-то, ай, какъ?»

А Инокъ и говорить Бѣсу: «молись, — говорить, — не молись, миѣ теперь все едино. Только вотъ тебѣ мое слово, я въ скитъ больше не ходокъ. Эдакой я воли попробовалъ, да опять въ скиты бока пролеживать, ищи дурака. У васъ въ скиту что? То жаръ, то холодъ; то жратва, то голодъ; что смѣхъ, то и грѣхъ; будь дуракъ — будь разумень, на всяку думку игумень; сердись не сердись, а все молись; когда спать охота — вставай да работай, а какъ по жилушкамъ сила, — лежи словно въ могилѣ; вина не касайся, постись да кайся, такъ до смерти майся. А наше-то пекло! Круглый годокъ лѣто, въ пеклѣ свободно — думай какъ угодно, подъ уютую руку — твори грѣшникамъ муку, а съ доброго духу — хлещи вино да сивуху; играй въ карты да въ кости, ходи къ чертямъ въ гости; стань хоть черный, хоть бѣлый, что хошь, то и дѣлай: хочешь — плачь, хочешь — смѣйся. на кулачкахъ бейся, хоть стой, хоть валяйся — грѣши себѣ, не кайся. Вѣдь грѣшному-то народу дальше пекла нѣту ходу!»

Такъ и разошлись по своимъ дѣламъ: Бѣсъ въ скиты, а Инокъ въ пекло.

МѢСЯЦЪ ДА СОЛНЦЕ.

Загорѣлося молодому Мѣсяцу бѣлымъ днемъ по небу катиться: «Хочу, да и только».

Бабушка Ночка ужъ такъ его уговаривала: — «Уймись ты, внучекъ, куда тебѣ бѣлымъ днемъ свѣтитъ. Вонъ и я съ того

только и видна, что темна; а кабы я да при Солнышкѣ-то повылѣзла, — только-бы меня и видѣли. Ты глянь-ка на себя: тощій да долгій, весь въ ростъ пошелъ, изъ себя блѣдный. Сиди ты днемъ за горою, а катись ночью порою. А то выскочишь—курамъ на смѣхъ».

Да куда тамъ, и слушать молодой не хочется. — «Довольно, — говоритъ, — Солнцу пузатому на небѣ горѣть да бахвалиться; наѣло красну морду поперекъ себя шире, да и на небо, словно за стойку. Только глаза продеретъ, тутъ и все за имъ: шумъ, крикъ, пѣнье, бѣги да хлопоты, смѣхи да роботы; травы, такъ и тѣ тянуться зачинаютъ. А я то, какъ на небо выхожу — покой навожу, тишь да гладь, да Божья благодать. Развѣ что нежить разная проявляется, такъ на нежить мнѣ, Мѣсяцу, глаза не дадено, то на бабушкѣ грѣхъ».

Бабушка ему и то, и это: — «дождись ты меня, Ночки, Христа ради». И слушать молодой не хочется: «доспѣлъ я, — говоритъ, — что я маленькій, чтобы съ бабушкой ходить. Я, — говоритъ, — ему, Солнышку, покажу».

Да и выкатился, пошелъ по небу бѣльмомъ, курамъ на-смѣхъ. А Солнышко глазокъ на него скосило, да и говоритъ: «здравствуй, — говоритъ, — болѣзненный. Вотъ и умень, что выглянулъ днемъ, на Солнышкѣ погрѣнешься, можетъ, и ты раскраснѣешься. А то мѣсяць ты молодой, а хилый. Ну, грѣйся съ Богомъ, а я въ путь-дорогу».

Да и покатилося Солнышко людямъ на радость, всему на утѣху. А Мѣсяць и самъ нагрѣшилъ, и бабушку всполошилъ, да и куръ насмѣшилъ.

ПРО СВИНЬЮ ЖИРНУЮ.

Толста Свинья стала, вся пошла въ сало, пищать такъ и то перестала, а гулять ей охота пуше прежняго. Пошла Свинья къ доктору: «такъ и такъ», — говоритъ. А докторъ ей и велѣлъ травами лечиться. — «Трава, — говоритъ, — противъ сала здорова». Стала Свинья травами лечиться, съ утра до ночи травы жретъ, только сало растеть. Пошла Свинья опять къ доктору: «такъ и такъ», — говоритъ. А докторъ ей и велѣлъ водою ле-

читься. — «Сплыветъ, — говорить, — сало водицей». Стала Свинья воды пить, не выходить дѣло, отъ воды пуше разжи-рѣла. Пошла опять Свинья къ доктору: «такъ и такъ», — говорятъ. А докторъ ей велѣлъ на солнцѣ лежать. — «Стоить, — гово-рить, — тебѣ солнышко сальца съ мясца». Прележни наложилала, еще жирнѣе стала. Что дѣлать, какъ быть?.. И пошла тогда Свинья къ знахарю. А тотъ ей и говорить: — «Что-бы стала ты, Свинья, здорова, не вода тебѣ, не трава, не на солнцѣ лежанка, а кнутъ да палка, да работа до поту. Вотъ сало бы и спало».

ДѢДЪ ДА ВНУКЪ.

Жилъ дѣдъ такой работящій, ажъ черту завидно, и былъ у него внукъ молодець, въ избѣ не сидѣлъ, работать не хо-тѣлъ, не помощничалъ, а полувошничалъ. Домой только высы-паться хаживалъ, а то все — въ трактирѣ.

Долго дѣдъ терпѣлъ да уговаривалъ. — не приходитъ па-рень въ разумъ. Взяло дѣда за живое, да и чертъ съ зависти надоумилъ. И надумалъ дѣдъ такъ: «что внукъ, то дерьмо, на мнѣ ярмо, такъ вотъ-же, не будетъ того съ сего часу».

Взялъ дѣдъ все добро нажитое, и деньги, и одежду, — и въ кабакъ. И началъ дѣдъ вино распивать, да добро проживать. Сперва внучекъ-то обрадовался, компанія, молъ, прибыло, а по-томъ, какъ въ избѣ-то нетопленной, да неприбраной проспался, да увидѣлъ, что ни дѣда, ни добра, — пришелъ внукъ въ ра-зумъ. Пошелъ онъ въ трактиръ, а тамъ дѣдушка всю ночь водку пилъ да народъ смѣшилъ. Ходитъ дѣдъ по кружалу, ко-зыряется. Сталъ внукъ подъ окошко, уговариваетъ:

— «Иди, — говорить, — дѣдушка, домой, полна изба сору, какъ тебѣ, старому, не соромъ».

А дѣдъ ему: — «Былъ я до сего часу дуракъ, а теперъ не будетъ такъ. Теперъ я въ трактиръ засѣлъ, а ты что хошь, то и дѣлай».

И стало съ того часу по-новому: дѣдъ пилъ, поливалъ, а внукъ жилъ да работалъ. А чергушкѣ-то все едино, что дѣдъ, что внучекъ, — не минутъ его ручекъ.

ПѢТУХЪ ДА ГУСЫНЯ.

Заглядѣлся Пѣтухъ на Гусыню и до того одурѣлъ, что не по времени пѣть сталъ. Очень куры хлопотались, судили, рядили, Пѣтуха лечили, — не приходитъ въ разумъ. Всѣ стыдятъ:

— «Лучше бы ты, Пѣтухъ, вино пилъ».

Вотъ разъ въ такое время неподходящее заоралъ, что самому совѣстно стало. И пошелъ Пѣтухъ къ знахарю. Принесъ зерна:

— «Помоги, — говорить, — до того мнѣ Гусыня полюбилась, что солнышку пѣсни пѣть позабылъ, куры проходу не даютъ, просто житья не стало».

— «А кака-така твоя занобушка?» — знахарь спрашиваетъ.

— «Ахъ и краля-красота, собой высока, голосокъ чистый, хохолокъ сызый, носокъ-лапотокъ, глазокъ—аль цвѣтокъ, ножки красныя, перышки атласныя, грудка бѣлая, сама птичка смѣлая, какъ по травушкѣ идетъ — стебелечка не погнетъ, а ужъ сидеть на рѣку — ку-кареку!»

Видитъ знахарь, — застило Пѣтуху, напущено, и говоритъ:

— «Ну и дурной ты, Пѣтухъ! Ты на солнышко долго глядѣлъ, вотъ и осовѣлъ... Ты чего это мнѣ понаказывалъ?.. То Жарь-птица... А твоя-то любушка вся какъ есть Гусыня... Тоже красота... Собою верста, носокъ-сапогъ, у ее глазъ, — что рудой квась, грудь чалая, хохоль что мочала, голосъ, ровно груба, — сама груба, по травѣ какъ идетъ, земля подъ ней гудеть. А ужъ насчетъ кукареку-то, такъ вотъ тебѣ, Пѣтухъ, мой сказъ: «не тогда ты, Пѣтель, долженъ кричать кукареку, какъ Гусыня дура сидеть на рѣку, а долженъ ты дѣть, Пѣтель, когда красное солнце примѣтилъ!»

Застыдился Пѣтухъ и очумѣлъ съ того дня.

ПРО МЕДВѢДЯ ДА ОСИНОВЫЙ КОЛЬ СЪ ГОЛОСОМЪ.

Подружились Медвѣдь да Осиновый Коль съ голосомъ. Подружились, вмѣстѣ на охоту ходятъ. Медвѣдю-то хорошо, что

самъ помнетъ, то Колъ добьетъ, а Медвѣдь схрюскаетъ. Такъ два года охотились, на третій годъ опомнился Колъ.

— «Я, — говоритъ, — тоже хочу свое удовольствіе получить».

— «А чего тебѣ надобно?» — его Медвѣдь спрашиваетъ.

— «Да я и самъ, — говоритъ Колъ, — не знаю».

Думали-думали Колъ да Медвѣдь, ничего не придумали, одинъ дуракъ оба. И пошли они къ Ворону совѣтоваться. А Воронъ и говоритъ:

— «Нельзя, — говоритъ, — Колю никакого удовольствія получить. Коли бьетъ да не радъ, — такъ ужъ это послѣднее дѣло. У Кола на иное души не хватитъ. Медвѣдю, тому брюха вонъ сколько дадено, дави, да лопай, да радуйся»...

Какъ услышалъ такія слова Осинный Колъ, такъ до того опечалился, что и Медвѣдю башку прошибъ, да и самъ объ нее расшибся. Кончилась ихняя охота.

ПРО БЕЗРОДНАГО ЧЕРТЯКУ.

Задумалъ Безродный Чертыка: «чѣмъ я не какъ всѣ», и пошелъ на землю родню искать. Туды да сюды, не знай куды. «Пойду, — думаетъ, — до Сова, птица она ночная, можетъ и родня».

Пришелъ Безродный къ Совѣ: «Вотъ, — говоритъ, — весь я тутъ. А можетъ ты мнѣ тетка?»

Порскнула ему Сова между очей:

— «Пошелъ, — говоритъ, — на костникъ, я хоть и ночная, да развѣ такая. Я мышву ловлю, а душъ не гублю».

Вотъ Безродный и думаетъ: «пойду-ка я къ Медвѣдю, онъ тепло любитъ, можетъ и родня». Пришелъ Чертыка къ Медвѣдю: «вотъ, весь я тутъ, можетъ ты, Медвѣдь, мнѣ дядя?»

Какъ вызвѣрится Медвѣдь: «проваливай чертовъ сынъ, а то шкуру обдеру. Я хоть и въ шубѣ, а ты души губишь».

Чертыка и думаетъ: «пойду-ка я къ Волку, онъ лютый, можетъ и родня». Пришелъ къ Волку: «вотъ, — говоритъ, — весь я тутъ, можетъ ты мнѣ братецъ».

Какъ зашелкаетъ на него Волкъ зубами:

— «Пошелъ къ черту, — говоритъ, — а то раздеру. Я бить-то бью, а душг не гублю, мнѣ чертъ не брать».

Куда Чертякъ идти, коли все звѣрье доброе?.. Смотритъ Безродный, Мужикъ дрова беретъ. «Дай, — думаетъ, — ради смѣха попытаю». «Здравствуй, — говоритъ, — Мужичекъ, зоть весь я тутъ, можетъ ты мнѣ батюшка родный?»

А Мужикъ подумаль-подумаль да и спрашиваетъ:

— «Ты что-же, бастря безродная что-ли будешь?» — «А вродѣ того», — Чертяка говоритъ.

А Мужикъ подумаль-подумаль да и спрашиваетъ:

— «А деньги у тебя, Чертяки, есть?»

А Безродный ему: «этого-то добра у меня полна гора».

Какъ обойметъ Мужикъ Чертяку, да какъ заголоситъ: «сыночекъ ты мой родненькй, хоть ты и съ рогами, да съ деньгами, хоть ты съ хвостомъ, — буду тебѣ отцомъ»... Такъ и зажили.

КОБЫЛА ДА ЧУЧЕЛЬ.

Выгналъ Мужикъ Кобылу осенью на горохово поле, сухова стебелька пожевать да вольнымъ духомъ подышать. Выгналъ, и пошелъ себѣ. Осталась Кобыла одна, а Кобыла что баба: съ собою, что съ тоскою. Заскучала Кобыла, глядь, кто-то стоитъ, шапка да рубаха, рукавами машетъ. Кобыла и спрашиваетъ:

— «Ты кто такой будешь?»

— «Я-то. Чучель славный, сторожить поставленъ, рукавомъ машу, горохъ сторожу, да въ эдакую пору ни гороху, ни вору. Совсѣмъ я Чучель съ тоски сохну, вѣрно скоро подохну».

Кобыла, что баба: свой хозяинъ ворогъ, а чужой. Чучель, дорогъ. Зажалѣла Кобыла Чучела: «не тоскуй, — говоритъ, — Чучелокъ, давай дружитья. У меня въ углу второй годъ семишникъ лежитъ, сѣда крыса его сторожить. Возму я тотъ семишникъ, овсеца куплю, вокругъ тебя разсыплю, сторожи съ Богомъ».

Сказано-сдѣлано, зарадовался Чучель, на вѣтру пляшетъ,

рукавами машеть, кругомъ грозитъ. Да не долго его радостей было. Кобыла, что баба: сегодня ты у ней царь, а на утро сталь псарь.

— «Больно, — говорить, — ты Чучель поганый, да и мнѣ сухой стебель-то поднадоѣлъ. Семь-ка я овсеца съѣмъ».

Сказано-сдѣлано, и овесъ Кобыла слопала, да и Чучела колытомъ ухлопала. Кобыла что баба: у ней дружба, пока ей нужно, а не нуженъ сталь — и ступай къ чертямъ.

МУЖИКЪ ВЪ ПЕКЛѢ.

Удавился разъ Мужикъ отъ злой жены, попалъ прямо въ пекло и сталь тамъ спать пристраиваться. Только было въ уголку притихъ, подскочилъ къ нему Бѣсъ и спрашиваетъ:

— «Зачѣмъ, Мужикъ, въ уголъ забился?»

— «Я, — говорить Мужикъ, — отдыхать собираюсь».

— «Ахъ, ты дурной Мужикъ, да развѣ въ пекло на отдыхъ идуть? Дуракъ ты, я вижу».

— «Самъ дуракъ, — говорить Мужикъ, — по своей я охотѣ что-ли въ пекло попалъ? Не знаю какъ и вышло, только удавился, ахъ и въ пеклѣ. Ну прощай, братъ, мнѣ спать пора».

— «Нѣтъ, братъ, — Бѣсъ ему, — коли дома набаловаль, такъ на вилы пожалуй, а не спать. Здѣсь тебѣ не палати».

— «Чертъ ты, прости Господи, — говорить Мужикъ, — а все дуракъ дуракомъ. Да кабы мнѣ не палати, такъ развѣ сталь бы я, Мужикъ, давиться?»

Взяло Бѣса за живое, — «разскажи да разскажи». Мужикъ и говоритъ: — «разсказать-то я разскажу, только ты, опосля того, сдѣлай милость, отпусти меня на вольный духъ поспать на покоѣ». — «Ладно», — Бѣсъ ему.

— «Вотъ дѣло какое было, — говорить Мужикъ, — жена у меня, баба гладкая, а лютая. Сяду — встань! Встану — сядь! Скажу слово — дуракъ! Молчу — телепень! Ъсть стану — дармоѣдь! Не поѣмъ — зазнался! Не пью — телокъ! Напьюсь — чертокъ! Такъ мы съ ней душа въ душу жили, только я на лавкѣ сплю,

а жена на печи. И посовѣтовала мнѣ бабушка одна: «сруби, — говорить, — ты палати, да и спи съ бабой вмѣстѣ, тогда и поладите». — «Хорошо, срубилъ я палати на всю избу. И пошелъ у насъ съ женой кажинную ночьку смертнѣй бой. Днемъ языкомъ, ночью скалкою. Я и удавись, да въ пекло. До того я обрадовался, что жены тутъ нѣту, вотъ, думаю, выплюсь. А тутъ на грѣхъ ты и прицѣлился».

Зажалѣлъ Бѣсъ Мужика:—«спи,—говорить,—болѣзньный. Тебѣ въ пеклѣ-то ровно въ колыскѣ». Накрылъ Бѣсъ Мужика коужомъ, а опосля и на вольный духъ вывелъ.

ФАБРИЧНЫЙ МУЖИКЪ.

Зажилъ фабричный Мужикъ и вѣру потерялъ. — «Нѣту, — говорить, — ни Бога, ни черта, а есть одна машина, да при ней работа до поту». Ему и такъ, и эдакъ, — ничего не слушаетъ. — «И такъ проживу, — говорить, — да еще и вашего веселѣе, мнѣ грѣхъ въ орѣхъ, а винцо на радость». И пилъ, и пилъ, и до того допилъ, что глянулъ на себя, а на немъ чертей тьмы-тьмушцѣ!

Очухался. — «Въ черта, — говорить, — я вѣрю теперя, а вотъ насчетъ Бога — не согласенъ». И опять почалъ жить да грѣшнить, и до того догрѣшился, что помирать пора. Легъ на лавку, сталъ помирать. Собрались вокругъ него черти, конца дожидаются. И слышитъ Мужикъ — одинъ бѣсъ говорить: — «Скоро готовъ будетъ, мы его и добудемъ». А другой говорить: — «Такого-то добыть легко можно, онъ Мужикъ безбожный». А третій и говорить: — «Вотъ вчера сосѣдъ померъ, такъ это совсѣмъ не тотъ номеръ, — другой день, на немъ смертна сѣнь, самъ нашъ старшой въ ногахъ, а не взять никакъ. И грѣшилъ въ свою мѣру, да больно крѣпокъ вѣрой».

Услышалъ Мужикъ, что черти, такъ и тѣ въ Господа вѣруютъ, сталъ было каяться, да не успѣлъ, померъ, а черти его и забрали.

КАКЪ ВОРОНА ЗА КУРИЦУ СЛУЖИЛА.

Надоѣло Воронѣ воронье житье, она и думаетъ: — «Птица я работающая, своими трудами живу, пѣсни пою, а нѣту мнѣ хорошей жизни. Вонъ Курица, развѣ это птичье сѣмя? Только что въ перьяхъ. Летать не можетъ, голосу нѣту, одно дѣло — яйца носить да ахать. А житье у ней сладкое, и корму сыплютъ, и воду льютъ, да еще и по ночамъ стерегутъ».

И пошла Ворона къ Хозяину, говоритъ: — «Возьми ты меня, Хозяинъ, за курицу служить». Хозяинъ взялъ. Собралась Ворона со своего гнѣзда, въ курятникъ пришла, на насѣстѣ усѣлась, пѣсни запѣла, — такого накаркала — куры перетряслись, яйца повыронили, кочетъ, такъ тотъ со страху голосу лишился, а ужъ малые цыплята горошкомъ посыпались. Ворона и думаетъ: — «Со всѣми я курами посидѣла, пѣсни попѣла, пойду-ка я во дворъ, похожу, на всѣхъ погляжу, себя покажу, какая я птаха». Вышла Ворона, а отъ нее всѣ — въ ворота. Ворона и думаетъ: — «Сейчасъ хозяинъ корма подсыплетъ, тутъ и пойдетъ самое житье куриное».

Пришелъ Хозяинъ, зерна кинулъ. Приглядѣлась Ворона — чистыя зернышки, ни мясца, ни косточки. Пошла Ворона въ курятникъ, яйца повыпила, цыплятъ повыбила. Какъ погналъ ее Хозяинъ палкой, а Хозяйка скалкой. Обидѣлась Ворона: — «Развѣ это дѣло, — говоритъ, — чѣмъ я Хозяину не курица? На насѣстѣ я сидѣла, пѣсни я пѣла, по двору ходила, компанію водила, кабы еще пожила, такъ и яицъ бы нанесла. А Хозяинъ-то что? Курь-то накормилъ, а мнѣ, Воронѣ, ноги перебилъ, стала я, Ворона, больна-нездорова. Кабы мнѣ, Воронѣ, не ность, да не крылья, совсѣмъ-бы я, Ворона, сгибла. Не стану я Курицей служить, а стану я по-старому жить».

И зажила по-старому.

ПРО КУПЦА ДА ЯГОДКУ.

Городи-загораживай, ворожи-завораживай, что сказка, то и начало. Выросла тростина, выцвѣла Малина, ягода лѣсная, сладкая. Неиди, не дыши, стой-сторожи!..

Вдѣтъ богатый Купецъ, притомило Купца солнышко, съ коня бы подъ пенекъ, да соснуть часокъ. Глядь,—Ягода-Малина. Загорѣлось Купцу: «сорву да съѣмъ». Онъ рукою хватъ да по пустому мѣсту. А сбочку — мохнатый лѣшій.

— «Я, — говорить, — все не видать, а тутъ показался, ты Купецъ эдакой-то Ягодой не насладишься, а подавишься. То не Ягода, а дѣвица, а я вотъ ее сторожъ, лѣсомъ приставленъ, который годокъ сторожу, пора Ягодкѣ замужъ. Коли женишься — бери».

— «Экой какой ты чудной, — говорить Купецъ, — я то женюсь, да какъ жениться-то? Больно не подходитъ».

— «А ты, Купецъ, зря не регочи, а дай честное обѣщаніе, да и ѡшь Ягодку съ Богомъ. Только знай, коли обидишь жену, помреть она, а тебя все лѣсное кинеть: ни въ ротъ, ни въ руку, ни за спину, ни вокругъ себя. Что ни дерево, то ворогъ».

А Купецъ знай смѣется: «хорошо», — говорить. Съѣлъ, вкусная Ягода, да и поѣхалъ себѣ.

Домой приѣхалъ, глядь, у его избы дѣвица наряженная стоитъ, а купцовы отецъ съ матерью не нарадуются: и работница-то, и красавица-то, и покоршая, — не дѣвица, а малина.

Женился Купецъ, хорошо зажилъ, а потомъ по дѣламъ купеческимъ уѣхалъ, да гдѣ-то другую кралю и обласкалъ. Какъ о томъ жена дозналась, только загосковала и вскорѣ померла. Обрядили покойницу, въ гробъ положили, а гробъ и зацвѣлъ цвѣтами. А ужъ на могилкѣ-то, точно въ раю цвѣты повысыпали, да все небывалые. Словно — святая похоронена.

А Купцу послѣ того ни встать, ни сѣсть. Ложка ротъ дереть, лавка подваливается, полы разступаются. Житья не стало, пошелъ Купецъ давиться. Веревка змѣемъ вьется, жалить, а въ руки не дается. А сукъ нашель, да на шерсти прицѣпился, такъ сукъ подъ нимъ разъ десять подламывался, пока не надоѣло. Ужъ и такъ Купецъ, и эдакъ, — никакъ не выходитъ.

Насилу-насилу утопился, да и то ни ко дну — ни къ берегу, вездѣ трава, да деревца. Ужъ Богъ послалъ, — рыбки сплвали!...

ПРО КОРОВУ БОДУЧУЮ.

Была у Мужика Корова бодучая, ни отъ нея молока, ни отъ нея телка. Знай по соломя ваяется да бодается.

И надумалъ Мужикъ Корову къ иному дѣлу приспособить. Повелъ Корову на лужокъ, муравую покормить, ключевой водой напоить, чисто обмыль, сѣнца подвалиль, и говорить:

— «Коровушка-Буренушка, будь ты мнѣ, Мужику, другомъ, а инымъ людямъ ворогомъ».

И палъ той ночью на коровій хлѣвокъ сѣрый волкъ. Какъ возьметъ волка Корова, да въ оба рога, и жизнь отняла, и шкуру сняла, на утро Мужику отдала. Обрадовался Мужикъ, опять повелъ Корову на лужокъ, муравой накормить, ключевой водой напоить, чисто вымыль, сѣнца подкинулъ и говорить: «будь ты, Корова, ворогамъ нездорова, а со мной, Мужичкомъ, будь ты вѣрнымъ дружкой».

И забрался той ночью въ коровій хлѣвокъ воръ-мужичекъ. Какъ приняла Буренка того вора, да во всѣ роги, не нашель воръ дороги, еле-еле удралъ, полну кошну денегъ утерялъ. На утро Мужикъ въ хлѣвъ пришелъ, кошну и нашель. Обрадовался Мужикъ, повелъ оячь Корову на лужокъ, накормилъ муравую, напоилъ водою ключевою, чисто вымыль, сѣнца подкинулъ, да и говорить: «будь ты мнѣ, хозяину, на утѣху, а ворогамъ на посмѣху».

И забрался той ночью въ коровникъ чертяка здоровый. Какъ приняла его корова въ рога, поотбила дьяволу бока, намяла, нахлопала, ногами оттопала. Кабы была въ дьяволѣ душа, такъ душа-то бы отошла. Да еще и хвостъ у дьявола откусила, а въ хвостѣ и была вся сила. Какъ тѣмъ хвостомъ повертишь, сейчасъ придутъ черти, да что велишь-захочешь, то и схлопочуть.

На утро Мужикъ пришелъ, чертовъ хвостъ нашель, да какъ раскусилъ Мужикъ въ чемъ дѣло, — хвостомъ и завертѣлъ!... Набилоса чертей полонъ домъ, — поднялась суета-содомъ, и то Мужикъ велить, и того хочеть, — а черти ему все хлопочуть. Набралась чертей сила, про Корову Мужикъ и забыль. Ни корму, ни питья, не стало Коровѣ житья!.. Терпѣла Корова, терпѣла,

а потомъ ей и надоѣло. Какъ пошла она бодаться рогами, какъ пошла она лягаться ногами, всѣхъ чертей разогнала, Мужика въ землю подмяла. «Коли я тебѣ, — говоритъ, — дружокъ, такъ води меня на лужокъ, корми муравою, пои водой ключевою, оботри соломой, да и веди до дому. А то больно сы, Мужикъ, зазнался, какъ съ чертями спознался, а гдѣ грѣхъ, — тамъ и черти».

Да и забодала Мужика до смерти.

Софья Федорченко.

---

* * *

Пожирающій огонь — мой конь.
Онъ копытами не бьетъ, не ржетъ.
Безъ мой конь дохнулъ — родникъ не бьетъ,
Гдѣ мой конь махнулъ — трава не растеть.

Охъ, огонь — мой конь — несытый ѣдокъ!
Охъ, огонь — на немъ — несытый ѣдокъ!
Съ красной гривой свились волоса...
Огневая полоса — въ небеса!

* * *

Чердачный дворецъ мой, дворцовый чердакъ!
Взойдите. Гора рукописныхъ бумагъ...
Такъ. — Руку! — Держите направо, —
Здѣсь лужа отъ крыши дырявой.

Теперь полюбуйтесь, возсѣвъ на сундукъ,
Какую мнѣ Фландрію вывелъ паукъ.
Не слушайте толковъ досужихъ,
Что женщина — можетъ безъ кружевъ!

Ну-съ, перечень нашихъ чердачныхъ чудесъ:
Здѣсь насъ посѣщаютъ и ангелъ, и бѣсъ,
И тотъ, кто обоихъ превыше.
Не долго — вѣдь съ неба на крышу!

Вамъ дѣти мои — два чердачныхъ царька,
Съ веселою музой моею, — пока
Вамъ призрачный ужинъ согрѣю, —
Покажутъ мою эмпирию.

— «А что съ Вами будетъ, какъ выйдутъ дрова?»
 — Дрова? — Но на то у поэта — слова
 Всегда — огневья — въ запасѣ!
 Намъ нынѣшній годъ не опасень...

Отъ вѣка поэтовъ корки черствы,
 И дѣла намъ нѣту до красной Москвы!
 Смотрите: отъ края — до края —
 Вотъ наша Москва — голубая!

А если ужъ слишкомъ поэта дойметъ
 Московскій, чумной, девятнадцатый годъ,
 Что-жь, — мы проживемъ и безъ хлѣба!
 Недолго вѣдь съ крыши — на небо.

* * *

Есть колосья тучные, есть колосья тощіе.
 Всѣхъ равно — безъ промаху — бьетъ Господень цѣпъ.
 Я видала нищаго на соборной площади:
 Сто годовъ безъ малости, — а просилъ на хлѣбъ.

Борода столѣтняя! — Чай забылъ, что смолоду
 Есть бѣда насущнѣе, чѣмъ насущный хлѣбъ.
 Ты на старость, дѣдушка, проснись,
 Я — на молодость!
 Всѣхъ равно — безъ промаху — бьетъ Господень цѣпъ!

* * *

Благодарю ежедневный трудъ,
 Благодарю еженощный сонъ.
 Господню милость — и Господень судъ,
 Благой законъ — и каменный законъ.

И пыльный трауръ свой, гдѣ столько дыръ!
 И пыльный посохъ свой, — гдѣ всѣ лучи!
 — Еще, Господь, благодарю миръ
 Въ чужомъ дому — и хлѣбъ съ чужой печи!

Мысли о творествѣ.

ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНІЯ И ЗАРЯ НОВОЙ ЖИЗНИ.

Возрожденіе — весна, Возрожденіе — солнечный праздник, Возрожденіе — расцвѣтъ каждаго я, хотящаго жить и смотрѣть на міръ жадными раскрытыми глазами, торжество творческой прихоти, воскресеніе духа и тѣла, равноправіе души и тѣла, непѣвная одухотворенность тѣлеснаго и тѣлесная четкость духовнаго.

Возрожденіе — весна, а въ какой день начинается весна, никогда никому неизвѣстно, хотя у насъ есть мѣсяцесловъ и опредѣленный дѣленія года. Весна иногда прилетаетъ въ студеную зиму, посвѣтитъ теплымъ Солнцемъ, пожурчитъ нѣсколькими ручейками оттепели, пропоетъ пѣсней красногрудаго снигиря, и снова улетитъ куда-то надолго, передъ тѣмъ какъ зазеленѣтъ апрѣлемъ и расцвѣсти маемъ. Но эта весна въ зимѣ все-же была, пусть она длилась лишь нѣсколько часовъ. И также бываетъ всегда обратно: Въ царствѣ горъ внизу въ долинахъ цвѣтеть черемуха, цвѣтутъ золотые и красные цвѣты, а на вершинахъ вѣчно безмолвіе одноцвѣтнаго снѣга, и все-же это весна, и все же это зима въ веснѣ.

Это простое явленіе рѣдко помнятъ историки, когда они пишутъ свои тяжеловѣсныя книги. Искусственны историческія разграниченія и раздѣленія исторіи на эпохи. Никакая эпоха не начинается и не кончается въ опредѣленный день, всѣ онѣ переливаются одна въ другую, и каждая эпоха залетной весной или самоограниченной вьюгой много разъ возникала въ другія эпохи, отмѣченныя другими именами.

Когда говорятъ о Эпохѣ Возрожденія, обычно разумѣютъ освобожденіе личности отъ узъ средневѣковаго аскетизма и мрачной церковности, духовное раскрѣпощеніе человѣка, возвращеніе къ радости жизни, гуманистовъ, работавшихъ надъ воз-

становленіемъ въ сознаніи Древняго Міра Римскаго и Эллинскаго, великихъ художниковъ и ваятелей 14-го и 15-го вѣка. Миѣ кажется, что Возрожденіе началось гораздо раньше. Когда называютъ львино-орлиное имя Леонардо да Винчи, или вызываютъ упоминаніемъ призраки титаническихъ созиданій Микель Анджело, я чувствую все величіе и подлинность понятія Возрожденіе, но миѣ хочется сказать, что Данте — имя еще болѣе лучезарное, и онъ былъ раньше, чемъ святой Францискъ Ассизскій, родившійся въ 1182-мъ году, былъ вѣстникомъ Эпохи Возрожденія, что Французскіе и Провансальскіе трубадуры вмѣстѣ съ Грузинскимъ пѣснопѣвцемъ Руставели были творцами Возрожденія въ самомъ достовѣрномъ смыслѣ этого слова. Миѣ говорятъ, что Данте поэтъ Средневѣковья. Я говорю: Нѣтъ. Ибо Средніе вѣка презирали женщину, считали ее союзницей Дьявола, и утверждали, что только мужчина созданъ по образу Божію. Средніе вѣка говорили, что женщины, ведущія пляску, носятъ на шеѣ своей колокольчикъ Дьявола, который слѣдитъ за ними своими глазами, какъ въ стадѣ корова, носящая на шеѣ колокольчикъ, указываетъ пастуху, гдѣ находится ея подруга. А Данте въ своей безсмертной книгѣ «Vita Nuova» показалъ человѣческому сердцу новую дорогу, научилъ его любить благородно, вознесъ женскій ликъ, окруживъ Беатриче почти божескими почестями. И въ «Божественной Комедіи», въ исполинской поэмѣ Ада, Чистилица и Райа, мужчина, Вергилій, водить Данте по Аду, а въ Рай его ведетъ женщина, Беатриче. И если помнить, что люди Эпохи Возрожденія являютъ многообразіе творческой личности и введеніе въ свои созданія яркихъ элементовъ новизны и смѣлости, нельзя не видѣть, что Данте есть воплощеніе величія личности. Человѣкъ трехъ міровъ, доступныхъ въ этой жизни лишь гению и провидцу, онъ ихъ посѣтилъ. Высочайшій поэтъ, онъ пожелалъ быть гражданиномъ своей родины, дѣйственнымъ воиномъ ея, простымъ солдатомъ, нищенствующимъ изгнанникомъ. И хоть онъ обладалъ знаніями своего времени, — создавая свою поэму, онъ одѣлъ напѣвную мечту не въ пышную Латынь, недоступную для народа, а избралъ именно народный языкъ, бывшій тогда еще неопытнымъ нарѣчіемъ, скромнымъ *vulgate*, языкомъ черни, и тѣмъ совершилъ чудо пресушествованія, создалъ вѣкамъ Итальянскій языкъ, сладчайшій изъ Европейскихъ языковъ.

Францискъ Ассизскій, одинъ изъ самыхъ раннихъ перво-творцовъ этого языка, пропѣлъ «Canto del Sole», «Пѣснь къ Солнцу». Солнце ему братъ, и братъ ему вѣтеръ, сестры ему земля и вода, весь міръ есть великое братство людей и стихій, братья — свѣтила, и звѣри и птицы, и все, что живетъ и дышетъ. Что есть Францискъ Ассизскій? Личность противъ Церкви, какъ холоднаго умственнаго зданья, личность, вышедшая изъ душныхъ подземелій на Солнце, къ веснѣ, къ возрожденію,

къ любви, къ всеобъемлющей духовной вселенской ласкѣ, превращающей того, въ чьемъ сердцѣ она загорится, въ солнечный свѣтильникъ, въ нечеловѣчески-богатую эфирную среду, черезъ которую въ звѣздной пляскѣ бѣгутъ міры и столѣтія.

Боккачіо и Петрарка — достаточно выразительные дѣятели Эпохи Возрожденія, но, если Боккачіо написалъ много красивыхъ сказокъ, и явилъ много прелестныхъ женскихъ образовъ, тотъ же самый Боккачіо былъ женоненавистникъ, какъ женоненавистникомъ былъ и Петрарка, хотя онъ создалъ чарующій ликъ Лауры. А жившіе за нѣсколько столѣтій до нихъ трубадуры и пѣвецъ Руставели видятъ женщину всегда только въ свѣтломъ ликѣ, называя женщину — Красивое Зеркало, Магнитъ, лучше чѣмъ Владычица, Красивая Радость, Солнце, — и въ утвержденіе полноправнаго равенства мужской и женской души говоря: — Ужь когда въ пещерѣ львята, — львица, левъ — вполнѣ равны.

Такое пониманіе женскаго лика ближе къ человѣческому достоинству и болѣе умѣстно въ рамкѣ такого высокаго понятія, какъ Возрожденіе.

Быть можетъ, для правильнаго разсужденія нужно прибѣгнуть къ тому способу опредѣленія понятія Возрожденія, которое мы находимъ въ богословской литературѣ. А именно: Понятіе Возрожденія весьма близко къ понятію благодати. Это завершенный шагъ, сливающийъ воедино два нераздѣльные состоянія, оправданіе и освященіе. Оправданіе человѣка, невмѣненіе ему грѣха. Зло есть, и манитъ, и чаруетъ, но оно скользитъ по внѣшней части круга, а не составляетъ его средоточія. А весь кругъ мчится туда, куда влечетъ его верховная Свѣтлая Сила.

Сбросивъ навязанное вѣками бремя грѣха, человѣкъ дышетъ свободно, онъ выпрямляется во весь свой ростъ, онъ строенъ, красивъ, и высокъ, онъ силенъ и высокъ, какъ Давидъ Микель Анджело, онъ много выше, чѣмъ Давидъ Микель Анджело, высота его духа роднитъ его съ птицами и звѣздами, ставитъ передъ Леонардо да Винчи всѣ загадки, которыя мучаютъ человѣческой умъ, внушаетъ Леонардо да Винчи такіе замыслы, которые смогли вполнѣ осуществиться только черезъ 400 лѣтъ. Плавать подъ водой и крылато плавать въ воздухѣ.

Цѣлую тысячу лѣтъ отъ начала нашего лѣтосчисленія человѣческой духъ влачилъ этотъ камень грѣха, и, смотря на міръ тускло и слѣпо, ждалъ пришествія Царства Божія. Но Царство Божіе не пришло. И какъ не пришло небесное Царство Божіе на землю, такъ точно и земной Иерусалимъ оказался ускользающей задачей безплодныхъ предпріятій. Пожалуй, предпріятій далеко не безплодныхъ. Иерусалимъ остался въ рукахъ

невѣрныхъ. Но попутныя страны, и новое небо, и красивыя новыя лица, и ткани, и цвѣты, и цвѣта, и благовонія упоили странниковъ, и они вспомнили, что Земля прекрасна, и что жизнь съ красотой плѣнительна.

Магометъ проклялъ изображенія существъ и сказалъ: — «Ты изобразишь существо, а оно потомъ явится въ день Суда и скажетъ: Ты меня изобразилъ, но души мнѣ не далъ». Совершенно такъ же и Отцы Христіанскіе говорятъ: «Да будутъ прокляты тѣ, которые создаютъ рукой своей изображенія». Но художникъ, но человѣкъ съ проснувшейся душой, раскрытой къ красотѣ Природы, не послушался такихъ запретовъ, и толпы художниковъ, своевольныхъ и своенравныхъ, наполнили города и села творческими изображеніями, озаренными свѣтомъ торжествующей благодати, погашающей тѣнь грѣха, изображеніями, говорящими душѣ о веснѣ, когда въ возрожденномъ тепломъ воздухѣ возникаютъ самыя страстные и въ страсти самыя невинныя поцѣлуи. Природа не захотѣла больше быть въ изгнаніи. Она усмѣхнулась и вошла всюду, гдѣ ей захотѣлось, сдѣлавъ даже церковныя иконы весело радостными. Вмѣсто мертвой мозаики, гдѣ всѣ фигуры воплощаютъ застывшій судъ, возникаетъ любящая Мадонна Чинабуэ съ слегка наклоненной головой, точно она прислушивается къ людскимъ голосамъ. Вмѣсто одноцвѣтнаго золотого слѣплого фона за ликами Джотто возникаетъ пейзажъ. Темная заслона Земли и золотая заслона Неба одинаково отступаютъ и падаютъ, ибо въ мірѣ повѣяла весна и зачался разсвѣтъ. Принимая разнообразнѣйшіе лики и вставая прихотливѣйшими изображеніями, Природа уже не отступить отъ души художника, и будетъ присутствовать во всѣхъ его созданіяхъ. То какъ бѣлыя птицы и проворныя зайцы на волшебной картинѣ Пизанелло, видѣніе святаго Евстафія, увидѣвшаго распятіе между развѣсистыми рогами оленя, то какъ тяжелые кони Паоло Уччелло, плѣбнаго перспективой и влюбленного въ рѣдкихъ птицъ, то какъ бѣлобокая сорока на мшистой крышѣ въ картинѣ Піэро делли Франческа, гдѣ надъ лежащимъ между травъ избраннымъ ребенкомъ, будущимъ водителемъ совѣстей и столѣтій, красивыя дѣвушки играютъ на мандолинахъ, то какъ голубые гроты Леонардо, то какъ женскія легкія тѣла, просвѣчивающія черезъ воздушныя ткани Боттичелли, то какъ грозное, вихремъ схваченное, Небо Микель Анджело, исполненное магнитныхъ вліяній, грозное пространство, по которому мчится Міротворящая Сила.

Человѣкъ вновь сдѣлался самимъ собой. Человѣкъ рѣшилъ жить въ жизни и являть изъ себя многосложную полноту достижений. «Я сдѣлался самимъ собой», говоритъ Понтано. «Человѣкъ созданъ для самого себя», говоритъ Латини. «Жить рѣшительно», говоритъ Аретино. «Кто развиваетъ свои личныя

способности, тотъ достаточно оказываетъ услугу государству», говоритъ Альберти. О достоинствѣ человѣка пишетъ въ началѣ 15-го столѣтія Манетти, о достоинствѣ человѣка пишетъ въ концѣ столѣтія Пико делья Мирандола. Личность торжествуетъ свой расцвѣтъ, и въ Италіи Возрожденія возникаетъ орлиный выводокъ гениевъ, изъ которыхъ каждый умѣетъ глядѣть на Солнце, не мигая, и умѣетъ расцвѣсти могучимъ многоцвѣтнымъ деревомъ, и умѣетъ схватиться съ врагомъ, если это нужно, и если даже этого не нужно, какъ всегда бывало съ бѣшенымъ Бенвенуто Челлини, воплотившимъ въ себѣ все своеволие безпреграднаго. Человѣкъ Возрожденія завоеватель новаго, всегда хранящій свой ликъ побѣднымъ. Франческо Сфорца получилъ отъ своего отца три совѣта: «Не смотришь жадно на жену подчиненнаго, не наносишь никому чрезмѣрнаго удара, и никогда не садиться на лошадь, которая закусываетъ удила». Осуществляя такіе гармоническіе совѣты, въ бѣлой тогѣ, онъ вступилъ въ Миланъ, несомый народомъ, отъ котораго онъ получилъ мечъ, скипетръ, знамя, ключи и печать. Современники описываютъ, что въ 60 лѣтъ онъ казался на конѣ юношей, что онъ былъ высокъ и величествененъ, что онъ казался среди своего времени единственнымъ, и не было ничего, чѣмъ бы, сильно того желая, онъ не овладѣлъ. Это — образъ каждаго гениа Возрожденія, изъ нихъ любой въ своемъ блескѣ кажется единственнымъ.

Судьба съ явнымъ умысломъ дала имя Льва двумъ самымъ выразительнымъ гениямъ Возрожденія. Имя Альберти—Леоне, имя Винчи—Леонардо. Это — существа, хватка которыхъ безошибочна. Зодчій и первый писатель по основнымъ вопросамъ искусства, Альберти сказалъ: «Чѣмъ большимъ числомъ лучей ты пользуешься при зрѣніи, тѣмъ больше представляется тебѣ видимое». И онъ окружилъ себя лучезарностью. Не только онъ охватилъ своей мыслью всю область искусствъ, но и самъ былъ прекраснымъ художественнымъ созданіемъ. Онъ умѣлъ владѣть оружіемъ, былъ превосходнымъ всадникомъ на конѣ, игралъ на музыкальныхъ инструментахъ, радовался наукамъ, какъ драгоценнымъ камнямъ и ароматнымъ цвѣтамъ, упражнялся въ бѣгѣ, и, какъ древній викингъ, могъ перепрыгнуть черезъ человѣка, своей рукой могъ такъ сильно подбросить серебряную монету, что бывшіе съ нимъ въ храмѣ ясно слышали, какъ она ударилась о сводъ, самыя дикія лошади дрожали подъ нимъ, похинаясь, — умѣлъ покорить себя, и, если чего не зналъ еще, учился жадно у всѣхъ, у художниковъ, ораторовъ, ремесленниковъ, сапожниковъ, — если хворалъ, что было рѣдко, пѣніемъ побѣждать недугъ, и, говорятъ, въ его распоряженіи былъ демонъ, черезъ котораго онъ сразу опредѣлялъ людей. Леонардо да Винчи, всего болѣе знаменитый, какъ живописецъ, ставилъ живопись выше всѣхъ искусствъ, и говорилъ, что живопись

внучка Природы и родственница Бога. Но онъ былъ такъ же зодчимъ, военнымъ инженеромъ, анатомомъ, ботаникомъ, биологомъ, основателемъ биологiи, и, изучая полетъ птицъ, онъ столько сдѣлалъ для разработки идеи аэроплана, что, какъ говоритъ Бельтрами, если-бы Леонардо могъ на минуту очутиться среди нашихъ Райтовъ, Вуазэновъ, Фармановъ и Блэрю, онъ, несмотря на свое четырехвѣковое старшинство, чувствовалъ бы себя въ родной семьѣ, и передъ волшебнымъ зрѣлищемъ плавнаго полета аэроплана на лицѣ его отразилось бы чувство удовольствiя, но не удивленiя.

Природа любитъ тѣхъ, кто ее любитъ, и она открываетъ свои тайны и талисманы тѣмъ, кто хочетъ ее сокровищъ. Природа не дѣлаетъ при этомъ нашихъ различiй и раздѣленiй, и вмѣстѣ съ хотѣньемъ, какъ огнемъ побуждающимъ, она бросаетъ свои дары одинаково и сыну знатнаго и сыну незнатнаго. И когда хотѣнье достиженiй овладѣваетъ цѣлой эпохой, это видно особенно четко. Учелло — сынъ цирюльника, Липпо — сынъ мясника, Аретино — сынъ сапожника, великiй Джотто былъ пастухъ. Для избранника Природы, который хочетъ, нѣтъ предѣла и грани. Маленькому Себастиану Баху, которому было нужно украсть изъ шкафа завѣтную нотную тетрадку, помогла Фея луннаго луча. Флорентiйскому поваренку Люлли помочь добрый духъ гитары, который привелъ его и къ скринкѣ, и сдѣлалъ виртуозомъ. Къ Тартини, когда онъ спалъ, явился самъ Дьяволъ, и такъ неправдоподобно и ловко игралъ на скринкѣ, что вотъ и сегодня еще этотъ сонъ можетъ снова присниться. И Генiй весны владѣлъ всей душою Доменико Скарлатти, когда музыкантъ, сынъ музыканта, основатель сонаты и сынъ создателя арии, онъ писалъ такую изящную музыку, исполненную полета бабочекъ и журчанья ручья, что свѣтовые перепархивающiе его звуки иногда можно слышать даже у нашего альфа, Скрабина.

Торжествующая Природа и пробужденная Личность, вотъ два свѣтильника, два уводящiе факела, озаряющiе Возрожденiе и говорящiе о Новомъ Времени, о Новомъ Человѣкѣ. Эти два свѣтильника вели Колумба, Генуэзца, ставшаго Испанцемъ, когда, овлѣянный дыханьемъ Моря, онъ сталъ побѣдителемъ пространства и разгадалъ загадку Океана. Это пламя владѣло Кортесомъ, когда, исполненный любви къ невозможному, съ кучкой воителей, которыхъ каждую минуту нужно было превращать изъ разбойниковъ въ героевъ, онъ, воплощая торжество отдѣльной воли надъ тысячею препятствiй, завоевалъ Мексику, явился человѣкомъ, побѣдившимъ цѣлое царство. И тотъ же огонь горѣлъ въ Сервантесѣ, когда, поэтъ, онъ бился за родную Испанiю, и раненый снова звалъ солдатъ на приступъ, и въ плѣну у Мавровъ, силой честной души и силой глазъ сво-

ихъ, не позволилъ себя казнить, и, будучи своими соотечественниками посаженъ въ тюрьму, написалъ «Донъ Кихота», книгу, являющуюся одной изъ трехъ книгъ которыя читають всего больше на Земномъ Шарѣ. Тѣмъ же яркимъ пламенемъ горѣлъ Кальдеронъ, когда въ драмѣ «Жизнь есть Сонъ» онъ заставилъ говорить Человѣка съ Богомъ, и Шекспиръ, когда изъ конюха онъ сталъ поэтомъ всѣхъ вѣковъ и народовъ и лучшимъ воплощеніемъ могучаго народа, полюбившаго, какъ стихію свою, Океанъ.

И это на переломѣ двухъ времени, Старого и Новаго, были созданы два художественные образа, которые, тысячекратно измѣняясь, выразили полную свободу личности въ ея жаждѣ безграничнаго. Тирсо де Молина написалъ Донъ Жуана, Марло написалъ Фауста. Безпреградность и непредѣльность въ чувствѣ, безпреградность и непредѣльность въ мысли.

Когда думаешь о генияхъ, вспоминаешь Звѣздное Небо. Звѣзды возвышаютъ насъ и ведутъ. И созвѣздія указываютъ намъ, гдѣ мы. Если мнѣ скажутъ — Семизвѣздье Большой Медвѣдицы, я чувствую нашу Россію, я чувствую снѣжную Норвегію. Если мнѣ скажутъ — Созвѣздье Южнаго Креста, я сразу тамъ, на другой половинѣ Земного Шара, въ Мексикѣ, въ Майѣ. Но иногда не нужно даже называть цѣлое созвѣздіе. Кто скажетъ — Сириусъ, тотъ скажетъ — Древній Египетъ. И если цѣлую сумму вѣковъ обозначать однимъ именемъ, если хотѣть исчерпывающаго талисмана, тогда для означенія Новаго Времени и Эпохи Возрожденія нѣтъ имени болѣе звѣзднаго и четкаго, чѣмъ имя Леонардо да Винчи.

Художникъ съ гибкимъ тѣломъ леопарда,
А въ мудрости лукавая змѣя,
Во всѣхъ его созданьяхъ есть струя,
Духъ белладонны, ладана, и нарда.

Въ немъ зодчій сновъ любилъ пѣвучесть барда,
И магъ о каждой тайнѣ бытія
Шепталъ, ее качая: «Ты моя!»
Не тщетно онъ зовется Леонардо.

Крылатый былъ онъ человѣколевъ.
Еще немного, и, глазами рыси
Полеты птицъ небесныхъ подсмотрѣвъ, —

Онъ долженъ былъ парить и вѣдать выси.
Среди людскихъ, текущихъ къ Безднѣ, рѣкъ,
Имъ предугаданъ былъ Сверхчеловѣкъ.

РОМАНТИКИ.

Есть въ каждомъ языкѣ четкія слова, имѣющія свойство магической формулы. Сказавъ такое слово, сразу даешь образъ, рядъ образовъ, исчерпывающихъ и выразительныхъ, и однако это слово примѣняется нерѣдко совершенно произвольно. Таково Испанское выраженіе «*sin segundo*», «безъ второго», то-есть человекъ единственный и несравненный, первый и одинъ, такого второго быть не можетъ. Это слово часто встрѣчается у Кальдерона и Тирсо де Молина, въ той старой Испаніи, которая любила достиженіе, въ той Испаніи, владѣнія которой были такъ обширны, что Солнце въ нихъ никогда не заходило. Таково Итальянское слово «*virtù*», «добродѣтель», добротность, достоинство, сила, въ примѣненіи къ художнику или художественному произведенію. Сказавъ это слово, сразу вызываешь Сибилль Микель Анджело или Джоконду Леонардо да Винчи. Таково Французское выраженіе «*homme supérieur*», «высшій человекъ», человекъ особенный, отдѣльный, внѣ разряда обыкновенныхъ людей. Это слово вошло въ моду во второй половинѣ 18-го вѣка. Въ дни Руссо. Таково Нѣмецкое слово «*Übermensch*», «сверхчеловѣкъ», обычно связываемое съ Ницше, но употреблявшееся еще раньше Романтиками и Гете, и я думаю раньше, чѣмъ Романтиками и Гете, его напримѣръ, вполнѣ можно было бы примѣнить къ крестьянину-мистыку 16-го вѣка, Якобу Бѣме: Этотъ саножникъ-философъ видѣлъ Бога въ лицо, какъ позднѣе Его видѣлъ Англійскій граверь, художникъ и поэтъ. Вильямъ Блэкъ.

Къ разряду такихъ словъ-формулъ, сразу вызывающихъ тотъ или иной образъ или цѣлый рядъ образовъ, сразу и чрезвычайно четкихъ и совершенно неопредѣленныхъ, произвольныхъ, относится и слово Романтикъ, Романтизмъ. Романтикъ Фридрихъ Шлегель, и романтикъ лордъ Байронъ. Но какъ мало между ними сходства. Съ другой стороны, что романтичѣе фигуры Прометея, похищающаго огонь съ неба и соединяющаго небо и землю огненной перевязью? Почему бы намъ, опираясь на это, не считать Эхила однимъ изъ наиболѣе крупныхъ романтиковъ?

Формула, сразу, точная и вовсе неопредѣленная. Если обратиться къ рассмотрѣнію самого слова, мы видимъ, что впервые оно стало употребляться въ половинѣ 17-го столѣтія въ Англии. Самое раннее извѣстное его употребленіе мы находимъ въ 1654-мъ году: Художникъ Эвелинъ называетъ мѣсто у подножья горы романтическимъ. Изъ Англии это слово перешло въ 18-мъ вѣкѣ во Францію и въ Германію, еще не ставъ боевымъ лозунгомъ. Сначала романтической лишь означало жи-

вописный, таинственный, сказочный, похожий на вымыселъ. Нѣмцы, всегда завладѣвающіе чужими изобрѣтеніями, чтобы довести ихъ до законченности и закрѣпить за ними свое имя, овладѣли и этимъ словомъ Романтической, чтобы создать школу, теорію, цѣлый уставъ Романтизма. Но это создалось лишь мало-по-малу. Еще въ 1798-мъ году Фридрихъ Шлегель, одинъ изъ основателей Романтической школы въ Германіи, понималъ это слово такъ обще, что писалъ: «Романтично все превосходнѣйшее, все дѣйствительно поэтическое въ современной поэзіи». Это такой ключъ, которымъ можно отпирать любую дверь. Но тогда разсужденіе теряетъ подъ собой почву и дѣлается совершенно зыбкимъ.

Чтобы сколько-нибудь закрѣпить эту зыбь и разъяснить данное понятіе, нужно взять хоть нѣсколько признаковъ, которые общи Романтикамъ при всемъ ихъ личномъ разнообразіи. Любовь къ далекому, что связано съ мечтой и достиженіемъ, вотъ, быть можетъ, первый изъ этихъ признаковъ. Романтикъ, воплощая въ себѣ жажду жизни, жажду разносторонности, являясь четкой вольной личностью, всегда стремится отъ предѣла къ Запредѣльному и Безпредѣльному. Отъ данной черты къ многимъ линиямъ Новаго.

Воспринимая Землю какъ самоцѣльную планету, которую нужно цѣликомъ понять и завоевать своимъ прикосновеніемъ, Романтики являются тѣмъ бродиломъ, которое, разрушая старое, создаетъ новое. Ихъ родина никогда имъ недостаточна. Ихъ родина — не ихъ родина, а бѣгъ души къ вѣчной родинѣ мыслящихъ и красиво творящихъ. Это выражается въ Романтикахъ и внѣшне. Любя Землю какъ планету не въ частичномъ минутномъ ея ликѣ, а въ звѣздо-небесномъ ея предназначеніи, они жадно устремляются къ новымъ, еще неизвѣстнымъ, ея частямъ, къ инымъ странамъ, къ чужимъ краямъ. «На Востокъ должны мы искать высочайшей Романтики», говорятъ Шлегели. «Какой источникъ поэзіи могъ бы раскрыться намъ въ Индіи». И они дѣлаются первыми изучателями Индіи, погружаются въ Санскритскій, въ Персидскій языкъ. Величайшіе поэты иныхъ странъ и иныхъ временъ, стоящіе на чертѣ Эпохи Возрожденія и Эпохи Мировыхъ Открытій, Данте, Сервантесъ, Кальдеронъ, Шекспиръ, дѣлаются священными нѣвцами Романтиковъ. Желая найти самого себя, выработать безупречно свое художественное «я», Гете бросаетъ пасмурную Германію и уѣзжаетъ жить въ золотисто-лазурную Италію, какъ уѣзжаютъ въ Италію, чтобы подышать воздухомъ безсмертія, и Французъ Ламартинъ, и Датчанинъ Эленшлегеръ. Байронъ и Шелли, менѣе всего чувствуя себя дома въ родной-неродной Англій, покидаютъ ее навсегда, ихъ родиной становится горный лабиринтъ Швейцаріи, голубая Италія, героическая Эялада. И въ послѣд-

ней своей поэмѣ, «Островъ», Байронъ уносится въ предѣльную даль, въ Океанію, къ островамъ Таити, Тонга, и Фиджи, куда позднѣе въ дѣйствительности уйдутъ окончить свою жизнь Романтики нашихъ дней, Стивенсонъ и Гогэнъ. А Шелли, все болѣе и болѣе погружаясь въ умозрительныя дали, дѣлается къ концу жизни настолько духовнымъ, что его истиннымъ отечествомъ становится Воздухъ и Океанъ. «Эрнани», драма Виктора Гюго, совершившая поэтическій переворотъ во Франціи, рисуется Испанца, и царственными вліяніями рыцарской Испаніи насыщено все пышное творчество Гюго. Жераръ де Нерваль уѣзжаетъ съ Египеть и Сирію. Шатобрианъ поэтической мыслью уносится къ Американскимъ Индійцамъ, къ теченію многоводнаго Миссисипи. Ксавье де Мэстръ живетъ въ Россіи и въ дикихъ мѣстахъ Кавказа. Пѣвцами Кавказа становятся два трагически-прекрасные наши поэта, Пушкинъ и Лермонтовъ. Испанецъ Эспронседа скитается между Лондономъ и Парижемъ. Мицкевичъ изъ Польши и Франціи уѣзжаетъ въ Турцію. Словацкій живетъ въ Бретани, въ Англии, уѣзжаетъ на Востокъ, грезитъ Древнимъ Египтомъ, и создаетъ въ отрывкѣ «Геліонъ-Эоліонъ» поразительную поэму перевоплощенія. Гофманъ и Эдгаръ По, уже уходящіе изъ Романтизма въ Символизмъ нашихъ дней, избираютъ духовной своей родиной художественную жуть, и никто никогда не узналъ, гдѣ именно былъ Эдгаръ По, когда нѣсколько лѣтъ онъ пропадалъ безъ вѣсти.

Каждый романтикъ и въ грезѣ и въ жизни могъ-бы примѣнить къ себѣ зачарованный стихъ Лермонтова: «Тучки небесныя, вѣчныя странники», или чеканное слово Байрона: «Пилигримы Вѣчности». Каждый истинный романтикъ долженъ быть путешникомъ, ибо только въ путяхъ и странствіяхъ завоевываешь міръ и себя, отталкиваешься отъ обычной черты, чтобы вступить въ свѣжую тайну, въ воздухъ которой раскрываются новые цвѣты, и поютъ и кличутъ необычныя птицы, съ иной окраской перьевъ, съ инымъ размахомъ крыльевъ.

И тѣмъ, что мечта всегда уводитъ Романтиковъ въ новыя страны, они дѣлаются такими, что поэтическій и жизненный ликъ ихъ уводитъ людей къ новымъ достижениямъ.

Пути людей суть строки въ Лѣтописи Міра, и красиво говорить объ этомъ Новалисъ въ своей философской сказкѣ «Ученики въ Саисѣ»: «Многообразными путями идутъ люди. Кто слѣдитъ за ними и сравниваетъ, тотъ увидитъ, какъ возникаютъ волшебныя фигуры: Фигуры, какъ-бы принадлежащія къ той великой тайнописи, которую увидишь всюду, на крыльяхъ, на яичныхъ скорлупахъ, въ облакахъ, на снѣгу, въ кристаллахъ и въ каменныхъ образованияхъ, въ замерзшихъ водахъ, въ нѣдрахъ и въ наружномъ ликѣ горъ, въ растеньяхъ, въ звѣряхъ, въ людяхъ, въ свѣтильникахъ неба, на пластинкахъ смолы и

стекла, когда къ нимъ притронешься, въ желѣзныхъ опилкахъ вокругъ магнита, въ особенныхъ сочетаніяхъ случая. Въ нихъ предчувствуется ключъ этого волшебнаго письма, его языкъ, но предчувствіе это не хочетъ уложиться ни въ какія прочныя формы. Это писаніе аккордъ изъ всемірной симфоніи». Новались продолжаетъ: «О, если-бы человѣкъ понялъ внутреннюю музыку Природы и имѣлъ чувство для внѣшней гармоніи. Но онъ едва знаетъ, что мы вмѣстѣ надлежимъ одному, и ничто не можетъ существовать безъ другого... Настоящій разгадчикъ тайнописи Природы, быть можетъ, придетъ къ тому, что заставитъ различныя силы Природы создать одновременно красивыя и полезныя явленія, онъ будетъ фантазировать на Природѣ, какъ на великомъ инструментѣ, и все-же онъ еще не пойметъ Природу. Это задача естествоиспытателя, чтеца времени... Чтобы понять Природу, нужно внутренне заставить ее возникнуть во всей ея послѣдовательности». Эти слова Новаლისа являются настоящимъ предвозвѣщеніемъ Уоллеса и Дарвина, и ихъ могъ-бы также сказать тотъ великій поэтъ, который былъ однимъ изъ самыхъ раннихъ романтиковъ, создавъ «Вертера» и «Гёца», и въ позднѣйшей своей жизни сталъ однимъ изъ первотворцовъ эволюціоннаго ученія, Гете, тотъ геній, о комъ нашъ Баратынскій сказалъ:

«Съ Природой одною онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье.»

Говоря о познаніи Природы, о точномъ усмотрѣніи тайнаго ея лика, Новались полагаетъ, что эту задачу наилучше можетъ выполнить лишь поэтъ, понимаемый имъ какъ провидецъ, какъ жрецъ, какъ человѣкъ совершенный. «Истинный поэтъ всезнающъ, — говоритъ онъ, — онъ есть дѣйствительный міръ въ маломъ... Поэтъ понимаетъ Природу лучше, чѣмъ научная голова... Поэзія разрѣшаетъ чуждое существованіе въ собственномъ... Природа имѣетъ инстинктъ Искусства, поэтому пустая болтовня, когда желаютъ различать Природу и Искусство... Поэтовъ обвиняютъ въ преувеличеніяхъ... а мнѣ кажется, что поэты далеко еще не достаточно преувеличиваютъ, они лишь смутно предчувствуютъ чару того языка (тайновѣденія), и играютъ фантазіей лишь такъ, какъ ребенокъ играетъ волшебнымъ жезломъ своего отца... Философія есть собственно тоска по отчизнѣ, напряженное желаніе вездѣ быть дома... Поэтическій философъ находится въ состояніи абсолютнаго Творца... Поэзія есть истинно-абсолютная реальность. Чѣмъ поэтичѣе, тѣмъ вѣрибее...»

Совершенный человѣкъ въ совершенной Природѣ— вотъ завѣтъ Новаლისа. «Дѣлаться человѣкомъ есть искусство», говоритъ онъ. «Законченный человѣкъ долженъ какъ-бы одновременно быть во многихъ мѣстахъ и жить во многихъ людяхъ...

Человѣчество есть высшее чувство нашей планеты, нервъ, который это звено связано съ верховнымъ міромъ, глазъ, который оно вздымаетъ къ небу... Мы сразу въ Природѣ и внѣ ея... Мы съ Невидимымъ связаны ближе, чѣмъ съ Видимымъ... Дѣти Бога, мы Божескіе ростки... Человѣкъ долженъ быть совершеннымъ полноцѣльнымъ самоорудіемъ... Міръ во всякомъ случаѣ есть слѣдствіе взаимодѣйствія между мною и Божествомъ. Все, что есть и происходитъ, происходитъ изъ соприкосновенія духовъ... Смерть есть романтизирующая основа жизни. Черезъ смерть жизнь усилена... Смерть есть самопобѣда, которая, какъ всякое самопревозможеніе, доставляетъ новое, болѣе легкое существованіе... Вся наша жизнь — богослуженіе... У насъ одно предназначеніе: Мы призваны создать, образовать Землю... Человѣкъ есть нѣкое Солнце, его чувства — его планеты...

Еще два изреченія изъ Новалиса, и будетъ совершенно законченъ звѣздный мостъ отъ этого Германскаго красиваго пѣвца вселенской любви къ его Англійскому брату, поэту всеобожествленія природы, Шелли. «Богъ есть любовь», говоритъ Новалисъ. «Любовь есть высшая реальность, первопричина... Любовь есть конечная цѣль міровой исторіи, аминь Вселенной».

Любовь есть основное начало Міровой Жизни въ воспріятіи Шелли. Любовью проникнуто все его воздушное творчество, любовь свѣтитъ вѣкамъ изъ его гениально-безумныхъ голубыхъ глазъ. «Что такое любовь?» — восклицаетъ онъ. «Спроси того, кто живетъ, что такое жизнь? Спроси того, кто полонъ вѣры, что такое Богъ? Это — священное звено, связующее человѣка не только съ человѣкомъ, но и со всѣмъ, что есть въ мірѣ... Есть краснорѣчіе въ ропотѣ вѣтра, лишеннаго голоса, есть мелодія въ журчаніи ручья и въ шелестѣ осоки; непостижимымъ образомъ сочетаясь съ какими-то движеніями нашей души, эта музыка Природы возбуждаетъ въ насъ безумный восторгъ, извлекаетъ изъ глазъ нашихъ слезы мистической нѣжности въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ благородный энтузіазмъ заботы о родномъ краѣ или голось любимаго существа, чье пѣніе звучитъ лишь для насъ однихъ». («О Любви»). Такъ говоритъ о любви и вѣтрѣ Шелли. А такъ говоритъ о томъ же Новалисъ: «Вѣтеръ есть движеніе воздуха, которое можетъ обуславливаться различными внѣшними причинами, но не больше ли онъ, чѣмъ это, для одинокаго, томленьемъ объятаго, сердца, когда шелеститъ онъ, пролетая мимо, вѣетъ изъ возлюбленныхъ странъ и тысячью смутныхъ печальныхъ звуковъ какъ-бы разрѣшаетъ тихую скорбь въ одномъ глубокомъ напѣвномъ вздохѣ цѣлой Природы?»

Струнные слова Шелли:

Любовь не прахъ, не золото, не глина,

Дѣлать ее не значитъ отнимать: —

Она какъ умъ: Кто хочетъ понимать,

Предъ тѣмъ весь міръ знакомая картина...
 Она какъ свѣтъ фантазіи живой,
 Межъ тысячью зеркалъ она блуждаетъ,
 Въ землѣ глубокой, въ тверди голубой,
 Сквозь бездну призмы измѣнчиво блистаетъ,
 Безбрежный міръ исполненъ ей звездъ,
 О ней во тѣмъ звѣзда поетъ звѣздъ...
 Любовь равняетъ всѣхъ. Любя упорно,
 Я въ сладость этой истины проникъ: —
 Я знаю, что червякъ подъ глыбой дерна,
 Любя, въ своей любви какъ Богъ великъ.

Звуки золотого колокола, качающагося въ голубой Вѣчности, строки, обрызганныя звѣздной росой любви, магнетизмъ луннаго свѣта, уводящаго душу въ тайну, серебряные бубенчики мечты, разсыпавшіяся по весеннимъ лугамъ, жаворонокъ, притянутый Солнцемъ, въ полетѣ поющей и въ пѣніи летящей облако, которое мѣняется, но не умираетъ никогда, необъятный оркестръ Океана, въ которомъ хорошо утонуть, сліянье воедино вселенской любовности, поэзии и музыкальности, голубой цвѣтокъ, ведущій въ непознанныя дали, къ торжеству пѣнія, музыкальное начало всего совершающагося, звукъ какъ основа Мира, звукъ какъ основа человѣческой души, черезъ любовь познавшей все, это и много еще другого есть въ глубокихъ созерцаніяхъ и въ мелодическихъ напѣвахъ Шелли и Новалиса. Отсюда, дорогой лучей и тропинками внушеній, разбѣгъ путей къ лунному безумію музыки Шумана, къ напѣвному шелесту колосьевъ и волнъ въ созданьяхъ Шопена, къ сліянію поэзии, музыки, любви, боли и искупленія въ могучихъ и нѣжныхъ разливахъ музыкальныхъ огней колдующаго Вагнера.

Угадавъ міротворческое значеніе ритма, мы у тайны міра. Въ музыкальную основу души смотрится Вѣчность.

Новалисъ и Шелли два верховные генія Романтики, оба сливающіе красоту личности съ красотой и полнозвучностью творчества, оба за краткую 29-лѣтнюю жизнь создавшіе какъ-бы поэтической трудъ нѣсколькихъ жизней, гдѣ-то въ другихъ воплощеніяхъ ими уже пережитыхъ. И если о Шелли его друзья говорили: «Это не человѣкъ, а духъ», о Новалисѣ сказалъ свое слово Гете: «Онъ еще не былъ императоромъ, но живи онъ дольше, онъ имъ былъ-бы».

Новалисъ и Шелли — два звѣздные стража Романтическаго міросозерцанія, и кто видѣлъ Казбекъ и Монбланъ, тотъ видѣлъ не только двѣ сіяющія горныя вершины, но двѣ цѣльныя горныя цѣпи, со всѣми ихъ пропастями, тропинками, горными долинами, крутыми отрогами и другими отъединенными, равноправно прекрасными, горными вершинами. Быть можетъ, не нужно видѣть ихъ всѣ. Довольно двухъ, довольно одной.

Необходимо только добавить, что въ очарованномъ царствѣ Романтики логической неизбежностью является чрезвычайная любовь Романтическихъ поэтовъ къ четыремъ лицамъ. Прометей, Фаустъ, Донъ-Жуанъ, Донъ-Кихоть, четыре образа, притягивавшіе къ себѣ сердце Романтиковъ, и особенно три изъ названныхъ первыми, вызвали безконечное число поэтическихъ разработокъ. Прометей — порванная преграда между Небомъ и Землей, Фаустъ — жажда безпредѣльнаго знанія, Донъ-Жуанъ — жажда непреградной любви, Донъ-Кихоть — рыцарь мечты въ безконечномъ стремленіи.

Въ человѣческой душѣ два начала: Чувство мѣры и чувство вѣзмѣрнаго, чувство безмѣрнаго. Древняя Эллада это чувство мѣры. Паеосъ Романтики и творческій огонь нашей Современности, это — чувство вѣзмѣрнаго, безпредѣльнаго. Мы хотимъ пересозданія всей Земли и мы ее пересоздадимъ, такъ что всѣ на Землѣ будутъ красивы и сильны и счастливы. Это вполне возможно, ибо Человѣкъ есть Солнце и его чувства — его планеты.

К. Бальмонтъ.

Съ сѣвера — болота и лѣса,
Съ юга — степи, съ запада — Карпаты,
Тусклая надъ моремъ полоса —
Балтики зловѣщіе закаты.

А съ востока — дали, дали, дали,
Зори, вѣтеръ, пѣсни, облака,
Золото и сосны на Уралѣ,
И руды желѣзная рѣка.

Ходятъ въ рѣкахъ рыбы-исполины,
Рыщутъ въ пущахъ злые кабаны,
Стонетъ въ полѣ голосъ лебединый,
Дикій голосъ воли и весны.

Зрѣетъ въ небѣ, зрѣетъ, словно колось,
Узкая, медовая луна...
Помнить, сердце, помнить! Уколось
Памятью на вѣчны времена.

Видно, не забыть ужъ мнѣ до гроба
Этого хмѣльного питія,
Что испили мы съ тобою оба,
Родина моя!

Наталья Крандіевская.

Предутренняя свѣжесть
И нѣжность полей,
Омытая струями
Вчерашнихъ дождей.
Голубовато-сѣрыхъ
Небесъ тишина,
Исполненныхъ покоемъ
Безъ края, безъ дна.

О, Боже, неужели
И тамъ тишина!
Надъ грустными полями
Небесъ глубина,
Надъ грустными полями
Надъ горемъ людей
Надъ горестнымъ безумьемъ
Отчизны моей?

АМАРИ.

Русское Устье.

(Изъ дневника ссыльнаго).

31 декабря 1911 г.

Сегодня встрѣчаю я новый годъ.

Въ этотъ вечеръ, два года тому назадъ, я сидѣлъ въ свѣтлой, нарядной комнатѣ и чокался бокаломъ шампанскаго. Сегодня я далеко, далеко, и вокругъ меня все такъ необычно. Между нами сейчасъ 12.000 верстъ. Я сижу одинъ въ поварнѣ, весело трещить въ печкѣ огонь и сердито воетъ въ трубѣ вьюга. Вокругъ голая тундра и на сотни верстъ нѣтъ жилья. Совсѣмъ святочный рассказъ.

Почти мѣсяць прошелъ, какъ я въ пути—и сегодня, конечно, въ моихъ путешествіи самый интересный день. Это началось небольшимъ вѣтромъ. Пустая, безжизненная тундра съ ровной пеленой снѣга,—къ часу дня на нее упали уже сумерки, и все вокругъ задернулось сѣрой мутной занавѣсью. Небо слилось со снѣгомъ, и казалось, что олени висятъ въ воздухѣ, перебираютъ ногами, но не двигаются съ мѣста. Вѣтеръ становился все сильнѣе—поднималась вьюга. Струи снѣга неслись мимо и съ сухимъ шелестомъ ударили въ кибитку и скользили по землѣ. Сколько разъ мнѣ казалось, что мы безнадежно заблудились и никуда не выйдемъ. Наконецъ, остановились передъ бѣлымъ бугромъ, который оказался занесенной снѣгомъ поварней—снѣгомъ-же она туго была набита и внутри.

Теперь вечеръ—вьюга разыгралась во всю. Свистить, гудить, снѣгъ сылетъ на крышу—откроешь дверь, она врывается бѣшенымъ вѣтромъ. А за дверью носятся живые потоки снѣга, валять съ ногъ, отнимаютъ дыханіе.

Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!

Первый день новаго года встрѣчаю въ пути—значить-ли это, что весь годъ буду странствовать? Дай Богъ, и пусть мой путь приведетъ меня къ желанной цѣли.

Русское Устье, 21 января 1912 г.

Первый день въ Русскомъ Устьѣ.

Не знаю и не понимаю, куда я лопалъ. Послѣ полуторамѣсячнаго странствія по якутамъ съ ихъ непонятной рѣчью и чуждой жизнью, я вдругъ снова очутился въ Россіи. Свѣтлыя рубленныя избы, вымытый деревянный полъ, выскобленные столы—и чистая русская рѣчь. Лица открытыя, простыя, великорусскія черты—нѣтъ и намекъ на Азію. Это, конечно, Россія, но Россія XVIII-го, быть можетъ даже XVII-го вѣка. Странные, древніе обороты рѣчи и слова, совершенно патриархальныя, почти идиллическія отношенія. При встрѣчахъ и при прощаніи родственники цѣлуются, вечеромъ приходятъ ко мнѣ съ желаніемъ спокойной ночи и пріятнаго сна. „Иисусе Христе“, „Матерь Божія“ — не сходятъ съ ихъ языка. Въ селеніи стоитъ наивная часовенка со старинной тяжелой иконой Богоматери. „Только Она насъ и хранитъ“ — убѣжденно сказалъ мнѣ одинъ изъ русскоустинцевъ. Вѣроятно, такъ же вѣрили наши прапрадѣды.

Затрудняюсь даже описывать, какъ меня встрѣтили. Какъ будто я, дѣйствительно, „кумъ королю и солнцу братъ“. Не то меня за начальство принимаютъ, не то еще за что-то. Одинъ изъ нихъ началъ свою рѣчь ко мнѣ такими словами: „Ты, Ваше Высокоблагородіе“... Напрасно я ему старался разъяснить свой чинъ и званіе, онъ заставилъ свою жену поднести мнѣ съ поклономъ огромную рыбину въ подарокъ. Боюсь, что мой отказъ его обидѣлъ. Что это—исконная привычка дѣлать „подношенія“ всякому, кто похожъ мало-мальски на начальство, или безкорыстный подарокъ?

Русское Устье состоитъ изъ 6 „дымовъ“. Ни одного грамотнаго — кромѣ стараго уголовнаго ссыльнаго, играющаго здѣсь роль писаря. Селеніе стоитъ на берегу широкой Индигирки среди безпредѣльной снѣжной пустыни. 120 верстъ сюда ѣхалъ на собакахъ по тундрѣ — первая 60 верстъ еще встрѣчались небольшіе кустики ивы, потомъ исчезло все, не было ни одного прутика. Ровно, какъ на столѣ. И такъ до самаго моря—отъ Русскаго Устья еще верстъ шестьдесятъ. Снялъ себѣ отдѣльный домикъ съ амбаромъ — 20 р. за полгода. Пока не боюсь предстоящаго мнѣ одиночества. Думаю, что сумѣю найти кругомъ и въ людяхъ и въ природѣ много интереснаго.

Сказать-ли правду? Когда я доѣхалъ до этихъ мѣстъ и началъ слушать рассказы о здѣшней жизни отъ мѣстныхъ людей, меня охватила смертная тоска и на душу навалилась тяжесть. Отсутствіе почты, морозы, вѣтра и вьюги, которыя заносятъ улицы и дома, беспощадное, суровое одиночество, отсутствіе другой ѣды кромѣ рыбы, мысли о невозможности выбраться

отсюда — все это меня испугало. Но это была лишь минутная слабость. Я увидѣлъ, наконецъ, самъ это Русское Устье, о которомъ думалъ вотъ уже семь мѣсяцевъ, осмотрѣлся въ немъ и вижу, что страхи эти не такъ страшны. Моя жизнь здѣсь — и внѣшняя и внутренняя—надѣюсь, будетъ интересна, мнѣ удастся, быть можетъ, осуществить свои надежды, а можетъ быть кое-что и сверхъ этого. И въ этомъ далекомъ, далекомъ уголкѣ я проживу такъ, какъ хотѣлъ.

24 января.

Сегодня вечеромъ я праздную новоселье. Перебрался въ святую мною юрту, гдѣ буду жить совершенно одинъ и въ полной независимости. Господи, какъ давно ждалъ я этого момента! Вокругъ меня царитъ глубокая тишина, и я упираюсь своимъ одиночествомъ и свободой. Могу думать и мечтать о чемъ хочу и всѣ бѣгущія впереди минуты могу наполнить любимъ содержаніемъ—какой выборъ!

2/13 февраля.

Вотъ я и устроился болѣе или менѣе. Десять дней ушло на это. За это время я былъ столяромъ, слесаремъ, печникомъ и не знаю еще кѣмъ и чѣмъ. Пальцы у меня всѣ въ царапинахъ, какъ будто я дрался съ полчищемъ кошекъ. Зато теперь я наслаждаюсь.

Вотъ мой домъ. Онъ состоитъ изъ одной единственной комнаты—шаговъ шесть въ квадратѣ. На востокъ и югъ выходятъ всѣ четыре окна—значитъ солнце у меня съ утра до вечера,—оно тысячами искръ сверкаетъ въ прозрачныхъ льдинахъ, которыя замѣняютъ оконныя стекла. Въ одномъ углу—камелекъ, вещь, какъ оказалось, чрезвычайно несовершенная: когда горитъ, дымить, потухнетъ—холодно. То и дѣло приходится бѣгать на крышу закрывать и открывать трубу. Съ собой я поэтому привезъ изъ Усть-Янска желѣзную печь, которую, наконецъ, и устроилъ вмѣстѣ камелька. Теперь тепло и опрятно. Просто воскресъ съ нею. Въ другомъ углу у меня три полки съ книгами — подъ ними календарь, вокругъ котораго я приклеилъ виды Флоренціи, вырѣзанные изъ иллюстрированнаго журнала.

Стоитъ мой домикъ на самомъ берегу Индигирки—единственное, говорятъ, лѣтомъ сухое мѣсто здѣсь. Въ немъ есть и уютъ и удобство. Конечно, есть въ немъ и темныя стороны: его трудно согрѣть, какъ слѣдуетъ, и рѣдко температура въ немъ поднимается выше 10 градусовъ. Ничего, я одѣтъ тепло. А вотъ за ночь, когда погаснетъ печка, все кругомъ, увы, застываетъ: замерзаютъ чернила въ чернильницѣ, вода въ чайникѣ и умывальникѣ, и я танцую по утрамъ, пока не растоплю печки.

Не малую, повидимому, отвѣтственность несутъ за этотъ холодъ мыши, которыя въ изобиліи у меня водятся и, навѣрное, прокопали наружу много дыръ. Имъ я объявилъ непримиримую войну. Сегодня я убилъ трехъ. Мнѣ очень жаль этихъ милыхъ звѣрьковъ — у здѣшнихъ густой мѣкъ и коротенькій, коротенькій хвостикъ — на своя рубаха ближе къ тѣлу, это просто борьба за существованіе. Вчера ко мнѣ навѣдалась одна, сегодня четыре, сколько же ждать завтра?

Не знаю, съ чѣмъ можно сравнить мое появленіе въ Русскомъ Устьѣ. Развѣ только съ появленіемъ жителя Марса на землѣ. Пока я разбиралъ свои вещи, все населеніе Русскаго Устья совершало ко мнѣ паломничество. Охи и ахи безъ конца, каждая вещь поражала и потрясала. Но самое сильное до сихъ поръ впечатлѣніе произвела на нихъ керосиновая лампа. Каждая новость съ быстрой молніи разносится по селенію — впрочемъ, это не представляетъ большихъ техническихъ затрудненій, такъ какъ съ моимъ прїѣздомъ въ Русскомъ Устьѣ считается всего семь „дымовъ“. — „Вынулъ, — рассказывали очевидцы, — какой-то свѣтлый чайникъ и надѣлъ на него тарелку“ (фарфоровый абажуръ, который удалось довести съ великими предосторожностями). — „Что такое?“ — „Не знаемъ“. — Вечеромъ любопытство достигло апогея. — „Зажегъ, зажегъ“, — восторженно пронеслось по селенію. И ко мнѣ начали приходить „смотреть лампу“ — приходять до сихъ поръ. Вотъ только что ушла жена моего хозяина, который уступилъ мнѣ свой домъ. — „Что же это свѣтится и какъ снова зажигается?“ Ближе Усть-Янска (870 верстъ) лампъ здѣсь не имѣется — даже не знаютъ этого названія, а до Усть-Янска (не дальше) доѣзжали только бывалые люди. Богачи освѣщаютъ домъ свѣчей, „простонародье“ (какъ они сами себя называютъ) — камелькомъ, лучиной и плошкой съ рыбьимъ жиромъ. Признаться, я и самъ обрадовался свѣту; и на душѣ стало весело, когда зажегъ лампу.

28 фев./12 марта.

Сегодня впервые бродилъ далеко по тундрѣ. Морозъ хотя и не маленькій — 35 градусовъ, но терпѣть можно, потому что въ воздухѣ сравнительно тихо. Солнце соблазнило меня — свѣтить на голубомъ ясномъ небѣ, и все кругомъ сіяетъ. Ушелъ далеко, верстъ за пять — ничего кругомъ не видно, кромѣ снѣга. Господи, какая благодать, какая тишина, какой просторъ! Скрипитъ и хруститъ снѣгъ, вѣтеръ утрамбовалъ его сверху, и снѣжная корка выдерживаетъ тяжесть человѣка, а если ломается, то съ гулкимъ звономъ. Какіе узоры разрисовалъ по снѣгу вѣтеръ такъ называемыми «застругами» — совсѣмъ вродѣ муаровой ткани. Какая пустыня! Я радъ былъ пробѣтриться — слишкомъ долго былъ наединѣ съ собой.

15/28 марта.

На дняхъ я гулялъ на свадьбѣ. Одинъ разъ въ годъ сюда прїѣзжаетъ изъ Аллаихи (черезъ которую я ѣхалъ — въ 120 верстахъ къ югу отсюда) священникъ и сразу исполняетъ всѣ требы: крестить, вѣнчаетъ, отпѣваетъ, исповѣдуетъ, причащаетъ — за что съ каждой семьи получаетъ по 10 рубль. Вѣроятно, это единственное мѣсто, гдѣ можно вѣнчаться въ великій постъ: видно, климатъ и географія не въ ладахъ съ каноническими правилами.

Прїѣздъ сюда священника — большое событіе. Такъ какъ Русское Устье для всего Верхоянскаго мѣщанскаго общества, которое живетъ лишь по теченію рѣки Индигирки, главная резиденція, гдѣ помѣщается мѣщанская управа, и живутъ мѣщанскій староста и писарь, и такъ какъ кромѣ того здѣсь есть еще часовня, то къ прїѣзду священника сюда собираются всѣ «постники» (т. е. желающіе говѣть), всѣ нуждающіеся въ крещеніи, вѣнчаніи и отпѣваніи, живущіе по Индигиркѣ между Аллаихой и моремъ. Съѣздъ бываетъ большой, такъ какъ къ этому времени приноравливаютъ также собраніе, на которомъ нужно обсуждать вопросъ о голодающихъ. Къ марту всегда они бываютъ: кончается при плохомъ уловѣ рыба, съѣдены и гуси, которыхъ удалось добыть лѣтомъ близъ моря. Голодающіе заявляютъ о своей нуждѣ обществу, и изъ общественной «мангазеи» (амбаръ) имъ выдаютъ рыбу, которую они весной должны вернуть обществу съ надбавкой 10%.

Эти съѣзды — большое общественное событіе. На нихъ торгуютъ, обмѣниваютъ новостями, высматриваютъ невѣсть, сватаютъ. Среди „постниковъ“ много женщинъ. Живутъ вѣдь здѣсь всѣ маленькими кучками — въ 1-3-7 домовъ, не больше, а тутъ вдругъ собирается свыше сотни душъ. Какое оживленіе! На „улицѣ“ то и дѣло встрѣчаются прїѣзжіе въ ярко-пестрыхъ, пунцовыхъ и зеленыхъ шарфахъ вокругъ шеи и пояса. Кругомъ избъ звѣздами привязаны нарты съ собаками и внутри бываетъ столпотвореніе вавилонское. Въ каждой избѣ — куча народа, спать всѣ сповалку, да и днемъ, кажется, въ нихъ ступить некуда. Хозяева ходятъ озабоченные, голодные — вѣдь нужно всѣхъ накормить, напоить чаемъ, накормить собакъ. По обычаю все это лежитъ на ихъ обязанности — не даромъ всѣ эти хлопоты и возню во время съѣздовъ здѣсь называютъ „битвой“.

Маленькую „битву“ приходится выдерживать и мнѣ: гости съ утра до вечера. Одни приходятъ познакомиться, знакомые — навѣстить, третьи — за совѣтами (часто семейнаго свойства), четвертые — за лекарствомъ. Не обошлось безъ нѣсколькихъ покушеній заполнить меня въ качествѣ крестнаго отца.

„Сей годъ“, какъ здѣсь говорятъ, священникъ задержался: старикъ-пьяница не былъ увѣренъ, что русско-устинцы получили изъ Якутска водку и ждалъ болѣе точныхъ свѣдѣній.

Вѣнчался родственникъ старосты, и потому свадьбу „играли“ у него. Всѣ обряды и подробности носили старинный характеръ.

Сначала у родственниковъ невѣсты были „дѣвишникъ“, на которомъ пѣли пѣсни. Вотъ одна изъ двѣнадцати:

Брошу, брошу камешекъ во пламячко-огонь,
Ты гори, гори, камешекъ, перегори,
Раздѣлися, камень, на четыре части.
Такое же ваше сердце каменное,
Отдайте меня во чужьи люди,
Въ дальню сторону.

Тутъ бѣгетъ братъ ко родной сестрѣ:
— «Ты не знаешь, наша больша сестра,
— «Отдаютъ нашу сестру въ чужьи люди,
— «Въ чужьи люди, въ дальню сторону».
— «Ты поѣдь, братъ, во чисто поле,
— «Ты съѣди, братъ, застѣку
— «Съ востоку до западу,
— «Не пройти бы ему, не проѣхати,
— «Какъ моему суженому,
— «Какъ съ тѣми было со свахами,
— «Какъ съ тѣми было похожанами,
— «Какъ съ тѣми было съ бояринами».

Женихъ съ друзьями и „тысяцкимъ“ („первый виновникъ свадьбы“ и главный распорядитель свадебнаго пира — старикъ-священникъ глубокомысленно называлъ его „архитриклинтъ“) прѣзжаютъ за невѣстой везти ее въ церковь. Но невѣсту нужно выкупить. Женихъ стоитъ подъ порогомъ, братъ невѣсты сидитъ за столомъ. Тысяцкій кладетъ на блюдечко копейку и придвигаетъ блюдечко къ брату. — „Не за это я ее поилъ, кормилъ“, — отвѣчаетъ братъ и отодвигаетъ блюдечко. Тысяцкій кладетъ еще копейку, братъ невѣсты опять отодвигаетъ тарелку отъ себя. Такъ до трехъ разъ. Потомъ беретъ невѣсту за руку и выводитъ къ жениху.

Послѣ вѣнчанія въ часовенкѣ мальчикъ съ иконой, молодой, молодая, тысяцкій и дружки садятся на нарту, и собаки мчатъ ее стрѣлой къ дому старосты — въ двухъ шагахъ. Это было интересное зрѣлище — на собакахъ упряжь разукрашена, ремни обшиты краснымъ и зеленымъ (излюбленные цвѣта на сѣверѣ, какъ самые яркіе, вѣроятно) сукномъ. У дома молодыхъ встрѣчаютъ съ хлѣбомъ-солью, мать и отецъ — съ иконой.

Поютъ:

Не были вѣтры, навѣяли,
Не жданы гости, наѣхали.
Соколь летить, земля ютить.

Столы въ домѣ старосты сдвинуты вмѣстѣ, на нихъ пироги съ рыбой, кучи вареной рыбы, оленье мясо и въ центрѣ, какъ на старинныхъ боярскихъ пирахъ, огромный зажаренный *Лебедь*, окруженный рядомъ бутылокъ съ водкой. Молодыхъ садятъ подѣ иконой, рядомъ съ ними почетные гости: батюшка, я, дьячокъ, писарь, — дальше за столами „простонародье“. Тысяцкій и староста на перебой угощаютъ, наливаютъ вино. Передъ молодой держатъ зеркало, закрываютъ ее отъ присутствующихъ платкомъ, женихъ стыдливо отворачивается и двѣ женщины „крутятъ голову“, т. е. убиваютъ заплетенныя на дѣвическия косы молодой подѣ платокъ.

Въ это время поютъ:

Сѣмена мои сахарныя,
Ужъ къ чему вы много уродились,
Ужъ немножечко васъ я, млада, посяла,
Какъ съ перваго поля до Кіева
До втораго поля до Чернѣва (Чернигова?).
Между этими двумя полями,
Между этими двумя широкими
Не бѣла лебедь въ полѣ воскликнула,
Не черна сурна*) въ полѣ возрыдала,
Тутъ расплакалась душа красна дѣвица,
По своей по русь косѣ,
По своей дѣвичьей красотѣ.
Часть таперите русу косу не чесывать,
Золотъ кустикъ не приплетывать,
Со Варварушкой серебряною,
Со другою — позолоченою.

Кромѣ пѣсенъ были и танцы. Пляска — мало интересна: неуклюжій намекъ на „русскую“ съ платочкомъ. Танцы шли подѣ плясовую:

По мосту-мосточку,
По калиновому,
Туда шель, пошелъ дѣтинушка молоденькій,
Молоденькій, приуборненькій,
На немъ голевый кафтанецъ,
Сволки дуются,
Раздуваются,
Мать калиная рубашечка алѣется,
На шейкѣ то платокъ,
Аленькій цвѣтокъ,
Въ карманницѣ другой,
Тальнинскій голубой.

*) Многихъ словъ сами поющіе не понимаютъ и въ оправданіе говорятъ, что «изъ пѣсни слова не выкинешь».

Во правой ручкѣ тросточка камышевая,
 На тросточкѣ ленточка пофитовая.
 Самъ тросточкой помахиваетъ,
 Пофитовой ленточкой похваляется.
 «Ахъ, ленточка ала, мнѣ сударушка дала,
 Дала, дала сударушка,
 Пожаловала,
 Пустила сухоту по моему животу,
 Разсыпала печаль по моимъ яснымъ очамъ.

Мотивы всѣхъ старинныхъ пѣсень большею частью протажны, „проголосны“ — и я очень жалѣю, что не умѣю ихъ записать. Много было еще интересныхъ пѣсень, да всего не расскажешь.

Славу Богу, на этомъ пиру я отдѣлался „только“ пятью рюмками и, когда уходилъ, староста настоялъ, чтобы меня проводили до самаго дома. Напрасно я отказывался и увѣрялъ, что совершенно трезвъ и самъ найду дорогу — „нельзя, это дѣлается изъ уваженія“. — „Вотъ, — говорилъ онъ молодымъ, — смотрите, почувствуйте, *кто* у васъ на свадьбѣ гуляетъ!“ — и онъ кивалъ головой на священника и меня, — и молодые молча кланялись намъ въ поясъ.

Сегодня у насъ здѣсь рассказывали „новости“. Рассказывали, что выѣхавшіе отсюда въ Колыму (съ которыми я такъ хотѣлъ ѣхать и которые повезли мои письма) встрѣтили на дорогѣ чукчей, убившихъ почти на глазахъ у нихъ двухъ большихъ бѣлыхъ медвѣдей „съ двумя цыпленками“, т. е. молодыми. Новость эту привезъ за 50 верстъ одинъ русскій мѣшанинъ, который пріѣхалъ специально ко мнѣ за лекарствомъ для своей заболѣвшей тетки. Да, я лечу: принялъ уже около 30 человекъ — и слава моя растетъ и, что удивительнѣе всего, пациентамъ, дѣйствительно, помогаю, хотя самъ сбѣ напоминаю Жиль-Блаза, который отъ всѣхъ болѣзней лечилъ однимъ и тѣмъ же: очистительнымъ и кровопусканіемъ.

17/30 марта.

Очутился младъ дѣтинушка, незнамой человекъ,*)
 Не знай казанскій, не знай московскій, не знай астраханскій,
 Альи бархатный кафтанъ на могучихъ на плечахъ,
 Прозументовый платочекъ за конецъ его тащилъ,
 Онъ стохамъ (?) офицерушкамъ челомъ не бьетъ,
 Астраханскому губернатору подъ судъ не идетъ.

*) — «Вотъ какъ ты у насъ, къ примѣру» — пояснилъ рапсодъ:

— «Еще завтра поутру мой батюшка будетъ,
Ты умѣй его встрѣчать, да умѣй ты его чествывать».
Тожна его бѣды ручки опустилися,
И тожна его рѣзвья ножки подломилися,
Его буйна голова съ тѣхъ плечъ покатилася,
Тожна то губернатору смерть случилася.

Надо взять Пушкина и найти въ его народныхъ пѣсняхъ ту, которая озаглавлена „Изъ легендъ о Стенькѣ Разинѣ“, — только у Пушкина эта пѣснь записана много красивѣе и полнѣе. Но какъ закатилась сюда, воистину за тридевять земель, эта маленькая жемчужина? Меня такъ обрадовала эта находка.

18 марта

Меня можно поздравить съ освобожденіемъ изъ плѣна. Да, это была неволя — и неволя суровая. Теперь она миновала, потому что идетъ-гудетъ весна-красна! Все выше карабкается на небо солнышко, и сейчасъ мой день уже длиннѣе московскаго. Лыдины я замѣнилъ стеклами — выставилъ „первую раму“. Правда, „благовѣсть ближняго храма, говоръ народа и стукъ колеса“ не ворвались въ мою комнату, но ворвалось кое-что получше этого: горячее солнышко. Я не сознавалъ раньше, какъ давили меня эти тяжелыя ледяныя плиты — онѣ были, какъ толстыя матовыя стекла иллюминаторовъ въ корабельной каютѣ: пропускали лишь тусклый свѣтъ и сквозь нихъ ничего нельзя было рассмотреть. А теперь солнышко пробралось ко мнѣ, шаловливо горитъ и играетъ на полу.

Тихо въ воздухѣ — солнце привлекаетъ на морозѣ, да, „припекаетъ“ — совсѣмъ какъ на высокихъ снѣговыхъ горахъ въ яркій день. Дымъ изъ трубы стоитъ неподвижнымъ столбомъ и упирается въ небо. Не могу надышаться, не могу насмотрѣться. Воздухъ, какъ кристалль, небо прозрачно. Готовъ забыть и простить страшные вьюги и морозы. Жду первыхъ весеннихъ гостей — „снѣгирьковъ“, которые прилетаютъ „на Алексѣевъ-день“ (17 марта), но что-то ошиблись въ этомъ году съ календаремъ первые вѣстники съ далекаго юга...

20 марта

Прибѣжалъ сейчасъ мальчишка. — „Дядюшка, филинъ сидитъ! Вы только на меня не претендуйте, если его не будетъ — онъ вѣдь летучій!“ — Фу ты, гдѣ онъ такое слово пышное подобралъ! Филинъ, конечно, не дуракъ — его и слѣдъ простылъ, когда мы добрались до того мѣста, гдѣ ребята ставятъ силки на куропатокъ. Филинъ — большой, бѣлый хищникъ, истребляющій во множествѣ куропатокъ и зайцевъ. Ребята его боятся,

потому что лѣтомъ, когда подходятъ къ его гнѣзду, онъ бросается на человѣка, а собаку своими страшными когтями и клювомъ забиваетъ насмерть.

Хоть бы гуси скорѣе прилетѣли! Ихъ нужно ждать въ серединѣ мая („около Микола“), потому что Индигирка пройдетъ лишь въ послѣднихъ числахъ мая („послѣ Федосьи“). О, я съ такимъ нетерпѣніемъ жду гусей и лебедей! По рассказамъ, ихъ бываетъ здѣсь и около моря масса. Буду ловить и воспитывать маленькихъ, устрою зоологическій садъ. Не на шутку думаю воспользоваться ими для почты. Въ концѣ лѣта они линяютъ, и тогда ихъ здѣсь ловятъ тысячами. Я заберу нѣсколькихъ въ плѣнъ, подвѣшу къ плѣннику на шею письмо съ адресомъ и отпущу на волю. Осенью они улетаютъ въ далекія страны: Китай, Японію, Индію, сѣверную Африку, быть можетъ мои посланцы попадутъ въ чьи-нибудь руки, и письмо будетъ отправлено по назначенію...

На Благовѣщенье долженъ въ эти края прилетѣть орелъ—ростомъ онъ не меньше лебедя, т. е. около двухъ аршинъ. Пока здѣсь кромѣ куропатокъ нѣтъ другой птицы. Вчера парочка усѣлась прямо подъ моимъ окномъ, шагахъ въ пяти отъ него. Ихъ здѣсь очень много, и цѣлыми стаями бѣгаютъ по тундрѣ бѣлые пушистые комочки — даже ножки у нихъ мохнатые. Когда онѣ бѣгаютъ между домами, то напоминаютъ голубей. Онѣ очень милы и... вкусны.

Какимъ я здѣсь сталъ кулинаромъ, какія научился дѣлать каши, супы, какъ жарю рыбу! Есть у меня даже книга, которая называется „интеллигентная повариха“, и моя стряпня приготавливается по всемъ правиламъ науки. Угодно яичницу—какую? Глазунью, омлетъ, яйца *à la minute* или *gekocht* или фри? Сейчасъ! У меня есть гусиные яйца — каждое въ 2-3 раза больше куриного, одного хватило бы человѣку на вкусный и сытный завтракъ. У этихъ гусиныхъ яицъ своя исторія. Приходитъ ко мнѣ недяхъ одинъ человѣкъ съ узелкомъ. — „Вотъ, — говоритъ, — послала тебѣ Настасья Терентьевна яицъ гусиныхъ — не оскорбитесь.“ — Лечилъ я тутъ одну женщину, прислала она ко мнѣ за 50 верстъ за лекарствомъ. Я рѣшительно отъ гонорара этого отказался и объяснилъ почему. Вижу—обижается посланникъ. — „Да вѣдь не платить она тебѣ хотѣла, — съ отчаяніемъ въ голосъ говоритъ онъ, — а гостинецъ тебѣ прислала изъ уваженія, — не обижай.“ — Пришлось взять.

23 марта

Сегодня ровно въ полдень наблюдалъ преинтересное явленіе. На юго-западѣ, почти на горизонтѣ, залегла легкая бѣлая туча. Вверху голубое небо. Весь воздухъ полонъ мельчайшими снѣж-

ными пылинками, похожими на блестяшки кристалловъ борной или салициловой кислоты,—онѣ тихо падаютъ и двигаются въ воздухѣ въ косомъ направленіи, сверкаютъ и искрятся на солнцѣ. По всему небу, невысоко надъ горизонтомъ, раскинулось колоссальное бѣлое кольцо, вокругъ солнца другое, меньшаго размѣра, и точки пересѣченія обоихъ круговъ переливаются радужнымъ свѣтомъ. Это продолжалось минутъ 15, потомъ свѣгъ пересталъ идти, и кольца растаяли. Эти крошечныя свѣжинки такъ сверкали, что слѣпили глаза. Воображеніе нарисовало мнѣ старика съ огромной бѣлой бородой, который, подобравъ свой хитонъ, присѣлъ на корточки на край облака и съ добродушной улыбкой сыплеть между пальцами на землю блестяшки свѣга.

— „Есть у насъ такое повѣрье: передъ Благовѣщеньемъ обязательно долженъ упасть либо свѣгъ, либо пурга. Орелъ объ эту пору прилетаетъ—передъ нимъ это; такъ орлиной пургой и называемъ. Видишь, какъ копотно стало. А потомъ на порошу эту свѣгирьки прилетаютъ“.

И, какъ будто въ подтвержденіе словъ этого метеоролога, два „свѣгирька“, двѣ маленькихъ пестрыхъ птички, съ веселымъ чириканьемъ пролетѣли надъ моимъ домомъ. Здравствуйте, дорогіе, долго жданные гости! Значить и правда, весна близко!

Недавно странный былъ вечеръ. Еще горѣла вечерняя заря, серебромъ свѣтилась на небѣ луна, робко сверкала нѣсколько звѣздочекъ, а на сѣверѣ, раскинувшись на четверть неба, трепетало и полыхало сѣверное сіяніе. Открылъ дверь—и замеръ на порогѣ.

А днемъ солнце свѣтитъ уже такъ ярко, что по тундрѣ ходить безъ синихъ очковъ невозможно. Бѣдные зайцы—имъ негдѣ достать ихъ, и потому къ веснѣ глаза у нихъ краснѣютъ и видятъ они въ это время плохо. Съ удовольствіемъ пускальбы имъ цинковыя капли.

24 марта.

Вернулись сегодня ѣздившіе по песцовымъ ловушкамъ промышленники и рассказываютъ новость: одинъ изъ нихъ близъ моря наѣхалъ на большую бѣлую медвѣдицу „съ дитею“—и убилъ ихъ обоихъ. Какова смѣлость—одинъ на одинъ, вооруженный лишь копьемъ и дряненькимъ, почти кремиевымъ ружьишкомъ! Я чуть не заплакалъ отъ досады и зависти. Съ однимъ промышленникомъ я какъ разъ недавно уславливался ѣхать на охоту—ужь совсѣмъ было онъ согласился, но вдругъ отказался, неизвѣстно почему.

Приходятъ сегодня ко мнѣ.—„Правду-ли, дядюшка, баютъ женщины, будто вчера небо открывалось? Вотъ тоже намеднесь

двѣ дѣвки въ Станчикѣ рассказывали, будто видѣли небо открытымъ, въ немъ люди ходятъ и свѣчи горятъ. Такъ обѣ и обмерли.—Хоть и жаль было разрушать эту поэзію, но я увѣрилъ, что это ерунда.—„А не худо это, слышь, что сей годъ Пасха на Благовѣщенье приходится?“

Мнѣ приходится быть оракуломъ.

25 марта. Пасха.

Христось Воскресе!

Эту ночь здѣсь мало спали — выходятъ всѣ „встрѣчать Христа“ съ восходомъ солнца. Я тоже всталъ въ 3 часа — ночи теперь уже совсѣмъ свѣтлыя. Солнце поднялось въ 4 часа (на цѣлый часъ раньше, чѣмъ въ Москвѣ). По бокамъ его стояли два огненныхъ столба, которые предвѣщаютъ пургу или сибѣгъ. Про такое солнце здѣсь говорятъ, что оно выходитъ встрѣчать пургу „въ рукавицахъ и малахаѣ“.

День официального приѣма. По правдѣ сказать, я ждалъ его съ нѣкоторой боязнью, потому что мысль о христосованіи со всѣми моими согражданами мнѣ не очень улыбалась. Къ счастью моему, къ празднику всѣ помылись и почистились, да и христосуются какъ-то по-старинному — два раза щека со щекой и только въ третій разъ въ губы, поэтому все оказалось не такъ страшно. Отказаться — значило обидѣть всѣхъ. Былъ и я съ визитами. Всѣ расфранчены, ребята въ пестрыхъ рубахахъ, женщины въ широчайшихъ юбкахъ изъ какой-то необыкновенно грмящей матеріи яркаго металлическаго цвѣта. Станчикъ вина, строганина, наръзанныя ложтиками варенныя яйца гусинныя, чай. Оживленный разговоръ о песцахъ и медвѣдяхъ — по случаю возвращенія съ осмотра ловушекъ, которыя здѣсь зовутся „пастями“, и, конечно, безконечный, всегда для всѣхъ интерессный, никогда не могущій быть исчерпаннымъ разговоръ о собакахъ — эта главная тема всѣхъ сѣверныхъ разговоръ.

Время отъ времени отъ часовенки несется звонъ колокола. Каждый молящійся, который заходитъ въ часовню, считаетъ своей обязанностью нѣсколько разъ дернуть за веревку колокола — таковъ обычай. Мнѣ уже предлагали прочесть въ часовнѣ „службу“. Положеніе заставило меня быть докторомъ, сватомъ, но не могу же я въ концѣ концовъ быть еще священникомъ!

Есть здѣсь одна необычайно сердобольная женщина. При каждой встрѣчѣ со мной и всякій разъ, какъ при ней начнется разговоръ обо мнѣ, ея глаза наполняются слезами, и она неизмѣнно причитаетъ: „Матушка-то, поди, сейчасъ плачетъ, гдѣ-то, молъ, мое дитятко!“ Иначе, какъ „дитятко“, она меня не зоветъ — а у „дитятки“ въ бородѣ ужъ сѣдина пробивается...

Приходить сейчасъ вечеромъ тунгусъ, живущій работникомъ

у старосты,—въ рукахъ тарелка, на ней рыбный пирогъ.— „Староста прислалъ тебѣ пирожокъ для праздника — сегодня, молъ, съ нами вмѣстѣ не отобѣдай. Не оскорбитесь!“ — низко кланяется.

Передъ такими явленіями я совершенно теряюсь — какъ вести себя? Не возьмешь — обидишь, а возьмешь — самому неловко. Чистая бѣда!

23 апрѣля.

Буду говорить о погодѣ. И не потому вовсе, что говорить мнѣ больше не о чемъ, но потому, что она сейчасъ представляетъ для меня самый животрепещущій интересъ. Съ петербургскимъ просыпаюсь утромъ, бѣгу къ окошку и смотрю на термометръ. Ура!... Сегодня въ 7 часовъ утра было только 6 градусовъ мороза. Столбикъ ртути поднимается все выше, добрался до 5 градусовъ тепла—и остановился. Снѣгъ таетъ не на шутку. Надѣлъ свое драповое парижское пальто (Belk Jardinière, конечно, даже не подозреваетъ о существованіи какого-то Русскаго Устья въ 13.000 верстахъ отъ нея!), взялъ ружье и отправился за рѣку. Таютъ на солнцѣ верхніе слои снѣга и глазурию замерзаютъ за ночь. Съ каждымъ днемъ глазури толще и блестяще, сверкаетъ на солнцѣ мириадами разноцвѣтныхъ искръ и даже за синими стеклами слѣпятъ глаза. На томъ берегу, прямо противъ моего домика, стоятъ нѣсколько остроконечныхъ земляныхъ юртъ (такъ называемыя „урасы“), въ которыхъ живутъ лѣтомъ. Теперь все еще пока занесено снѣгомъ и кругомъ царитъ безмолвіе. Только на верхушкѣ одной урасы сидитъ большимъ неподвижнымъ комомъ бѣлая сова, которая высматриваетъ сверху, какъ пожарный съ каланчи, куропатокъ и зайцевъ. Я долго сижу за бугромъ и наблюдаю за ней. Время отъ времени она осторожно поворачиваетъ голову, описывая шеей почти полный кругъ. Она замѣтила меня, дважды жалобно и протяжно крикнула и, распустивъ свои огромныя бѣлыя крылья, тяжело и безшумно полетѣла прочь. Я иду вдоль обрывистаго берега, гдѣ мѣстами снѣгъ протаялъ уже до земли, но все еще имъ засыпаны до верху огромныя трещины, въ которыя я неожиданно проваливаюсь до пояса, что вовсе не такъ ужъ приятно.

Весь берегъ испещренъ слѣдами. Зигзагами и извилистыми линиями разрисовали снѣгъ куропатки, бѣгая стайками и обрывая почки высовывающихся изъ-подъ снѣга вѣтокъ мелаго кустарника ивы („тальникъ“). Кое гдѣ видны маленькія ямки, гдѣ онѣ грѣлись на солнцѣ. Вотъ раздался въ сторонѣ ихъ крикъ, и я вижу небольшую стайку: кавалеры уже въ коричневыхъ ошейникахъ, дамы не слѣдали еще уступокъ весенней модѣ. Вытянувъ шею, нѣкоторыя боязливо смотрятъ на меня, другія безопасно лежатъ въ снѣгу, кто-то изъ нихъ тревожно и

сердито бормочетъ что-то по моему адресу — должно быть что-нибудь не очень лестное. Бормотанье вдругъ обрывается, и вся стая, сорвавшись, улетаетъ прочь, рѣзко выдѣляясь во время полета на снѣгу своими черными развернутыми хвостами. Зайцы протоптали на берегу цѣлую тропинку — это ихъ излюбленное мѣсто прогулокъ. Проходя здѣсь, я встрѣчалъ ихъ каждый разъ. Различить его въ снѣгу, когда онъ лежитъ, невозможно — у него шелковистая бѣлая шерсть и черны лишь кончики ушей. Онъ, бѣдняга, теперь плохо видитъ, но зато чудесно слышитъ. Порой заяцъ срывался у меня чуть не изъ-подъ самыхъ ногъ. Какъ забавно катился и улетывалъ прочь этотъ бѣлый комочекъ! Иногда, отбѣжавъ подалеже, заяцъ садился на заднія лапки и, настороживъ уши, тревожно прислушивался и присматривался, а потомъ, комично махнувъ передними лапками — что, молъ, съ тобой тутъ разговаривать, — бросался бѣжать прочь. Такъ хотѣлось бы его осторожно поглядить по пушистой головѣ. По слѣду можно узнать о его настроеніи. Вотъ ровнымъ аллюромъ пробѣжала влюбленная парочка, здѣсь зайчишка шелъ шагомъ, копался въ снѣгу, доставая траву, тамъ, испугавшись чего-нибудь, неожиданно прыгнулъ въ сторону и умчался стремглавъ, душа въ пяткахъ. Встрѣчается и слѣдъ песка, пробѣжавшаго стороной — ровный и четкій слѣдъ, какъ отъ небольшой собаки.

Я залѣзаю въ рытвину обвалившагося берега. Тихо, тихо. Солнце печетъ и слышенъ лишь шорохъ капель и обваливающагося снѣга. Передъ глазами пластъ обнаженной земли, и я съ любопытствомъ рассматриваю крутинки песка, прошлогодній мохъ, сухую травку. Небо ясное, безъ единого облачка. Ахъ, это солнце! Оно горитъ и грѣетъ, все вокругъ наполняетъ огнемъ, свѣтомъ, тепломъ. Точить снѣгъ, сгонять капельками воду съ обтаявшей сосульки, которая виситъ на травѣ, какъ прозрачный леденецъ... И далеко, далеко несутся думы... Тамъ, то же солнце, пахнетъ пылью и горячимъ камнемъ, этимъ особеннымъ раздражающимъ лѣтнимъ запахомъ большого города, слышны звонки трамваевъ, пронзительные гудки неуклюжихъ паровыхъ конокъ, мягкій звукъ катящихся автомобилей, темнѣетъ зелень каштановъ, шумитъ, бѣжитъ и смѣется живая толпа...

В. Зензиновъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Откровения смерти.

(Последнія произведения Л. Н. Толстого).

... ὁρθῶς ἀπτόμενοι φιλοσοφίας λεγόμενοι
τοὺς ἄλλους, ὅτι οὐδὲν ἄλλο ἐπιτηδεύουσιν ἢ
ἀποθνῄσκειν καὶ ταυτῆσι. *)

Платонъ. Федонъ. 64 А.

I.

Аристотель гдѣ-то говоритъ, что у каждаго сновидца свой собственный мѣръ, у всѣхъ-же бодрствующихъ — одинъ общій мѣръ. Это положеніе — основа не только Аристотелевской, но и всей, какъ до него, такъ и послѣ него существовавшей научной, положительной философіи. Оно-же считается непрекаемой истиной и обыкновеннымъ здравымъ смысломъ. Можеть-ли человѣкъ отказаться отъ самоочевидной истины? Не можеть, конечно. Значить, никто, даже самъ Богъ, отъ него этого и требовать не вправѣ? Deus impossibilia n. n. jubet — Богъ не требуетъ невозможнаго, — это тоже самоочевидная истина, на которой сходятся и положительная наука, и здравый смыслъ, и даже проникнутая мистицизмомъ вѣра католичества.

Но смерть съ этимъ не считается. У нея свои истины, свои очевидности, свои возможности и невозможности. Онѣ не мирятся съ нашими обычными представленіями, и мы не умѣемъ постигать ихъ. Только исключительные люди, въ рѣдкія минуты напряженнѣйшаго душевнаго подъема научаются слышать и понимать загадочный языкъ смерти. Это дано было и Л. Н. Толстому. Что ему открыла смерть? Какія невозможности стали для него возможными? Вѣдь смерть, вопреки здравому смыслу, требуетъ отъ человѣка невозмож-

---

*) «... для всѣхъ людей это тайна: кто всецѣло отдается философіи, тотъ не стремится ни къ чему иному, какъ къ умиранию и смерти.

наго и, вопреки Аристотелю, вырываетъ его изъ общаго вѣсьмъ міра. Какъ это происходитъ? Какъ невозможное становится возможнымъ?

Среди посмертныхъ произведеній Толстого есть небольшой, неоконченный рассказъ — «Записки Сумасшедшаго». Содержаніе его простое: богатый помѣщикъ, прослышавъ, что въ Пензенской губерніи продается имѣніе, ѣдетъ осматривать его. Ѣдетъ и радуется: по его соображеніямъ удастся купить отличное имѣніе за безцѣнокъ, почти задаромъ. И вотъ, *внезапно*, по пути, во время ночевки въ гостиницѣ, безъ всякой видимой внѣшней причины имъ овладѣваетъ страшная, невыносимая тоска. Въ окружающемъ не произошло никакой переменны, ничего не случилось, все осталось по-прежнему. Но прежде все внушало довѣріе, все казалось естественнымъ, законнымъ, нужнымъ, упорядоченнымъ, дающимъ покой, сознаніе, что подъ ногами почва, что кругомъ реальность. Не было ни сомнѣній, ни вопросовъ — были одни отвѣты. Теперь же сразу, мгновенно, точно по волшебству все измѣнилось. Отвѣты, покой, почва, сознаніе правоты и сопровождающее все это чувство легкости, простоты, ясности — все пропало. Остались одни огромные и совершенно новые вопросы, съ ихъ вѣчными, назойливыми спутниками — тревогой, сомнѣніемъ и бессмысленнымъ, ненужнымъ, глоущимъ, но непреодолимымъ страхомъ. Были пущены въ ходъ обычные средства, которыми люди отгоняютъ отъ себя тяжелыя мысли и настроенія, но они оказались непригодными. «Я пробовалъ думать о томъ, что занимало меня: о покупкѣ, о женѣ. Ничего не только веселаго не было, но все это стало ничто. Все заслонялъ ужасъ за свою погибающую жизнь. Надо заснуть. Я легъ, было, но только что улегся, какъ вдругъ вскопчилъ отъ ужаса. И тоска, тоска—такая-же тоска, какая бываетъ передъ рвотой — но только духовная. Жутко, страшно. Кажется, что смерть страшна, а вспомнишь, подумаешь о жизни, то *умирающей жизни страшно*. Какъ-то и жизнь и смерть сливались въ одно. Что-то раздирало мою душу на части и не могло раздрать. Еще разъ пошелъ посмотреть на спящихъ, еще разъ попытался заснуть, все тотъ-же ужасъ—красный, бѣлый, квадратный. Рвется что-то и не разрывается». Такъ безстрашно обнажаетъ себя Толстой. Не у многихъ писателей мы найдемъ такую правду. И, если захотѣть и сумѣть увидѣть эту правду — вѣдь и обнаженную правду увидѣть нелегко — то возникаетъ цѣлый рядъ роковыхъ и несоизмѣримыхъ съ масштабомъ нашего привычнаго мышленія вопросовъ. Какъ принять эти *вдругъ* явившіяся, *безпричинные*, красные, бѣлые, квадратные ужасы? Въ «общемъ для всѣхъ мірѣ» итъ и не должно быть ни «вдругъ» ни «дѣйствія безъ причины». И ужасы тамъ не бываютъ ни бѣ-

лыми, ни красными, ни квадратными. То, что произошло съ Толстымъ, есть угроза нормальному человѣческому сознанию. Сегодня, вдругъ, безъ причины обезпokoился Толстой, завтра, тоже безъ всякаго основанія, обезпokoится другой, тамъ — третій, и въ одинъ прекрасный день зараза распространится на все общество, на всѣхъ людей. Если серьезно принять то, что рассказано въ «Запискахъ Сумасшедшаго», то выхода иного нѣтъ: нужно либо отречься отъ Толстого и отдѣлить его отъ общества, какъ въ средніе вѣка отдѣляли больныхъ проказою или иной страшной прилипчивой болѣзью, либо, если признать его переживанія «закономѣрными», ждать и трепетать ежеминутно, что и съ другими произойдетъ то-же, что съ нимъ, что «общій всѣмъ міръ» распадется, что люди изъ бодрствующихъ обратятся въ сповидцевъ и у каждаго человѣка не во снѣ, а наяву будетъ свой собственный міръ.

Здравый смыслъ и выросшая изъ здраваго смысла наука не можетъ колебаться предъ такой дилеммой. Правъ не Толстой съ его безпредметной тоской, безпричинными страхами и безумными тревогами. Правъ «общій міръ» съ его твердой вѣрой и прочными, вѣковыми, спокойными, всѣмъ равно доступными, ясными и отчетливыми истинами. Если-бы рѣшилась не о прославившемся на весь міръ писателѣ, — судьба Толстого была-бы рѣшена: онъ былъ-бы извергнутъ изъ общества, какъ больной и крайне для всѣхъ опасный человѣкъ. Но Толстой — гордость и слава Россіи, съ нимъ нельзя такъ рѣшительно поступать. Какъ ни явно нелѣпо и неприемлемо то, что онъ говоритъ, его продолжаютъ слушать, съ нимъ продолжаютъ даже считаться.

«Сегодня, — рассказываетъ онъ дальше, — меня возили свидѣтельствоваться въ губернское правленіе, и мнѣнія раздѣлились. Они спорили и рѣшили, что я не сумасшедшій. Но они рѣшили такъ потому, что я всѣми силами держался во время свидѣтельствованія, чтобы не высказаться. Я не высказался, потому, что боюсь сумасшедшаго дома, боюсь, что тамъ мнѣ помѣшаютъ дѣлать мое сумасшедшее дѣло. Они признали меня подверженнымъ аффектамъ и еще что-то такое, но въ здоровомъ умѣ. Они признали, но я то знаю, что я сумасшедшій...»

Пессимѣнно, что не *они* правы, а *онъ*. Толстой всю жизнь чувствовалъ въ своей душѣ что-то, что выталкивало его изъ «общаго міра». Онъ рассказываетъ, что припадки, вродѣ того, который приключился съ нимъ во время поѣздки въ Пензенскую губернію, хоть и рѣдко, но и прежде бывали. Уже въ раннемъ дѣтствѣ, по самымъ незначительнымъ поводамъ, имъ овладѣвало внезапно чувство ужаса, бурно и властно сгонявшее естественное чувство радости бытія и покоя существованія. Лежитъ онъ въ кровати, ему тепло, уютно, спо-

койно, онъ думаетъ о томъ, какіе всѣ люди хорошіе и какъ всѣ другъ друга любятъ. Вдругъ онъ слышитъ, какъ экономка съ нянькой обмѣнялись нѣсколькими сердитыми словами, и все очарованіе, какъ бы по заклинанію злого духа, мгновенно исчезаетъ. «Мнѣ становится и больно, и страшно, и непонятно, и ужасъ, холодный ужасъ находить на меня, и я прячусь съ голодой подъ одѣяло».

Другой разъ при мнѣ били мальчика. «И тутъ, — рассказываетъ онъ, — на меня нашло. Я сталъ рыдать, рыдать и долго никто не могъ меня успокоить. Вотъ эти-то рыданія и были первыми припадками моего сумасшествия». Третій разъ на него нашло, когда ему тетя рассказывала о томъ, какъ Христа мучали. Онъ сталъ допытываться, за что его мучали — но тетка не умѣла отвѣтить. «И на меня опять нашло. Я рыдалъ, рыдалъ, потомъ сталъ биться головой о стѣнку». Не одинъ Толстой — всѣ люди бывали свидѣтелями ссоръ между близкими, всѣмъ приходилось видѣть примѣры жестокаго обращенія съ дѣтьми, всѣ читали и слышали о мукахъ Христа. Но ни въ комъ, по крайней мѣрѣ рѣдко въ комъ, наблюдалась такая бурная, безудержная реакція. Поплачуть и забудутъ, впечатлѣнія сами собой потонутъ и растворятся въ массѣ другихъ впечатлѣній. Но Толстому не дано было забыть. Впечатлѣнія дѣтства прочно засѣли въ глубинахъ его души, онъ ихъ словно даже бережетъ, какъ драгоценное сокровище, какъ нѣкій таинственный платоновскій анамнезисъ, смутно свидѣтельствующій объ иномъ, непостижимомъ бытіи. И они, эти впечатлѣнія, въ свой чередъ ждуть только «сроковъ», чтобы властно предъявить свои права. Правда, развлеченія, забавы и заботы жизни, всѣ «дѣла», которыми наполняется существованіе человѣка, отвлекали Толстого надолго отъ его необычайныхъ видѣній. И, затѣмъ, какъ онъ самъ рассказываетъ, онъ инстинктивно боялся «сумасшедшаго дома» — и еще больше боялся сумасшествия, т. е. жизни не въ общемъ всѣмъ, а въ своемъ особенномъ мірѣ. Поэтому, онъ дѣлалъ величайшія напряженія, чтобы жить, «какъ всѣ», и видѣть только то, что не выбиваетъ человѣка изъ обычной колеи.

II.

«Записки Сумасшедшаго» въ нѣкоторомъ смыслѣ могутъ считаться ключомъ къ творчеству Толстого. Если бы онъ не были написаны самимъ Толстымъ, мы, съ нашими привычками видѣть въ великихъ людяхъ образцы всѣхъ не только гражданскихъ, но и военныхъ добродѣтелей, увидѣли бы въ нихъ клевету на Толстого. Онъ самъ, если-бы кто-нибудь за годъ или даже за день до начала его «сумасшествия» предста-

вить ему его жизнь такой, какой она изображена въ «запискахъ», глубоко возмущился и увидѣлъ бы въ этомъ только преступное желаніе запятнать его доброе имя. И, въ самомъ дѣлѣ — самая злая клевета не сравнится съ той правдой, которую Толстой о себѣ рассказываетъ. Онъ хочетъ купить имѣніе — но не хочетъ за него платить настоящую цѣну. Онъ ищетъ «такого дурака» — это его собственныя слова, — который бы продалъ имѣніе за безцѣнокъ, такъ чтобы потомъ, продавши на срубъ лѣсъ, можно было выручить столько денегъ, сколько было уплачено за имѣніе, и чтобы имѣніе досталось даромъ. Такой дуракъ навѣрное найдется: на ловца и звѣрь бѣжитъ. Толстой терпѣливо выжидаетъ, читаетъ объясненія, собираетъ справки. Или, если Богъ не пошлетъ дурака, Толстой отыграется на мужикахъ. Купить имѣніе въ такомъ уѣздѣ, гдѣ мужики всѣ безземельные: тогда будутъ у него даровые работники.

Что рассказъ не есть вымыселъ и что помѣщикъ, о которомъ идетъ рѣчь — самъ Толстой, въ томъ каждый можетъ убѣдиться, прочитавъ письмо Толстого къ женѣ *) (№ 63). Приведу его полностью: «Третьяго дня въ ночь я ночевалъ въ Арзамасѣ и со мной было что-то необыкновенное. Было 2 часа ночи, на меня нашла тоска, страхъ, ужасъ такіе, какихъ я никогда не испытывалъ. Подробности этого чувства я тебѣ расскажу впоследствии, но подобнаго мучительнаго чувства я никогда не испытывалъ, и никому не дай Богъ испытать. Я вскочилъ, велѣлъ закладывать. Пока закладывали, я заснулъ и проснулся здоровымъ. Вчера это чувство въ гораздо меньшей степени возвратилось во время ѣзды, но я былъ приготовленъ и не подался ему, тѣмъ болѣе, что оно было слабѣе. Нынче чувствую себя здоровымъ и веселымъ, насколько могу быть безъ семьи. Въ эту поѣздку я въ первый разъ почувствовалъ, до какой степени я сросся съ тобой и дѣтьми. Я могу оставаться одинъ въ постоянныхъ занятіяхъ, какъ я бываю въ Москвѣ, но какъ только безъ дѣла, я рѣзительно чувствую, что не могу быть одинъ». Даже мелкія подробности въ письмѣ тѣ-же, что и въ «Запискахъ Сумасшедшаго»: и покупка имѣнія, и поѣздка, и Пензенская губ., и городъ Арзамасъ, и «мысли о женѣ», и безпричинный, безумный страхъ...

Въ литературѣ существуетъ прочно устоявшійся обычай: показывать читателямъ только лицевую сторону жизни великихъ людей. «Низкія» истины намъ не нужны: что съ ними дѣлать? Мы увѣрены, что истины намъ нужны не сами по себѣ, а лишь постольку, поскольку онѣ бываютъ по-

*) Письмо съ поѣздки въ Пензенскую губ. для осмотра имѣнія, которое Л. Н. предполагалъ купить и не купилъ.

лезны для какого-нибудь «дѣланія». Такъ составилъ жизнеописаніе Достоевскаго Н. И. Страховъ — объ этомъ онъ самъ исповѣдуются Толстому въ опубликованномъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ (въ 1913 г.) письмѣ. «Все время писанія, — рассказываетъ онъ, — я боролся съ подымавшимся во мнѣ отвращеніемъ, старался подавить въ себѣ дурное чувство. Пособите мнѣ найти отъ него выходъ. Я не могу считать Достоевскаго ни хорошимъ, ни счастливымъ человѣкомъ. Онъ былъ золь, завистливъ, развратенъ, онъ всю жизнь провель въ такихъ волненіяхъ, которія бы дѣлали его жалкимъ и смѣшнымъ, если бы онъ не былъ при этомъ такъ золь и такъ уменъ. По случаю біографіи и живо вспомнилъ эти чувства. Въ Швейцаріи, при мнѣ, онъ такъ помыкалъ слугой, что тотъ обидѣлся и выговорилъ ему: «я вѣдь тоже человѣкъ». Помню, какъ это тогда-же мнѣ было поразительно, что это было сказано проповѣднику гуманности и что тутъ отозвались понятія вольной Швейцаріи о правахъ человѣка. Такія сцены были съ нимъ безпрестанно, почему онъ не могъ удержать своей злости. Я много разъ молчалъ на его выходки, которыя онъ дѣлалъ совершенно по-бабьи, неожиданно и непрямо, но и мнѣ случалось раза два сказать ему очень обидныя вещи. Но, разумеется, онъ вообще имѣлъ перевѣсъ надъ обыкновенными людьми, и всего хуже, что онъ этимъ услаждался, что онъ никогда не каялся до конца во всѣхъ своихъ пакостяхъ. Его тянуло къ пакостямъ, и онъ хвалился этимъ. Висковатовъ (профессоръ Юрьевскаго университета) сталъ мнѣ рассказывать, какъ онъ похвалялся, что... въ банѣ съ маленькой дѣвочкой, которую ему привела гувернантка. Лица, наиболѣе на него похожія — это изъ «Зап. изъ подполья», Свидригайловъ и Ставрогинъ. Одну сцену изъ Ставрогина (растлѣніе и пр.) Катковъ не захотѣлъ печатать, но Достоевскій здѣсь читать ее многимъ. При такой натурѣ онъ былъ расположенъ къ сладкой сантиментальности, къ высокимъ и гуманнымъ мечтаніямъ, и эти мечтанія — его направление, его литературная муза и дороги. Въ сущности, впрочемъ, всѣ его романы составляютъ самооправданіе, доказываютъ, что въ человѣкѣ могутъ ужиться съ благородствомъ всякія мерзости. Вотъ маленькій комментарий къ моей біографіи; я бы могъ записать и эту сторону въ Достоевскомъ; много случаевъ рисуется мнѣ гораздо живѣе, чѣмъ то, что мною описано, и рассказъ вышелъ бы правдивѣе; но пусть эта правда погибнетъ; будемъ щеголять одной лицезвой стороной жизни, какъ мы это дѣлаемъ вездѣ и во всемя»...

Не знаю, много-ли найдется въ литературѣ документовъ, по своей цѣнности равныхъ приведенному письму. Не увѣренъ даже, понималъ-ли Страховъ смыслъ и значеніе того,

въ чемъ онъ признавался Толстому. Въ новое время многіе утверждали, что ложь цѣннѣе истины. Объ этомъ говорилъ О. Уайльдъ, Ницше, даже Пушкинъ воскликнулъ: «тѣмъ низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающей обманъ». Но все они обращались къ читателю, поучали. А Страховъ просто и искренне кается, и это придаетъ его словамъ особую силу и значительность. Вѣроятно, письмо произвело огромное впечатлѣніе на Толстого, который какъ разъ въ это время особенно мучительно чувствовалъ бремя условной лжи и весь былъ охваченъ жаждой очищающей исповѣди. Вѣдь онъ самъ былъ жрецомъ возвышающаго обмана и какого чарующаго, чудеснаго, захватывающаго! Онъ тоже, какъ и Страховъ, училъ людей щеголять лицею стороной жизни и губить правду. Вѣдь онъ писалъ «Войну и Миръ» и «Анну Каренину» съ ихъ апоѳеозомъ помѣщичьей жизни какъ разъ въ тѣ годы, когда самъ скупалъ у дураковъ задаромъ имѣнья, прижималъ безземельныхъ мужиковъ и т. д. Все это было, было и еще многое, такое-же. Но все это казалось законнымъ, даже священнымъ, ибо этимъ держался общій всѣмъ міръ. Отвергни это — и ты будешь поставленъ въ необходимость создать свой собственный міръ. Такъ и было съ героемъ «Записокъ Сумасшедшаго». Онъ увидѣлъ, что одно изъ двухъ: либо жена и домашніе, нападавшіе на него за новый образъ мысли, были правы и онъ точно боленъ и нуждается въ лѣченіи, либо весь міръ боленъ и живетъ въ безуміи. «Записки Сумасшедшаго» могутъ почитаться, какъ бы суммарнымъ заглавіемъ ко всему, написанному Толстымъ послѣ 50 лѣтъ. И, мнѣ кажется, что Толстой не случайно заимствовалъ у Гоголя заглавіе для своего несовершеннаго рассказа. Когда при мнѣ одной дѣвочкѣ прочли «Записки Сумасшедшаго», Гоголя, она была больше всего поражена тѣмъ, какъ могъ Гоголь такъ старательно выписывать все мелкія подробности хаотическаго состоянія потерявшей рашовѣсіе души. И, въ самомъ дѣлѣ, что привлекло его, въ молодые годы, къ этой странной темѣ? Зачѣмъ вообще описывать хаосъ и безуміе? Какое намъ дѣло до того, считать-ли или не считатьъ себя Поприцинъ испанскимъ королемъ, были-ли влюбленъ больной чиновникъ въ дочь своего начальника, переписывались-ли между собою собачонки и т. д.?

Очевидно, Гоголю дикій полетъ фантазіи сумасшедшаго не казался такимъ бессмысленнымъ и ни къ чему не нужнымъ, равно какъ и тотъ особенный, только ему одному принадлежащій міръ не представлялся столь переальнымъ, какъ это кажется намъ. Что-то его тянуло къ Поприцину и къ безумію Поприцина, что-то въ его жизни и его особенномъ мірѣ привлекало и непреодолимо манило къ себѣ будущаго автора «Переписки съ друзьями». Иначе зачѣмъ было

останавливаться на его жалкихъ, съ вѣшной стороны, явно безмысленныхъ переживаніяхъ? Замѣьте, что не только безуміе Поприщина привлекло въ эту пору жизни вниманіе Гоголя. Тогда же онъ пишетъ и «Вія», и «Страшную мекку», и «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ». И ошибочно было-бы думать, что Гоголь въ этихъ рассказахъ былъ только стороннимъ наблюдателемъ, «бытописателемъ» народной жизни.

Кошмарная смерть, такъ внезапно разбудившая отъ мирной дремоты полурастительнаго существованія Афанасія Ивановича и Пульхерію Ивановну, уже въ молодые годы видно непрестанно тревожила воображеніе Гоголя. Тоже несомнѣнно, что онъ самъ былъ опьянленъ жутью сказки и мифа — жилъ въ сферѣ фантастическаго не меньше, чѣмъ въ признанномъ всѣми реальномъ мірѣ. И колдуны, и вѣдьмы, и черти, такъ неподражаемо имъ описанные, и всѣ ужасы и очарованія, пробуждающіеся въ человѣческой душѣ при соприкосновеніи съ запредѣльными тайнами непреодолимо влекли къ себѣ Гоголя. Если бы вы пожелали отвѣтить на вопросъ, что было сущностью Гоголя, его природой и что въ немъ было вѣшняго, наноснаго — иначе говоря, гдѣ можно найти настоящаго Гоголя, тамъ-ли, гдѣ ему отвела мѣсто «исторія» культуры, или тамъ, гдѣ парила его безудержная фантазія, вы бы не имѣли никакихъ «данныхъ» для отвѣта. Развѣ только, если бы вы довѣрились какой-нибудь изъ современныхъ теорій познанія, которая, по примѣру Аристотели, захватила право отграничивать сонъ отъ яви, дѣйствительность отъ фантазіи. Но, если вы не принадлежите къ тѣмъ, которые слѣпо полагаются на готовые теоріи, если вы способны хоть иногда, хоть на мгновенье, освободиться отъ гипноза современныхъ идей, то вы далеко не такъ рѣшительно станете сводить на-иѣтъ попытки Гоголя изобразить эту загадочную, такъ привлекавшую его и такъ недоступную для всѣхъ, опороченную теоріями, дѣйствительность. Можетъ быть, вы согласитесь признать тогда, что и въ «Мертвыхъ душахъ» Гоголь не выступалъ «обличителемъ» общественныхъ правонъ, а гадать о своей судьбѣ и судьбахъ всего человѣчества. Вѣдь самъ же онъ и рассказывалъ намъ, что подъ видимымъ смѣхомъ его были невидимыя слезы и что, когда мы смѣялись надъ Чичиковымъ и Невревымъ, мы смѣялись надъ ихъ творцомъ.

III.

Въ противоположность Толстому, Гоголь уже въ раннихъ своихъ произведеніяхъ сталъ подходить къ той завѣтной чертѣ, которая отдѣляетъ обычную, всѣмъ доступную дѣйст-

вительность отъ скрытой для смертнаго вѣчной тайны. Подходили когда серьезно, когда играя. Ему нравилось на мгновенье наклонить голову надъ проластью и испытать жуть головокруженія: онъ былъ увѣренъ, что, когда захочетъ, отведеть глаза отъ пропасти. Онъ чувствовалъ себя привязаннымъ надежными канатами къ общему для всѣхъ міру, и для него экскурсіи въ область загадочнаго были вольными и не слишкомъ опасными развлеченіями. Такъ онъ думалъ. Но судьба готовила ему иное. И это выяснилось подъ конецъ жизни. Его настоящими «записками сумасшедшаго» были «Мертвыя души» и «Избранныя мѣста изъ переписки съ друзьями».

Даже Пушкинъ, который все умѣлъ понимать, не разгадалъ истиннаго смысла «Мертвыхъ душъ». Ему казалось, что это плачь по невѣжественной, дикой, отсталой Россіи. Но не въ одной Россіи Гоголь увидѣлъ мертвыя души. Весь міръ представился ему замороженнымъ царствомъ; всѣ люди — великіе и малые — безвольными, безжизненными лунатиками, покорию и автоматически выполняющими извѣстныя имъ приказанія. Ѣдятъ, пьютъ, гадаютъ, размножаются, произносятъ отяжелѣвшими языками безмысленныя слова. Нигдѣ ни слѣда «свободной воли», ни одной искры сознанія, никакой потребности пробудиться отъ вѣковѣчнаго сна. Всѣ глубоко увѣждены — что ихъ сонъ, ихъ жизнь и ихъ «общій» міръ есть единственная, послѣдняя и окончательная реальность, хотя никто, конечно, никогда объ Аристотелѣ и не слышалъ. «Переписка» только комментарий и дополненіе къ «Мертвымъ душамъ». Въ ней, конечно къ совершенно иной формѣ, вырываются вновь на поверхность скрытыя чаянія народолюбивой души. Тотъ-же Вій, тѣ-же колдуны, тѣ-же вѣдьмы, черти — вся та фантастика, о которой мы уже говорили.

И этотъ фантастическій міръ представляется Гоголю самой реальностью сравнительно съ тѣмъ міромъ, въ которомъ Собакевичъ расхваливаетъ Чичикову свои мертвыя души, Пѣтухъ до изнеможенія закармливаетъ своихъ гостей, Плюшкинъ раститъ свою кучу, Иванъ Ивановичъ ссорится съ Иваномъ Никифоровичемъ и т. д. «И здѣсь поистинѣ можно сказать: бѣжимъ, бѣжимъ въ нашу дорогую отчизну. Но какъ бѣжать? Какъ вырваться отсюда?.. Наша отчизна — та область, изъ которой мы пришли сюда; тамъ живетъ нашъ Отецъ». *) Такъ говоритъ Плотинъ, такъ думалъ и чувствовалъ Гоголь: только смерть и безуміе смерти можетъ разбудить людей отъ кошмара жизни. Въ этомъ-же смыслѣ «Записокъ Сумасшедшаго» Толстого — т. е. не того незаконченнаго отрывка, который носятъ это заглавіе, а всего, что

*) Плотинъ. I. 6. 8.

написано Толстымъ послѣ «Анны Карениной». «Сумасшествіе» состояло въ томъ, что все, что прежде казалось реальнымъ и поистинѣ существующимъ, теперь стало представляться призрачнымъ и, наоборотъ, то, что казалось призрачнымъ, теперь кажется единственно дѣйствительнымъ.

Въ «Русскомъ Архивѣ» за 1868 г. появилась до сихъ поръ почему-то нигдѣ не перепечатываемая статья Толстого: «Нѣсколько словъ по поводу книги «Война и Миръ». Въ ней есть слѣдующія многое намъ объясняющія строки, въ которыхъ Толстой опредѣляетъ свое отношеніе къ крѣпостному праву. Его упрекали за то, что во «Войнѣ и Мирѣ» онъ недостаточно выразилъ «характеръ времени». «На этотъ упрекъ, — говоритъ онъ, — я имѣю возразить слѣдующее. Я знаю, въ чемъ состоитъ этотъ характеръ времени, котораго не находятъ въ моемъ романѣ — это ужасы крѣпостного права, закладыванье женъ въ стѣны, сѣченье взрослыхъ сыновей, Салтычиха и т. д.; и этотъ характеръ того времени, который живетъ въ нашемъ представленіи, я не считаю вѣрнымъ и не желалъ выразить. Изучая письма, дневники, преданія, я не находилъ всѣхъ ужасовъ этого буйства въ большей степени, чѣмъ нахожу ихъ теперь или когда-либо. Въ тѣ времена такъ-же любили, завидовали, искали истины, добродѣтели, увлекались страстями; такъ-же была слѣбжная умственно-нравственная жизнь, даже иногда болѣе утонченная, чѣмъ теперь въ высшемъ сословіи. Ежели въ понятіи нашемъ составилось мнѣніе о характерѣ своевольства и грубой силы того времени, то *только отъ того*, что въ преданіяхъ, запискахъ, повѣстяхъ и романахъ до насъ наиболѣе всего доходили выступающіе случаи насилія и буйства».

Толстому было сорокъ лѣтъ, когда онъ писалъ эти строки: возрастъ полной зрѣлости и расцвѣта духовныхъ силъ. Въ созрѣвшемъ Толстомъ Аракчеевская эпоха не возбуждаетъ ни ужаса, ни отвращенія. А въ дѣтствѣ, какъ мы знаемъ, онъ приходилъ въ безумное отчаянье, когда при немъ били мальчика, или даже когда нянька съ экономкой грубо перебранивались. Ему было извѣстно, что дѣлалъ Аракчеевъ и его сподвижники, зналъ онъ тоже, что такое крѣпостное «право» и какова была жизнь мужиковъ подъ неограниченной властью помѣщиковъ — но «видѣть» этого онъ не хотѣлъ, разумъ, которому, какъ принято думать, полагаются все видѣть, не разрѣшалъ. Почему? Потому что такое видѣніе бесполезно, не нужно. Оно разрушаетъ съ такимъ трудомъ исторически сложившійся *ordo et connexio rerum*, тотъ общій всѣмъ міръ, внѣ котораго — безуміе и гибель. Правда неприкрашенная, правда, идущая въ разрѣзъ съ насущными челоуѣческими потребностями, хуже всякой лжи. Такъ думалъ Толстой, когда писалъ «Войну и Миръ», когда идеи Аристотеля еще

всѣмъ владѣли имъ, когда онъ боялся сумасшедшаго дома и сумасшествія и надѣялся, что ему никогда не придется жить въ своемъ «особомъ мѣрѣ». Но, когда онъ принужденъ былъ сказать себѣ: «они признали, но я-то знаю, что я сумасшедшій», когда онъ почувствовалъ себя изверженнымъ изъ общаго міра, онъ волей неволей долженъ былъ начать глядѣть на все не общими, а своими собственными глазами. И тогда «характеръ времени» Аракчеевской эпохи предсталъ предъ нимъ въ совсѣмъ иномъ освѣщеніи. «Утонченная жизнь высшаго сословія» — говорилъ онъ прежде. Теперь онъ говоритъ только о звѣрствѣ, жестокости, грубости и пошлости «высшаго сословія».

Внѣшность красивая, чистая — но подъ внѣшней красивой оболочкой тупость, пустота, преступное безсердечіе, узкій, безчеловѣчный эгоизмъ. Ростовы, Безухіе, Болконскіе превратились въ Собакевичей, Ноздревыхъ и Чичиковыхъ. И нѣтъ гоголевскаго смѣха даже — есть только однѣ его слезы...

Въ небольшомъ, тоже неоконченномъ, разсказѣ «Утро послѣ бала», написанномъ въ 1903 году, когда Толстому уже пошелъ восьмой десятокъ, Толстой, повидимому, умышленно сводитъ на очную ставку свои старыя и новыя «видѣнія». Разсказъ состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой описывается веселый, красивый и интересный балъ. Описывается съ мастерствомъ, равнаго которому русская литература ни до, ни послѣ Толстого не знала. Балъ поистинѣ чудесный. И музыка, и танцы, и шампанское, и благородные, милые люди высшаго сословія, и, конечно, очаровательная, молодая дѣвушка, и влюбленный въ нее молодой человѣкъ, отъ имени котораго ведется разсказъ. А черезъ часъ послѣ окончанія бала, разсказчикъ, веселый, счастливо возбужденный, полный только что пережитыми «утонченными» чувствами наталкивается на улицѣ на иную сцену: гонять сквозь строй дезертира-татарина. И истязанія происходятъ подъ начальствомъ полковника — отца очаровательной молодой дѣвушки, того самаго, который подъ конецъ бала, къ общему удовольствію, такъ красиво и элегантно танцевалъ «по-старинному» мазурку со своею дочерью. Я сказалъ, что сцена была описана Толстымъ съ неподражаемымъ искусствомъ. Съ меньшимъ, если не большимъ искусствомъ и подъемомъ описана и казнь татарина. Не стану приводить выписокъ изъ разсказа: всѣ, вѣрно, читали и помнятъ его. Существенно только отмѣтить и противопоставить одну другой двѣ манеры видѣть и изображать дѣйствительность. И, если имѣть въ виду всю литературную дѣятельность Толстого, то можно, метафорически, конечно, и съ подобающими въ такомъ случаѣ ограничениями, сказать: въ молодые и зрѣлые годы Толстой изо-

бражалъ жизнь, какъ очаровательный балъ, подъ старость — какъ мучительное проведеніе сквозь строй. Подъ старость не только Аракчеевское время и эпоха Николая I казались ему безумнымъ и тяжелымъ кошмаромъ, онъ не выносилъ даже и нашихъ, сравнительно болѣе мягкихъ, нравовъ. Его собственная семья, которую онъ обрисовалъ еще недавно въ «Аннѣ Карениной» въ столь идиллически прекрасныхъ образахъ, стала для него невыносимой. И самъ онъ сталъ себѣ не менѣе отвратительнымъ, чѣмъ тѣ люди, съ которыми онъ жилъ. Пришлось, какъ сказано въ Писаніи, возненавидѣть отца, мать, жену, дѣтей и даже самого себя: много пути для тѣхъ, кто изверженъ изъ общаго для всѣхъ міра, очевидно, нѣтъ...

Толстой гдѣ-то говорить, что лучшей видъ литературы, это — автобіографія. Думаю, что это невѣрно и не можетъ быть вѣрно въ условіяхъ человѣческаго существованія. Мы всѣ слишкомъ принадлежимъ обществу и слишкомъ живемъ для общества и, потому, приучились не только говорить, но и думать лишь то и такъ, какъ того требуетъ общество. Написать правдиво исторію своей жизни или искреннюю исповѣдь, т. е. рассказать о себѣ не то, чего ждетъ и чего нужно обществу, а то, что дѣйствительно съ тобой было, значитъ добровольно выставить себя, — при жизни или послѣ смерти, это почти все равно, — къ позорному столбу. Общество не прощаетъ отступленій отъ своихъ законовъ, и судъ его неумолимъ и беспощаденъ. Мы всѣ это знаемъ, и даже самые смѣлые среди насъ приспособляются къ общественнымъ требованіямъ. Дневники Толстого еще не опубликованы, но тѣ дневники и жизнеописанія, которые мы знаемъ, подтверждаютъ сказанное мною. Ни одному человѣку до сихъ поръ не удавалось рассказать о себѣ въ прямой формѣ правду, даже часть правды — и это равно относится и къ «Исповѣди» бл. Августина, и къ confessions Руссо и къ автобіографіи Милли, и къ дневникамъ Нитше. Свое собственное, главное, интимное не попало ни въ одно изъ этихъ произведеній. Самую цѣнную и трудную правду о себѣ люди рассказываютъ только тогда, когда они о себѣ не говорятъ. Если бы Достоевскій написалъ свою автобіографію — она бы ничѣмъ не отличалась отъ Страховской біографіи: щегольнулъ бы лицевой стороной жизни и только. А въ «Запискахъ изъ Подполья», въ Свидригайловѣ — самъ Страховъ признаетъ это — передъ нами живой, настоящей Достоевскій. Тоже и Ибсенъ: не ищите его въ письмахъ или воспоминаніяхъ — не найдете. А въ «Дикой уткѣ» и другихъ своихъ пьесахъ онъ всего себя рассказалъ. И Гоголь не въ «авторской исповѣди» — а въ «Мертвыхъ душахъ». То-же можно обо всѣхъ писателяхъ сказать.

И нѣтъ надобности требовать отъ людей правдивыхъ автобіографій. Вѣдь литературный вымыселъ затѣмъ и придуманъ, чтобы дать возможность людямъ свободно высказаться. Но, скажутъ, нужно-ли повѣрить въ правду, какъ люди до сихъ поръ вѣрили и вѣрятъ въ ложь. Это невозможно?! Нельзя знать, что дастъ намъ правда?! Но, вѣдь, и ложь, которую мы обоготворяемъ, не очень намъ много дала...

Впрочемъ, въ утѣшеніе тѣмъ, которые боятся порывать съ традиціями, я скажу, что правда все-же не такъ опасна, какъ это принято думать. Ибо, даже выставленная на показъ, она все еще не становится общимъ достояніемъ: такъовъ изначальный законъ Судьбы. Кому не слѣдуетъ—тотъ правды не увидитъ, хотя-бы она являлась къ нему во всей своей наготѣ на каждомъ перекресткѣ. Сверхъ того, пока существуетъ міръ—не переведутся и люди, которые со спокойной или неспокойной совѣстью будутъ изготовлять для своихъ ближнихъ возвышающую ихъ ложь. И такіе люди всегда были и всегда будутъ властителями человѣческихъ думъ.

Такъ или иначе, въ автобіографіяхъ не больше «правды», чѣмъ въ біографіяхъ. Кто хочетъ «правды» — тотъ долженъ научиться искусству читать художественныя произведенія. Трудное это искусство — недостаточно быть грамотнымъ, чтобы умѣть читать. Потому такъ цѣнны сохранившіеся послѣ автора черновые наброски. Иной разъ эскизъ, даже наскоро занесенная на бумагу, едва зародившаяся мысль больше говоритъ, чѣмъ законченное художественное произведеніе: человѣкъ не успѣлъ еще приспособить свои видѣнія къ «общимъ» требованіямъ. Нѣтъ подготовляющаго начала, нѣтъ разрѣшающаго конца. Рѣзкая и обнаженная мысль стоитъ предъ нами, какъ утесъ надъ водой, во весь свой естественный ростъ, и некому «оправдывать» ее въ ея грубомъ своеволіи — ни самого автора, ни услужливаго біографа.

Оттого я такъ долго останавливаюсь на незаконченныхъ и необработанныхъ «Запискахъ Сумасшедшаго». Въ своихъ законченныхъ произведеніяхъ Толстой настойчиво проводитъ ту мысль, что онъ считаетъ дѣло здраваго смысла — своимъ единственнымъ жизненнымъ дѣломъ, что вся его задача — дать людямъ вѣру въ здравый смыслъ. И только разъ, въ наброскѣ, онъ позволилъ себѣ назвать то, что происходило въ его душѣ, настоящимъ словомъ. «Они признали меня — въ здоровомъ умѣ, но я-то знаю, что я сумасшедшій». Это признаніе открываетъ намъ доступъ къ наиболее важнымъ и значительнымъ переживаніямъ Толстого.

Не слѣдуетъ, однако, забывать, что даже въ послѣдніе годы жизни Толстого «сумасшествіе» не было постояннымъ его душевнымъ состояніемъ. Оно только временами «нахо-

дило» на него: онъ то жилъ въ своемъ «особенномъ» мѣрѣ, то въ «общемъ для всѣхъ». Придутъ вдругъ неизвѣстно откуда безпричинные, безумные страхи, раскинутъ, перебьютъ, переломаютъ всѣ сокровища, накопленные въ душѣ разумомъ, и уйдутъ тоже неизвѣстно куда и такъ-же внезапно и неожиданно, какъ пришли. И тогда Толстой снова нормальный человѣкъ — такой-же, какъ и всѣ, только съ нѣкоторыми странностями и чудачествами, слабо и отдаленно отражающими пережитыя бури или предчувствіе будущихъ новыхъ потрясеній. Отсюда и неровности въ его характерѣ и дѣятельности, отсюда и постоянныя «вопіющія» противорѣчія, которая съ такимъ алрадрствомъ подчеркивали его многочисленныя недоброжелатели. Толстой боялся — больше смерти боялся — своего безумія, но вмѣстѣ съ тѣмъ всей душой ненавидѣлъ и презиралъ свою нормальность. И его безпокойная, порывистая непослѣдовательность говорить намъ много больше, чѣмъ выдержанная и расудительная твердость тѣхъ, кто его обличалъ.

IV.

Многіе, чтобъ успокоить себя и отдѣлаться отъ той тревоги, которой они невольно заражаются, читая произведенія Толстого, пытаются объяснить всѣ боренія его малодушнымъ страхомъ предъ смертью. Имъ кажется, что такое «объясненіе» избавитъ навсегда ихъ отъ трудныхъ вопросовъ и вернетъ прежнія права обиходнымъ отвѣтамъ. Способъ не новый, но надежный. Его еще Аристотель формулировалъ, твердой рукой проведшій ясную и отчетливую линію, опредѣляющую предѣлы человѣческихъ исканій. Не нужно подходить къ послѣдней тайнѣ, нельзя давать мыслямъ о смерти право владѣть человѣческой душой.

Но Платонъ училъ другому. Въ одномъ изъ своихъ самыхъ вдохновенныхъ діалоговъ онъ не побоялся открыть людямъ ту великую и вѣчно скрытую истину, что философія есть ни что иное, какъ приготовленіе къ смерти и умиранію. Не побоялся, ибо зналъ, что эта истина — хотя-бы ее возвѣщали въ самыхъ людныхъ мѣстахъ самые громкоголосые герольды — все равно не будетъ услышана тѣми, кого онъ называлъ *οἱ πολλοί* и кого, вслѣдъ за нимъ, Ницше называлъ: «многіе, слишкомъ многіе». И, если правъ Платонъ, а не Аристотель, то въ послѣднія десятилѣтія своей жизни Толстой даетъ намъ образецъ истинно философскаго творчества. Все, что онъ дѣлалъ, имѣло только одинъ смыслъ и одно назначеніе: ослабить свою связь съ текущимъ и переходящимъ, съ «общимъ міромъ», сбросить со своего жизнен-

наго корабля тотъ тяжелый балластъ, который придаетъ ему равновѣсiе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не даетъ ему оторваться отъ земли. Непосвященнымъ часто дѣло Толстого кажется преступнымъ и кощунственнымъ. Онъ растаптываетъ то, что людямъ кажется наиболѣе дорогимъ. Онъ оскорбляетъ святыхъ, расшатываетъ устои, отравляетъ невинныя радости. Онъ приноситъ и можетъ принести только одни страданiя. «Что это за проклятое христіанство»—воскликаетъ съ неподдѣльной искренностью княгиня Черемисова въ посмертной драмѣ Толстого «И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ». И вѣдь она права. Ея сынъ подъ судомъ: онъ не хочетъ, подавшись «новому учению», возвѣщенному героемъ драмы, Николаемъ Ивановичемъ (т. е. Толстымъ), служить на военной службѣ. Это, какъ извѣстно, значитъ, что его жизнь навсегда погублена. И жена Николая Ивановича выражается не менѣе сильно: «Какъ ты жестокъ,—говоритъ она мужу,—какое это христіанство? Это—злость». Въ словахъ этихъ двухъ замучившихся женщинъ сконденсировалось все негодованiе и отвращенiе, какія законно и естественно вызывали въ близкихъ къ Толстому людямъ его новыя устремленiя. «Если-бы,—говоритъ его женѣ ея сестра,—ты мнѣ была не сестра, а чужая, а Николай Ивановичъ не твой мужъ, а знакомый, я бы находила, что это оригинально и очень мило и, можетъ быть, сама-бы поддакивала ему... Но, когда я вижу, что твой мужъ дуритъ, прямо дуритъ, я не могу не сказать тебѣ, что думаю». Такъ почти всѣ говорятъ: всѣ готовы признать идеи Толстого оригинальными, интересными, признать за ними какія угодно достоинства, пока онъ дальше разсуждений не идетъ. Но, какъ только начинается «воплощенiе» — всѣ, какъ одинъ человекъ, встаютъ противъ Толстого.

Не можетъ уступить Толстой свой «особенный» міръ и не уступаетъ. Но и семья не менѣе прочна въ своей вѣрѣ: для нея «общій міръ» есть единственно дѣйствительный. Только въ этомъ мірѣ и первая, и послѣдняя правда, та правда, которую еще такъ недавно самъ Толстой былъ готовъ защищать, какъ онъ говорилъ, «книжаломъ и револьверомъ» и которой онъ воздвигъ поистинѣ нерукотворный памятникъ въ «Войнѣ и Мирѣ». Двѣ правды стоятъ одна противъ другой и анаеаметвуютъ. *Si quis mundum ad Dei gloriam conditum esse negaverit, anathema sit* — гремитъ одна правда. Столь-же грозно отвѣчаетъ другая правда: *Si quis dixerit, mundum ad Dei gloriam conditum esse, anathema sit**).

Кто разрѣшитъ споръ межъ носителями двухъ столь различныхъ правдъ? Міръ для Бога — или міръ для людей?

*) Если кто станетъ отрицать, что міръ созданъ для славы Божіей—анаеема. Если кто скажетъ, что міръ созданъ для славы Божіей—анаеема.

Правы-ли въ своей неизменной вѣрности старому закону домолады Толстого или правъ перебѣжчикъ-Толстой, еще вчера бывшій опорой того порядка, на который онъ теперь ополчился? Кого спросить? Гдѣ та инстанція, которая разсудитъ между кровно и неразрывно связанными и вдругъ ставшими другъ-другу столь ненавидимыми людьми? И есть-ли такая инстанція? Толстой, если полагаться на его слова, не хочет и не можетъ въ этомъ усомниться. Въ спорѣ съ молодымъ священникомъ Толстой особенно горячо на этомъ настаиваетъ:

Ник. Ив. — Вѣрить надо, вѣрить, безъ вѣры нельзя, но не вѣрить въ то, что мнѣ скажутъ другіе, а въ то, къ вѣрѣ во что вы приведены самымъ ходомъ своей мысли, своимъ разумомъ... Вѣра въ Бога, въ истинную, вѣчную жизнь.

Свящ. — Разумъ можетъ обмануть, у каждаго свой разумъ.

Н. И. (горяча). — Вотъ это-то ужасное кощунство. Богомъ дано намъ одно священное орудіе для познанія истины, одно, что насъ можетъ соединить во-едино. А мы ему — не вѣримъ.

Свящ. — Да какъ-же вѣрить, когда, ну, разногласія, что-ли?

Н. И. — Гдѣ-же разногласія? То, что дважды два четыре, и что другому не надо дѣлать то, чего себѣ не хочешь и что всему есть причина и тому подобныя истины мы признаемъ всѣ, потому что всѣ онѣ согласны съ нашимъ разумомъ. А вотъ, что Богъ открылся на горѣ Синаѣ Моисею, или что Будда улетѣлъ на солнечномъ лучѣ, или что Магометъ леталъ на небо... въ этихъ и подобныхъ дѣлахъ мы всѣ врозь.

Николай Ивановичъ высказываетъ мысль, которая до конца жизни казалась Толстому органически сросшеюся со всѣмъ его существомъ: Разумъ одинъ для всѣхъ и всегда самъ себѣ равенъ.

Онъ всѣмъ говоритъ одно и одного для всѣхъ требуетъ. Но, почему тогда Толстой до 50 лѣтъ не слышалъ повелительнаго голоса своего «разума»? И почему, когда онъ впервые почувствовалъ, что не можетъ вырваться изъ власти этого повелителя, имъ овладѣлъ такой безумной ужасъ? Почему онъ тогда принужденъ былъ сказать себѣ: «они признали, что я только подверженъ аффектамъ, но я-то знаю, что я сумасшедшій?»

Для внимательнаго читателя едва-ли можетъ быть сомнѣніе, что въ «Запискахъ Сумасшедшаго» Толстому удалось вѣрнѣе изобразить свое душевное состояніе, нежели въ толь-

ко-что приведенныхъ словахъ Николая Ивановича. «Разумъ», которымъ держится «общій міръ», который даетъ истины о томъ, что дважды два четыре и что ничего не бываетъ безъ причины, не только не оправдываетъ новыхъ толстовскихъ страховъ и тревогъ, но онъ ихъ самымъ беспощаднымъ образомъ *осуждаетъ*, какъ «безпричинные», ни на чемъ не основанные, произвольные и, стало быть, нереальные, призрачные.

Что они были безпричинными — намъ самъ Толстой рассказавъ, что они навсегда остались безпричинными — мы въ этомъ убѣдимся дальше. Для «разума» же — опять это Толстой говорить — «дважды два четыре» и «всему есть причина», равно не допускающія сомнѣнія истины. Какъ же могъ разумъ благословить Толстого на новое ученіе, которое создало подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ безпричинныхъ страховъ, этихъ явныхъ самозванцевъ бытія? И посмотрите, каковы были послѣдствія ученія. Двадцать пять лѣтъ жила семья дружно, согласно. Но, съ тѣхъ поръ какъ Толстой сталъ жить по-новому, пришелъ конецъ и согласію, и дружбѣ, и любви. Не могли разойтись, но совместная жизнь была жизнью скочанныхъ одной цѣпью каторжниковъ. Такъ что если правда, что разуму дано сближать и объединять, то очевидно, что надъ семьей Толстого, послѣ его обращенія, стало витать начало, разуму прямо враждебное. Всѣ близкіе возмутились противъ него, и въ доводахъ, приводимыхъ имъ въ свою защиту и оправданіе, никто не находилъ ни малѣйшей убѣдительности. Наоборотъ, всѣ, если не знали, то чувствовали, что за доводами притаилось то начало безумія, о которомъ рассказываетъ Толстой въ «Зап. Сумасшедшаго», и боролись съ нимъ, какъ могли — увѣщаньями, просьбами, угрозами, даже силой.

Заключительная сцена пьесы, какъ въ зеркалѣ отражающая тотъ адъ, въ который попала подъ руководствомъ «разума» и новаго «проклятаго» христіанства когда-то счастливая семья, какъ нельзя лучше подтверждаетъ призрачность Толстовскихъ надеждъ на «объединеніе».

Наверху, въ освѣщенныхъ и убранныхъ комнатахъ, баль съ музыкой, танцами, дѣтями, учтивыми французскими фразами, а внизу — въ первомъ этажѣ — глава семьи, собирающийся уйти изъ дому куда глаза глядятъ, только-бы не быть свидѣтелемъ того безобразія, въ которомъ жена и дѣти видятъ сущность и украшеніе жизни. И онъ бы ушелъ — ни жена, ни дѣти, никто въ мірѣ не убѣдилъ-бы его изменить принятое рѣшеніе. Послѣднимъ доводомъ жены является угроза: если онъ уйдетъ, она бросится подъ колѣды. Не разумнымъ доказательствамъ, а угрозѣ уступаетъ Николай Ива-

новичъ. И среди безпечнаго веселья младшихъ членовъ семьи, очевидно не постигающихъ кошмарнаго смысла борьбы между отцомъ и матерью, гибнетъ у Николая Ивановича послѣдняя надежда на торжество разума. Онъ смиряется, общается, остается и продолжаетъ эту «противную его убѣжденіямъ» жизнь — во все еще не хочетъ «думать», что въ этой уступкѣ сказывается окончательное пораженіе его «разума». Но и это утѣшеніе Толстой себѣ разрѣшаетъ не на долго. Съ тѣмъ безстрашіемъ, съ той роковой правдивостью, которая не останавливается даже предъ явно-противорѣчивыми утвержденіями, онъ непосредственно вслѣдъ за сценой объясненія съ женой рисуетъ еще одну сцену, не менѣе кошмарную и въ корнѣ подрывающую всѣ права и прерогативы разума. Приходитъ мать князя Черемисова, находящагося подъ судомъ за отказъ отъ военной службы, и, въ порывѣ безудержнаго отчаянія, въ такихъ грубыхъ и жесткихъ выраженіяхъ, продиктованныхъ, очевидно, глубочайшимъ убѣжденіемъ въ своей совершенной правотѣ, нападаетъ на Николая Ивановича и его христіанство, что онъ не находитъ въ себѣ силъ отстаивать предъ ней свое дѣло. Всѣ слова, всѣ доказательства, которые въ болѣе спокойныя минуты онъ обыкновенно приводилъ въ защиту своихъ идей, кажутся ему выдохшимися и пустыми. Что скажешь несчастной, обезумѣвшей отъ горя женщинѣ, сынъ которой добровольно обрекаетъ себя на мученическую смерть? Сколько-бы ни говорилъ, сколько-бы ни убѣждалъ Николай Ивановичъ, она, при мысли о томъ, что сынъ, ея единственная опора и надежда, сидитъ въ сумасшедшемъ домѣ среди безумно воющихъ, одичавшихъ людей или въ дисциплинарномъ батальонѣ, среди лишенныхъ человѣческихъ правъ и на-половину человѣческаго образа солдатъ, что бы ей ни говорили — она не повѣритъ, никогда не повѣритъ, что такъ быть должно. «Выдумали съ Николай Ивановичемъ какое-то христіанство. Это не христіанство, а дьявольское ученіе, которое заставляетъ всѣхъ страдать.» Для княгини Черемисовой, для жены, для дѣтей Николая Ивановича, для всѣхъ людей — новое ученіе есть ученіе дьявольское, проклятое. Поступить такъ, какъ онъ учитъ, «значитъ умереть». Это и говорить сынъ Николая Ивановича, Степа, отцу. Но отецъ это не считаетъ возраженіемъ. «Да, и если ты умрешь за други свои, это будетъ прекрасно и для тебя и для другихъ», отвѣчаетъ онъ. Такова парадоксальная логика глубокихъ человѣческихъ переживаній. Безпричинные страхи приводятъ къ ни на чемъ не основанному безстрашію. Умереть не страшно, страшно — жить нашей бессмысленной, тупой жизнью. Наша жизнь есть смерть, наша смерть — есть жизнь или начало жизни. Вотъ что говоритъ окружающимъ Толстой и вотъ чего они не понимали и никогда не поймутъ.

Да развѣ это можно «понять»? Развѣ самъ Толстой это «понималъ»?

V.

Многіе сравнивали Толстого съ Сократомъ. Между учениками и почитателями Толстого были такіе, которые считали его, какъ древніе Сократа, безгрѣшнымъ и праведникомъ. Но самъ онъ зналъ и говорилъ о себѣ другое. Онъ самъ считалъ себя великимъ, величайшимъ грѣшникомъ. И не только первая половина его жизни — когда онъ еще не постигъ истины — представлялась ему отвратительной. Его старость такъ-же противна ему, какъ и молодость. «Божественное орудіе», которое онъ такъ торжественно прославлялъ, не вывело на торную, широкую дорогу, а чѣмъ дальше, тѣмъ больше заводило въ непроходимыя дебри. И, если Толстой все-же продолжалъ идти впередъ, то только потому, что всѣ пути назадъ были заказаны. Но онъ уже убѣдился, что «разумъ» пересталъ служить ему, что онъ, хотя и шель куда-то — но не зналъ, куда придеть.

Въ этомъ основное отличіе его отъ Сократа, по крайней мѣрѣ отъ того Сократа, имя котораго вписано на страницы исторіи. И Толстой училъ людей и Толстой проповѣдывалъ гдѣ et orbі. Мірѣ съ трепетомъ и благоговѣніемъ прислушивался къ словамъ яснополянскаго старца. Если-бы былъ въ наше время всезнающій оракуль, онъ-бы навѣрное сказалъ, что Толстой — мудрѣйшій изъ людей. Но самъ Толстой зналъ другое — зналъ, что онъ слабый, немощный старикъ. И чѣмъ больше росла его слава, тѣмъ сильнѣе мучался онъ сознаніемъ своего безсилія и ничтожества. Онъ жадалъ славы — это правда. Но слава ему была нужна лишь для того, чтобъ получить право и возможность растоптать ее. Не призрачная слава мнимаго героя, а настоящая слава мудреца и праведника нужна только для того, чтобъ быть отвергнутой. Это тоже великая и страшная, какъ всякое откровеніе, истина. О ней Толстой со свойственными ему одному правдивостью и мужествомъ рассказывалъ въ своемъ тоже посмертномъ произведеніи «Отецъ Сергій».

Отецъ Сергій, монахъ, старецъ — въ міру князь Касаткинъ, блестящій гвардейскій офицеръ. Онъ въ молодости ждалъ многого отъ жизни и многого-бы дождался, если-бы «случай» не разбилъ всѣ его надежды. Что произошло съ молодымъ княземъ — мы рассказывать не будемъ. Но даже тѣ, кто не читалъ «Отца Сергія», могутъ положиться на Толстого: «случилось» такое, послѣ чего возвратъ къ прежней свѣтской жизни сталъ абсолютно невозможенъ. Есть-ли что-либо въ иномъ мірѣ —

въ томъ мѣрѣ молитвъ и самоистязаній, въ который попада-
етъ человѣкъ, принявшій монашескій обѣтъ, — или нѣтъ, объ
этомъ Касаткинъ не могъ не думать, ни знать ничего опре-
дѣленнаго. Онъ только зналъ, что видѣ монастыря для него
нѣтъ мѣста въ мѣрѣ. Свое повое дѣло онъ сталъ дѣлать съ
той добросовѣстностью, которая была отличительнымъ свой-
ствомъ его характера. И хотя не скоро, но достигъ на по-
вомъ поприщѣ неслыханнаго успѣха. Его узнала вся Россія.
За сотни, за тысячи верстъ стекались въ монастырь бого-
мольцы, привлекаемые славой святого старца. «Онъ часто
самъ удивлялся тому, какъ это случилось, что ему, Степану
Касаткину, довелось быть такимъ необыкновеннымъ угодни-
комъ и прямо чудотворцемъ, но въ томъ, что онъ былъ та-
кой, не было никакого сомнѣнія: онъ не могъ не вѣрить
тѣмъ чудесамъ, которыя онъ самъ видѣлъ, начиная съ раз-
слабленнаго мальчика и до послѣдней старушки, получившей
зрѣніе по его молитвѣ. Какъ это ни странно было, это
было такъ.» Кажется, наступилъ моментъ полного торжества
и удовлетворенія. Можно успокоиться, отдохнуть въ гордомъ
сознаніи, что за тяжкіе труды испослана Небомъ заслужен-
ная награда. Всѣ признали Степана Касаткина великимъ
угодникомъ и чудотворцемъ. Развѣ такого общаго признанія
недостаточно? Развѣ гласъ народа — не гласъ Божій? Если
всѣ заблуждаются, то гдѣ-же искать правды? Отецъ Сергій,
старый человѣкъ, прославленный учитель, къ ужасу своему
видитъ, что у него нѣтъ отвѣта на этотъ вопросъ. Нельзя
полагаться на себя — онъ это давно зналъ. Теперь онъ убѣ-
дился, что и на другихъ положиться нельзя. Коллективное
внушеніе, конечно, прочнѣе, чѣмъ самовнушеніе, но его
прочность имѣеть своимъ источникомъ отнюдь не истину.
Отецъ Сергій, или, лучше будемъ прямо говорить, Толстой
начинаетъ вспоминать свою прошлую свѣтскую жизнь и
сравнивать ее со своей новой, отшельнической. Къ ужасу
своему онъ принужденъ признать, что и прежде, и теперь
онъ, помимо своей воли, во всемъ, что дѣлалъ, служилъ не
высшей правдѣ, а тому, чего отъ него требовали человѣческіе
предразсудки. И теперь онъ говоритъ себѣ: «за тысячи верстъ
пріѣзжаютъ, въ газетахъ пишутъ, государь знаетъ, въ Европѣ,
въ невѣрующей Европѣ, знаютъ.» Но, развѣ можетъ быть
иначе? Развѣ угодника и святого не долженъ чтить весь мѣръ?
Вѣдь высшая задача разума въ томъ, чтобъ привести людей
въ одно святое мѣсто, объединить ихъ въ одной вѣрѣ и на
одномъ дѣлѣ.

Но въ этомъ и великій и загадочный даръ Толстого: когда
онъ подходитъ къ цѣли, онъ убѣждается, что шель не туда,
куда нужно было. Между святымъ подвижникомъ, къ кото-
рому со всѣхъ концовъ свѣта стекаются толпы восторжен-

ныхъ поклонниковъ, и гвардейскимъ офицеромъ, добросовѣстно выполняющимъ свои служебныя обязанности, нѣтъ по существу разницы. Оба живутъ въ общемъ всѣмъ міръ—стало быть, тяготѣютъ къ землѣ и боятся неба. Разумъ обманулъ, всё «труды» пропали даромъ. Человѣкъ послѣ долгихъ, мучительныхъ скитаній вернулся на то мѣсто, съ котораго вышелъ. «Говориль-ли онъ наставленія людямъ, просто благословлять-ли, молился-ли о болящихъ, давалъ-ли совѣты людямъ о направленіи ихъ жизни, выслушивалъ-ли благодарность людей, которымъ онъ помогъ, либо исцѣленіями, какъ ему говорили, либо поученіями, онъ не могъ не радоваться этому, не могъ не заботиться о послѣдствіяхъ своей дѣятельности, о вліаніи ея на людей. Онъ думалъ о томъ, что онъ былъ свѣтильникъ горящій, и чѣмъ больше онъ чувствовалъ это, тѣмъ больше онъ чувствовалъ ослабленіе, потуханіе Божескаго свѣта, горящаго въ немъ». «Насколько то, что я дѣлаю—для Бога, насколько—для людей?» Вотъ вопросъ, который постоянно мучалъ его и на который онъ никогда не то, что не могъ, но не рѣшался отвѣтить себѣ. Онъ чувствовалъ въ глубинѣ души, что дьяволъ подмѣнилъ всю его дѣятельность для Бога дѣятельностью для людей. Онъ чувствовалъ это, потому что, какъ прежде ему тяжело было, когда его отрывали отъ уединенія, такъ ему теперь тяжело было его уединеніе. Онъ тиготился посѣтителеми, уставалъ отъ нихъ, но, въ глубинѣ души, онъ радовался тѣмъ восхваленіямъ, которыми окружали его». Такія мысли преслѣдуютъ Толстого. А вѣдь въ ту пору, когда писался «Отецъ Сергій», Толстой «дѣлалъ» столько, сколько едва-ли кому доводилось дѣлать. И не только писалъ, проповѣдывалъ. Онъ устраивалъ крестьянъ, организовывалъ въ огромныхъ размѣрахъ помощь голодающимъ, утѣшалъ несчастныхъ, свои личныя нужды ограничить милантомъ, отказавшись даже отъ того, что въ монастыряхъ считается необходимымъ.

Онъ пахалъ, тачалъ сапоги, самъ убиралъ послѣ себя, и т. д. Казалось-бы, если кто имѣлъ право съ законной, священной гордостью — sancta superbia разрѣшается и католическимъ монахамъ — радоваться о своей жизни и дѣлахъ — такъ вѣдь именно онъ. И вдругъ такой ужасъ предъ собой — «красный, бѣлый, квадратный, раздирающій душу на части». Не вадумайте только, чтобъ поскорѣе отвѣтить на вопросъ — объяснять его слова «смирненіемъ». И вообще не торопитесь: торопливость убиваетъ всякую возможность постиженія. И объяснять, т. е. подводить событія толстовской жизни подъ готовыя общія понятія, тутъ нечего. Объясненія остались уже далеко позади—тамъ, въ общемъ для всѣхъ міръ, гдѣ люди «дѣлаютъ», гдѣ «дѣла» прежде всего, гдѣ «заслугами» оправдывается жизнь. Такъ было—но теперь все

измѣнилось. Дѣятельность, работа для людей, даже самая полезная, самая безкорыстная—отъ дьявола, и предъ Богомъ не имѣеть цѣны. «Дѣла» не спасаютъ, а губятъ душу—будто самыя свѣтыя дѣла. Съ отцомъ Сергіемъ произошло тоже, что когда-то съ монахомъ Лютеромъ. И Люгеръ, ушедшій въ монастырь затѣмъ, чтобъ свѣтыми дѣлами спасти свою душу, вдругъ съ ужасомъ убѣдился, что, принимая санъ, онъ началъ служеніе дьяволу. Когда я произносилъ монашескіе обѣты и обрекалъ себя на тяжкіе труды огнелитической жизни, я этимъ, говорить онъ впоследствии, совсѣмъ какъ Толстой, отрекался отъ Бога. Или въ его собственныхъ выраженіяхъ: «esse, Deus, tibi voceo impietatem et blasphemiam per tota meam vitam». Но, если нельзя спастись добрыми дѣлами, если и добрыя даже дѣла не угодны Богу, что-жь тогда?

Дать «удовлетворительный» отвѣтъ на этотъ вопросъ, т. е. сказать что-нибудь такое, что было-бы пріемлемо для индивидуальнаго или коллективнаго человѣческаго разума, Толстой уже не могъ. Все спуталось въ его душѣ. Онъ переступилъ ту черту, гдѣ человѣческій взглядъ отчетливо различаетъ предметы. Непроглядная, безпросвѣтная тьма объяла его — тьма, въ которой онъ, до сихъ поръ жившій въ свѣтѣ и больше всего цѣнявшій свѣтъ, не только не могъ ничего предпринять, но въ которой и вообще невозможно было предпринять что бы то ни было изъ того, что люди предпринимаютъ, пока они ходятъ въ свѣтѣ. Даже и «думать» нельзя. Въдѣ люди обычно думаютъ только для того, чтобъ дѣйствовать. А тутъ дѣлать нѣтъ и быть не можетъ. Стало быть, и думать нужно совсѣмъ не такъ, какъ думаютъ въ «общемъ всѣмъ мірѣ». Все нужно пересоздавать, все начинать съ начала... Отецъ Сергій «сталъ молиться Богу: Господи, Царю Небесный, Утѣшителю, Душе истины, приди и вселися въ ны и очисти ны отъ всякия скверны, и спаси, блаже, души наши». «Очисти отъ скверны славы людской, обуревающей меня»,—повторилъ онъ, и вспомнить, сколько разъ онъ молился объ этомъ и какъ тщетны были до сихъ поръ въ этомъ отношеніи его молитвы. Молитва его дѣлала чудеса для другихъ, но для себя онъ не могъ выпросить отъ Бога освобожденія отъ этой ничтожной страсти.

За извѣстными предѣлами ни молитвы, ни добрыя дѣла не помогаютъ, какъ не помогли много лѣтъ тому назадъ Толстому мысли о женѣ, объ имѣніи и т. д. отвлечься отъ его «страховъ». Въ его, когда-то гордой, самоувѣренной душѣ, такъ любившей свѣтъ и ясный отчетливый порядокъ, воцарилась хаосъ и непроглядная тьма.

Ни одной живой мысли, ни одного живого чувства: все

умерло, кромѣ отчаянія. «Онъ спросилъ себя, любить-ли онъ кого, любить-ли Софью Ивановну, отца Серапіона, испыталь-ли онъ чувство любви ко всѣмъ этимъ лицамъ, бывшимъ у него нынче — къ этому ученому юношѣ, съ которымъ онъ такъ поучительно бесѣдовалъ, заботясь только о томъ, чтобы показать свой умъ и неотсталость отъ образованія. Ему пріятна, нужна была любовь отъ нихъ, но къ нимъ любви онъ не чувствовалъ. Не было у него теперь любви, не было и смиренія, не было и чистоты». И это послѣ десятковъ лѣтъ трудной подвижнической жизни! Какъ могло такое случиться, за что постигла Толстого эта кара?

Боюсь, что читатель не согласится повѣрить Толстому, заподозрить его въ нарочитомъ преувеличеніи. Еще больше есть оснований опасаться, что читатель устанетъ слѣдовать за Толстымъ въ его безцѣльныхъ странствованіяхъ по безконечнымъ, истомляющимъ пустынямъ, гдѣ только палящій зной, пески и, вмѣсто оазисовъ, раздражающіе миражи. Зачѣмъ онъ терзаетъ себя? Зачѣмъ намъ терзаться съ нимъ? Терзаться съ нимъ незачѣмъ: кто усталъ, вправѣ отстать и уйти въ иныя мѣста. *Молитвы и добрыя дѣла Толстого вѣдь именно оставившимъ*, какъ мы знаемъ съ его собственныхъ словъ, *пойдутъ на пользу*: какъ прежде Толстой былъ и будетъ волшебникомъ и чудодѣемъ для всѣхъ, кромѣ себя. Онъ до конца жизни своей будетъ учить, у него и послѣ смерти будутъ учиться и про его дѣла легенда раскажетъ много необычнаго. Но что бы онъ ни говорилъ людямъ — все это для него самого не годится. Ему осталось одно: бѣжать, бѣжать, и бѣжать безъ оглядки, забывъ о томъ, что осталось позади, не вглядываясь въ то, что его ждетъ впереди. Тѣ силы, на которыхъ онъ разсчитывалъ — его разумъ и его добродѣтель — изменили ему. И отецъ Сергій, предметъ поклоненія Россіи и Европы, всего ямчессаго и христіанскаго міра, бѣжить, какъ тать въ ночи изъ своей кельи, смѣнивъ монашескую рясу мужицкимъ зипуномъ. И — точно ватѣмъ, чтобы совсѣмъ сбить съ толку и безъ того растерявшагося читателя, Толстой рассказываетъ, что святой старецъ, прежде, чѣмъ бѣжать, совершаетъ гнусное и бессмысленное насиліе надъ привезенной къ нему издалека для лѣченія отцомъ больной дѣвучкой-полуидiotкой. Нужно было это придумывать? Вѣдь навѣрное въ этомъ Толстой неповиненъ! Зачѣмъ такъ клепать на себя? *Нужно* — несомнѣнно нужно. Толстой не повиненъ въ этой гнусности. Но вѣдь проф. Висковатый сказалъ худшее о Достоевскомъ. Бываетъ и такая логика — хотя въ учебникахъ о ней не упоминается.

Можетъ, Толстой и не думалъ о Достоевскомъ, когда кончалъ отца Сергія. Но, когда воспоминанія развернули предъ нимъ нескончаемый свитокъ прошлаго, онъ убѣдился, что

выдуманное преступленіе не отягчить его души. Можетъ быть — вѣдь мы въ той области, гдѣ возможности инныя, чѣмъ тѣ, къ которымъ мы привыкли — облегчить его на томъ новомъ пути, на который онъ былъ призванъ невидимой волей...

Разсказъ «Отецъ Сергій» имѣетъ конецъ: Толстой «отдалъ честь классицизму» — развязка есть. Отецъ Сергій, уйдя изъ монастыря, начинаетъ скитаться, доходить до Сибири, «селится на заимкѣ у богатаго мужика и теперь живетъ тамъ. Онъ работаетъ у богатаго мужика и учитъ дѣтей, и ходитъ за больными». Коротко и ясно для тѣхъ, кто не хочетъ видѣть, что это только честь, отданная классицизму, что толстовскія хожденія по мукамъ на этомъ не кончились. Развѣ тѣ страхи, о которыхъ онъ намъ рассказывалъ, не живутъ и въ Сибири? Или тамъ фурии менѣе беспощадны! «Отецъ Сергій» не послѣднее слово Толстого. На заимкѣ у богатаго мужика, среди работъ въ огородѣ, преподаваніи дѣтямъ и уходомъ за больными, Толстой такъ-же мало могъ найти покоя, какъ и въ своей старой семьѣ въ постоянной борьбѣ за свою загадочную «правду». Оттого новой жизни всего посвящено три строчки. Онъ, повидимому замѣняютъ собою многоточіе или вопросительный знакъ. Или это привычная дань разуму, требующему, чтобы всякое начало имѣло свой конецъ. Толстой почти никогда не рѣшался открыто отказываться въ повиновеніи «разуму», никогда не признавался, что живетъ не во свѣтѣ, а во тьмѣ. И ночь для него была ночью, только ночью — т. е. безодержательнымъ ничто, какъ будто-бы не онъ разскажалъ намъ о «заполненной» пох mutica: много такое, что не открывалось даже прославленнымъ, канонизированнымъ святымъ — Бернарду Клервосскому, св. Терезѣ, Иоанну дель-Кроче. Таково основное противорѣчіе человѣческой природы: мы хотимъ, чтобы даже бреды наши были закономѣрными. Мы и къ откровеніямъ предъявляемъ такое же требованіе...

Когда Декарту «открылся свѣтъ истины», онъ свое великое постиженіе втиснулъ тотчасъ-же въ формулу заключенія: *Cogito ergo sum*. И погибла великая истина — ничего не принесла ни самому Декарту, ни людямъ! И вѣдь онъ же училъ, что *de omnibus dubitandum* — что во всемъ нужно усомниться. Но тогда прежде всего нужно было усомниться въ правомѣрности притязаній силлогистическихъ формулъ, считающихъ себя всегда и вездѣ признанными экспертами истины. Какъ только Декартъ началъ «заключать», онъ сразу забылъ что онъ увидѣлъ. Забылъ *cogito*, забылъ *sum*, только бы добыть принудительное для него и для всѣхъ *ergo*. Но все «постигненіе» уже цѣликомъ было въ *sum*. И *sum* сравнительно съ *cogito*, какъ и с *gito* сравнительно съ *sum* ничего

новаго изъ себя не представляетъ. Вѣрнѣе было бы сказать «*Sum cogitans*»: въ этомъ вся сущность новаго знанія. *Вдругъ* ему открылось то, что раньше было неизвѣстно, что онъ, Декартъ, существуетъ. Открылось, стало быть было *откровеніемъ*, при томъ опровергающимъ всё основоположенія разума. Именно разумъ, усумнившійся во всемі, усумнился и въ существованіи Декарта, тотъ чистый, надъиндивидуальный разумъ, то «сознаніе вообще», безъ котораго немислимо объективное знаніе. И опровергнуть сомнѣнія разума разумными же доводами *нѣтъ никакой возможности*. Когда Декарту «открылся свѣтъ истины» (такъ онъ самъ говорилъ о своемъ *cogito ergo sum*) — это было, повторю, дѣйствительное откровеніе, которое побѣдоносно разбило всё соображенія разума. Такъ что, если уже пошло на выводы, то слѣдовало бы вспомнить Тертуліана и сказать: *cogito, sum; certum est quia impossibile* (я мыслю, существую — несомнѣнно, ибо невозможно). Или иными словами: разумъ, сковавшій насъ своими золотыми цѣпами, долженъ смириться. Въ жизни есть нѣчто болѣе, чѣмъ разумъ. Сама жизнь течетъ изъ источника высшаго, чѣмъ разумъ. Т. е. то, чего разумъ не постигаетъ, не всегда есть невозможное. И, наоборотъ: тамъ, гдѣ разумъ констатируетъ необходимость — связи могутъ быть разорваны. Такъ долженъ былъ «истолковать» свое открытіе Декартъ. Но онъ хотѣлъ «строгой науки», боялся уйти изъ «общаго всемія міра», гдѣ только и возможна строгая наука и далъ толкованіе прямо противоположное. Т. е. не разбилъ, а благословилъ золотыя цѣпи — если хотите, — золотого тельца, которому отъ сотворенія поклоняется все развивающееся въ борьбѣ за существованіе человѣчество, точнѣе все живущее на землѣ. Ибо все живущее думаетъ только о пользѣ. Даже животныя обладаютъ не только душами, но и душами разумными, въ извѣстномъ смыслѣ болѣе разумными, т. е. болѣе покорными законамъ разума, чѣмъ человѣкъ. Вѣдь, если кто живетъ сообразно съ природой — такъ это именно животныя. Только въ человѣкѣ, — и то изрѣдка, какъ нисходящая съ Неба благодать — проявляется пренебрегающая пользой «свободная воля», она же имѣется дерзновеніемъ, *τάρτα*, и дерзновеніемъ нечестивымъ, ибо нарушаетъ строй, законъ (*οὐδο τῆς φύσεως*), который люди въ своей слѣпотѣ считаютъ предвѣчными. А какъ мало дать намъ знаніе «законовъ» — явствуетъ изъ «открытія» Декарта. Вѣдь онъ не зналъ, *въ самомъ дѣлѣ не зналъ*, что существуетъ. И сейчасъ, послѣ его открытія, люди продолжаютъ не знать этого — самые ученые люди. Развѣ не правы были стоики? И не столько въ томъ, что *πᾶς ἄρῶν μὴ ἐστὶν**) , сколько въ томъ, что среди всего

*) Всякій неразумный человѣкъ безумствуетъ.

человѣчества они насчитывали только трехъ, четырехъ чело-
вѣкъ, которыхъ не считали безумными. Правда, они, пови-
димому, преувеличивали и, во всякомъ случаѣ, не умѣли уга-
дать, кто былъ настоящимъ мудрецомъ. Вѣдь Антисѣенъ не
зналъ, навѣрное не зналъ того, что узналъ Декартъ. Ему,
значить, нужно было еще 2000 лѣтъ жить для того, чтобы
дождаться этого открытiя. И дало бы оно ему что-нибудь?

Л. Шестовъ.

(Окончанiе слѣдуетъ.)

О Толстомъ.

(Клочки воспоминаній).

La lumière qui vient de s'éteindre
a été, pour ceux de ma génération, la
plus pure qui ait éclairé leur jeunesse.*)

Romain Rolland («Vie de Tolstoï»).

I.

Сижу у себя на Сивцевомъ Вражѣ.

Звонокъ. Легкіе свѣтлые шаги. Въ комнату входитъ въ пальто и небрежно суетъ мнѣ руку князь С. И. Шаховской. Громадная полная фигура, красивое лицо съ русой бородкой. Большіе сѣрые глаза серьезно смотрятъ на меня черезъ стекла великолѣпнаго пенсне въ золотой оправѣ. Вглядываюсь и мнѣ снова кажется, что именно съ него писанъ кн. Нехлюдовъ «Воскресенія».

— Сергій Ивановичъ! Какими судьбами? Садитесь.

— Некогда. Я — на минуту. Завтра въ три часа — демонстрація въ честь Толстого. Получена телеграмма объ отлученіи. Три тысячи человекъ обезпечены. Пройдемъ черезъ городъ въ Хамовники. Будете?

Я мямлю.

— Зачѣмъ это? Какой смыслъ? Соскучился по Треповскимъ нагайкамъ? Что скажетъ самъ Левъ Николаевичъ?

— Я васъ объ этомъ не спрашиваю. Все рѣшено и готово. Будете или нѣтъ?

Пауза.

---

*) Свѣточъ, который только-что погасъ, былъ самымъ чистымъ изъ всѣхъ, которые сіяли нашему поколѣнію въ его молодости.

— Ну, чертъ съ вами! Буду. Одной глупостью въ жизни больше...
Гдѣ сборный пунктъ?

Сергѣй Ивановичъ смотритъ мягче. Но лицо его сохраняетъ дѣловитую серіозность. Онъ называетъ мѣсто сбора.

— Прощайте! Еще масса дѣла.

... Складскій февральскій московскій день. Пасмурно. Калоши хлюпаютъ по грязи. Снѣгъ падаетъ и вяло таетъ. На душѣ кисло. Враню себя, что не хватило гражданскаго мужества отказаться. Мрачно ищу трехтысячную толпу. Вотъ и крупная фигура Сергѣя Ивановича. Около него человѣкъ десять. Все больше дамы средняго возраста — похоже — учительницы городскихъ школъ. Какой-то господишь въ очкахъ.

— Здравствуйте! Плохо собираются. Знакомьтесь.

Знакомимся. Обмѣниваемся насчетъ погоды. Долго мокнемъ.

— Должно быть, больше никого не будетъ. Погода помѣшалась. Сколько насъ? Двѣнадцать? Не стоитъ идти пѣшкомъ. Раздѣлимся парно. Берите извозчиковъ.

Беремъ. Сергѣй Ивановичъ немилосердно тѣснитъ меня. Онъ насколько не смущенъ и въ боевой готовности вдохновенно смотреть вдаль.

— Такъ, пожалуй, еще лучше, — интимнѣе!.. — говоритъ онъ. — А то напугали бы Льва Николаевича. Ну, гдѣ-же Треповскія пагайки? Безмолвствую.

Подъѣзжаемъ къ маленькому знаменитому дому. Собираемся въ кучку на троттуарѣ.

— Ну, въ чемъ-же дѣло? Идемъ!

Но мы стыдимся.

— Нѣтъ ужъ, Сергѣй Ивановичъ, ступайте вы одинъ... вы знакомы. Чего мы будемъ ломиться въ домъ! Скажите Льву Николаевичу, что мы пришли выразить ему нашу любовь и уваженіе... вотъ и все.

— Да поскорѣй приходите, а мы подождемъ — расскажем, какъ онъ встрѣтилъ.

Сергѣй Ивановичъ звонитъ и исчезаетъ въ дверяхъ подъѣзда.

Снова мокнемъ довольно долго.

Дверь открывается, и лакей во фракѣ проситъ насъ отъ имени Льва Николаевича войти.

Продолжаемъ стыдиться. Отказываемся.

Появляется Сергѣй Ивановичъ безъ пальто и безъ шапки.

— Левъ Николаевичъ не отпускастъ васъ. Пойдемте. Чего тутъ? Онъ очень радъ.

Входимъ. Съ трудомъ умѣщаемся въ тѣсной передней. Лакеи снимаютъ съ насъ намокшее верхнее платье. Шествуемъ подъ предводительствомъ Сергѣя Ивановича черезъ большую комнату, мимо длиннаго стола, уже накрытаго къ обѣду. Направо маленькая, заставленная мебелью гостиная. У окна въ качалкѣ молодой дѣвушка — свѣжая и нарядная. Это Александра Львовна. Она съ любопытствомъ смотритъ на насъ. Вся комната убрана роскошно пахнущими цвѣтами.

На диванѣ въ глубинѣ сидитъ, поджавъ подъ себя одну ногу, старикъ небольшого роста. Онъ поднимается намъ навстрѣчу.

Сердце падаетъ. Неужто въ самомъ дѣлѣ... Толстой?!...

Сергѣй Ивановичъ представляетъ каждому изъ насъ въ отдѣльности. Толстой переспрашиваетъ фамиліи и мягко своею сильной рукою пожимаетъ наши руки. Сѣрые, строгіе, немного волчьи глаза вшиваются въ меня, и мнѣ кажется, что «вся ложка моихъ порочныхъ дѣлъ» открыта этому острому взгляду. Робко поднимаю голову и улыбаваю добродушную усмѣшку, которая чуть трогаетъ усы и губы Толстого. Онъ поразительно малъ и тщедушенъ по сравненію съ портретами. Темно-синяя теплая, мягкая, затасканная блуза, ремешокъ вмѣсто пояса, старые, рыжеватые штаны на выпускъ. Никакихъ признаковъ бѣлыя. Стариковски-худая, жилистая шея. Угловатая, сильно помысѣвшая голова. Громадный лобъ, изборозженный «геологическими переворотами»^{*)}.

Разсаживаемся.

— Удивительно! — говорить Толстой съ дивана. -- Цѣлый день-праздникъ! Подарки, цвѣты, поздравленія... вотъ вы пришли... настояція именины!

Онъ смѣется.

Высокая пожилая дама, въ черномъ бархатномъ платьѣ, входитъ въ гостиную.

Встаемъ. Она киваетъ головой. Это — графиня Софья Андреевна.

— Да,—говоритъ она.—А Левъ Николаичъ, какъ получилъ извѣстіе, такъ схватилъ шапку, напочку и побѣжалъ въ Охотный... я не усмотрѣла. Хотѣлъ, должно быть, «пострадать». А вмѣсто этого, вышла цѣлая овація. Какой-то студентъ узналъ и крикнулъ. И вся толпа бросилась. Еле удалось знакомымъ вывести изъ давки и посадить на извозчика.

Толстой обходитъ насъ, присаживается и шутается осторожными разспросами уяснить себѣ, какими духовными цѣлнностями живетъ каж-

*) Выраженіе, кажется, Д. С. Мережковскаго.

дый изъ его случайныхъ гостей. Онъ дѣлаетъ это, по-истинѣ, съ удивительной аристократической сноровкою, съ элегантною и простотою.

— А вы пришли кстати, — говоритъ Софья Андреевна. — Я прочту вамъ мой отвѣтъ митрополиту Антонію...

Левъ Николаевичъ поднимается и медленно уходитъ въ столовую. Софья Андреевна уже вынула изъ кармана письмо, надѣла очки и внимательно слѣдитъ поверхъ нихъ за удаляющеюся фигурой мужа.

Пауза.

— Левъ Николаевичъ не одобряетъ моего намѣренія и противъ всякихъ выступленій, — говоритъ она.

— Да, — раздается голосъ изъ столовой: — считаю лишнимъ, считаю лишнимъ.

Софья Андреевна съ чувствомъ читаетъ письмо. Мы почтительно слушаемъ, конечно, хвалимъ и тѣмъ доставляемъ автору видимое удовольствіе.

Толстой возвращается въ комнату.

— Удивительный день! — говоритъ онъ и смотритъ на цѣты, которыми заставили комнату его поклонники. — Все это останется въ памяти. Одно только обидно: трудно мириться съ мыслью, что во главѣ Россіи стоитъ правительство, которое такъ глухо!

2.

Во многихъ медвѣжьихъ углахъ, гдѣ приходилось мнѣ бывать и вести какое-либо общественное дѣло, завязывались, конечно, знакомства и связи. Эти связи поддерживались нѣкоторое время. И зная, что я работаю въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», мои провинціальныя друзья часто направляли мнѣ въ редакцію порученія разнаго рода.

И вотъ, вскорѣ послѣ отлученія, на мое имя шлютъ изъ многихъ мѣстъ «съ оказіей» и по почтѣ адреса Толстому. Инструкція — непременно лично передать ихъ «въ собственныя руки».

Адреса написаны гѣлко, но осторожно. Въ разныхъ Мензелинскихъ, Бутульмахъ, Веневахъ собираются люди и привѣтствуютъ Льва Николаевича по случаю болѣзни, которую онъ, будто-бы, перенесъ. Подъ «болѣзью» надо понимать отлученіе. Кажется удивительнымъ, что въ захолустныхъ уѣздныхъ городишкахъ находятся сотни людей, рисующихъ дуть свои подписи подъ адресомъ Толстому. Но между шаблонными фразами сквозитъ нѣчто большее, тѣмъ любовь и уваже-

ніе: Мензелинскіе обыватели чувствуютъ, что въ далекой Москвѣ живетъ человѣкъ, который за нихъ протестуетъ всѣмъ существомъ своимъ противъ сѣрыхъ устоевъ ихъ неудачливой жизни, будить совѣсть, толкаетъ мысль, ищетъ какихъ-то иныхъ путей, свѣтлыхъ горизонтовъ. И, отрываясь отъ вина и отъ картъ, они, даже съ нѣкоторымъ азартомъ, идутъ на рискъ неприяностей, которыя можетъ имъ принести подпись подъ адресомъ Толстому.

Когда посланія накаплиются, иду къ А. А. Мануилову — въ то время помощнику редактора «Русскихъ Вѣдомостей». Въ своемъ маленькомъ кабинетѣ онъ правитъ пачку газетныхъ гранокъ.

— Александръ Аполлоновичъ, надо ѣхать къ Толстому... цѣлая куча адресовъ.

— Ну, такъ что-же? поѣзжайте.

— Я боюсь одинъ. Что я ему скажу? Мнѣ всегда кажется, онъ посмотритъ на меня и крикнетъ: «вино пьешь? убоину ѣшь? куришь? «работаетъ головой»? чужую жизнь заѣдаешь? Ну чего пришелъ? пошелъ вонъ, дуракъ!»...

Александръ Аполлоновичъ тихо смѣется.

— Ну вотъ глупости! — говоритъ онъ, — чего-же вы отъ меня хотите?

— Ради Бога, поѣдьте вмѣстѣ. Онъ васъ знаетъ. За вами я, какъ за каменной стѣной.

А. А. косится на кучу гранокъ и вынимаетъ часы.

— Сейчасъ не могу. Да и рано. Къ нему надо передъ самымъ обѣдомъ. Часа въ четыре поѣдьте.

Ѣдемъ. Посылаемъ съ лакеемъ карточки. Впускаютъ въ гостиную. Толстой все на томъ-же диванѣ съ недоумѣніемъ разсматриваетъ мою карточку. Передъ нимъ на столикѣ разложены пасьянскъ.

Ах. Ах. замѣшался, и я вхожу первымъ.

— Васъ я знаю, — говоритъ мнѣ Толстой, здороваясь. — А васъ, кажется, никогда не встрѣчалъ...

Конфужусь и стараюсь разъяснить недоразумѣніе.

— Моя фамилія — Полнеръ, и вы едва-ли помните меня, Левъ Николаевичъ. А вотъ Александръ Аполлоновичъ Мануиловъ, котораго вы знаете.

— Ну да, ну да... извините меня! Вы другъ на друга похожи. Здравствуйте. Садитесь.

Я объясняю цѣль прихода и торопливо передаю адреса.

Толстой равнодушно кладетъ ихъ, не глядя, на столикъ. Онъ раз-

спрашиваетъ А. А. о «Русскихъ Видомостяхъ». Обращаясь ко мнѣ, онъ желаетъ знать, чѣмъ я занимаюсь.

Выручаетъ Софья Андреевна. Она держитъ въ рукахъ двѣ большія фотографіи съ Рѣпинскаго портрета, на которомъ Толстой изображенъ босымъ отшельникомъ.

— Левъ Николаевичъ! подпиши, пожалуйста, портреты.

— Это зачѣмъ-же?

— Нужно. Просятъ двѣ дѣвушки.

— Какія двѣ дѣвушки?

— Ну... очень хорошія обѣ. Онѣ работаютъ у меня въ пріютѣ.

— Зачѣмъ-же я буду незнакомымъ подписывать?

— Онѣ очень знакомы... И я не понимаю, о чемъ ты споришь?

Если ты можешь доставить удовольствіе, отчего не сдѣлать?

— Да что-же я буду писать?

— Ну, напиши: «Левъ Толстой».

— Не понимаю я: зачѣмъ это? — ворчитъ старикъ. — Ну, давай: напишу... Это что? Рѣпинскіе? Нѣтъ ужъ, уволь. Если непременно нужно, возьми тамъ у меня въ комодѣ. А этихъ я подписывать не стаку: гербѣтъ не могу.

Софья Андреевна уходитъ.

— Вотъ неудобно-ли? — обращается къ намъ Толстой, показывая портреты. — А еще пріятель! Я его пустилъ въ домъ, поилъ, кормилъ... а онъ взялъ да и снялъ съ меня сапоги. Этакъ доживешь до того, что послѣдніе портки съ тебя спикутъ...

Софья Андреевна возвращается съ карточками.

Толстой беретъ перо и подписываетъ свое имя. Софья Андреевна принимаетъ карточки, обмакиваетъ перо въ чернильницу и выводитъ тщательно крючки надъ буквами Т, небрежно брошенными перомъ ея мужа.

3.

Двадцать лѣтъ тому назадъ. Спужу въ отдѣленіи 2-го класса. Читаю русскую книгу. Поездъ стоитъ въ Белозьѣ.

— Разъѣзжа! — кричатъ черномазый кондукторъ.

Ко мнѣ въ купѣ входитъ маленькій, пожилой итальянскій офицеръ. Онъ поднимаетъ слегка руку въ видѣ пріивѣтствія и медленно усаживается противъ меня. Ему жарко. Онъ снимаетъ пяверъ и отираетъ платкомъ лобъ и сѣдые волосы. Ни тѣни улыбки. Глубокой серіозностью

переполнена вся его немножко комичная фигурка. Кладу подлѣ себя книгу. Вглядываюсь въ далекія, изящныя очертанія горъ. Молчимъ. Офицеръ косится на мою книгу.

— Трудный у васъ языкъ, — медленно говоритъ онъ по-французски, съ ужаснымъ акцентомъ.

Пауза.

— Я не могъ одолѣть его, хотя учился прилежно.

— А зачѣмъ вы учились? Вамъ нужно это было по вашей службѣ?

— Нѣтъ. Но у васъ есть писатель, котораго я хотѣлъ читать въ подлинникъ.

— Кто-же это?

Онъ смотритъ на меня съ недоумѣниемъ.

— Графъ Левъ Толстой, конечно.

— И для того, чтобы читать его, вы учились русскому языку?

— Ну, да! Васъ это удивляетъ? Но развѣ вы не слыхали, что люди учатся английскому, чтобы читать Шекспира?

— Такъ вѣдь то — Шекспиръ!

Онъ грустно молчитъ.

— Шекспира, конечно, читать пріятно. Но я не могу его сравнивать съ Толстымъ. Тамъ — все далекое, чужое. А здѣсь — мысли и чувства, которыя пережилъ я самъ.

— Изъ нашихъ писателей вы знаете только Толстого? У насъ есть еще Достоевскій, Тургеневъ.

— Да, и у насъ есть хорошіе романисты. Они есть во всякой литературѣ. Мнѣ кажется, дѣло не въ этомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ Толстого, я понялъ, что можно и стоить жить.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Этотъ странный человѣкъ высоко поднялъ фонарь и ярко освѣтилъ все темное, что полусознательно мучаетъ душу каждаго изъ насъ. И онъ не только освѣтилъ. Онъ указалъ путь. Знаешь теперь, что надо дѣлать. Идешь по этому пути въ мѣру силъ и съ каждымъ шагомъ получаешь награду. И счастье дается, не возбуждая ничьей зависти, ничьей ненависти. Напротивъ, чувствуешь, какъ твое доброжелательство привлекаетъ къ тебѣ со всѣхъ сторонъ все новые и новые потоки любви...

Онъ мягко задумывается.

— А у насъ цѣнять въ Толстомъ, главнымъ образомъ, художника. Мы плохо знаемъ его религіозныя статьи. Но правдѣ сказать, часто онѣ кажутся намъ просто скучными. Да и направленіе его послѣ кри-

зиса... онъ вовсе не хочетъ считаться съ самыми тяжелыми политическими переживаниями современной Россіи.

— Какъ странно! А мнѣ, напротивъ, всегда казалось, что Толстого надо принять или отвергнуть цѣлкомъ. Въ этой великой душѣ отражается вся вселенная. Въ ней все связано и всё людскія противорѣчія — на своемъ мѣстѣ. Ихъ надо не примирять, а пережить. Конечно, «нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ». Вы заняты тамъ, у себя, политическими вопросами, борьбой партій. Вы судите его взгляды съ точки зрѣнія своихъ программъ. Но программы ваши пройдутъ и измѣнятся, а откровенія этого гения будутъ переживаться еще многими поколѣніями. И какое ясновидѣніе! Какая молодость сердца! Онъ пламенно любитъ жизнь, а между тѣмъ около него постоянно вѣютъ крылья смерти... Онъ грозитъ о братской любви, о мирѣ между людьми и съ безжалостной пропіей разоблачаетъ ложь нашей культуры. А какъ онъ слушаетъ музыку! Какъ переживаетъ настроенія природы! Почти съ головокруженіемъ бродите вы съ нимъ по гралямъ безконечнаго. И его удивительный реализмъ, единственный въ мірѣ по пластичной наивности, переплетенъ невидимыми нитями съ самымъ глубокимъ мистицизмомъ... Но извините меня; я заговорился, а повѣздъ останавливается. Здѣсь мнѣ выходить. Прощайте. Если увидите Толстого, скажите ему, что многие въ Италіи считаютъ его великимъ пророкомъ и единственнымъ истиннымъ другомъ въ современномъ европейскомъ искусствѣ *).

4.

Въ 1918 году я имѣлъ счастье уйти отъ окружающей дѣйствительности въ тихую работу надъ рукописями Толстого.

Составилось «Общество перваго полнаго изданія твореній Толстого». Въ него вошли блажкіе къ великому писателю люди, знатоки его текста, ученые, писатели. Проектъ намѣчалъ изданіе 80-ти томовъ. Собрано было до 10.000 писемъ Толстого, изъ которыхъ больше половины жемчужныхъ. Человѣкъ 12 засѣло за разборку, классификацію и описаніе рукописей и дневниковъ Толстого, до той поры недоступныхъ пуб-

*) Читая вышедшую впоследствии книгу Romain Rolland о Толстомъ, я съ удивленіемъ встрѣтилъ въ ней мысли, высказанныя мнѣ много лѣтъ назадъ моимъ случайнымъ спутникомъ — маленькимъ итальянскимъ офицеромъ. Замѣчу кстати, что старшая дочь Льва Николаевича, умная и начитанная Татьяна Львовна Сухотина, говорила мнѣ, что, по ея мнѣнію, книжечка Romain Rolland — лучшее, что написано объ ея отцѣ.

лнкѣ. Съ глубокимъ волненіемъ приступили мы къ работѣ. Думаю, такъ слѣдить археологъ за раскопками древняго города...

Изученіе текстовъ Толстого — дѣло сложное. На протяжении долгой жизни мѣнялись не только почеркъ и орфографія, но и система работы. Съ конца шестидесятихъ годовъ Толстой набрасывалъ обычно первоначальный текстъ и дѣлалъ безконечное количество поправокъ, въ лабиринтъ которыхъ часто самъ не могъ разобраться. Листы, рукописи или въ переписку. Любовное вниманіе — сначала Софій Андреевны, затѣмъ его дочерей — расшифровывало эти безконечныя напластованія. Въ переписанномъ видѣ страницы возвращались къ Толстому и слова подвергались правкѣ. Это могло повторяться съ однимъ и тѣмъ же текстомъ пять, шесть и болѣе разъ. Часто въ работѣ наступалъ кризисъ. Новые горизонты открывались передъ авторомъ: воображеніе рисовало ему новыя картины, новые образы: въ нихъ, казалось, лучше укладывались его намѣренія. Первоначальный текстъ отлаживался въ сторону. Постройка начиналась съизнова. И опять безконечныя іероглифы, безконечныя поправки, безконечныя переписки.

Всѣ знаютъ, чего стоили Пушкину его легкіе и блестящіе стихи. Немногіе догадываются, какой громадной работою достигалъ гений Толстого той удивительной пластичности образовъ, той чистоты рисунка, которыми поражаютъ его творенія. Самъ Левъ Николаевичъ, анализируя сущность художественнаго таланта, находилъ у себя одно только его проявленіе: «способность отбора». Этотъ «отборъ» состоялъ въ чуть ли не пужнаго, лишняго, въ устраненіи всего несоответствующаго данному лицу и данному моменту. Дѣло стиподъ не ограничивалось, конечно, такимъ «отборомъ». Толстому казалось совершенно естественнымъ само возникновеніе въ головѣ его образовъ, сценъ, сюжетовъ. Для насъ въ этомъ именно главная тайна творчества.

Рукописи лишь чуть-чуть приподнимаютъ завѣсу надъ этой тайной. За то «способность отбора» выявляется въ нихъ съ удивительной определенностью.

Впрочемъ, слѣдить за «отборомъ» дается не легко и не сразу. Сначала надо разобрать и установить текстъ.

Мы начинали съ фотографической съемки каждой страницы. Затѣмъ приступали къ чтенію. Во многихъ случаяхъ работать приходилось съ сильной лупой. Разобранный текстъ поступалъ въ переписку на машинкахъ — со всѣми поправками и вариантами. Иногда приходилось часами сидѣть надъ одной страничкой. Часто мы впадали въ уныніе. Листокъ рукописи переходилъ изъ рукъ въ руки. Последней инстан-

щей была всегда Александра Львовна: я она, и Н. И. Гусевъ какимъ-то напѣиємъ угадывали смыслъ непонятныхъ іероглифовъ. Наши переписчицы работали долго въ Ясной, привыкли къ почерку Толстого и тоже творили чудеса...

Иногда работа прерывалась: кто-нибудь находилъ совсѣмъ новую, неизданную рукопись, и мы съ восторгомъ вслухъ читали ее. Помню прелестную вещицу, которая называлась, кажется, «Сказка о томъ, какъ другая дѣвочка Варенька въ одну ночь выросла большая». Скущающіе родители отрываютъ дѣтей отъ игръ и везутъ «развлечься» въ балетъ. Можно себя представить, какъ издѣвается Толстой надъ «культурнымъ развлеченіемъ», изображая отношеніе маленькихъ зрителей къ тому, что они видятъ въ театрѣ. Впрочемъ, ребята не долго интересуются сценой: они замѣчаютъ въ соседней ложѣ мальчиковъ и дѣвочекъ, которые не сводятъ съ нихъ глазъ. Въ антрактѣ происходитъ знакомство, причемъ замѣшательство и «конфузъ» маленькихъ героевъ изображены, по-истинѣ, гениально. Дѣвочка Варенька очень заинтересована новыми друзьями и особенно маленькимъ Сережей. Чтобы безпрепятственно и часто видѣться съ нимъ, она рѣшила за ночь вырасти большою. Для этого, улегшись въ постельку, она, потихоньку отъ няни, вырвала у себя волосокъ и обвязала его вокругъ шеи. И вдругъ она стала расти, расти, и уже кровати не хватало, и, выросши совсѣмъ большою, она тихо-тихо встала, вышла изъ дома и пошла къ Сережѣ. Очень скоро найдя его, она увидѣла, что и у него волосокъ на шеѣ, и Сережа тоже растетъ у нея на глазахъ... ноги и руки становятся большія, толстыя, какъ бревна, «и уже усы начали выходить». Варенька испугалась, крикнула нѣсколько разъ изо всѣхъ силъ и... проснулась въ объятіяхъ няни, которая крестила ее.

Новыхъ, ненапечатанныхъ, художественныхъ созданій Толстого мы нашли неожиданно много: около двухсотъ. Правда, по большей части, это маленькія вещицы (басни, сказки, рассказы), предназначавшіяся для его дѣтскихъ хрестоматій и по тѣмъ или инымъ причинамъ не попавшія въ печать. Но нашлись творенія и другого рода.

Самыми слабыми оказались драматическія произведенія: большая пятиактная комедія («Зараженное семейство») и шутка-водевиль («Нигилистъ»). Последняя вещичка набросана для спектакля въ Ясной. О немъ рассказалъ П. И. Бирюковъ въ биографіи Толстого. Роль мужа играла гр. Софья Андреевна, роль жены Татьяна Андреевна Берсъ, роль странницы—гр. Марія Николаевна (сестра Льва Нико-

лаевича), все время импровизировавшая на сценѣ. Левъ Николаевичъ сидѣлъ въ публикѣ и хохоталъ неудержимо.

Большая пятнадцатая комедія написана въ шестидесятыхъ годахъ, облачаетъ «новыя вѣянія» того времени и сдѣлана удивительно слабо. Островскій, подъ благовиднымъ предлогомъ, отказался поставить ее на сценѣ Малаго театра (чего добивался Толстой) и тѣмъ, по отъѣзду самого Льва Николаевича, спасъ его отъ позора.

Но были и интереснѣйшія находки.

Громадныхъ усилий стоилъ Толстому романъ изъ временъ Петра I. Въ рукописяхъ мы нашли множество его отрывковъ съ безконечными вариантами. Дѣйствіе развивается то въ помѣщичьей усадьбѣ, то среди крестьянъ. Въ этихъ отрывкахъ — много замѣчательнаго. Сильное впечатлѣніе произвели, помнится, сцены въ ночномъ: одинъ изъ крестьянъ рассказываетъ около костра про свои походы съ Петромъ; отношеніе слушателей къ царю — мистически боязливое и недружелюбное.

Мы нашли непечатанные варианты «Декабристовъ», нѣсколько главокъ продолженія «Юности», большой текстъ второй части «Казанковъ», множество брошенныхъ началъ разныхъ рассказовъ.

Прелестенъ незаконченный, но очень значительный отрывокъ романа подъ названіемъ «Какъ гибнетъ любовь». Съ поразительнымъ блескомъ описанъ, между прочимъ, великосвѣтскій балъ, на которомъ раскрывается сердце молодой женщины навстрѣчу нѣжной и чистой любви юноши. Эта любовь гибнетъ во время попойки съ цыганами. Судя по почерку, это одно изъ первыхъ созданій Толстого.

У каждого изъ насъ, работавшихъ надъ рукописями, была своя специальность.

На мою долю выпали «Дѣтство», «Отрочество» и «Юность». Случилось это такъ. Въ одномъ изъ первыхъ ящиковъ мы нашли нѣсколько пожелтѣвшихъ листовъ, видимо вырѣзанныхъ изъ большой тетради. Рукопись написана гусинымъ перомъ и «клинообразнымъ» молодымъ почеркомъ Льва Николаевича. Пока рассказъ шель спокойно, можно было кое-что разобрать. Но вотъ авторъ начиналъ волноваться, его мысли и воображеніе бѣжали быстрѣ пера, крючки и палки становились все отвлеченнѣе, все непонятнѣе и, наконецъ, вырождались въ вихрь точекъ и чернильныхъ брызговъ... Рукопись передана мнѣ для изслѣдованія. Съ величайшимъ нетерпѣніемъ я впился въ текстъ. По обрывкамъ разобранныхъ словъ и фразъ я видѣлъ, что у меня въ рукахъ листки какой-то неизвѣстной любовной исторіи. Графиня З. разошлась съ мужемъ,

увлекается въ Казани другимъ, сходится съ нимъ, увѣжаетъ въ свою деревню.

Представьте себѣ, что значить держать въ рукахъ отдѣльные, разрозненные листы никому неизвѣстнаго Толстовскаго романа!... Пока я волновался, разбирая непонятные отрывки, были открыты другіе ящики, и мало-по-малу я подобралъ все листы моей рукописи. Если память не изменяетъ мнѣ, рукопись эта состояла изъ 98 страницъ большого формата. Разсказъ брошенъ на серединѣ. Заглавія нѣтъ.

Подобравъ все листы, я сталъ систематически устанавливать текстъ. И каково же было мое удивленіе (и, сознаюсь, на первыхъ порахъ, разочарованіе), когда я выяснилъ, наконецъ, что это — первый очеркъ романа, который путемъ долгой работы превращенъ въ «Дѣтство», «Отрочество» и «Юность»!...

Въ своихъ раннихъ дневникахъ Левъ Николаевичъ иногда отмѣчаетъ таинственно: «писалъ въ большой книгѣ». Листы, находившіеся въ моихъ рукахъ, и были вырѣзаны, очевидно, изъ этой самой «большой книги». Романъ начатъ, повидимому, еще въ Москвѣ. На Кавказѣ онъ доведенъ до студенчества трехъ героевъ. Ихъ отецъ — свѣтскій чело-вѣкъ, но картежникъ и мотъ, безъ собственныхъ средствъ. Мать — помянутая выше графиня Э. Дѣти (дочь и трое сыновей) остается незаконными послѣ смерти матери. Оторванные отъ нея мальчики проходить въ Москвѣ среднюю школу. Ихъ незаконное происхожденіе не остается безъ горестнаго вліянія на ихъ судьбу.

Я зналъ два текста «Дѣтства»: тотъ, который появился въ «Современникѣ» 1852 г., и другой, напечатанный гр. Софьей Андреевной въ посмертномъ полномъ собраніи (1911 г.).

Объясняя мотивы, по которымъ она печатаетъ новый текстъ «Дѣтства», гр. Софья Андреевна говоритъ: *) «Послѣ смерти Льва Николаевича я нашла въ бумагахъ письмо къ его брату гр. Сергѣю Николаевичу. Въ письмѣ этомъ Левъ Николаевичъ сообщаетъ, что разсказъ «Исторія моего дѣтства», появившійся въ «Современникѣ», написанъ имъ, но безобразно искаженъ редакціей. Найдя въ бумагахъ Льва Николаевича полную рукопись «Дѣтства», написанную цѣлкомъ его рукой, я сочла интереснымъ напечатать эту рукопись — вмѣсто «безобразно искаженнаго» текста. Но такъ какъ въ текстѣ «Современника» есть нѣсколько отрывковъ очень хорошихъ, не вошедшихъ въ найденную мною рукопись, я рѣшила дополнить ими послѣднюю».

*) Цитирую приблизительно, на память.

Редакторъ Сытинскаго изданія (П. И. Вирюковъ) считаетъ такой приемъ неправильнымъ и возвращается къ тексту, который появился въ «Современникѣ» и съ небольшими поправками печатался въ теченіе 50 лѣтъ при жизни автора.

Я нашелъ рукопись, по которой гр. Софья Андреевна печатала первый томъ посмертнаго изданія 1911 года. Характеръ этой рукописи, несомнѣнно, переходный и, при внимательномъ чтеніи, ясно чувствуется, почему Левъ Николаевичъ выкинулъ изъ нея отдѣльныя сцены, подготавливая послѣднюю рукопись, посланную имъ Некрасову.

Такимъ образомъ въ рукахъ моихъ оказались три текста. Но между первымъ, о которомъ я говорилъ выше, и текстомъ 1911 г. была цѣлая пропасть. А между тѣмъ изъ раннихъ дневниковъ Толстого я знаю, что онъ переписалъ «Дѣтство» *четыре* раза. Нашлась въ концѣ концовъ и еще одна рукопись. По разборкѣ и прочтенію ея, удалось установить ея мѣсто — между первымъ очеркомъ романа и текстомъ, опубликованнымъ гр. Софьей Андреевной.

Такимъ образомъ открылась вся цѣль текстовъ «Дѣтства». Вторая и третья редакціи написаны на полулистахъ, сложенныхъ въ четверку, и цѣликомъ рукою Льва Николаевича. Поправокъ не особенно много. Остается невыясненнымъ: предшествовала-ли каждой изъ этихъ рукописей еще черновая работа на листахъ? Слѣдовъ такой работы не сохранилось въ бумагахъ Толстого. Но въ дневникахъ встречаются неясныя на нее намеки.

И въ первой, и во второй рукописяхъ — много интересныхъ подробностей, выброшенныхъ впоследствии и оставшихся невѣстными публикѣ. Такъ, напримѣръ, во второй рукописи есть описаніе московскихъ бульваровъ сороковыхъ годовъ и фешенебельнаго общества, встрѣчающагося на этихъ бульварахъ по воскресеньямъ. Есть сцена во французской кондитерской: отецъ угощаетъ двухъ своихъ мальчиковъ горячимъ шоколадомъ, а самъ въ это время ухаживаетъ за хозяйкой-франуженкой и смѣло цѣлуетъ ее (мальчики видятъ всю сцену въ зеркалѣ). Подробно описанъ парадный обѣдъ въ домѣ бабушки, за которымъ слѣдуетъ тотъ дѣтскій балъ, который паходимъ въ окончательномъ текстѣ...

Но главный интересъ — все-же не въ этихъ деталяхъ. Четыре послѣдовательные текста вводятъ насъ въ мастерскую Толстого: точно присутствуешь въ ателье скульптора и видишь, какъ изъ куска мрамора вылѣзаютъ еле намѣченныя фигуры, какъ постепенно, подъ рѣзцомъ

художника, онѣ оживаютъ, становятся все индивидуальнѣе и, наконецъ, превращаются въ образы реальные и законченныя.

Въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Левъ Николаевичъ разсказалъ, что въ «Дѣтствѣ», «Отрочествѣ» и «Юности» онъ хотѣлъ изобразить семью своихъ друзей и сосѣдей — Исленевыхъ (они выведены подъ фамиліей Иртеневыхъ). Но затѣмъ такъ «человко» и «неумѣло» сплелъ съ ихъ исторіей черты своей собственной жизни, что въ цѣломъ получилось нескладное и неискреннее произведеніе. Таковы были впечатлѣнія автора, когда черезъ 50 лѣтъ онъ перечелъ созданіе своей молодости.

Читатель оцѣниваетъ это созданіе, конечно, совершенно иначе.

Но когда послѣдовательно изучаешь четыре рукописи «Дѣтства», приходишь къ убѣжденію, что путь, которымъ шелъ Толстой, указанъ имъ совершенно точно.

Въ первомъ наброскѣ еще мало задушевнаго, личнаго. Романъ графини Завадовской, нелады ея съ мужемъ, ея увлеченіе Александромъ Исленевымъ, отбѣздъ съ нимъ въ деревню, ея новая семья (три мальчика и дѣвочка) и ранняя смерть — взяты Толстымъ съ природы. Графиня переживаетъ тяжелую драму, такъ какъ не можетъ добиться отъ легкомысленнаго Исленева хлопотъ объ усыновленіи ея дѣтей. Послѣ ея смерти, Исленевъ ведетъ крупную карточную игру и въ концѣ концовъ оставляетъ семью почти безъ средствъ. Замѣчу мимоходомъ, что именно изъ этой семьи происходила гр. Софья Андреевна: она была дочерью Любови Александровны Берсъ, урожденной Исленевой, то есть внучкою гр. Завадовской.

И пока Толстой описываетъ эту семью въ первой редакціи повѣсти, все холодно, схематично, безжизненно. Съ каждымъ дальнѣйшимъ этапомъ работы въ мертвыя схемы, взятая извнѣ, объективно — вливается все больше и больше матеріала интимнаго, автобіографическаго. И восковыя изваянія окрашиваются какимъ-то изнутри идущимъ мягкимъ свѣтомъ, согрѣвается любовью автора, приобретаютъ жизнь, простоту, пластичность, теплоту и удивительную прелесть.

Еще одна замѣчательная черта: чѣмъ меньше герои Толстого становятся похожими на Исленевыхъ и чѣмъ больше они превращаются въ членовъ его собственной семьи — тѣмъ они становятся симпатичнѣе. Тѣ же основныя черты характера, почти тѣ же поступки, а люди выглядятъ иначе: перомъ автора водить теплое родственное чувство; оно смягчаетъ, извиняетъ, ретушируетъ недостатки. И отецъ, и старшій братъ, напримѣръ, становятся почти неузнаваемыми по мѣрѣ того, какъ изъ

Исленевыхъ они все больше прибрѣтають обликъ графовъ Николая Ильяча и Сергѣя Николаевича Толстыхъ.

Велика тайна творчества! Не много найдется во всемирной литературѣ писателей, вторые поражаютъ такимъ разнообразіемъ созданныхъ ими характеровъ и такъ умѣють придать имъ совершенно самостоятельное бытіе. А между тѣмъ, творчество Толстого удивительно и наглядно индивидуально. Мало того, что долго еще онъ смягчаетъ и облагораживаетъ черты близкихъ ему людей (семейная хроника въ «Войнѣ и Мирѣ», многіе типы «Анны Карениной»). Детальное изслѣдованіе его текстовъ параллельно съ изученіемъ дневниковъ и писемъ — съ полною наглядностью показывають, что топчайшія и, казалось-бы, совершенно специфическія чувстваванія и душевныя переживанія его разнообразныхъ героевъ и героинь — въ концѣ концовъ — чувстваванія и переживанія самого Льва Николаевича, лишь видоизмѣненныя примѣнительно къ полу, возрасту и характеру изображаемаго лица...

Возвращаюсь къ тексту «Дѣтства». Я доложилъ подробно нашему редакціонному комитету *) мои наблюденія надъ четырьмя текстами и руководящую идею, при свѣтѣ которой, какъ мнѣ кажется, надо изучать постепенный ростъ перваго произведенія Толстого. Рѣшено было напечатать въ новомъ изданіи всѣ четыре текста. Комитетъ почтилъ меня порученіемъ редактировать первый томъ. И я немедленно принялся за параллельное изученіе печатныхъ изданій, начиная съ «Современника» (1852 г.) и перваго отдѣльнаго выпуска («Дѣтство и Отрочество» 1856 г.) и кончая посмертнымъ изданіемъ Сытина. Во многихъ отношеніяхъ работа эта оказалась поучительной. Къ сожалѣнію, я не могу входить здѣсь въ подробности. Замѣчу только, что въ дальнѣйшемъ Левъ Николаевичъ относился совершенно равнодушно къ перепечаткамъ текста, а съ 80-хъ годовъ все дѣло изданія своихъ сочиненій перешло гр. Софѣѣ Андреевнѣ. Мало-по-малу, путемъ незамѣтныхъ вкраденій, ошибокъ, опечатокъ, корректурныхъ поправокъ издательницы (иногда весьма смѣлыхъ) первоначальный печатный текстъ мѣнялся. Возстановленіе его потребуеть еще большой работы.

Но совсѣмъ не такъ равнодушно относился Левъ Николаевичъ къ своему первенцу въ 1852 г. Переписка его съ Некрасовымъ извѣстна: письма Некрасова о «Дѣтствѣ» напечатаны П. И. Бирюковымъ. Письма

*) Почтенный предсѣдатель его, Ник. Вас. Давыдовъ, какъ я слышалъ, недавно скончался въ Москвѣ.

Толстого къ Некрасову долго считались потерянными и лишь недавно найдены и опубликованы.

Мнѣ удалось обнаружить письмо Льва Николаевича Некрасову, которое не только никогда не было напечатано, но, повидному, ускользнуло отъ вниманія и гр. Софьи Андреевны, и П. И. Бирюкова.

Письмо это замѣчательно. Представьте себѣ обстановку. Молодецкій вольноопредѣляющійся (Толстому было 24 года), въ глухой станицѣ Кавказа, пишетъ рассказъ и, по секрету ото всѣхъ, посылаетъ его въ редакцію «Современника» подъ таинственными инициалами. Некрасовъ, съ трудомъ просмотрѣвъ «слѣпо переписанную рукопись», сразу сдаетъ ее въ наборъ и пишетъ автору сдержанно одобрительный отзывъ, прося его раскрыть для редакціи инкогнито. Толстой отмѣчаетъ съ большимъ достоинствомъ. Онъ ждетъ отвѣта на свои первоначальныя условія: если рассказъ принять, онъ долженъ быть оплаченъ. Некрасовъ, внимательно прочтя набравшыя гранки, увлекается произведеніемъ и шлетъ автору хвалы. Онъ предлагаетъ ему дальнѣйшее сотрудничество въ «Современникѣ» и «высокій» (помнится, 50 р. сер. съ листа) гонораръ за послѣдующія его произведенія. Первый рассказъ, по журнальнымъ обычаямъ того времени, долженъ быть напечатанъ бесплатно. Толстой отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: «Получилъ письмо отъ Некрасова: похвалы, но не деньги».

Знаменитая книжка «Современника» приходитъ, наконецъ, въ станицу. Просмотрѣвъ ее, молодой авторъ чувствуетъ глубокое негодованіе. Кто-то позволялъ себѣ сдѣлать въ его текстѣ измѣненія!.. Онъ садится къ столу и пишетъ грозное посланіе знаменитому редактору. Отъ письма вѣтъ сдержаннымъ бѣшенствомъ. Перечисляя въ формѣ обвинительнаго акта внесенныя въ текстъ поправки, Толстой говоритъ о «плевѣжественной» рукѣ, которая «исказила» его первенца. Онъ нисколько не заботится о томъ, что эта «плевѣжественная» рука могла быть рукою самого редактора.

— Мнѣ остается одно только утѣшеніе, — говоритъ онъ въ концѣ: — издавая свой рассказъ отдѣльною книгою, я выброшу всѣ недѣлности, въ него внесенныя, и восстановлю искалѣченный текстъ.

Письмо гр. Сергѣю Николаевичу, о которомъ упоминаетъ Софья Андреевна, написано въ то же время.

Къ счастью, бѣшенный обвинительный актъ редакціи «Современника» — никогда не былъ посланъ. Некрасову отправлено другое письмо, въ которомъ находимъ лишь сдержанныя жалобы на измѣненія, внесенныя въ «Исторію моего дѣтства».

Надежда Льва Николаевича очистить текстъ отъ столь обидѣвшихъ его наслоений — осуществлялась черезъ четыре года. Отдѣльное изданіе «Дѣтства» и «Отрочества» вышло въ свѣтъ въ 1856 г. подъ непосредственнымъ надзоромъ автора. Съ понятнымъ любопытствомъ я ухватился за этотъ маленькій томикъ: вмѣстѣ съ неотосланнымъ письмомъ Некрасову онъ долженъ былъ въ точности указать мнѣ, въ чемъ состояли преступленія редакціи «Современника» передъ глубоко оскорбленнымъ авторомъ.

Сличеніе текста «Современника» съ авторскимъ изданіемъ привело къ неожиданнымъ результатамъ: никакихъ серьезныхъ искаженій, почти никакихъ пропусковъ!.. нѣсколько поправокъ — ненужныхъ и нелишнихъ, но обычныхъ для цензуры того времени *).

Помнится, Толстой страшно возмущался, между прочимъ, тѣмъ, что въ текстѣ «Современника» — деревенскій сторожъ «бить въ *мѣдную* доску». Въ письмѣ къ Некрасову онъ не жалѣетъ по этому поводу «кусательныхъ» словъ. Какое невѣжество! кто же не знаетъ, что *мѣдныхъ* досокъ не бываетъ у деревенскихъ сторожей!.. Кому и зачѣмъ понадобилось поддѣлать *чугунную* доску *мѣдною*?

Увы! въ изданіи 1856 г., какъ и во *всѣхъ* послѣдующихъ, деревенскій сторожъ продолжаетъ бить въ *мѣдную* доску. Заглянувъ въ рукописи Толстого, я убѣдился, что и въ нихъ... *чугунная* доска «поддѣлана» *мѣдною*.

Каждый начинающій авторъ считаетъ преступленіемъ малѣйшее измѣненіе своего текста. Толстой работалъ надъ своимъ первенцомъ такъ, какъ работаютъ немногіе. Все это, до известной степени, объясняетъ тонъ его неотправленнаго письма Некрасову. И все-же передъ этой надменностью, передъ этой холодной, сосредоточенной злобою — оставалась съ нѣкоторымъ изумленіемъ и недоумѣніемъ. Но письмо, дѣйствительно, написано рукою Толстого. Того самаго Толстого, который въ то же самое время плакалъ надъ своими предестинными письмами къ тетускѣ Татьялѣ Александровнѣ Ергольской. Сколько въ нихъ душевной протести, любви, преданности!..

Какой діапазонъ страстей и чувствъ въ одномъ человѣкѣ!..

*) Самое нелишнее измѣненіе заключалось въ слѣдующемъ. Карлъ Ивановичъ пробуждаетъ Николинку ударомъ хлопущки по мужъ надъ его головой. Хлопущка задѣваетъ «образокъ моего ангела, висѣвшій на дубовой спинкѣ кровати». Цензору показалось, надо думать, недопустимымъ, чтобы нѣмецъ Карлъ Ивановичъ (вѣроятно лютеранинъ!) дѣйствовалъ столь неосторожно по отношенію къ образу Николинкина ангела, и онъ замѣнилъ образокъ — «портретомъ моей маменьки».

Письмо Некрасову заставляет предчувствовать будущія рѣзкія столкновенія съ Тургеневымъ и бурныя сцены въ редакціи «Современника», описанныя Фетомъ и Григоровичемъ. Письма Т. А. Ергольской объясняютъ того прелестнаго въ семейномъ кругу хозяина, который умѣлъ наполнить Ясную вѣчнымъ веселымъ смѣхомъ и счастливою радостью жизни.

И невольно передъ глазами возникаютъ два образа: выдержанный, выше холодный, требовательный, съ чужими надменный князь Андрей Болконскій и милый, добродушный, любвеобильный Пьеръ Безуховъ.

Волшебница-природа сумѣла въ Толстомъ слить воедино два эти, казалось-бы, столь различные характера. Не для того-ли, чтобы въ этой долгой и великолѣпной жизни развернуть передъ человѣчествомъ поучительную картину вѣчной, неустанной борьбы съ самимъ собою и великихъ нравственныхъ одолѣній?

Тихонъ Полнеръ.

Patriotica.

Ты долго-ль будешь за туманомъ
Скрываться, Русская звѣзда,
Или оптическимъ обманомъ
Ты облачишься навсегда ?

Тютчевъ.

И насколько я знаю, намъ еще позволено говорить другъ съ другомъ о нашемъ отечествѣ, или — по крайней мѣрѣ — вздыхать о немъ.

Фигге.

„Родина, какъ здоровье: ихъ начинаешь дѣйствительно цѣнить только, когда потеряешь“. Больше потерять родину, чѣмъ мы, русскіе люди, трудно. Мы не только потеряли ее, какъ изгой. Сама родина разрушается, медленно умираетъ, становится легкой добычей. Мы — во-истину,

Какъ тотъ, кто жгучею тоскою
Томился по краю родномъ
И вдругъ узналъ-бы, что волную
Онъ схороненъ на днѣ морскомъ.

И въ этотъ часъ естественно, что всѣ помыслы русской общественности только о родномъ краѣ, всѣ благословенія — только ему. Каждый по своему или спасаетъ его, или думаетъ о способахъ этого спасенія.

Но такова, вѣрно, проклятая судьба русскаго общества, что даже и въ этомъ, казалось бы, всѣмъ общимъ и нужномъ оказываются расхожденія, непониманіе, пропасть. И несомнѣнное, простое и ясное претерпѣваетъ такія измѣненія и уклоны, что люди начинаютъ говорить на разныхъ языкахъ.

Говорятъ, что компромиссъ необходимъ въ реальной политикѣ. Говорятъ, что эту истину давно практическимъ чутьемъ постигли англичане. Можетъ быть. Но политика, въ которой компромиссно все — не политика. Политика, гдѣ компромиссу подвергаются самые принципы, становится политиканствомъ, или — того хуже — безпринципной авантюрой. Если всю политику свести къ этому, — честному человѣку нѣтъ мѣста въ политикѣ.

Принципъ есть то, что временному и преходящему сообщаетъ характеръ вѣчнаго, что даетъ переживание вѣчнаго, „божественнаго“, въ временномъ и „человѣческомъ“. И однимъ изъ такихъ принциповъ — особенно теперь — должно стать для насъ требованіе, сознание необходимости національнаго самоутвержденія, національнаго самосохраненія.

„Вѣра благороднаго человѣка въ вѣчное продолженіе его дѣятельности на этой землѣ основывается на вѣрѣ въ вѣчное развитіе народа, изъ котораго онъ самъ развился, въ своеобразіе этого развитія по скрытымъ законамъ *безъ примеси, безъ искаженія* его чѣмъ-нибудь чуждымъ, не согласующимся со всею совокупностью законовъ его развитія. Это своеобразіе есть то *вѣчное*, коему онъ вѣруетъ вѣчность самого себя и своей дѣятельности, вѣчный порядокъ вещей, въ который онъ влагаетъ свое вѣчное. Онъ долженъ хотѣть его продолженія, ибо только оно есть то освобождающее средство, благодаря которому краткій срокъ его жизни расширяется до предѣловъ жизни постоянной“. *) Абсолютная вѣра въ вѣчное развитіе народа безъ примеси, безъ искаженія и, слѣдовательно, требованіе—категорическое, не подлежащее никакимъ условіямъ и отступленіямъ, — охраны этого развитія, *нерушимости, неприкосновенности* цѣлаго, въ безграничности развитія котораго — залогъ переживанія вѣчности для человѣка: здѣсь — никогда и ни при какихъ условіяхъ компромисса быть не можетъ.

Это должно быть такъ, — особенно теперь и особенно для насъ.

Многія причины привели Россію къ тому состоянію, въ которомъ она находится сейчасъ. Много разъ указывали на нихъ, — и перечислять ихъ не входитъ въ задачу этой статьи. Но основ-

*) Фихте. Reden an die Deutsche Nation.

ной, главной, которая лежала въ корнѣ всѣхъ, которая объясняетъ, почему съ такой легкостью разсыпалась великая хранина земли Русской — было отсутствіе, недостатокъ національнаго самосознанія, патриотизма въ глубокомъ, высшемъ смыслѣ и значеніи.

Русскій народъ шелъ отстаивать родину, сражался, умиралъ, побѣждалъ—по велѣнію свыше. Порою онъ загорался, можетъ быть, массовымъ чувствомъ, но онъ не былъ проникнутъ, пропитанъ сознаниемъ отечества. Мы были чаще — „вятскіе“, „пензенскіе“. Но мы очень рѣдко бывали—гражданами Россіи.

И не вина это и не особое свойство нашего народа. Национальное самосознаніе есть даръ свободы. Триста лѣтъ проклятаго рабства, подъяремнаго безгражданственнаго подданничества превратили въ человѣческую пыль то, что должно было быть націей. „За что должны биться рабы?“ Высшаго, творческаго сознанія націи у нихъ нѣтъ. Стало быть, только за „спокойствіе, которое для нихъ выше всего“. „Но оно нарушается продолженіемъ борьбы. И поэтому они примѣняютъ все, чтобы какъ можно скорѣе закончить ее; они будутъ колебаться, уступать. И ради чего они не стали бы этого дѣлать? Они никогда не могли думать ни о чемъ другомъ, они всегда ждали отъ жизни лишь продолженія своего обычнаго существованія въ болѣе или менѣе сносныхъ условіяхъ“. *)

И когда пало виѣшнее принужденіе, когда исчезъ гипнозъ власти, то естественной усталости отъ войны, ея ужасовъ, крови, естественному страху смерти, желанію „спокойствія“ ничего нельзя было противопоставить. И какимъ безпомощнымъ ужасомъ сжималось сердце, когда впервые привезли съ фронта безумныя слова: „мы хотимъ мира,—хотя бы и похабнаго“....

И именно здѣсь великое, неоправдываемое преступленіе большевизма. Онъ довелъ этотъ апатріотизмъ до апогея. Онъ оправдалъ; онъ разрѣшилъ его. Онъ толкнулъ народъ къ тому, чтобы вслухъ, прямо, безъ обиняковъ говорить то, одна мысль о чемъ — затаенная, невольная, подло стучающаяся въ душу, — должна была бы залить лицо краской стыда. Онъ облекъ слабость и безсознательность въ ризы широковѣщательной и ложной идеологии. Въмѣсто того, чтобы свободу, добытую, наконецъ, народомъ, сочетать съ однимъ—и необходимымъ—изъ дости-

*) Фихте, назв. соч.

женій ея—національнымъ самосознаніемъ, правомъ свободнаго національнаго творчества, онъ извратилъ ее до степени эгоистическаго шкурничества.

Словами о всеобщемъ мирѣ онъ прикрывалъ проповѣдь мира во что-бы то ни стало и убѣжденіемъ въ томъ, что непріятель тоже положить оружіе, усыплялъ послѣднія вспышки взбуряженной національной совѣсти.

Только забывчивостью людей, только желаніемъ, утопая, схватиться хоть за соломинку, можно, поэтому, объяснить иллюзіи нѣкоторыхъ, будто теперь большевики могутъ бороться за національную цѣлостность Россіи. Будто ихъ борьба можетъ приобрести такой характеръ. Нельзя, униживъ, растоптавъ душу, сдѣлаться идеологомъ этой души. Развѣ растлитель, на этомъ растлѣніи построившій свою систему, можетъ стать стражемъ цѣломудрія своихъ жертвъ?

Но, какъ бы ни было настойчиво стремленіе большевизма толкнуть русскій народъ на преступленіе передъ самимъ собою, эта настойчивость не дала бы тѣхъ результатовъ, если бы онъ не нашелъ въ самомъ народѣ благодарной почвы апатріотизма. Большевизмъ сталъ властью потому, что въ тотъ моментъ это допустилъ, этому помогъ народъ. Вотъ почему борьба съ большевизмомъ есть не только сверженіе комиссародержавія, но и излѣченіе или, вѣрнѣе, воспитаніе русскаго народа до національнаго самосознанія. Большевики, несмотря на все, продолжаютъ существовать именно потому, что нѣтъ того огня, который внутри Россіи спаялъ бы массы, освѣтилъ бы, зажегъ въ умахъ одну мысль, способную родить энтузіазмъ, мысль о томъ, что каждый день существованія большевизма есть невыносимое оскорбленіе святыни національной самобытности, все новое переживаніе національнаго стыда.

Воцареніе большевизма именно такъ и воспринималось всѣми. На другой день послѣ паденія Зимяго и перехода власти къ Смольному всѣ демократическія силы соединились на лозунгѣ борьбы съ большевизмомъ. Во имя чего?

Во имя многого, во имя всего.

Мы вышли на борьбу съ большевизмомъ, ибо понимали, что его господство — разрушеніе Россіи. Уничтоженіе государственнаго и хозяйственнаго аппарата. Разложеніе страны. Голодъ. Нищета. Гибель демократіи и творчества въ свободѣ.

Величайшая реакція. Охлось, ставшій на мѣсто демоса. Все это видѣли и предвидѣли общественныя силы Россіи. Но не это стояло въ центрѣ. Не это давало *павосз* борьбѣ. Этотъ павосз исходилъ изъ чувства національнаго протеста.

Протестъ противъ отказа отъ самозащиты, ударъ по національному достоинству, разрушеніе понятія родины — вотъ что стояло въ центрѣ, заставляло и тогда и позже мечтать о возстановленіи фронта, о борьбѣ съ узурпаторами ради отпора вѣдшему врагу.

Общественный инстинктъ правильно нащупалъ эту точку — самую больную, — и понялъ, что именно отсюда должно пойти оздоровленіе страны, если оно возможно, что спасеніе ея въ воспитаніи народа до націи, въ осознаніи имъ себя націей въ процессѣ борьбы съ разложившей націю силой. Въ разныхъ другихъ областяхъ возможно было-бы мыслить себѣ и предлагать компромиссы во имя легчайшаго изживанія народомъ этого тяжелаго періода. Но *здѣсь* компромисса быть не могло. Компромиссъ *здѣсь* значилъ-бы уничтоженіе самой души возрожденія народа, отказъ отъ того принципа, который есть „то *вѣчное*, коему человекъ вѣрять вѣчность самого себя и своей дѣятельности, вѣчный порядокъ вещей, въ который онъ влагаетъ свое вѣчное“.

Подъ такимъ знакомъ началась и шла борьба не только съ большевизмомъ, какъ системой, но съ тѣми причинами, которыя дали въ народѣ возможность побѣды большевизма. Такъ началась и шла борьба. И такъ — и только такъ — она должна была идти, чтобы не потерять не только своего практическаго, но — что важнѣе — своего идейнаго, воспитательнаго — метафизическаго и религіознаго, сказалъ-бы я, — смысла.

Такъ должно было быть. Но такъ-ли это на самомъ дѣлѣ?

Въ своемъ „Былое и Думы“ Герценъ рассказываетъ о французскомъ эмигрантѣ — графѣ Кенсона, котораго онъ видѣлъ, будучи ребенкомъ, въ домѣ своего отца. „Надобно было на мою бѣду, — рассказываетъ Герценъ, — чтобы вѣжливейшій изъ генераловъ всѣхъ русскихъ армій сталъ при мнѣ говорить о войнѣ. „Да вѣдь вы стало сражались противъ насъ?“ — спросилъ я его пренаивно. „Non, mon petit, non, j'étais dans l'armée russe“. „Какъ, — сказалъ-я, — вы — французъ и были въ нашей арміи, это не можетъ быть!“ Отецъ мой строго взглянулъ на меня и

замялъ разговоръ. Графъ геройски поправилъ дѣло, онъ сказалъ, обращаясь къ моему отцу, что ему „нравится такія *патриотическія* чувства“. Отцу моему они не понравились, и онъ мнѣ задалъ послѣ его отъѣзда страшную гонку. „Вотъ что значитъ говорить очертя голову обо всемъ, чего ты не понимаешь и не можешь понять. Графъ изъ вѣрности *своему* королю служилъ *нашему* императору“. Дѣйствительно, я этого не понималъ.

Къ сожалѣнію, извѣстная часть русской общественности стала, какъ будто, понимать то, чего не понималъ Герценъ. Мнѣ не хотѣлось-бы, чтобы на эту статью смотрѣли, какъ на полемику съ лицами. Цѣль ея — не борьба съ политическими противниками. Не это сейчасъ волнуетъ меня. Мучить и волнуетъ другое — болѣе глубокое и основное — болѣзнь русской общественности. Страшна эта болѣзнь, ибо, если въ самой сердцевинѣ появляется гніеніе — тогда, дѣйствительно, плохо дѣло.

Польша объявила войну Россіи. Начались бои. Захвачены были русскіе области, города. Палъ Кіевъ. Было ясно, что не съ большевиками воюетъ Польша, или — во всякомъ случаѣ — не только съ большевиками, но съ Россіей, которую, по собственному его признанію, ненавидитъ теперешній руководитель Польши — Пилсудскій. А русская общественность въ значительной части или робко молчала передъ событіями и ждала избавленія отъ разгрома Россіи поляками, или — еще хуже — тайно или явно — сочувствовала имъ. И наивно старалась увѣрить себя: не противъ Россіи Польша, а противъ Большевиизма.

Больше того. Находились такіе, которые считали возможнымъ сочувствовать тому, чтобы русскіе отряды шли вмѣстѣ съ польскимъ войскомъ бить Россію. Въ этотъ моментъ считали за честь быть принятыми Пилсудскимъ, увѣрять его въ дружбѣ, унижаться передъ нимъ и читать „неизреченное“ на его челѣ и въ его очахъ.

Есть такіе, которые и теперь, когда, кажется, и слѣпымъ пора прозрѣть, продолжаютъ утверждать, что это не Польша заключила миръ, обобравъ Россію, что это миръ „партиійный“, заключенный подъ давленіемъ П. П. С. и англійскаго правительства и что въ конечномъ счетѣ этотъ миръ направленъ исключительно противъ большевиковъ. Что же, — и взятые деньги и отторгнутыя области — это тоже противъ большевиковъ и подъ давленіемъ П. П. С. ?

Румынія, трижды измѣнившая своимъ различнымъ союзникамъ и „друзьямъ“, захватываетъ Бессарабію, сначала de facto, а потомъ и de jure. А русская общественность разрозненно едва реагируетъ. И, можетъ быть, — кто знаетъ? — найдутся еще люди, которые и этого слабого протеста не одобряютъ: опасно ссориться. А вдругъ Румынія, отхвативъ еще кусокъ, окажется какому-нибудь „россійскому“ правительству поддержку „противъ большевиковъ?“

Японія захватываетъ—медленно, настойчиво, жестоко и какъ-то фатально — Дальній Русскій Востокъ. Въ ужасъ мечутся тамъ русскіе люди и чувствуютъ — беспомощные — какъ грознѣе, безповоротнѣе сжимается у нихъ на горлѣ желѣзная рука сосѣда. А большая часть „мозга русской націи“ молчитъ и молчаніемъ встрѣчаетъ привѣтъ какихъ-то „россійскихъ“ властей Японскому правительству за неизмѣнную дружбу. Кто знаетъ? Можетъ быть, въ борьбѣ съ большевиками и Японія окажетъ услугу. Нельзя раздражать. Вѣдь и правительства-то тамъ, на Дальнемъ Востокѣ, какія-то „полубольшевицкія“. Ну, а русская-то земля, русскіе люди тамъ — они забыты?

Недавно, одинъ русскій общественный дѣятель, говоря объ одномъ изъ „завоевателей“ Большевиизма, выросшемъ на вражеской помощи, заявилъ мнѣ: „Что же, если дойдетъ до Москвы — будетъ Гарибальди. Ну, а не дойдетъ...“ Значитъ, раздавить Троцкаго и Ленина даже цѣною униженія Россіи — заманчивая вещь? И какая же разница тогда между Гарибальди и графомъ Кенсона, „который изъ вѣрности своему королю служилъ нашему императору“?

О, я не хочу на этомъ основаніи подвергать сомнѣнію любовь къ родинѣ этихъ людей. Конечно, они по-своему любятъ её. Но, можетъ быть, было бы лучше, если бы это было не такъ. Тогда все было бы ясно и понятно. Тогда не было бы моральнаго соблазна и признаковъ моральнаго разложенія. Большевиизмъ, вѣрно, никогда и не мечталъ о *такой* побѣдѣ — величайшей изъ всѣхъ его побѣдъ: мрачная тѣнь его затмила національное самосознаніе. Большевиизмъ загородилъ, извратилъ патриотизмъ.

Вспоминаются мнѣ другія времена и другая обстановка. Въ декабрѣ 1917 года я былъ схваченъ большевиками и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. Въ то же время сидѣлъ тамъ

лидеръ русскихъ черносотенцевъ, — покойный теперь, В. М. Пуришкевичъ. Большевики «опредѣлили» его истопникомъ, и онъ свободно ходилъ по корридору и могъ заходить въ камеры. То былъ моментъ, когда Троцкій сдѣлалъ свой «beau geste», прервалъ переговоры въ Брестѣ и явился въ Петроградъ проповѣдывать войну противъ Германіи. Большевицкая пресса была полна воинственнаго пыла. Заявлялось о непреклонномъ рѣшеніи отстоять «красный» Петроградъ и «красную» Россію. Намъ въ тюрьму газеты доставлялись. И вотъ, въ одно утро, — съ газетой и какими то бумажками въ рукахъ — ко мнѣ влетѣлъ возбужденный, взбудораженный Пуришкевичъ. Онъ прочелъ объ этомъ «рѣшеніи» большевиковъ и пришелъ предложить составить и подписать заявленіе. «Заявимъ, — говорилъ онъ, — что, если такъ, мы готовы итти дѣлать, что угодно. Пошлутъ на передовыя позиціи бороться съ завоевателемъ — пойдемъ. Заставятъ быть братьями милосердія, сдѣлаютъ пушечнымъ мясомъ — на все готовы. Пусть руководятъ, но пусть не слабаютъ оружія защиты». Я отказался отъ этого заявленія и ему посовѣтовалъ не дѣлать его, ибо во-первыхъ, не вѣрилъ всей этой большевицкой шумихѣ, а во-вторыхъ, — наше положеніе — плѣнниковъ — было деликатное, и всякое такое движеніе съ нашей стороны могло быть истолковано, какъ желаніе прежде всего выбраться изъ тюрьмы. Но не въ моей позиціи дѣло, и не о ней хочу я говорить теперь. Дѣло въ Пуришкевичѣ. Мы были съ нимъ политическими антиподами, и никогда ничто общее насъ съ нимъ не связывало и не могло связывать. Но я долженъ сказать, что въ тотъ моментъ, поскольку я вѣрилъ полной искренности порыва Пуришкевича, онъ — руководитель черной сотни — былъ психологически мнѣ ближе, чѣмъ всѣ тѣ — даже радикальные — политики, которые въ борьбѣ съ большевизмомъ уничтожаютъ самый смыслъ этой борьбы, которые интересамъ борьбы съ большевизмомъ — сознаютъ они это или нѣтъ, — жертвуютъ интересами Россіи.

Большой русскій писатель И. А. Бунинъ недавно написалъ, что испытываетъ горькую радость, что хоть въ одномъ была милостива къ нему судьба: „избавила меня, — говоритъ онъ, — отъ позора и муки дышать однимъ воздухомъ съ хозяевами „красной“ Россіи.“

Увы, — этотъ воздухъ, которымъ дышатъ хозяева „крас-

ной“ Россіи, — воздухъ нашей родины. Имъ дышитъ, содрогаясь и испытывая крестныя муки, Россія. Его въ послѣдній разъ вдыхаютъ тѣ безчисленныя жертвы, которыми сопровождается свое шествіе большевизмъ. Мука — не дышать имъ, этимъ священнымъ воздухомъ.

Страшенъ не физическій воздухъ, которымъ дышатъ большевики, а воздухъ моральный. И невольно беретъ страхъ, не заразили-ли большевики моральный воздухъ, которымъ дышитъ нѣкоторая часть русской общественности; не скатывается-ли она, сама того не замѣчая и думая спасти родину, къ большевистскимъ аргументамъ, эту родину, какъ „вѣчное во временномъ“, убивающимъ?

Большевизмъ, эволюционируя въ своихъ методахъ усыпленія національной совѣсти, изобрѣлъ два слова, объясняющія его дѣйствія: „оазисъ“ и „передышка“.

Пусть, говорить онъ, отдадимъ мы ту или иную часть русской земли — въ нарушение права и справедливости. Зато мы сохранимъ въ спокойствіи нашу „коммунистическую родину“, нашъ „оазисъ“. И ужъ онъ будетъ построенъ по нашему плану на поученіе всѣмъ.

И затѣмъ, всѣ эти „похабные“ миры — лишь „передышка“; все это — временное. Несомнѣнно, Европа, міръ — наканунѣ краха. Наши друзья, единомышленники и соратники придутъ къ власти. И когда властвовать будутъ они, они отдадутъ все, что отняли империалисты.

Пусть, — говорятъ теперь нѣкоторые изъ антибольшевистскаго лагеря, — пусть поступимся мы теперь тѣмъ или другимъ. Но за то будетъ разрушенъ большевизмъ. И мы будемъ имѣть „оазисъ“ (Московію?) такъ, какъ мы его хотимъ и понимаемъ. И въ этомъ будетъ спасеніе Россіи. „Что-бы выбрали вы, спрашиваютъ иной разъ ехидно: отдать Бессарабію, но одолѣть большевизмъ, или остаться *вз своемъ желаніи* при Бессарабіи, а *на дѣль*, въ Россіи, — при большевизмѣ?“ Вѣдь безъ „друзей“ со стороны не обойтись, а друзья и сосѣди требуютъ платы и берутъ ее.

И потомъ — это только „передышка“. Это — временное. Стоитъ Россіи свергнуть большевизмъ, стоитъ тамъ создаться правительству, приемлемому для этихъ „друзей“, и — ради его прекрасныхъ глазъ — условія будутъ измѣнены. Они такими

созданы только для большевиковъ. Тогда изъ расхитителей и порабитителей всѣ эти „пособники“ станутъ идеалистами, пекущимися объ интересахъ Россіи.

И еще одно говорятъ — и самое тяжелое, самое болезненное. Можно стоять на „высотѣ принциповъ“, но не надо забывать, во что обходятся эти принципы русскому народу. Надо помнить, что каждый день владычества большевиковъ — гибель новыхъ жертвъ. Каждый мѣсяць — гибель, быть можетъ, сотенъ тысячъ. Вымершая Россія — вотъ перспектива еще двухъ-трехъ лѣтъ большевистскаго господства. Надо — и часто это говорятъ люди, однимъ духомъ высказывающіеся въ то-же время и за блокаду, — надо помнить объ этомъ!

Мы помнимъ, мы не можемъ, не имѣемъ права забыть. Мы не только помнимъ о крови и смертяхъ въ Россіи, мы не только содрогаемся. Но мы знаемъ, что доля отвѣтственности за эту кровь, за эти смерти и на насъ, русскихъ гражданъ. Мы, волею судебъ или своею волею оказавшіеся въ „прекрасномъ далеѣ“, понимаемъ, переживаемъ, какъ велика эта отвѣтственность, и какимъ тяжкимъ туманомъ поднимается къ сознанию эта кровь и смерть. Къ этимъ близкимъ и далекимъ „ближнимъ“ несетса мысль.

Но, или есть въ человѣкѣ и человѣческомъ что-то высшее и вѣчное, ради чего нельзя измѣнить и юты, или все растворяется лишь въ состраданіи. Припомнимъ, что вѣдь такъ аргументировали когда-то и за другое. „Вы,—говорили намъ,—кричите объ оборонѣ и національномъ самоохраненіи. Но вспомните о тысячахъ убитыхъ, калѣкъ, вдовъ, сиротъ, матерей, вспомните— и тогда, можетъ быть, вы пойдете и на „похабный“ миръ. Что значать всѣ слова и идеологіи передъ однимъ, яснымъ, несомнѣннымъ, осязательнымъ счастьемъ и благомъ — счастьемъ жить?“

Любовью къ ближнему должна быть полна душа наша. Будемъ помнить и, какъ Енохъ Господа, всегда носить предъ собою видѣніе страданій и испытаній нашей родины. Но — во имя ея будущаго, ея величія и чести, во имя національнаго самоуваженія — пусть любовь къ ближнему не заслонитъ предъ нами другой любви — любви къ „дальнему“, пусть „любовь къ вещамъ“ не уничтожитъ въ насъ „любви къ призракамъ“.

Нечеловѣческими испытаніями приходитъ Россія къ самосо-

знанію. Не ея вина. Слишкомъ долго внизу царилъ мракъ, а наверху великая вражда къ той государственности, которая претендовала представлять націю. Слишкомъ долго воспитывалось отвращеніе къ тому жалкому и гадкому, что брало официальный патентъ на названіе патриотизма. Слишкомъ долго слово патриотъ выговаривалось, какъ „потреоть“.

Теперь наступила пора его реабилитации. И она нужна особенно теперь, ибо въ этомъ спасеніе, истинное новое рожденіе Россіи въ духѣ. Отъ этого зависитъ, быть ей или не быть.

И прямымъ нашимъ желаніемъ, вѣрой, является то, что и слово, и понятіе это вынесутъ, выстрадають до конца тѣ, кто пріялъ великую мартовскую революцію, кто, несмотря на всѣ испытанія, и теперь не отрекся отъ нея и во имя ея лозунговъ живетъ и дѣйствуетъ.

Пора вспомнить традиціи Великой Французской Революціи. Тогда революціонеръ назывался патриотъ.

Тяжелъ путь русской демократіи. Ее гонять, заушаютъ слѣва, ее преслѣдуютъ справа. Между молотомъ и наковальней она живетъ и продолжаетъ бороться за новое право. Но если даже подавятъ ее на время, если стихійныя силы сомкнутся на историческій мигъ надъ ея головой — будущее принадлежитъ ей. И пусть въ это будущее изъ мрачныхъ годовъ испытаній незапятнанными, неискаженными, абсолютными и вѣчными принесетъ она свою вѣру и свое утвержденіе родины!

Николай Авксентьевъ.

Социально-экономическая реакція въ совѣтской Россіи.

---

1. Капиталистическое подполье.

Каковы пути будущаго развитія Россіи? Что уготовила русскому народному хозяйству «совѣтская республика»?

Всикій, кто хочет черезъ хаосъ и разложеніе нынѣшней хозяйственной жизни, черезъ миражъ коммунистической политики проникнуть въ перспективы экономического и социального грядущаго Россіи, долженъ, неизбежно, отправляться отъ итоговъ совѣтской политики.

Итоги эти кратки и недвусмысленны: ни въ одной области хозяйственной жизни совѣтская власть не достигла цѣлей, которыя она себѣ ставила. Но констатировать только это недостаточно.

Ибо этого, въ сущности говоря, не отрицаетъ ни одинъ изъ болѣе или менѣе добросовѣстныхъ большевистскихъ дѣятелей. Сознаваясь въ неудачѣ большевистской политики до настоящаго времени, совѣтскіе руководители, однако, неизмѣнно указываютъ на то, что эта неудача носитъ временный характеръ, что, конечно, социалистическій строй нельзя ввести полностью въ два-три года, но что совѣтская республика, во всякомъ случаѣ, прочно стоитъ на пути къ социализму.

Если бы это было, дѣйствительно, такъ, какъ утверждаютъ совѣтскіе дѣятели, ихъ дѣло было бы оправдано, несмотря ни на какія временныя неудачи.

Если же это не такъ, то естественно, что вся произведенная совѣтской политикой катастрофическая разруха народнаго хозяйства Россіи не только не имѣетъ для себя оправданій, но является самымъ жестокимъ обвинительнымъ актомъ противъ совѣтской республики.

Для того, чтобы утвержденія совѣтскихъ дѣятелей были справедливы, нужно, чтобы не только замѣчалась какая-либо

тенденція къ улучшенію въ общемъ положеніи вещей въ совѣтской республикѣ. Необходимо также, чтобы въ хозяйственной и социальной жизни Россіи намѣчался внутренней процессъ, являющійся залогомъ развитія новаго для человечества социальнаго строя.

Два момента являются наиболѣе характерными для социалистическаго строя: психологическое преодоленіе чувства частной собственности и уничтоженіе раздѣленія общества на классы и классовыхъ антагонизмовъ. Но именно этого-то какъ разъ въ совѣтской республикѣ не замѣчается. Болѣе того, еще никогда оба эти момента, даже въ условіяхъ строго капиталистическаго хозяйства, не играли такой большой роли, какъ въ настоящее время въ условіяхъ совѣтской социалистической республики.

«Республика совѣтовъ» не только носитъ названіе социалистической. Она ставитъ своей ближайшей, первоочередной задачей осуществленіе въ Россіи социалистическаго строя. Между тѣмъ, происходящій подъ покровомъ совѣтской коммунистической политики общественный процессъ не только не приближаетъ Россію къ коммунистическому строю, но относитъ отъ него страну еще дальше, чѣмъ она была до большевистской революціи.

Дѣло, конечно, не только въ томъ, что въ Россіи не уничтожена цѣликомъ частная собственность, что сохранились во всей силѣ товарное хозяйство, наемный трудъ, заработная плата, денежная система обмѣна и т. п. Все это защитники большевистской политики могутъ объяснить незаконченностью большевистской работы. Для нихъ всѣ надежды покоятся на томъ, что, по мѣрѣ развитія и углубленія совѣтской политики, будетъ достигнуто и завершеніе коммунистическаго строя.

По нашему мнѣнію, противорѣчіе между коммунистической политикой совѣтской власти и происходящимъ въ странѣ органическимъ общественно-экономическимъ процессомъ заключается въ томъ, что при коммунистической политикѣ, направленной на созданіе коммунистическаго строя, въ совѣтской республикѣ совершается обычный процессъ частнокапиталистическаго хозяйства—и только этотъ процессъ. Коммунистическая политика его не только не задѣваетъ съ желательной для нея стороны, не только не направляетъ, не организуетъ, не консолидируетъ въ желательномъ для нея направленіи. Наоборотъ, она вызываетъ явленія, прямо противоположныя себѣ.

Всѣ коммунистическія реформы имѣютъ исключительно бумажное существованіе. Отмѣна частной недвижимой и отчасти движимой собственности не препятствуетъ тому,

что не только предметы домашняго употребленія, но и городскіе дома служатъ объектомъ частной торговли. Несмотря на муниципализацію городской недвижимости, дома и городскіе участки продаются и покупаются въ совѣтской республикѣ такъ же, какъ и при прежнемъ частно-капиталистическомъ строеѣ. Болѣе того, еще никогда продажа и покупка городской недвижимости не совершались въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ въ настоящее время. Люди, насчитывающіе свое бумажно-денежное состояніе милліонами и боящіеся конфискаціи ихъ со стороны совѣтской власти, предпочитаютъ вкладывать эти капиталы въ недвижимость, которая, по ихъ твердому убѣжденію, въ концѣ концовъ будетъ въ рукахъ частныхъ собственниковъ.

Промышленныя и торговыя предпріятія націонализированы совѣтской властью, но акціи акціонерныхъ компаній служатъ предметомъ широкаго биржевого оборота.

И въ Москвѣ и въ Петербургѣ, не смотря на закрытіе официальной биржи, существуетъ неофициальная биржевая игра, при которой происходитъ непрерывное колебаніе курсовъ цѣнныхъ бумагъ, хотя и аннулированныхъ совѣтской властью. *)

Чѣмъ вызывается существованіе этой биржевой игры и притомъ въ такомъ видѣ? Тѣмъ же, чѣмъ эта игра вызывалась и раньше. Реальныхъ акцій не существуетъ, и игра совершается «на разницу». Люди выигрываютъ или проигрываютъ безъ обращенія реальныхъ акцій, это — просто одинъ изъ способовъ повышенія дохода.

Несмотря на націонализацію торговли и промышленности, существуетъ въ широкихъ размѣрахъ и свободная торговля. Ею занимаются рѣшительно всѣ. И такъ какъ эта свободная торговля протекаетъ въ чрезвычайно нездоровыхъ хозяйственныхъ условіяхъ, то она носитъ, и не можетъ не носить, спекулятивный характеръ.

Она рассчитана исключительно на рѣдкость данныхъ товаровъ на рынкѣ, на сильный спросъ на нихъ и на возможность запрашивать любую высокую цѣну. Отъ прежней свободной торговли эта спекулятивная торговля, носящая общее названіе *мъшечничества*, отличается болѣе отрицательными

---

*) Такъ, напр., Мальцевскія акціи, стоившія номинально 100 руб., стоили въ концѣ 1918 г. — 500 руб., въ срединѣ 1919 г. — 5.000 р., въ концѣ 1919 г. — 12.000 р.; Нобелевскія акціи, стоившія номинально 250 руб., въ концѣ 1918 г. стоили 3.000 р., въ срединѣ 1919 г. — 20.000 р., въ концѣ 1919 г. — 44.000 р.; «Русская Нефть», стоившія номинально 250 р., въ срединѣ 1919 г. стоили 4.000 р., въ концѣ 1919 г. — 12.000 р.; Пастуховскія акціи, стоившія номинально 100 р., въ концѣ 1918 г. стоили 350 р. и въ срединѣ 1919 г. — 2.000.

чертами. Лица, занимающіяся ею, являются монополистами. Потребители, дѣйствительно, находятся въ ихъ неограниченной власти. Кромѣ того, этой торговлей захвачено небывало большое количество людей. Торговые инстинкты, погоня за наживой, стремленіе къ возможно болѣе высокой прибыли, психологія торговца — все это захватило теперь такихъ людей, которые раньше были отъ этого чрезвычайно далеки. У очень многихъ людей, которые раньше никогда не имѣли никакого отношенія къ торговлѣ, спекуляціи, биржевой игрѣ, теперь сплошь да рядомъ бюджетъ ихъ домашняго хозяйства рассчитанъ на возможность „выгодно продать“, ибо эта выгодная продажа зависитъ не отъ нихъ, а отъ механическаго фантастическаго повышения рыночныхъ цѣнъ на всѣ товары.

Возьмемъ другія области совѣтской политики.

Переходъ всѣхъ частныхъ предпріятій въ руки государства привелъ въ послѣднее время къ тому, что на службу совѣтскому государству были привлечены прежніе руководители этихъ предпріятій, во многихъ случаяхъ и прежніе собственники. Вся административная сторона дѣятельности этихъ предпріятій находится въ рукахъ многихъ изъ прежнихъ предпринимателей или, во всякомъ случаѣ, прежнихъ представителей буржуазныхъ классовъ. Объединеніе предпріятій въ формѣ принудительнаго государственнаго трестирования и синдицированія не устраняетъ прежнихъ навыковъ, методовъ дѣятельности, психологіи старыхъ руководителей этихъ предпріятій. Принципы частнаго хозяйства продолжаютъ господствовать въ области промышленности.

„Буржуазные элементы, — писалъ недавно въ „Экономической Жизни“ г. Сокольниковъ, — уцѣлѣвшіе отъ террора и не эмигрировавшіе за границу, тѣми или иными путями впитались въ экономическіе совѣтскіе органы.

Они сохранили при этомъ тѣ отношенія знакомства, дѣловой связи и даже зависимости, которая существовали между ними раньше.

Они сохранили старую психологію хозяйничанья, старые методы хозяйственной работы и тенденцію къ отставанію во что бы то ни стало своего стараго уровня жизни.

Изъ этого, естественно, рождается широко распространенная дѣловая буржуазная практика, которая возстанавливаетъ старый типъ хозяйственныхъ отношеній на старой основѣ торговаго и предпринимательскаго барыша.

Раньше буржуазные дѣльцы были юридическими собственниками того металла, дровъ, кожи, мануфактуры и пр., которые фигурировали въ ихъ сдѣлкахъ. Теперь они потеряли прежнія права юридической собственности, но сохранили въ сильной мѣрѣ права фактическаго распоряженія.

При засиліи буржуазнаго элемента получается своеобразная коммуна, гдѣ каждый отдѣльный капиталистъ собственности лишенъ, но гдѣ вся теплая компанія, вмѣстѣ взятая коллективно, на началахъ взаимности, распоряжается съ наименьшимъ удобствомъ и выгодой, чѣмъ это дѣлали бы полные собственники.

Однако, вся эта практика организаціи разорванной революціей буржуазной экономической системы отношеній сталкивается съ регулирующей „декретной“ политикой, съ нормами и предписаніями, запрещеніями и ограниченіями. Формально ступившая передъ „декретомъ“, буржуазная дѣловая практика переходитъ на нелегальное, а гдѣ возможно и на полунелегальное положеніе.

„Такимъ образомъ, во многихъ отрасляхъ создается двойная хозяйственная организація: одна, внѣшняя — коммунистическая, другая, внутренняя — капиталистическая. Попытки дѣйствовать „по инстанціямъ“, согласно формамъ или предписаніямъ, въ этихъ условіяхъ часто оказываются бесплодными. И одно совѣтское учрежденіе сплошь и рядомъ можетъ получить причитающееся ему по праву изъ другого учрежденія только путемъ аппеляціи къ его подпольному капиталистическому аппарату, взимающему въ той или иной формѣ соответствующую мзду.

Это различіе аппаратовъ нерѣдко есть естественнымъ образомъ и различіе цѣны твердой и цѣны рыночной, спекулятивной. Источникъ наиболѣе крупныхъ барышей подпольной буржуазіи и состоитъ въ томъ, что она покупаетъ партіи продуктовъ въ однихъ совѣтскихъ учрежденіяхъ по твердой цѣнѣ и продаетъ ихъ другимъ совѣтскимъ учрежденіямъ по рыночной цѣнѣ. Причемъ вся операція полученія заказа, полученія продукта, транспортировки его и полученія платы за него проводится черезъ „внутреннюю“ систему „связи“ буржуазныхъ элементовъ.“ *)

Таковы роль и сила буржуазіи въ совѣтской республикѣ въ краснорѣчивомъ изображеніи совѣтскаго дѣятеля. Частнохозяйственная психологія и методы обостряются не только у буржуазіи. Всюду и всегда, какъ только совѣтская власть пытается поднять производительность труда, трудовую дисциплину, поддерживать хоть какую-нибудь дѣятельность предпріятій, — ей приходится вызывать къ жизни у рабочихъ тѣ же стимулы, на которыхъ основывается и капиталистическое хозяйство. И въ совѣтскомъ строѣ оказываются необходимыми введеніе сдѣльной работы и сдѣльной заработной платы,

*) „Капиталистическое подполье“. „Экономическая Жизнь“, № 138, 25 июня 1920 г.

установленіе старыхъ дисциплинарныхъ взысканій за прогулы (штрафованіе рабочихъ, какъ было въ старомъ фабричномъ законодательствѣ), введеніе премій и т. п. Словомъ, какую бы область мы ни взяли — нигдѣ нѣтъ психологическаго преодоленія чувства частной собственности и частнохозяйственнаго начала. Хозяйственный укладъ, созданный совѣтскимъ строемъ, обостряетъ и укряпляетъ эти старыя начала въ самой рѣзкой формѣ.

2. Дезурбанизация.

Въ совѣтской республикѣ происходятъ два чрезвычайно характерныхъ явленія: дезиндустриализация и дезурбанизация страны.

Крупная промышленность сходитъ на-нѣтъ. Города подвергаются постепенному вымиранію — не только физическому, въ буквальномъ смыслѣ вымиранію, но и экономическому.

Города, городское населеніе, городская матерьяльная культура находятся всецѣло въ подчиненіи у деревни, и крестьянство, какъ классъ, какъ матерьяльная, экономическая сила, становится все болѣе господствующимъ.

Подъ влияніемъ войны въ русскомъ народномъ хозяйствѣ происходило извѣстное перераспределеніе народнаго дохода. До большевистской революціи перемѣщеніе главной массы народнаго дохода въ сторону крестьянства встрѣчало сопротивленіе и уравновѣживающую силу въ ростѣ крупныхъ доходовъ крупно-капиталистическихъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій. Если деревня притягивала къ себѣ значительную часть выпускавшихся до октября 1917 г. бумажныхъ денегъ, благодаря вздорожанію продовольствія и сырья, то работа на оборону вызывала также сильное обогащеніе крупно-капиталистическихъ группъ.

Со времени большевистской революціи этотъ послѣдній процессъ концентраціи крупныхъ доходовъ оборвался. Въ то время дороговизна жизни увеличилась во много разъ. Совѣтская экономическая политика, съ ея постоянными реквизиціями и конфискаціями — съ одной стороны, и неспособностью поддержать внутренній товарообмѣнъ въ странѣ, поддержать то раздѣленіе труда между городомъ и деревней, которое, по выраженію Ад. Смита, является первой основой мѣноваго хозяйства — съ другой, заставляетъ деревню отказываться городу въ сбытѣ своихъ продуктовъ. Отсюда для города создается чисто средневѣковая зависимость отъ деревни.

Городъ готовъ отдать деревнѣ любое количество бумажныхъ денегъ для того только, чтобы получать необходимое продовольствіе. И не только бумажныхъ денегъ — распродажа домашнихъ вещей городскими жителями совершается прежде всего въ пользу деревни. И въ то время какъ въ городахъ оскудѣваютъ крупныя доходы, падаетъ матерьяльная культура, въ деревнѣ, у крестьянства скопляется главная масса народнаго дохода.

Не только рыночныя, спекулятивныя цѣны, но и твердыя цѣны на хлѣбъ возросли гораздо выше, чѣмъ цѣны на многіе предметы крестьянскаго потребления. Покупательная способность единицы зерна теперь значительно увеличилась по сравненію съ временемъ до октября 1917 года. *)

Другими словами, мѣновая стоимость хлѣба и вообще продовольственныхъ продуктовъ увеличилась гораздо больше мѣновой стоимости продуктовъ городской промышленности. Это означаетъ, что за одно и то же количество хлѣба теперь городъ вынужденъ отдавать большее количество своихъ продуктовъ по сравненію съ прежнимъ.

Изъ общей суммы народнаго дохода, большая доля достается деревнѣ, т. е. крестьянству. Но это явленіе усугубляется еще и другими причинами. Если бы эта общая сумма народнаго дохода измѣнялась въ сторону общаго ея увеличения — въ указанномъ выше перераспределеніи народнаго дохода не было бы ничего отрицательнаго. Но дѣло въ томъ, что народный доходъ совѣтской республики упалъ до ничтожныхъ размѣровъ. Вѣрнѣе, его совсѣмъ нѣтъ. Городская промышленность и торговля почти бездѣйствуютъ. Они не создаютъ новыхъ хозяйственныхъ благъ и не способствуютъ увеличенію народнаго дохода.

Такимъ образомъ, по сравненію съ прежнимъ состояніемъ русскаго народнаго хозяйства, такое чрезмѣрное увеличеніе доли деревни въ стаціонарномъ или даже уменьшающемся народномъ доходѣ означаетъ обнищаніе города и разрушеніе городской матерьяльной культуры. Къ этому надо присоединить и вымирание городовъ, происходящее подъ вліяніемъ голода, холода и эпидемій различныхъ болѣзней.

Бѣгство изъ крупныхъ городовъ приняло исключительныя размѣры и вызываетъ недостатокъ въ рабочихъ рукахъ. Совѣты рабочихъ депутатовъ издають постановленія, воспреещающія выѣздъ лицамъ трудоспособнаго возраста. Въ то же время, эпидеміи сыпного тифа, голодь, холодъ заставляютъ

*) Въ „Народномъ хозяйствѣ“ за 1918 г. №№ 8-9 приведена интегральная таблица товарныхъ эквивалентовъ пуда ржи. Мы не приводимъ здѣсь этихъ данныхъ, въ виду того, что они имѣють двухъ-годовую давность. Но съ тѣхъ поръ положеніе еще болѣе обострилось.

Центральный Совѣтъ профессиональныхъ союзовъ издавать постановленія, обязывающія къ выѣзду изъ городовъ всѣхъ безработныхъ. *)

Политика совѣтскихъ городовъ приняла совершенно характеръ средневѣковой городской политики. Какъ тогда города должны были бороться съ переполненіемъ, въ виду тяжелыхъ продовольственныхъ условий и зависимости отъ деревни, и регулировать передвиженіе населенія для того, чтобы не лишаться необходимаго количества рабочихъ силъ, такъ теперь въ совѣтской Россіи обезлюденіе городовъ заставляетъ совѣтскую власть устанавливать различныя ограниченія въ свободѣ передвиженія населенія.

Въ совѣтской Россіи, по мѣрѣ того какъ происходитъ упадокъ городовъ, вымираніе въ нихъ населенія, обмельчаніе промышленности и торговли, — зависимость отъ деревни, т. е. отъ сельскаго хозяйства, усиливается.

Своеобразное бѣгство изъ городовъ и тяга въ деревню въ совѣтской республикѣ съ особенной силой совершаются въ средѣ городского пролетаріата. Это не та „тяга въ деревню“, которая характеризовала собой социально-экономическій процессъ на Западѣ передъ міровой войной. Въ совѣтской республикѣ въ этомъ бѣгствѣ изъ городовъ выражается общій процессъ регресса, упадка и возвращенія къ средневѣковью.

„Масса квалифицированной рабочей силы, — писала недавно „Экономическая Жизнь“, — составлявшая ядро фабрично-заводскаго пролетаріата, а также квалифицированная и главнымъ образомъ сырая рабочая сила, притекавшая въ значительномъ количествѣ въ города и промышленные центры, расплылась. Тяжелыя продовольственныя условия городовъ и фабрично-заводскихъ центровъ за послѣдніе годы, а также значительное суженіе хозяйственныхъ задачъ совѣтской республики привели къ расплыву пролетарскихъ и полупролетарскихъ элементовъ.

Распыленіе это пошло, главнымъ образомъ, по тремъ направленіямъ: уходъ въ хлѣбородныя мѣстности, или въ деревню, при чемъ во многихъ случаяхъ это означаетъ переходъ на крестьянскую работу; уходъ на кустарный промыселъ; и, наконецъ, переходъ въ ряды спекулятивныхъ элементовъ.“ **)

Рабочіе предпочитаютъ деревню городу — это вполне

*) „Извѣстія“, 5 мая 1920 г.

**) „Экономическая Жизнь“ № 115, 29 мая 1920 г.

понятно, это бывало въ Россіи и прежде. Но если ранѣе процессъ капиталистическаго развитія былъ связанъ съ уходомъ крестьянскихъ массъ изъ деревень въ города, порываишемъ связи рабочаго съ землей, то теперь происходитъ какъ разъ обратный процессъ. Снова восстанавливается тѣсная связь съ землей и снова, какъ въ 70—80-ые годы, даже та убогая промышленность, которая еще сохранилась въ совѣтской республикѣ, страдаетъ отъ отсутствія рабочихъ рукъ. Въ то время, какъ сотнями закрываются промышленныя, торговыя предприятия, для остающихся не хватаетъ рабочихъ силъ.

Въ своемъ докладѣ на соединенномъ засѣданіи Ц. И. К., Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства и Центральнаго Совѣта профессиональныхъ союзовъ 25 января 1920 г., г. Рыковъ долженъ былъ заявить: „Въ отношеніи фабрично-заводской промышленности особое значеніе имѣетъ кризисъ рабочей силы, ибо даже въ организациі тѣхъ отраслей промышленности, которыя снабжаютъ нашу армію, мы все время бьемся изъ-за отсутствія квалифицированныхъ рабочихъ. Иногда на протяженіи не только недѣль, но мѣсяцевъ намъ не удавалось найти того количества квалифицированныхъ знающихъ рабочихъ, которое необходимо было на фабрикахъ и заводахъ... Этотъ процессъ къ настоящему времени достигъ колоссальныхъ, невиданныхъ размѣровъ, и мы не можемъ использовать нѣкоторыхъ предприятий, даже при наличности топлива, при наличности сырья, изъ-за отсутствія рабочей квалифицированной силы».

Въ совѣтскомъ народномъ хозяйствѣ наблюдается та-же картина, которая имѣла мѣсто въ эпоху мануфактурнаго производства. Преобладающая роль деревни ставитъ препятствія для развитія рупно-капиталистическихъ предприятий, главнымъ образомъ, изъ-за отсутствія квалифицированной рабочей силы. Какъ въ ту эпоху власть вынуждена была вводить крѣпостное право для того, чтобы, путемъ государственнаго принужденія доставлять промышленности необходимыя рабочія руки, — такъ и теперь въ совѣтской Россіи единственнымъ средствомъ для поддержанія слабой хозяйственной жизни является принудительный трудъ. Милитаризація труда, введенная въ совѣтской республикѣ съ весны нынѣшняго года, есть цѣлая общественно-экономическая система, неизбежно вытекающая изъ созданныхъ большевиками общественно-экономическихъ условий въ русскомъ народномъ хозяйствѣ: исчезновеніи у населенія стимуловъ къ отдачѣ своей рабочей силы въ наемъ въ городахъ, уничтоженія всякой охоты къ физическому производительному труду.

Милитаризація труда есть одновременно и результатъ и причина уничтоженія матерьяльной культуры въ Россіи, возвращенія русскаго народнаго хозяйства къ натуральному или полунатуральному домашнему хозяйству.

Уходъ городского промышленнаго пролетаріата въ деревню, въ мелочную мѣщеническую торговлю, въ ряды спекулянтовъ заставляетъ совѣтскую власть прибѣгать и къ другимъ мѣрамъ, аналогичнымъ тѣмъ, которыя примѣнялись въ 16 и 17 столѣтіяхъ, въ эпоху мануфактурнаго производства. Одной изъ такихъ мѣръ является усиленное привлеченіе иностранцахъ рабочихъ, инженеровъ и техниковъ.

То-же самое происходитъ въ совѣтской Россіи. Собственное населеніе отвыкаетъ отъ производительнаго труда и не чувствуетъ къ нему охоты или вслѣдствіе болѣе заманчивой жизни въ деревнѣ на собственной землѣ, или благодаря занятію болѣе выгодной спекулятивной торговлей, или вслѣдствіе службы въ совѣтскихъ учрежденіяхъ или въ красной арміи, обезпечивающей лучшія продовольственныя условія. Совѣтской власти приходится прибѣгать къ приглашенію иностранцевъ, рабочихъ и специалистовъ, потому что у нихъ однихъ имѣется теперь секретъ промышленнаго развитія — желаніе заниматься производительнымъ трудомъ и готовность отказаться отъ службы и въ красной арміи и въ разныхъ совѣтскихъ комиссаріатахъ. Если раньше капиталистическое хозяйство Россіи, страдавшее недостаткомъ капиталовъ и вынужденное вслѣдствіе этого привлекать иностранные капиталы, достигло въ своемъ развитіи того, что по крайней мѣрѣ создало постоянные кадры квалифицированныхъ рабочихъ силъ, инженеровъ, техниковъ и вообще специалистовъ, то теперь народное хозяйство совѣтской республики и въ этомъ отношеніи пошло назадъ, уничтоживъ и квалифицированную рабочую силу.

3. Дезиндустриализація.

Тоть-же регрессъ происходитъ и въ другомъ отношеніи. Въ совѣтской республикѣ совершается процессъ обмельчанія промышленности. Крупныя предприятия закрываются и прекращаютъ свою дѣятельность, а мелкія и среднія въ той-же отрасли промышленности продолжаютъ существовать и даже —поскольку это, вообще, возможно въ условіяхъ совѣтской экономической политики—процвѣтають.

Это вызывается различными причинами. Отчасти тѣмъ, что на крупныя предприятия прежде всего была распространена совѣтская экономическая и финансовая политика. Эти предприятия первыми испытали на себѣ удары совѣтскихъ реформъ. Естественно поэтому, что именно они-то прежде всего и подверглись разрушенію. Другая, можетъ быть и болѣе дѣйствительная, причина состоитъ въ томъ, что совѣтскій строй благопріятствуетъ не крупнымъ, а среднимъ и мелкимъ предприятиямъ. Совѣтская власть рассматривала крупно-капиталистическія предприятия не съ точки зрѣнія ихъ значенія въ прогрессивномъ развитіи народнаго хозяйства, а подходила къ нимъ со стороны ихъ большихъ капиталовъ, высокихъ прибылей и, слѣдовательно, наиболее рѣзко выраженного буржуазно-капиталистическаго характера. При такой точкѣ зрѣнія политика совѣтской власти старалась щадить мелкія и среднія предприятия и совершенно не щадила крупныхъ, она не считалась съ предприятиями, съ промышленностью и торговлей, а имѣла въ виду отдѣльныхъ предпринимателей.

Наконецъ, самая природа среднихъ и мелкихъ предприятий благопріятствовала ихъ сохраненію. Эти предприятия оказались не столько болѣе жизнеспособными, сколько болѣе приспособляющимися къ условіямъ совѣтскаго строя. Они гораздо скорѣе и легче, чѣмъ крупныя, могутъ обходиться старыми машинами, небольшимъ количествомъ топлива, сырья, скорѣе удовлетворяютъ свою потребность въ рабочихъ силахъ. Хищническіе приемы веденія хозяйства, большая легкость, въ силу меньшей потребности, доставать топливо и сырье помимо совѣтскихъ регулирующихъ органовъ, меньшій и болѣе затруднительный контроль надъ этими предприятиями — все это ставитъ ихъ въ болѣе благопріятныя условія по сравненію съ крупными предприятиями. *)

Еще никогда кустарное производство не достигало такого широкаго распространенія, какъ нынѣ въ совѣтской республикѣ. Это происходитъ подъ влияніемъ нѣсколькихъ факторовъ. Изъятіе мелкой промышленности, какъ и мелкой торговли, изъ подъ дѣйствія совѣтской политики націонализаций и конфискацій, заставляетъ значительное количество лицъ, и изъ среды старыхъ торговопромышленныхъ дѣятелей и изъ прежнихъ рабочихъ и техниковъ, организовывать мелкія ремесленныя и кустарныя мастерскія, въ которыхъ имѣется возможность сохранить хотя бы какое-нибудь производство

*) См. „Правда“, 18 іюля 1920 г., „Извѣстія“, 19 іюня 1920 г., „Вѣстникъ Народнаго Хозяйства Украйны № 3, 1919 г. Къ этимъ источникамъ мы отсылаемъ читателей за подтвержденіемъ высказываемыхъ въ текстѣ положеній.

и заниматься известной дѣятельностью, свободной отъ воздействия совѣтской политики. Разрушеніе крупной промышленности и торговли освобождаетъ эти мелкія предпріятія отъ прежней конкуренціи, не дававшей имъ развиваться.

Теперь этимъ предпріятіямъ всегда обезпеченъ вѣрный сбытъ ихъ продуктовъ. Рынокъ сбыта, въ силу разрушенія транспорта и разобщенности однихъ мѣстностей отъ другихъ, стать чрезвычайно ограниченнымъ. Если раньше мелкое производство или мелкая торговля могли работать только на мѣстный рынокъ, то теперь только такой рынокъ и существуетъ, и ихъ дѣятельность теперь поставлена поэтому въ гораздо болѣе благоприятныя условія.

И здѣсь мы имѣемъ дѣло опять-таки съ возвращеніемъ къ старымъ, до-крупно-капиталистическимъ условіямъ хозяйства. Какъ и въ старое время, производство утрачиваетъ свой массовый характеръ, ибо оно не имѣетъ массоваго сбыта и совершается на индивидуальнаго опредѣленнаго потребителя и даже заказчика.

Наряду съ этимъ сильнаго развитія достигаетъ мелкое ремесленное и кустарное производство въ деревнѣ. Крестьянское домашнее хозяйство само перерабатываетъ сырье, которое оно раньше поставляло на фабрики и сбывало частнымъ торговцамъ. Ленъ идетъ теперь на собственное домокачество въ крестьянскомъ домашнемъ хозяйствѣ, кожа перерабатывается и выдѣлывается на обувь для членовъ семьи, то-же употребленіе находятъ пенька, джутъ и т. д.

Домашнее хозяйство крестьянина приобрѣло теперь огромное значеніе и въ дѣлѣ производства предметовъ первой необходимости, которые ранѣе получались изъ города. Крестьянское хозяйство, которое въ послѣдніи 3-4 десятилѣтія русскаго народнаго хозяйства становилось хозяйствомъ, производящимъ на рынокъ, для сбыта, втягивалось все болѣе въ капиталистическій оборотъ внутри страны и даже въ міровой рынокъ, теперь все болѣе принимаетъ характеръ полунатуральнаго средневѣковаго домашняго хозяйства, а иногда даже и античнаго замкнутаго домашняго хозяйства.

Мелкое ремесленное и кустарное производство развиваются въ деревняхъ также и по другой причинѣ. Такъ какъ деревня располагаетъ сырьемъ и продовольственными условіями тамъ несравненно лучше, чѣмъ въ городѣ, то туда переселяются городскіе ремесленники, которые производятъ предметы потребленія, необходимые для крестьянскаго хозяйства. Наряду съ этими переселяются въ деревню и бывшіе фабричныя рабочіе, и всякій дѣловой людъ, старающіеся удовлетворить потребности крестьянства, которыхъ теперь не въ состояніи обезпечить городъ.

Въ виду своего безсилія въ области крупной промышленности и понимая, что мелкое ремесленное производство можетъ удовлетворить хотя бы небольшую часть мѣстнаго рынка, совѣтская власть всячески старается заботиться о кустарномъ производствѣ путемъ государственныхъ субсидій, предоставленія различныхъ льготъ при поставкахъ государственнымъ продовольственнымъ органамъ, и т. п. Въ этомъ отношеніи совѣтская власть проводитъ типичную для консервативныхъ капиталистическихъ классовъ, такъ называемую, *Mittelstandspolitik*, — политику средняго класса.

Благодаря такой политикѣ, техническое развитіе промышленности задерживается. Введеніе болѣе рациональныхъ условій производства встрѣчаетъ затрудненія. Поддерживается постоянная разобщенность среди мелкихъ ремесленныхъ хозяевъ, обостряется ихъ психологія мелкаго собственника, препятствующая объединенію, заставляющая ихъ стремиться не впередъ, къ болѣе прогрессивнымъ формамъ общественнаго и хозяйственнаго строя, а крѣпко держаться консервативнаго уклада жизни.

Политика совѣтской власти поощряетъ развитіе именно этого консервативнаго класса „мелкихъ хозяйчиковъ“, отличающихся безграничной привязанностью къ своей мелкой собственности, цѣпко держащихся за нее и видящихъ въ ней неприкосновенную основу не только своего собственнаго хозяйства, но и всего общественнаго строя.

4. Развитіе индивидуальной крестьянской собственности. *)

То же развитіе консервативнаго класса мелкихъ собственниковъ политика совѣтской власти создаетъ и въ деревнѣ.

Земельная политика совѣтской власти въ началѣ была очень проста. «Вся земля — народу» — этотъ лозунгъ партіи социалистовъ-революціонеровъ совѣтская власть сдѣлала своимъ съ первыхъ же дней своего существованія. Въ началѣ это имѣло столь же демагогическое значеніе, какъ и вопросъ о мирѣ, и вопросъ о рабочемъ контролѣ. И въ

*) Представляя выразителю опредѣленнаго общественнаго теченія, марксизма, полную свободу трактовки темы, редакция надѣется въ ближайшихъ книжкахъ журнала дать по крестьянскому вопросу рядъ статей народническаго направленія.

деревнѣ совѣтской власти нужно было, во-первыхъ, то, чтобы крестьяне, захвативъ землю, почувствовали себя ея хозяевами, во-вторыхъ, сдѣлать невозможнымъ возвращеніе помѣщиковъ и, въ-третьихъ, внести въ деревню классовую борьбу между «бѣдняками» и «кулаками».

Въ то-же время совѣтская власть, въ противорѣчій съ социаль-демократической программой и слѣдуя слѣпо программѣ партіи социалистовъ-революціонеровъ (отчасти для привлеченія на свою сторону лѣваго крыла социалистовъ-революціонеровъ), объявила социализацію земли. Почти два года длилась борьба со стороны совѣтской власти за проведеніе «социализаціи земли». Крестьянство не поняло этой мѣры. Издавна мечтавъ о землѣ и не представляя себѣ полученіе помѣщичьей земли иначе, какъ въ полную свою собственность, оно не могло понять самаго смысла социализаціи земли, въ то время когда, по его мнѣнію, къ нему должны были отойти даже казенныя земли.

Это очень скоро обнаружилось и для совѣтской власти. Основывая свою политику на деревенскомъ безземельномъ пролетаріатѣ, совѣтская власть должна была убѣдиться въ томъ, что гражданская война въ деревнѣ приводила къ результатамъ прямо противоположнымъ тѣмъ, которыхъ она отъ нея ожидала.

Борьба противъ крестьянъ, среднихъ земельныхъ собственниковъ, повела къ блокадѣ города деревней. И весной 1919 г. Ленинъ долженъ былъ провозгласить извѣстную «ставку на средняка». вмѣсто борьбы съ земельнымъ крестьянствомъ, было признано желательнымъ бережное отношеніе къ „среднему крестьянину“, къ его хозяйству, къ его земельной собственности.

Это означало не что иное, какъ признаніе частной земельной крестьянской собственности, правда, ограниченной извѣстными предѣлами. Для различныхъ мѣстностей были установлены различныя нормы надѣленія крестьянъ землей, причѣмъ основнымъ принципомъ считалось «трудоое хозяйство» (т. е. мелкое и среднее хозяйство).

Очень быстро, однако, обнаружилось, что мелкое хозяйство ведется плохо, что коренныя улучшения въ немъ невозможны. Совѣтской власти пришлось издать новый, весьма характерный, декретъ. На основаніи этого декрета «въ пользованіи трудового населенія, ведущаго интенсивное земледѣльческое хозяйство, оставляется все то количество земли, которое находится въ его фактическомъ пользованіи и обрабатывается силами самого хозяйства, даже въ томъ случаѣ, если бы это количество земли было выше установленныхъ для даннаго района нормъ надѣленія землей. Тотъ же поря-

доку примѣняется и къ тѣмъ хозяйствамъ, которыя *могутъ въ будущемъ* перейти къ болѣе высокимъ системамъ земледѣлія».*)

Эта новая политика нашла свое выраженіе и въ рядѣ другихъ мѣропріятій. Получивъ землю въ свои руки, крестьянство стало очень часто производить между собой передѣлы. Въ однихъ случаяхъ это были дѣйствительные передѣлы, основанные на общемъ соглашеніи, въ другихъ — и такихъ оказывалось большинство — «передѣлами» назывался обычный конфликтъ между различными группами крестьянства, въ результатъ котораго происходило насильственное перераспределеніе земельныхъ участковъ. Признавая такое положеніе вещей препятствующимъ рациональному веденію сельскаго хозяйства, совѣтская власть поступила по «столыпински», издавъ декретъ, въ силу котораго передѣлы разрѣшаются лишь съ согласія особыхъ земельныхъ отдѣловъ.**)

Совѣтская печать дала откровенное объясненіе этому декрету. „Онъ создаетъ, — писала „Деревенская Коммуна“, — устойчивость крестьянскаго хозяйства. Необходимо, чтобы каждый крестьянинъ имѣлъ увѣренность, что его надѣль останется за нимъ, что онъ не будетъ у него отнять потому, что большинство пожелаетъ производить новое уравненіе вмѣсто того, чтобы заботиться о лучшихъ методахъ хозяйства. Такъ какъ крестьяне привыкли къ индивидуальному труду и заботиться о своей собственной землѣ; такъ какъ инертность и рутинность среди крестьянства объясняются, по словамъ газеты, не столько невѣжествомъ, сколько психологіей, привычкой чувствовать себя хозяиномъ, думать только о себѣ, то слѣдуетъ вліять на крестьянъ *отнюдь не стараясь отнимать у нихъ земельную собственность*, а лишь мѣропріятіями, которыя выявились-бы для нихъ поучительными примѣрами“. Однако, „примѣры“, которыми совѣтская власть пытается поучать крестьянъ, дали самые печальные результаты.

Аграрная политика совѣтской власти состояла въ мѣропріятіяхъ двоякаго рода. Прежде всего совѣтская власть вздумала использовать крупныя помѣщичьи хозяйства, объявивъ ихъ государственными или совѣтскими. „Совхозы“ стали управляться совѣтскими чиновниками, и дѣятельность ихъ основана на примѣненіи наемнаго труда. Къ веснѣ 1920 г. такихъ хозяйствъ насчитывалось въ 39 губерніяхъ совѣтской Россіи до 3.625 съ общей площадью земли въ 1.399.365 десятинъ, съ общимъ количествомъ рабочихъ въ 53.574 чел., служащихъ 6.541 чел., лошадей — 30.000 головъ и рогатаго скота — 36.000 головъ. Совѣтскія хозяйства, по свидѣтель-

*) «Извѣстія», 10 іюня 1920 г.

**) „Деревенская Коммуна“, № 98, 1920 г.

ству совѣтской печати, ведутся плохо и не оказываютъ никакого вліянія ни на состояніе земледѣлія, ни на положеніе продовольственнаго дѣла въ странѣ. Основной порокъ ихъ тотъ же, что и во всѣхъ совѣтскихъ учрежденіяхъ — гипертрофія чиновничества и сильный бюрократизмъ. *)

Наряду съ „совхозами“ совѣтская власть дѣлала попытку поощрять развитіе „деревенскихъ коммунъ“, которыя также большей частью учреждались на земляхъ прежнихъ помѣщиковъ. Составъ деревенскихъ коммунъ очень пестрый: богатые крестьяне, вступающіе въ коммуну въ надеждѣ на то, что имѣніе, въ концѣ концовъ, когда коммуна развалится, останется за ними; интеллигенція и рабочіе, бѣгущіе изъ городовъ, и безземельные крестьяне. Нерѣдко во главѣ „коммуны“ становится бывший помѣщикъ, владѣлецъ имѣнія. На 1 ноября 1919 г. общее число коммунъ достигало 921, число членовъ въ нихъ 320.000 человѣкъ, въ среднемъ каждая коммуна состояла изъ 50 потребителей или изъ 9 семей. Уже по этимъ ничтожнымъ цифрамъ можно судить о томъ, что крестьянство почти цѣликомъ осталось совершенно равнодушнымъ къ этой затѣѣ, а большей частью — даже враждебнымъ.

По сообщенію „Извѣстій“, члены коммунъ нерѣдко избиваются или даже уничтожаются крестьянами. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мѣстной власти для подавленія возмущеній противъ коммуны приходится прибѣгать къ оружію. **)

Въ результатѣ коммуны стали распадаться. Съ 1 ноября 1919 г. по 1 марта 1920 г. число ихъ сократилось до 1520. Отъ времени до времени объявляется чистка состава коммунъ, въ которыхъ, по заявленію совѣтской печати, принимаютъ участіе люди, дѣйствующіе подъ вліяніемъ не идейныхъ, а корыстныхъ побужденій. «Туда проникли эгоисты и негодяи».

Опытъ коммунъ признается совершенно провалившимся. И коммуны, и «совхозы», и кооперативы послужили одной изъ причинъ паденія земледѣльческой культуры. Они оказались неспособными развить интенсивное хозяйство, не привили коммунистическаго духа, даже простого чувства солидарности, и вся психологія крестьянина, его бытъ, укладъ всей жизни, методы его хозяйствованія остались такими-же, какими были и прежде. Они остались прежними въ томъ смыслѣ, что на нихъ не оказала никакого вліянія коммунистическая политика совѣтской власти. Они остались

*) Съ интересующей насъ здѣсь точки зрѣнія «совхозы» не представляютъ никакого интереса. Свѣдѣнія объ ихъ печальномъ состояніи читатель можетъ найти въ «Экономической Жизни» № 189, 27 августа, 18 июня, №№ 118, 128 и 132 за 1920 г. и въ «Правдѣ» № 205 за 1920 г.

**) „Извѣстія“, 1 апрѣля 1920 г.

въ этой политики. Но въ другихъ отношеніяхъ крестьянство переживаетъ глубокой соціально-экономической процессъ. Получивъ землю и притомъ ту помѣщичью землю, о которой оно мечтало въ теченіе многихъ десятилѣтій, крестьянство даетъ полную волю своимъ собственническимъ инстинктамъ и стремленіямъ. Переходъ земли въ руки крестьянства, съ одной стороны, и накопленіе у крестьянства значительной суммы денежныхъ капиталовъ, благодаря огромному отливу въ деревню бумажныхъ денегъ, — съ другой, создаютъ условия для развитія крѣпкого слоя крестьянской демократіи, состоящей изъ мелкихъ и среднихъ собственниковъ.

Въ деревнѣ политика совѣтской власти не только не насадила коммунистическихъ идей, но наоборотъ—способствовала развитію и укрѣпленію собственническаго начала и создала новыя группы собственниковъ. Наряду съ процессомъ, происходящимъ среди другихъ общественныхъ слоевъ, и этотъ процессъ развитія крестьянства относитъ совѣтскую Россію все дальше и дальше отъ коммунистическаго строя. Никто въ совѣтской Россіи не относится къ этому строю столь враждебно, какъ именно крестьянскія массы, ибо этотъ строй болѣе всего противорѣчитъ интересамъ крестьянства.

5. Соціальная реакція.

Въ глубинахъ народнаго хозяйства совѣтской Россіи происходитъ, такимъ образомъ, процессъ прямо противоположный всей совѣтской политикѣ. Этотъ процессъ вызываетъ два характерныхъ явленія.

Онъ вызываетъ ростъ новой буржуазіи, мелкой и средней, которая рекрутируется изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ — совѣтскихъ чиновниковъ, бывшихъ фабричныхъ рабочихъ, мелкихъ торговцевъ и ремесленниковъ, интеллигенціи и части крестьянства. Всѣ эти элементы пользуются совѣтскимъ строемъ для спекуляціи, наживы, для собственнаго обогащенія. Они переживаютъ своеобразный процессъ «первоначальнаго накопленія» капиталовъ. Хищническіе приемы хозяйства и интересы наживы ставятъ эту новую буржуазію, совѣтскихъ «нуворишей», гораздо ниже прежней, крупно-капиталистической буржуазіи. Ея культурный уровень ниже, ея «кулачeskій» характеръ сильнѣе. Въ атмосферѣ совѣтскаго строя она воспитывается въ такихъ понятіяхъ, идеяхъ и хозяйственныхъ методахъ, отъ которыхъ уже на-

чала отходить русская буржуазія передъ революціей. Политическій строй совѣтской Россіи пріучаетъ ее къ игнорированію правовыхъ понятій, дѣлаетъ для нея чуждыми демократическія начала, освобождаетъ отъ необходимости считаться съ общественнымъ мнѣніемъ и дѣлаетъ ее органически враждебной прогрессивному рабочему движенію и прогрессивной социальной политикѣ. Игнорированіе всего этого эта буржуазія видитъ теперь доведеннымъ до такихъ размѣровъ и до такой циничной откровенности, что всѣ прежніе идеалы и завѣты русской передовой общественности становятся ей чуждыми и непонятными. Этому поному слою хищнической безпардонной буржуазіи суждено въ будущей жизни Россіи играть значительную роль.

Русскій капитализмъ деградируетъ. Въ народномъ хозяйствѣ Россіи происходитъ процессъ декапитализаціи. И въ то время, какъ растутъ новые слои буржуазіи, само народное хозяйство въ цѣломъ оказывается на болѣе низкой ступени развитія. Народное хозяйство Россіи базируется теперь, главнымъ образомъ, на полунатуральномъ хозяйствѣ. Оно больше, чѣмъ когда бы то ни было, нуждается въ иностранныхъ капиталахъ и въ иностранныхъ рабочихъ и специалистахъ. Если въ послѣднее время передъ революціей въ хозяйственной жизни въ Россіи происходило извѣстное улучшеніе, то теперь отъ этого процесса не осталось уже и слѣда.

Сначала Россія ввозила очень много и иностранныхъ капиталовъ и иностранныхъ товаровъ. Постепенно, однако, развитіе собственной промышленности вытѣснило товары, и ввозъ капиталовъ имѣлъ большее производтельное значеніе. Теперь Россія возвращается къ прежнему положенію и снова нуждается въ ввозѣ и капиталовъ и товаровъ изъ за-границы въ большихъ размѣрахъ. Это создаетъ для русскаго народнаго хозяйства тяжелую иностранную экономическую зависимость. Въ то же время въ Россіи разрушены и тѣ отрасли народнаго производства, которыя служили русскому вывозу, создавали Россіи извѣстное вліяніе на міровомъ рынкѣ и дѣлали ее видной участницей въ міровомъ хозяйствѣ.

Совѣтская власть уже и сейчасъ тоскуетъ по иностранномъ капиталѣ. Для того, чтобы заполучить его, она готова на созданіе различныхъ факторій иностранныхъ купцовъ въ Россіи. Среди финансовой и экономической Сахары совѣтской республики (неизбѣжно должны будутъ возникать эти оазисы капиталистической матерьяльной культуры. Среди хищнической, стоящей по методамъ своего хозяйствованія на низкомъ уровнѣ новой мелкой, средней и крупной буржуазіи этимъ оазисамъ будетъ принадлежать господствующая роль. Здѣсь открываются передъ Россіей печальныя экономиче-

скія и политическія перспективы. Но эта тема выходитъ уже за предѣлы настоящей статьи.

Советская власть поставила своей цѣлью осуществленіе коммунизма въ Россіи, но своей политикой она создала условія для возрожденія примитивнаго хищническаго капитализма. Она хотѣла уничтожить раздѣленіе общества на классы и вызвала къ жизни такіе классовые антагонизмы, какихъ не знала ранѣе Россія. Она хотѣла „додушить“ буржуазно-капиталистическіе классы и создала новую хищническую буржуазію. Она имѣла въ виду уничтожить частную собственность и развила во всѣхъ слояхъ народа въ небывалой степени собственническіе инстинкты, и во всемъ народномъ хозяйствѣ вакханалію эгоистическихъ стремленій и частно-хозяйственнаго начала.

С. Загорскій.

Положеніе русской коопераціи.)*

1.

Судъ Верховнаго Революціоннаго Трибунала въ Москвѣ надъ кооператорами, приговоренными къ 15-ти годамъ концентраціоннаго лагеря — заключительный аккордъ въ борьбѣ совѣтской власти противъ «старой» коопераціи.

На состоявшемся за два мѣсяца до суда собраніи уполномоченныхъ губернскихъ союзовъ рабоче-крестьянскихъ кооперативныхъ обществъ (губсоюзовъ) председатель новаго, «совѣтизированнаго» Центросоюза, г. Лежава, сказалъ: «Мы съ удовольствіемъ можемъ констатировать, что послѣ трехъ лѣтъ борьбы со старой коопераціей отъ послѣдней ничего не осталось.»

Въ то время, когда слова эти были сказаны, послѣдніе могикане старой коопераціи, оставшіеся въ Россіи выборные члены Правленія стараго Центросоюза, уже находились въ тюрьмѣ. Они были арестованы еще въ апрѣлѣ 1920 года.

«Ничего не осталось» — это именно значило, что не только искоренена прежняя идеологія коопераціи, не только ликвидированы ея организаціи, но также физически устранены, уничтожены и люди, которые присутствіемъ своимъ напоминали о независимой, «смелко-буржуазной», «реакціонной» коопераціи.

Нужно было запереть въ Бутырскую тюрьму Коробова, Лаврухина, Кузнецова и другихъ, хотя и лишенныхъ какой бы то ни было фактической возможности проводить въ жизнь начала демократической коопераціи, но тѣмъ не менѣе символически олицетворявшихъ эти начала.

---

*) Давая мѣсто статьѣ компетентнаго кооперативнаго дѣятеля, редакція оставляетъ за собою право высказаться особо по существу затронутыхъ авторомъ вопросовъ.

Можно было, казалось, дожидаться упомянутого выше собранія уполномоченныхъ губсоюзомъ, на которомъ произведены были выборы новаго постоянного Правленія Центросоюза взамятъ временнаго Правленія, всѣ члены коего (кромя трехъ прежнихъ выборныхъ) были назначены совѣтскимъ правительствомъ. Составъ собранія уполномоченныхъ былъ настолько благонадеженъ, въ коммунистическомъ смыслѣ, что прежніе выборные члены Правленія не имѣли ни малѣйшаго шанса пройти. Но такимъ нормальнымъ способомъ отстранить старыхъ кооператоровъ было бы слишкомъ «демократично» и недостойно «диктатуры пролетаріата».

За нѣсколько дней до ареста старыхъ «центросоюзниковъ», народный комиссаръ финансовъ, г. Крестинскій, ояъ же членъ Правленія Центросоюза по назначенію, безъ всякихъ обиняковъ говорилъ на 9-мъ съѣздѣ коммунистической партіи, что отношеніе совѣтской власти къ старымъ кооператорамъ черезчуръ благодушное. Отъ имени комитета коммунистической партіи г. Крестинскій требовалъ болѣе рѣзкихъ мѣръ подавленія, ибо кооператоры, по его мнѣнію, это — не «спеціалисты по заготовкѣ, храненію, перевозкѣ и распредѣленію продуктовъ», пужные совѣтской власти, а носители «политической и социальна-реакціонной идеологій». А разъ это такъ, то церемониться съ ними печего!

Спустя дней десять послѣ коммунистическаго съѣзда, давашаго правительству свои директивы насчетъ кооперации и кооператоровъ, последовалъ арестъ цѣлаго ряда старыхъ кооперативныхъ работниковъ Центросоюза. Чрезвычайка при этомъ успѣшила оповѣстить, что открытъ контръ-революціонный заговоръ совершенно новаго рода, заговоръ не военный, не политическій, а «экономическій».

Обвинительный актъ по «дѣлу кооператоровъ», напечатанный въ совѣтскихъ «Извѣстіяхъ», воспроизведенный также и въ заграничныхъ русскихъ газетахъ, вмѣняетъ въ вину осужденнымъ теперь кооператорамъ, что они своими дѣйствіями и распоряженіями пытались дискредитировать экономическую политику совѣтской власти, закуная и продавая товары не по цѣнамъ, установленнымъ правительствомъ, а по вольнымъ спекулятивнымъ цѣнамъ; они подъ различными предлогами послали за-границу, къ Кожачку и Деникину, своихъ единомышленниковъ, которые и на западѣ, и на югѣ, и на востокѣ, и на сѣверѣ старались помогать и міровому империализму, и отечественной контръ-революціи въ ихъ замыслахъ испроверженія совѣтской власти; они, наконецъ, внутри Центросоюза составили сплоченное ядро, обсуждав-

шее различные вопросы и дѣла тайкомъ отъ остальныхъ, назначенныхъ правительствомъ, членовъ Правленія, которыхъ выборные члены Правленія не посвящали во многое, что ими предпринималось.

Таковы главнѣйшіе обвинительные пункты. Въ мотивированномъ приговорѣ многіе пункты обвинительнаго акта отпали, и суровый приговоръ мотивируется тѣмъ, что три выборныхъ члена Правленія Центросоюза «послали за-границу, къ Колчаку и Деникину своихъ единомышленниковъ, дѣятельность коихъ была направлена къ срыву экономической политики совѣтской власти и всемирной поддержкѣ русской контръ-революціи».

Такимъ образомъ, тремъ руководителямъ Центросоюза, въ конечномъ счетѣ, вѣшается въ вину только фактъ посланки въ разныя мѣста расположенія непріятеля» своихъ единомышленниковъ; аловредная же дѣятельность этихъ послѣднихъ есть фактъ, самъ по себѣ не находящійся въ прямой зависимости отъ намѣреній и дѣйствій оставшихся въ Москвѣ кооператоровъ.

Если бы судьи Верховнаго Революціоннаго Трибунала не были простыми исполнителями предначертаній Чрезвычайки, то они должны были бы на основаніи неопровержимыхъ фактическихъ данныхъ, которые безъ сомнѣнія имъ были представлены, признать, что обвиненіе г.г. Коробова, Кузнецова и Лаврухина въ посланкѣ своихъ товарищей по Правленію Центросоюза (Веркенгейма, Зельгейма, Ленской, Михайлова и Вахмистрова) за-границу, къ Колчаку и Деникину — совершенно безпредметно и абсурдно. Но московскіе совѣтскіе судьи, разумѣется, менѣе всего склонны были прислушиваться къ голосу фактовъ и здраваго смысла. Имъ нужно было во что бы то ни стало своимъ приговоромъ подтвердить состряпанную совѣтской охранкой легенду заговора «старыхъ кооператоровъ», которымъ, согласно большевистской социологін, *полагается* быть въ станѣ имперіализма и контръ-революціи.

Обвиненіе, возведенное противъ старыхъ кооператоровъ, и приговоръ, фактически вычеркивающій ихъ изъ списка живыхъ — это послѣдній грубый, циничный мазокъ въ той картинѣ «совѣтскаго кооперативнаго строительства», надъ которой совѣтскіе мастера трудились около трехъ лѣтъ.

2.

Строительство совѣтской коопераціи началось вскорѣ послѣ большевистскаго переворота. Уже въ началѣ 1918 г. комиссаромъ Шляхте-

ромъ былъ составленъ проектъ «потребительскихъ коммунъ», которыя должны были охватывать все населеніе и служить единственными организациями для распредѣленія продуктовъ среди населенія, согласно планамъ, вырабатываемымъ Комиссаріатомъ Продовольствія. Потребительскія коммуны, по схемѣ Шляхтера, выполняли не только функціи распредѣлительныя, но также продукто-обмѣнныя. Этотъ проектъ, уничтожившій существующія кооперативныя потребительскія организации, встрѣтилъ тогда единодушную и рѣшительную оппозицію со стороны какъ обще-гражданской, такъ и рабочей кооперации. Въ результатѣ этой оппозиціи совѣтская власть пошла на компромиссъ, вылившійся въ форму декрета 12 апрѣля 1918 года. Это былъ, по словамъ Ленина, «компромиссъ съ буржуазной кооперацией и съ той частью классовой рабочей кооперации, которая не покинула еще буржуазной точки зрѣнія». Въ специальной статьѣ, написанной имъ по данному случаю, глава правительства, Ленинъ, разъяснилъ, что этотъ компромиссъ есть результатъ слабости совѣтской власти.

Декретъ 12 апрѣля 1918 года о потребительской кооперации допускалъ существованіе въ каждой мѣстности не болѣе двухъ потребительскихъ обществъ (одного обще-гражданскаго, другого — рабочаго), исключая опредѣленныя группы населенія изъ органовъ управленія кооперативовъ и подчинялъ кооперативы контролю особыхъ правительственныхъ учреждений, «кооперативныхъ отдѣловъ» при Совѣтахъ народнаго хозяйства.

Декретъ этотъ совѣтскими дѣятелями, интересовавшимися судьбами кооперации, считывался, какъ первый шагъ по пути «завлеченія кооперативныхъ организаций въ систему хозяйственныхъ учреждений совѣтской республики», какъ начало превращенія кооперации изъ частно-правовой организации въ организацию, совпадающую съ хозяйственными органами совѣтской власти. На майскомъ съѣздѣ 1918 года Совѣтомъ народнаго хозяйства подчеркивалось, что процессъ этотъ отнюдь не долженъ ограничиваться одной потребительской кооперацией; онъ однаково долженъ охватывать и другіе виды кооперативной организации, кредитную, сельско-хозяйственную, маслодѣльную и проч.

До поры до времени, однако, главный интересъ сосредоточенъ былъ на потребительной кооперации. Городская, по преимуществу, она больше, чѣмъ другіе виды кооперации, находилась въ полѣ зрѣнія коммунистовъ; выдѣлявшаяся изъ общаго русла потребительной кооперации кооперация рабочая особенно привлекала къ себѣ вниманіе коммунистовъ, и они во что бы то ни стало рѣшили овладѣть ею.

Воспользовавшись декретомъ 12 апрѣля 1918 года, допускавшимъ существованіе только одного обще-гражданскаго и одного рабочаго кооператива въ каждой мѣстности, коммунисты стали основывать во многихъ мѣстахъ «центральныя рабочіе кооперативы», по большей части совершенно фиктивные организаціи, въ которыя, однако, принужденны были вѣяться со своими членами, капиталами и предприятиями всѣ другіе, существовавшіе въ городѣ рабочіе кооперативы. «Центральныя рабочіе кооперативы» возникали по почину профессиональныхъ союзовъ, фабрично-заводскихъ комитетовъ или просто коммунистическихъ ячеекъ.

Происходившій въ декабрѣ 1918 г. съѣздъ рабочей коопераціи имѣлъ уже дѣло съ достаточно подготовленной для дальнѣйшихъ коммунистическихъ захватовъ почвою. Московскій Народный Банкъ былъ насильственно превращенъ въ отдѣлъ Государственнаго Банка; декретъ объ обязательномъ товарообмѣнѣ съ деревней возлагалъ на потребительскія кооперативныя организаціи опредѣленные обязательства по сбору продуктовъ сельскаго хозяйства; декретъ объ организаціи снабженія, уничтоживъ частную торговлю, превратилъ центральныя и районныя союзы потребительныхъ обществъ въ простыхъ контрагентовъ комиссаріата продовольствія и ввелъ представителей совѣтской власти въ составъ ихъ правленій.

На этомъ съѣздѣ, на которомъ численно преобладали сторонники *независимой* рабочей коопераціи, коммунисты, путемъ политическихъ подвоховъ, созданія фиктивныхъ мандатовъ, съ одной стороны, оспариванія дѣйствительныхъ мандатовъ съ другой, цинично насилуя собраніе, механически подавляя и гильотинируя какою бы то ни было оппозицію, — добились большинства въ нѣсколько голосовъ. При помощи этого большинства они провели постановленіе, что въ Правленіе Центросоюза (который они считали союзомъ обще-гражданской потребительской коопераціи) должны быть проведены представители Совѣта рабочей коопераціи съ такимъ расчетомъ, чтобы они составили въ немъ большинство. Надо замѣтить, что составъ Совѣта рабочей коопераціи былъ предварительно измѣненъ въ желательномъ для коммунистовъ направленіи.

Въ собраніи уполномоченныхъ въ январѣ 1919 года попытка коммунистовъ провести постановленіе декабрьскаго съѣзда была провалена единодушно. Рядъ кандидатуръ, на которыхъ коммунисты настаивали, былъ рѣшительно отвергнутъ; остальные же кандидатуры отъ рабочей коопераціи обсуждались и баллотировались на общихъ основаніи-

яхъ, освященныхъ уставомъ Центросоюза и традиціями демократической кооперации. Собрание уполномоченныхъ не могло допустить, чтобы его воля и его право свободно выбирать членовъ Правленія — были связаны определеннымъ требованіемъ совершенно ничтожной въ численномъ отношеніи группы уполномоченныхъ.

Рабочая группа, которая въ собраніи уполномоченныхъ была скрѣплена узами формальной солидарности, хотя по существу въ средѣ этой группы было коренное разногласіе между коммунистами и сторонниками независимой рабочей кооперации — покинула собраніе уполномоченныхъ.

Послѣ этой неудачи захватить Центросоюзъ путемъ насилдованія воли собранія уполномоченныхъ (т. е. путемъ давленія на волю все-же самихъ кооператоровъ), коммунисты, спустя нѣкоторое время, рѣшили отбросить всякіе фиговые листочки; ихъ успія провести нужное имъ большинство членовъ Правленія въ Центросоюзъ черезъ баллотировочные ящики собранія уполномоченныхъ были послѣдней данью тому демократическому предразсудку, отъ котораго во всѣхъ другихъ случаяхъ они давно отказались. Развѣ не ясно, что если нужно коммунистическое большинство, — то его можно просто назначить?

Декретъ 20 марта 1919 г. о потребительскихъ коммунахъ не былъ, разумеется, специально изданъ для этой цѣли. Но онъ позволилъ — теперь уже на точномъ основаніи совѣтскаго законодательства — ввести любое число «назначенцевъ» въ составъ Правленія Центросоюза. Декретъ, какъ извѣстно, окончательнo ликвидировалъ прежнюю потребительную кооперацию и, вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣнивъ совершенно те основаніе, на которомъ покоилась Всероссійская Центральная Организация Потребительскихъ Кооперативовъ, кореннымъ образомъ видоизмѣнилъ организацию этой послѣдней.

Декретъ обязываетъ принудительно *всѣхъ* гражданъ стать членами потребительской коммуны; паевые взносы, по декрету, отменяются; въ каждой мѣстности учреждается одна потребительская коммуна — съ однимъ или нѣсколькими распределительными пунктами, въ зависимости отъ величины территоріи и численности населенія.

Органы управленія коммуны — Правленіе и Контрольный Советъ — выбираются лишь тѣми членами коммуны, которые пользуются избирательными правами на основаніи совѣтской конституціи. Декретъ вводитъ въ составъ временныхъ правленій коммуналь (постоянныя правленія намѣчались въ будущемъ) представителей комиссаріа-

та продовольствія, какъ полноправныхъ членовъ, облеченныхъ притомъ правомъ «вето» въ отношеніи всѣхъ постановленій Правленія. Правленія коммуналь фабрично-заводскихъ и городскихъ центровъ выбираются на соединенныхъ собраніяхъ уполномоченныхъ отъ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ и профессиональныхъ союзовъ. На практикѣ, въ большинствѣ случаевъ никакіе выборы не происходятъ, а правленія просто выдѣляются изъ состава мѣстнаго совѣта рабочихъ депутатовъ.

Коммуны, по декрету, объединяются въ районные и губернскіе союзы (райсоюзы и губсоюзы), эти послѣдніе образуютъ Центросоюзъ, являющійся, по декрету, «единнымъ экономическимъ центромъ потребителескихъ коммуналь». Такимъ образомъ, вмѣсто прежнихъ нѣсколькихъ сотъ различной величины и различныхъ степеней союзовъ, а также значительнаго числа крупныхъ потребителескихъ обществъ, которые составляли Центросоюзъ, — въ настоящее время онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ припудительно включенныхъ въ него губсоюзовъ.

Такъ какъ частное участіе упразднено, то всѣ операціи ведутся на средства, авансируемая государствомъ въ лицѣ, главнымъ образомъ, комиссаріата продовольствія. Впрочемъ, за потребителеския коммуналь и ихъ союзы оставлены только функціи распредѣлительныя; функціи заготовительныя и промышленныя отошли, первая — къ органамъ комиссаріата продовольствія, вторая — Высшаго совѣта народнаго хозяйства. Довольно разносторонняя и немаловажная, въ условіяхъ русской жизни, дѣятельность культурно-просвѣтительная также отнята у кооперативовъ, такъ какъ она отошла къ Наркомпросу и разнымъ Пролеткультамъ.

Вскорѣ послѣ изданія декрета о потребителескихъ коммунахъ въ маѣ мѣсяцѣ 1919 г., Совѣтъ народныхъ комиссаровъ назначилъ въ управленіе Центросоюза 7 своихъ представителей; въ іюлѣ мѣсяцѣ они были дополнены еще тремя назначенцами. Такимъ образомъ, большинство очутилось въ рукахъ коммунистовъ, занимавшихъ тѣ или другіе отвѣтственные посты въ рядахъ совѣтской бюрократіи. Прежніе, выборные члены Правленія, оставшіеся въ меньшинствѣ, были отнынѣ лишены возможности проводить какое бы то ни было мѣропріятіе, если противъ него высказывалась грунна назначенцевъ; а послѣдніе всегда голосовали, какъ одинъ человѣкъ. Съ другой стороны, всякое мѣропріятіе, проектируемое этой группой, какъ бы ни возражала противъ хозяйственной его цѣлесообразности группа выборныхъ членовъ, всегда получало санкцію правленія: обсужденіе въ пленумѣ было въ сущности

пустой формальностью, такъ какъ все вредилось на предварительныхъ закрытыхъ засѣданіяхъ группы назначенцевъ.

Декретъ 20 марта 1919 года, который проводился въ жизнь, при посредствѣ агентовъ Комиссаріата Продовольствія, весьма настойчиво, въ теченіе ближайшихъ 15 мѣсяцевъ, послѣдовавшихъ за его изданіемъ, разрушилъ потребительную кооперацію съ основанія до верхушки. То, что онъ поставилъ на ея мѣсто, это — просто аппараты, технически весьма неуклюжіе, для распределенія тѣхъ скудныхъ количествъ продуктовъ и таякъ наз. предметовъ первой необходимости, которые доставляются этимъ аппаратамъ отъ времени до времени «губпродкомами», «райпродкомами» и «нарпродкомомъ».

Декретъ о потребительныхъ коммунахъ былъ началомъ той «новой» коопераціи, о которой теперь стали говорить нѣкоторые коммунисты, появившіе волей Совнаркома въ распорядителя судьбы коопераціи. Оставались незатронутыми декретомъ 20 марта 1919 года кооперативы кредитные, сельско-хозяйственные, кустарно-промышленные, а также ихъ союзы; оставались совѣты кооперативныхъ съѣздовъ съ ихъ всероссийскимъ центромъ въ Москвѣ. Со всеми этими организаціями совѣтская власть рѣшила расправиться однимъ махомъ. Совершенно неожиданно для старыхъ кооперативныхъ работниковъ появился въ концѣ января 1920 г. декретъ «Совнаркома», упразднявшій совѣтъ кооперативныхъ съѣздовъ, кредитные кооперативы и всероссийскіе центры сельско-хозяйственной коопераціи. Это суммарное упраздненіе мотивировалось въ вводной части декрета тѣмъ, что все эти организаціи съ одной стороны являются очагами контръ-революціи, съ другой включаютъ различные кулацкіе элементы. Въ основу декрета положенъ былъ весьма упрощенный принципъ: все различныя виды коопераціи либо со-всѣмъ не имѣютъ права на существованіе, либо должны быть слиты съ потребительскими коммунами и ихъ союзами.

Для проведенія этого принципа въ жизнь былъ образованъ (согласно одному изъ пунктовъ декрета 27 января) «Главкоопз» — Главный комитетъ по кооперативнымъ дѣламъ.

Передо мною лежатъ 11 протоколовъ засѣданій «Главкоопз», охватывающихъ 3-хъ мѣсячный періодъ его дѣятельности — по середину мая 1920 года. Изъ этихъ протоколовъ много вырисовывается работа этого учрежденія по «слиянію», «ликвидациі» и «объединенію» равныхъ кооперативныхъ организацій. Свою дѣятельность Главкоопз началъ съ ликвидациі идейныхъ кооперативныхъ центровъ — совѣтовъ кооперативныхъ съѣздовъ. Вслѣдъ за тѣмъ рѣшено было «слить» кредит-

ные кооперативы и их органы в соответствующих потребительских коммунах, а равно в райсоюзы и губсоюзы этих последних.

28-го февраля Главкооп разъясняет, что паравив с другими Всероссийскими центрами кооперации должно быть ликвидировано Всероссийское кооперативное издательство. 9-го марта ликвидируется Всероссийский кооперативный страховой совет; 21 апреля ликвидируется Московск. областной союз кооперативных объединений (Москва); 30 апреля ликвидируются отомель: сельхозсоюз, льноцентр, пенькосюз, сеюзкартофель, плодовощ, казенно, коляцо, сельхозсовет. «Аппараты» всех этих организаций передаются отчасти Центросоюзу, отчасти Наркомвему.

Таким образом при центросоюзе возникли особые секции: сельско-хозяйственная и кустарно-промышленная. Во главе управления этих секций поставлены были новые люди, благонадежные по части коммунистической партийности.

Централистическая политика советской власти по отношению к кооперации не ограничилась пределами Европейской России. После присоединения Сибири к советской территории та же политика была распространена на сибирскую кооперацию. Распоряжением «Сибреввоенкома» (Сибирского военного революционного комитета) было «слить» с Сибирским Управлением Центросоюза «Союз Сибирских маслодельных артелей»; та же самое было предвзято с другой центральной организацией — с союзом сибирских кооперативов «Закупсбыт».

Таким образом, в России приблизительно к августу тек. года завершена была почти полностью политическая ликвидация старой кооперации. Заправили «Наркомпрода», того ведомства, которое специализировалось на «кооперативной политике», исходя из того положения, что в советской России нет места кооперации и что čím скорее она будет и фактически, и формально поглощена советскими учреждениями, тэмь лучше.

3.

Однако, до поры до времени нужно было сохранить видимость кооперативной организации, название, вывеску. Когда на 9-м (апрельском) съезде коммунистической партии сторонники безоговорочного огосударствления кооперации защищали идею полного упразднения кооперации с передачей ее аппарата соответствующим комисариатам,

то г.г. Крестинский и Ленин высказались решительно противъ этихъ предложеній своихъ слишкомъ прямолинейныхъ единомышленниковъ, ибо «націонализация кооперативныхъ организацій при существующихъ условіяхъ представляется опасной съ политической точки зрѣнія». Такое упраздненіе кооперативныхъ организацій, по словамъ «наркомфина» Крестинскаго, вызвало бы впечатлѣніе въ крестьянствѣ, что совѣтская власть посягаетъ на его благополучіе и самостоятельность; а совѣтской власти не слѣдуетъ порывать съ среднякомъ-крестьяниномъ!

Этотъ политическій мотивъ руководить правящей партіей, когда она, уничтожая организаціонную сущность и внутреннее содержаніе коопераціи, пытается въ то же время сохранить ея имя.

Кромѣ внутренне-политическаго мотива имѣлся, по крайней мѣрѣ, одно время — и внѣшне-политическій. Въ январѣ 1920 г., совершенно неожиданно для представителей русской коопераціи за-границей, Верховный Совѣтъ союзныхъ державъ заговорилъ о возможности возобновленія торговыхъ сношеній съ совѣтской Россіей черезъ посредство кооперативныхъ организацій; радиотелеграфнымъ путемъ объ этомъ предложеніи было немедленно извѣщено правленіе «совѣтизированнаго» Центросоюза, причемъ, однако, нужно замѣтить, что заграничные представители Центросоюза, члены правленія прежняго выборнаго состава, объ этой «совѣтизаціи» не были въ достаточной мѣрѣ освѣдомлены. Совѣтское правительство разрѣшило правленію Центросоюза въ Москвѣ согласиться на всѣ предложенія, сдѣланныя изъ-заграницы, такъ какъ оно радо было воспользоваться перспективой возобновленія сношеній съ за-границей; оговорка о томъ, что эти сношенія возобновляются черезъ посредство коопераціи, весьма мало смущала совѣтскую власть, ибо она вѣдь могла сказать: «кооперація — это я!»

Она не сказала этого открыто Европѣ. Для Европы, наоборотъ, она снарядила делегацію подъ кооперативнымъ флагомъ, подъ фирмой и съ полномочіями Центросоюза. Въ глазахъ Европы до поры до времени нужно было соблюсти *decorum* коопераціи, ибо вѣдь таковы были условія Верховнаго Совѣта союзниковъ, ибо только делегацію, исходящую отъ кооперативной организаціи, правительства Антанты соглашались допустить въ предѣлы своихъ государствъ.

Обмануть мало разбирающееся въ этихъ вещахъ общественное мнѣніе Европы кое-какъ удалось, но, конечно, этотъ кооперативный маскарадъ сразу же разгадали заграничные представители русской коопераціи. Они не могли делегацію подъ предѣлательствомъ Красина трактовать иначе, какъ делегацію совѣтскаго правительства. Они поэтому

не считали возможным согласиться на безусловный ультиматум, предъявленный делегацией и сводившийся къ тому, что группа членов правленія Центросоюза за-границей обязана сдать делегацию, «какъ представителямъ правленія Центросоюза», всё дѣла и имущество за-граничныхъ агентуръ Центросоюза, возникшихъ въ теченіе 1918 и 1919 годовъ и имѣющихъ своей руководящій центръ въ Лондонѣ, въ лицѣ «Иноцентра». Ни съ практической дѣловой точки зрѣнія, ни съ общественно-кооперативной уничтоженіе свободнаго и независимаго представительства русской кооперации за-границей не представлялось дѣлесообразнымъ. Совѣтская делегация, которая главную свою задачу, очевидно, видѣла не въ наиболѣе скоромъ достиженіи непосредственно практическихъ результатовъ по товарообмѣну, а въ укрѣпленіи своей политической позиціи въ Зап. Европѣ, не шла на компромиссные соглашенія, предлагаемыя ей заграничными кооператорами. Послѣдніе предлагали отдать весь аппаратъ и всю организацію заграничнаго представительства, созданную Центросоюзомъ, на служеніе задачѣ товарообмѣна подъ руководствомъ и по планамъ совѣтской делегации при одномъ только условіи — сохраненіи юридической самостоятельности этой организаціи и такого построенія плана операцій, чтобы не растрачивалась имѣющаяся въ ея распоряженіи иностранная валюта.

Непримиримая позиція, занятая теперешними господами молодежи, завладѣвшими въ совѣтской Россіи учрежденіями Центросоюза и остальными кооперативными центрами, поставила въ очень трудное и сложное положеніе старыхъ выборныхъ членовъ Правленія Центросоюза и Закупсбыта за-границей, точно такъ же, какъ и членовъ Совѣта Московскаго Народнаго Банка и представителей другихъ кооперативныхъ организацій, получившихъ свои полномочія отъ свободно-избранныхъ кооперацией органовъ.

Практически работать по снабженію Россіи товарами и товарообмѣну оказалось невозможнымъ, такъ какъ категорически было заявлено, что въ предѣлы совѣтской Россіи самостоятельной кооперативной организаціи не позволять ничего ввезти и ничего вывезти оттуда. Перспективы работы съ Дальнимъ Востокомъ были крайне проблематичны. Положеніе на Югѣ Россіи настолько шатко и неопредѣленно, что операціи съ нимъ грозили бы поглотить и остатки валюты. Такимъ образомъ для заграничныхъ кооперативныхъ представительствъ фактически для настоящаго момента и ближайшаго будущаго нѣтъ условій для производства свойственныхъ имъ операцій.

Встаетъ вопросъ, какъ быть, какую линію поведенія принять въ

соответствии съ интересами россійской коопераціи и ея членовъ — рабочихъ и крестьянъ.

При отвѣтѣ на вопросъ по существу, финансируется комитетомъ аманетъ отъѣзда той системы экономической политики и социальныхъ преобразований, которая проводится центральнымъ комитетомъ коммунистической партіи въ советской Россіи. Для русскихъ кооператоровъ за-границей не подлежатъ ни какому-либо сомнѣнію полная ея несостоятельность. Всякія силы, всякую организацію, всякія цѣнности, которые она вовлекаетъ въ кругъ своего вліянія и воздействия, фатально обречаются на болѣе или менѣе быстрое уничтоженіе.

Поэтому неизбежно превращеніе этой экономической политики. Какъ и когда оно произойдетъ — предсказать нельзя. Но какъ бы ни произошло прекращеніе этой системы государственнаго насильственнаго кооперативнаго хозяйства, подавленія всякой свободной инициативы, и насильственной коммунизации: путемъ-ли вынужденнаго измѣненія советской властью своей экономической политики, или путемъ преемства всего эксперимента и реставраціи частнаго капиталистическаго строя въ полномъ объемѣ, — какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ будетъ поле дѣйствія, возможность и необходимость для коопераціи.

Вновь-ли для борьбы съ капиталистической эксплуатацией и образования ячеекъ социализма, воспитывающаго навязкъ созиданія и творчества, а не разрушенія, или непосредственно для устройствія кооперативной жизни на началахъ трудовой, общественной справедливости, кооперация должна еще быть въ Россіи. И это будетъ кооперація свободная, независимая, являющаяся свободной, добровольной самоорганизаціей и сотрудничествомъ по принципу общности экономическихъ трудовыхъ интересовъ, а не кооперація изъ подъ палки.

Вновь кооперація придется развиваться при очень неблагоприятныхъ условіяхъ, гораздо болѣе тяжелыхъ, чѣмъ въ первый свой періодъ. Въ наслѣдіе отъ пройденнаго періода она не получитъ матеріальныхъ цѣнностей.

Капиталистическая реакція, конечно, не будетъ содѣйствовать коопераціи. Завладевша государственнымъ аппаратомъ, она не позволитъ коопераціи выбрать изъ обломковъ советскаго эксперимента то достоинство, которымъ кооперація обладала до своего поглощенія советскими учрежденіями. Да и фактически, вѣроятно, эти цѣнности окажутся уничтоженными въ общемъ процессѣ распада.

При этихъ условіяхъ передача советской делегаціи тѣхъ цѣнно-

стей, которыми имѣютъ еще фактическую возможность распоряжаться заграничные представители Центросоюза, «Закупебита» и другихъ кооперативныхъ организаций, равнялась бы въ сущности совершенно непроизводительной растратѣ народнаго достоянія.

Между тѣмъ, эта же сумма цѣнностей въ моменты, когда россійской коопераціи придется вновь возрождаться пѣз пепла, вновь начинать строительство своихъ организаций снизу до верху, будетъ имѣть относительно, для интересовъ русскаго народнаго хозяйства, интересовъ коопераціи, интересовъ русскихъ крестьянъ и рабочихъ, гораздо большее значеніе.

Тогда это не будетъ только прибавкой къ количеству цѣнностей уничтожаемыхъ, а и значительнымъ вкладомъ въ основной фондъ возрожденія русскихъ центральныхъ кооперативныхъ организаций.

Сейчасъ идетъ рѣчь о сохраненіи всѣми кооперативными организациями за-границей, для основного фонда возрожденія коопераціи, нѣсколькихъ милліоновъ золотыхъ рублей. Поэтому, убѣжденные въ несостоятельность экономической политики совѣтской коммунистической власти и вѣря въ необходимость возрожденія въ Россіи свободной независимой коопераціи, русскіе кооперативные дѣятеля за-границей, средства и достояніе, отъ свободной коопераціи полученныя, считаютъ своимъ долгомъ для нея же сохранить.

3. Пенскій.

Лига Націй и международное рабочее законодательство.

I. — ИТОГИ ДВИЖЕНИЯ ВЪ ПОЛЬЗУ МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ДО ВОЙНЫ.

Мысль о необходимости регулированія въ международномъ порядкѣ условий наемнаго труда не нова. Она восходитъ къ началу XIX вѣка, когда закладывались основы современнаго мірового хозяйства. Упроченіе единства міровой капиталистической системы неизбежно должно было рано или поздно привести къ мысли о цѣлесообразности единообразія политики въ рабочемъ вопросѣ.

Честь первому поднять голосъ въ пользу необходимости международной охраны труда принадлежитъ великому филантропу *Роберту Оуэну*. Самъ сынъ мелкаго ремесленника, онъ въ качествѣ директора огромной Нью-Ламаркской бумагопрядильной фабрики могъ близко наблюдать всѣ ужасы неурегулированной фабричной системы. Съ характерной для этого утописта вѣрой въ силу обращенія къ разуму и совѣсти власть имущихъ, онъ въ 1818 году, послѣ предварительнаго обсужденія вопроса съ Песталоцци, Сисмонди и нѣсколькими выдающимися учеными и врачами, обращается съ двумя адресами къ монархамъ, собравшимся на аженскій конгрессъ, убѣждая ихъ осуществить реформы, необходимыя для смягченія ужаснаго положенія рабочихъ. Благородный призывъ Оуэна, разумѣется, не былъ услышанъ.

Не большій успѣхъ выпалъ на долю и гуманнаго французскаго фабриканта *Даніеля Лезгранъ*, который типетно въ 1841 году обращался къ французскому, а въ 1857 г. къ прусскому, австрійскому, русскому и савойскому правительствамъ съ детально разработанными проектами по международной охранѣ дѣтскаго труда.

Съ выступленіемъ въ середнѣй XIX в. на историческую сцену организованнаго рабочаго класса дѣло защиты его интересовъ переходитъ отъ благородныхъ, но безсильныхъ филантроповъ - утопистовъ — въ его собственныя руки. Подъ влияніемъ *Маркса, Энгельса* и *Лассаля* рабочій классъ не только сознаетъ свое особое положеніе въ современномъ обществѣ, но и проникается сознаніемъ общности интересовъ «пролетаріевъ всѣхъ странъ», какъ-бы велики ни были раздѣляющія ихъ временныя и случайныя противорѣчія. Весь дальнѣйшій прогрессъ какъ въ осуществленіи соціального законодательства въ отдѣльныхъ странахъ, такъ и въ подготовкѣ будущаго международнаго рабочаго права тѣсно связывается съ судьбами рабочаго движенія.

Но интересъ къ вопросу объ установленіи однородныхъ международныхъ условій труда начинаютъ проявлять также правительства и представители капитала наиболѣе развитыхъ въ промышленномъ отношеніи странъ. Соціальное законодательство, проведенное подъ давленіемъ рабочаго движенія въ передовыхъ странахъ, повышая издержки производства, ухудшаетъ положеніе на мировомъ рынкѣ капитала этихъ странъ въ отношеніи его конкурентовъ изъ странъ съ болѣе отсталымъ рабочимъ законодательствомъ. Промышленный капиталъ передовыхъ странъ непосредственно заинтересованъ въ томъ, чтобы обязать счастливыхъ конкурентовъ установить у себя тѣ же условія эксплуатаціи труда.

Швейцарскій фабричный законъ 1877 г., внесшій единообразіе въ рабочее законодательство отдѣльныхъ кантоновъ, былъ первой по времени практической попыткойъ межгосударственнаго соглашенія подобнаго рода. Одушевленный успѣхомъ, Швейцарскій Союзный Советъ, по предложенію совѣтника *Фрея*, инициатора закона 1877 г., вступаетъ въ 1881 г. въ переговоры съ правительствами Бельгіи, Германіи, Великобританіи, Италіи и Австріи съ цѣлью установленія соотвѣствующаго международнаго соглашенія. Неудача этой попытки не охладилла энергіи швейцарскаго правительства. Въ дальнѣйшемъ оно неоднократно (въ 1889, 1896, 1905, 1906 и 1913 гг.), хотя вначалѣ и столь же безуспѣшно, пыталось вновь и вновь путемъ дипломатическихъ переговоровъ достигъ нужнаго соглашенія европейскихъ правительствъ. Не дала практическихъ результатовъ также и созванная для урегулированія рабочаго законодательства по инициативѣ германскаго правительства въ 1890 г. въ Берлинѣ международная дипломатическая конференція, въ которой принимали участіе представители 13 европейскихъ государствъ.

Выдающуюся роль въ развитіи идеи международнаго рабочаго законодательства сыграли интернаціональные рабочіе конгрессы въ *Парижѣ* въ 1887 и 1889 г.г. На послѣднемъ изъ нихъ была выработана обширная программа ближайшихъ требованій рабочаго класса; всѣ національныя секціи обязывались вести въ соответствующихъ странахъ агитацію на проведеніе ея въ законодательномъ порядкѣ. Основные элементы программы Парижскаго конгресса 1889 года неизменно повторяются затѣмъ въ требованіяхъ всѣхъ послѣдующихъ рабочихъ конгрессовъ. Во главу ея поставлено требованіе восьмичасоваго рабочаго дня, отнынѣ становящееся основнымъ лозунгомъ интернаціональнаго рабочаго движенія; далѣе идутъ требованія запрещенія дѣтскаго труда и ограниченія труда подростковъ; запрещенія ночного труда и труда женщинъ въ особенно вредныхъ для здоровья отрасляхъ промышленности; запрещенія расплаты товарами; требованіе еженедѣльнаго 36-ти часового отдыха, введенія фабричной инспекціи съ участіемъ рабочихъ, и др.

Не менѣе активны были и частныя общества, созывавшія многочисленныя интернаціональныя конференціи съ цѣлью пропаганды идеи международнаго рабочаго законодательства. Участниками ихъ являлись представители какъ профессиональных рабочихъ, такъ и предпринимательскихъ организаций, а также выдающіеся общественные и научные дѣятели. Большинство этихъ конференцій, несмотря на свой въ общемъ «буржуазный социаль-реформаторскій» составъ, высказывались въ пользу формулированныхъ на рабочихъ конгрессахъ положеній. Изъ серіи этихъ съѣздовъ по выдающемуся значенію слѣдуетъ отмѣтить имѣвшій мѣсто въ 1897 г. въ *Парижѣ* международный конгрессъ объ охранѣ труда. Программа Парижскаго конгресса, весьма полная и разработанная, повторяетъ принятыя Парижскимъ рабочимъ конгрессомъ положенія, высказываясь также въ отношеніи дня женщинъ 44-часовой рабочей недѣли, распространеніе рабочаго законодательства на сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и домашнюю прислугу, и рекомендуетъ созданіе особаго *международнаго бюро по охранѣ труда*.

Эта послѣдняя мысль объ организаціи постояннаго органа была осуществлена основаннымъ въ 1900 г., во время *Парижской* всемирной выставки «Международнымъ Союзомъ по законодательной охранѣ труда». Учрежденный этимъ союзомъ постоянный секретариатъ въ *Вашингтонѣ* существовалъ до послѣдняго времени, — даже во время войны, — руководимый проф. Стефаномъ Бауэромъ. Благодаря финансовой под-

держитъ восемнадцать различныхъ правительствъ, базельскому бюро удалось развить энергичную дѣятельность по собиранію и разработкѣ матеріаловъ по рабочему вопросу, выдачѣ справокъ, изданію на трехъ языкахъ бюллетеня и пр.

Практическіе результаты движенія въ пользу международного регулированія условій труда были не велики до послѣднихъ временъ. Въ 1904 г. между Франціей и Италіей заключенъ договоръ относительно взаимной охраны рабочихъ этихъ странъ. Затѣмъ, нѣкоторые пункты, касающіеся социальной политики, имѣются въ торговомъ договорѣ, заключенномъ Германіей съ Австріей, Швейцаріей и Италіей. Установлено далѣе, въ результатъ Бернской конвенціи 1906 г., въ рядѣ государствъ запрещеніе ночной работы женщинъ, а также употребленіе бѣлаго фосфора для изготвленія спичекъ. И, наконецъ, въ области социального страхованія должно упомянуть о шестнадцати договорахъ, устанавливающихъ условія взаимнаго равенства для рабочихъ различныхъ заключившихъ соглашеніе государствъ. Это — все.

Въ послѣдніе годы передъ войной приобретаетъ особое значеніе растущая международная сплоченность и организованность самихъ рабочихъ. Возникаетъ рядъ отдѣльныхъ интернациональных рабочихъ объединеній по профессіи, — какъ напр. союзъ рабочихъ по транспорту, — складывается окончательно въ 1913 году всеобщій Синдикальный Интернационалъ. Передъ объединеннымъ пролетариатомъ открываются широкія перспективы. Къ несчастью, разразившаяся въ 1914 г. мировая война разбиваетъ вдребезги всё съ такимъ трудомъ создавшіяся узы международной солидарности.

II. — НАКАНУНѢ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ.

Еще въ 1914 г., когда никто не ожидалъ, что война такъ долго затянется, Американская Федерация Труда выступила съ проектомъ созыва, одновременно съ будущей мирной конференціей, также интернациональнаго рабочаго конгресса для выработки основныхъ положеній международного рабочаго права, которыя должны быть включены въ мирный договоръ. Мысль была безспорно правильная. Создающіяся въ результатъ войны разореніе и хозяйственная неурядица главной своей тяжестью несомнѣнно должны были упасть на рабочихъ. Правда, призывая рабочихъ къ самопожертвованію, правящіе круги и буржуазія обѣихъ воюющихъ коалицій не скупилась на краски, изображая блага

того «новаго строя», который настанетъ для рабочихъ, какъ только они покончатъ эту «последнюю» войну разгромомъ врага. Но, конечно, лишь возстановивъ свое интернаціональное единство, могъ рабочий классъ надѣяться обезпечить осуществленіе неотложныхъ социальныхъ реформъ въ международномъ масштабѣ.

Однако, пока длилась война съ ея взаимнымъ ожесточеніемъ, возсозданіе рабочаго интернаціонала было невозможно психологически. Въ теченіе 1916-1917 г.г. состоялись двѣ имѣющія большое значеніе рабочія конференціи. Въ іюль 1916 года въ *Лидсѣ* (Англія) собрались представители рабочихъ организацій Англіи, Франціи, Итали и Бельгіи. Исходя изъ убѣжденія, что грядущій мирный договоръ принесетъ народамъ «свободу, политическую и экономическую независимость», конференція заявляетъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ рабочему классу всѣхъ странъ долженъ быть обезпеченъ извѣстный минимумъ социальныхъ гарантій, которыя способны были бы оградить рабочихъ отъ послѣдствій международной капиталистической конкуренціи. Съ другой стороны, въ октябрѣ 1917 г. въ *Бернѣ* состоялась рабочая конференція странъ нѣмецкой коалиціи — Германіи, Австро-Венгрии, Болгаріи, а также группы нейтральныхъ государствъ — Швейцаріи, Даніи, Голландіи, Швеціи и Норвегіи.

Выработанныя обѣими конференціями программы социальныхъ гарантій мало чѣмъ отличаются другъ отъ друга. Обѣ онѣ содержатъ перечень уже вошедшихъ въ сознаніе и традиціи рабочаго интернаціонала требованій относительно свободы коалицій, продолжительности рабочаго дня, социального страхованія, охраны труда подростковъ и женщинъ, и т. п., а также указаніе на необходимость созданія центрального международного органа для контроля надъ примѣненіемъ рабочаго законодательства. Нѣтъ надобности излагать здѣсь оба эти варианта, въ виду того, что въ дальнѣйшемъ они счастливо сочетались въ работѣ перваго послѣ войны всеобщаго международного рабочаго съѣзда. На конгрессѣ въ февралѣ 1919 г. въ *Бернѣ* впервые послѣ столькихъ лѣтъ рабочіе враждующихъ коалицій подали другъ другу руки, возстановивъ солидарность рабочаго класса въ общей борьбѣ за освобожденіе труда *). На постановленіяхъ Бернской конференціи 1919 г. намъ придется остановиться подробнѣе, ввиду значенія ихъ для работъ мирной конференціи. Сравненіе текстовъ поможетъ намъ въ дальнѣйшемъ уста-

*) На конференціи были представлены профессиональныя организаціи Австріи, Англіи, Богеміи, Болгаріи, Венгрии, Германіи, Голландіи, Греціи, Итали, Испаніи, Канады, Норвегіи, Франціи, Швеціи и Швейцаріи.

новеть, въ какой мѣрѣ мирный договоръ въ части, касающейся международного рабочаго права, способенъ удовлетворить ожиданіямъ рабочаго класса.

Изложенію системы рабочихъ правъ резолюція Бернской конференціи предпосылаетъ нѣсколько общихъ соображеній. Классъ капиталистовъ, — гласитъ резолюція, — стремится для повышенія своей прибыли къ безграничной эксплуатаціи силъ рабочаго; методы, къ которымъ при этомъ предприниматели прибѣгаютъ, грозятъ полнымъ физическимъ, моральнымъ и интеллектуальнымъ вырожденіемъ рабочихъ, подрывая прогрессъ и самыя основы общества. Эта эксплуатація, устранимая лишь съ уничтоженіемъ капиталистическаго способа производства, можетъ быть однако значительно ограничена сопротивленіемъ рабочихъ организацій и вмѣшательствомъ государственной власти.

Но границы, на которыхъ вынужденъ остановиться капиталъ въ своемъ стремленіи къ эксплуатаціи, не одинаковы въ различныхъ странахъ, и конкуренція странъ съ остальнымъ рабочимъ законодательствомъ вредитъ промышленности и рабочему классу странъ передовыхъ. Единственный выходъ изъ этого положенія состоитъ въ осуществленіи одинаковаго для всѣхъ націй международнаго рабочаго законодательства, что должно быть задачей Лиги Націй. Указывая на рядъ необходимыхъ мѣръ, уже отчасти осуществленныхъ въ передовыхъ странахъ, конференція настаиваетъ, чтобы создаваемая на основаніи мирнаго договора Лига Націй придала имъ силу общеобязательнаго международнаго закона.

Программа Бернской конференціи, изложенная въ 15 параграфахъ, сводится въ главнѣйшемъ къ слѣдующему:

Запрещеніе дѣтскаго труда въ возрастѣ до 15 лѣтъ. Обязательное всеобщее школьное обученіе, доступъ для всѣхъ къ высшему образованію.

Ограниченіе рабочаго дня для подростковъ въ возрастѣ 15—18 лѣтъ шестью часами. Организація для нихъ курсовъ внѣшкольнаго и техническаго образованія. Запрещеніе труда подросткамъ и женщинамъ ночью, а также во вредныхъ для здоровья отрасляхъ промышленности, въ частности въ копяхъ.

Прекращеніе работъ женщинъ по субботамъ не позже полудня. Освобожденіе ихъ отъ работы въ теченіе нѣсколькихъ недѣль до и послѣ родовъ. Одинаковая плата для нихъ за одинаковый съ мужчинами трудъ.

Восьми-часовой рабочей день и 48-ми часовая рабочая недѣля. За-

прещение ночного труда во всѣхъ предприятияхъ, гдѣ онъ не является необходимымъ по техническимъ основаніямъ.

Еженедѣльный 36-ти часово́й отдыхъ.

Запрещение примѣненія ядовитыхъ веществъ въ индустрии. Дальнѣйшее сокращеніе рабочаго дня ниже 8 ч. во вредныхъ для здоровья отрасляхъ промышленности.

Ограниченіе работъ на дому. Распространеніе дѣйствія рабочаго законодательства на занятыхъ въ нихъ рабочихъ.

Равная для всѣхъ категорій рабочихъ свобода образованія союзовъ.

Признаніе въ принципѣ свободы эмиграціи и иммиграціи труда. Право государства ограничивать иммиграцію въ періоды промышленной депрессіи. Организация центральной международной статистики труда.

Установленіе минимума заработной платы, обеспечивающаго достойное существованіе рабочаго.

Страхованіе отъ безработицы и организація биржъ труда.

Страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ, болѣзни, старости и инвалидности, страхованіе вдовъ и сиротъ.

Выработка особаго закона объ охранѣ труда моряковъ.

Организація для надзора за соблюденіемъ рабочаго законодательства фабричной инспекціи, съ привлеченіемъ къ ней рабочихъ и работницъ, а также профессиональныхъ организацій.

Такова общая сумма социальныхъ реформъ, которыя, по мнѣнію Бернской конференціи, должны быть осуществлены Лигой Націй въ интересахъ рабочихъ всего міра. Послѣдній параграфъ резолюціи излагаетъ, кромѣ того, схему организаціи *постоянной международной коммисіи*, имѣющей задачей наблюдать за осуществленіемъ вышеизложенныхъ мѣръ и способствовать дальнѣйшему развитію международнаго рабочаго законодательства. Эта коммисія должна состоять наполовину изъ представителей входящихъ въ Лигу Націй государствъ, и наполовину изъ делегатовъ рабочаго профессиональнаго Интернаціонала. Коммисія, дѣйствуя въ контактѣ съ Международнымъ Синдикальнымъ Бюро, подготавливаетъ и созываетъ ежегодныя конференціи по охранѣ труда. Конференціи эти, состоящія *порознь* изъ представителей правительствъ и профессионально организованныхъ рабочихъ, должны обладать правомъ, въ предѣлахъ предоставленной имъ компетенціи, выносить обязательныя членамъ Лиги постановленія.

Мы остановились нѣсколько подробнѣе на резолюціяхъ Бернской конференціи потому, что онѣ характерны для настроеній рабочихъ организацій въ 1919 г. и ихъ отношенія въ создающейся Лигѣ Націй. Выступъ съ Вильсономъ, рабочіе понимали, что «исторія находится на послѣднемъ распутьи: глаза народовъ раскрылись и они видятъ», —

видят ту бездну, къ которой привелъ человечество строй, основанный на безудержномъ эгоизмѣ правящихъ классовъ. Рабочіе понимаютъ и заявляютъ, что возврата къ прежнимъ, до-военнымъ порядкамъ въ промышленности быть не можетъ; тѣмъ не менѣе, сознавая всю гибельность социальныхъ потрясеній для истощеннаго войной мірового хозяйственнаго организма, рабочіе готовы ограничить свои требованія минимумомъ, поражающимъ своею умѣренностью и осуществимымъ въ рамкахъ капиталистическаго строя; готовы добиваться ихъ осуществленія въ порядкѣ лояльнаго сотрудничества ихъ классового органа, Международнаго Синдикальнаго Бюро, съ Лигой Націй. Но для этого Международному Парламенту Труда, являющемуся неотъемлемой частью Лиги Націй, должно быть предоставлено право непосредственнаго международнаго законодательства, передъ которымъ должны склониться «суверенныя» права остальныхъ государствъ въ безчеловѣчной эксплуатации труда *).

III. — РАБОЧЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО НА МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ.

31-го января 1919 г. постановленіемъ мирной конференціи была учреждена коммисія по рабочему законодательству, «чтобы съ международной точки зрѣнія», — какъ гласилъ данный ей указъ, — «ислѣдовать условія труда, предложить международныя мѣры, необходимыя для обезпеченія одинаковаго уровня паведенія и выработать проектъ постояннаго учрежденія, на обязанности котораго было бы, дѣйствуя совместно и подъ руководствомъ Лиги Націй, продолжать дальнѣйшія изслѣдованія и выработку предложеній». О законодательныхъ функціяхъ будущей международной организаціи по охранѣ труда не говорится ни слова **).

Въ составъ коммисіи вошли представители: Соединенныхъ Штатовъ, Англіи, Франціи, Италіи, Японіи, Бельгіи, Кубы, Польши и Чехо-

*) Ср. статью Л. Жуо въ «L'Europe Nouvelle» отъ 15 марта 1919 г.

**) Вотъ какъ позже, уже въ самомъ текстѣ мирнаго договора, была определена социальная политика Лиги Націй. Согласно ст. 23 Ковенанта члены Лиги торжественно обязуются «обезпечить и охранить незыблемыми достойными и гуманными условіями труда для мужчинъ, женщинъ и дѣтей какъ на территоріи ихъ собственныхъ государствъ, такъ и во всѣхъ странахъ, съ которыми ихъ связываютъ торгово-промышленныя отношенія; они обязуются создать и поддерживать необходимыя для этого международныя учрежденія».

Словакии. Предсѣдателемъ комиссiи былъ назначенъ предсѣдатель американской федерацiи труда *Самуэль Гомперсъ*; среди членовъ ея упоминаемъ англійскаго министра труда Бернса, члена рабочей партiи, французовъ Кольяра, министра труда, и Леона Жуо, генеральнаго секретаря Всеобщей Конфедерацiи Труда, итальянца Кабрини, бельгiйскаго министра юстицiи Вандервельде, поляковъ Патека и министра труда Сокала, и чешскаго министра Бенеша. — Какъ видно изъ приведеннаго списка, въ составъ комиссiи входилъ рядъ авторитетныхъ вождей рабочаго класса.

Комиссiя С. Гомперса, въ результатъ тщательной работы въ теченiе 35 засѣданiй, изготовила проектъ соответствующихъ статей договора, и представила его 24 марта 1919 г. мирной конференцiи. 11-го апрѣля проектъ комиссiи съ нѣкоторыми измѣненiями былъ на пленарномъ засѣданiи конференцiи утвержденъ; впервые въ исторiи человечества въ статьи мирнаго договора включены положенiя, имѣющiя цѣлью обезпечить въ международномъ масштабѣ рабочимъ всего мира достойное человѣка существованiе.

Каково же содержанiе этой первой международной «Хартiи Труда?»

Интересующiя насъ положенiя изложены въ ст. 387-427 мирнаго договора и составляютъ особую (XIII) часть послѣдняго. По содержанию своему эти статьи распадаются на двѣ неравныя части. Первая, включающая въ себя сорокъ статей (387-426), излагаетъ *строе и порядокъ функционирования международной организацiи по охране труда*; вторая же, состоящая изъ одной 427 статьи, провозглашаетъ *основныя принципы рабочаго права*. Статьямъ предпослано введение, которое мы считаемъ нелишнимъ привести здѣсь почти полностью.

«Принимая во вниманiе, что Лига Нацiй имѣетъ цѣлью установленiе всеобщаго мира и что такой миръ можетъ быть утвержденъ только на основѣ социальной справедливости ;

принимая во вниманiе, что существуютъ условiя труда, влекущiя за собою для большаго числа людей несправедливость, лишенiя и нищету, а это въ свою очередь является причиной недовольства, опаснаго для всеобщаго мира и гармонiи, и принимая во вниманiе неотложную необходимость улучшить эти условiя...

принимая во вниманiе, что отказъ со стороны какой-либо нацiи примѣнять истинно гуманныя условiя труда служитъ препятствiемъ для усилий другихъ нацiй улучшить положенiе трудящихся во всѣхъ странахъ ;

Высокия Договаривающiяся Стороны, движимыя чувствомъ справедливости и гуманности, а также желанiемъ обезпечить прочный миръ для всего мира, заключаютъ договоръ о нижеслѣдующемъ».

«Созданіе Лиги Націй», — комментируется въ докладѣ мысль введенія, — «не представляетъ собою никакого дѣйствительнаго выхода изъ всѣхъ бѣдствій, въ которыя былъ погруженъ міръ въ прошломъ, — если только Лига не устранивъ промышленной неурядицы и несправедливости, которыя разрушаютъ современное общество». Задачи Лиги Націй выходятъ, такимъ образомъ, далеко за предѣлы упреченія всеобщаго мира и началъ права въ международныхъ отношеніяхъ; передъ ней открываются необозримыя перспективы переустройства отношеній межклассовыхъ во всемъ мірѣ на началахъ социальной справедливости.

Въ схемѣ создаваемой на основаніи ч. XIII мирнаго договора международной организаціи важно отмѣтить, прежде всего, что новая организація, по составу ея участниковъ, представляется *шире самой Лиги Націй*, частью которой она въ то же время является. *Всѣ* члены Лиги Націй обязательно входятъ въ международный союзъ по охранѣ труда; но уже теперь доступъ въ него широко открытъ и тому ряду государствъ побѣжденной коалиціи (Германія, Австрія и др.), для которыхъ вступленіе въ Лигу обставлено рядомъ трудно преодолимыхъ препятствій*).

Международная организація по охранѣ труда осуществляетъ свою дѣятельность черезъ посредство трехъ своихъ органовъ: пленарной Конференціи, Совѣта и Секретаріата или Бюро Труда.

Конференція созывается по мѣрѣ надобности и во всякомъ случаѣ не рѣже одного раза въ годъ. Каждое государство — участникъ международного союза по охранѣ труда, имѣетъ право посылать по четыре делегата, изъ коихъ двое представляютъ *правительство*, а остальные двое делегируются соответствующими національными объединениями *предпринимателей и рабочихъ***). Каждого делегата мо-

*) Лига Націй лишь очень медленно и постепенно теряетъ первоначальный свой характеръ односторонняго союза державъ-побѣдительницъ. Къ августу 1920 г. изъ 41 примкнувшихъ къ ней государствъ только 18 принадлежатъ къ нейтральнымъ или входившимъ въ составъ германской коалиціи во время войны.

***) Такое распределеніе голосовъ прошло въ комиссіи С. Гомперса не безъ разногласій. Французы, итальянцы и американцы настаивали на представленіи каждому изъ трехъ элементовъ делегаціи (правительству, предпринимателямъ и рабочимъ) равнаго количества голосовъ, указывая на то, что рабочіе никогда не примирятся съ предоставленіемъ имъ всего лишь 1/4 голосовъ. Но незначительнымъ большинствомъ англійскихъ, бельгійскихъ и др. членовъ комиссіи рѣшено было однако предоставить правительствамъ половину голосовъ; мотивомъ было то, что рѣшеніе, принятое голосами предпринимателей и рабочихъ противъ правительственнаго меньшинства, все равно практически имѣетъ мало шансовъ быть проведеннымъ въ жизнь, благодаря несочувствію государственной власти (ср. Докладъ комиссіи отъ 24 марта 1919 г.). Конгрессъ-

гуть сопровождать на конференцію нѣсколько техническихъ совѣтниковъ. Существеннымъ является правило, что делегаты голосуютъ *индивидуально*, чѣмъ гарантируется независимость представителей рабочихъ и предпринимателей отъ своихъ правительствъ.

Административный Советъ (Governing Body, Conseil d'Administration) состоитъ изъ 24 членовъ, избираемыхъ на три года (12 отъ правительствъ и по 6 отъ предпринимателей и рабочихъ). Среди правительственныхъ делегатовъ восемь представляютъ государства «наиболѣе важныя въ промышленномъ отношеніи». Советъ можетъ быть созванъ на экстренную сессию по требованію не менѣе десяти его членовъ *).

Бюро Труда (International Labour office, Bureau du Travail) является секретариатомъ Совета. Во главѣ его стоитъ избираемый Советомъ директоръ **), подбирающій остальной персоналъ по своему усмотрѣнію изъ специалистовъ различныхъ національностей, въ части обязательно изъ женщинъ. Въ задачи Бюро входитъ собраніе и распространеніе матеріаловъ по рабочему законодательству разныхъ странъ, изученіе вопросовъ, связанныхъ съ предполагаемыми международными соглашениями въ области рабочаго права, производство по порученію конференцій анкетъ, улаживаніе конфликтовъ въ области примѣненія международного рабочаго законодательства, изданіе периодическихъ бюллетеней и пр.

Каковы же предѣлы *компетенціи* и какимъ образомъ *функционируетъ* въ цѣломъ очерченная выше организація?

Остановимся на той роли, которую ч. XIII мирнаго договора отводитъ Конференціи Труда, этому главному органу создаваемой международной организаціи, ея парламенту. Приходится, къ сожалѣнію,

---

проектъ германской мирной делегаціи присоединяется къ требованію Бернской конференціи 1919 г. о предоставленіи рабочимъ *половины* всѣхъ голосовъ.

*) На Вашингтонской конференціи труда (29 окт. — 29 ноября 1919 г.) мѣста въ Советѣ были распределены слѣдующимъ образомъ. По одному *правительственному* представителю имѣютъ: Аргентина, Бельгія, Данія, Германия, Франція, Англія, Італія, Японія, Канада, Польша, Испанія, Швейцарія. По одному представителю отъ *предпринимателей*: Бельгія, Франція, Англія, Італія, Швейцарія, Чехословакія. Отъ *рабочихъ*: Германия, Франція, Англія, Голландія, Канада, Швеція.

Въ конституирувавшемся 26-28 янв. 1920 г. Советѣ представителями отъ рабочихъ были: Спюартъ Бюнингъ (Англія), Удегестъ (Голландія), Торбергъ (Швеція), Легіенъ (Германія) и Леонъ Жуо (Франція).

***) 26 января 1920 г. на постъ директора Бюро Труда избранъ французскій социалистъ Альберъ Тома.

констатировать, что въ этомъ основномъ пунктѣ проектъ комиссiи Гемперса, позже утвержденный мирной конференціей, совершенно не отвѣчаетъ ожиданiямъ рабочихъ круговъ. Какъ мы упоминали выше, Бернская рабочая конференція 1919 г. настаивала на предоставленiи Конференціи Труда въ области рабочаго законодательства права выносить постановленія, *обязательныя* для входящихъ въ составъ Лиги государствъ. Согласно же ст. 405 договора, въ задачу Конференціи Труда входитъ лишь достиженіе, въ области рабочаго законодательства, *добровольныхъ соглашеній*, обязательныхъ только для примкнувшихъ къ нимъ государствъ.

Въ самой комиссiи по данному вопросу существовало значительное расхожденіе мнѣній. Наиболѣе радикально были настроены французскіе и итальянскіе делегаты, отстаивавшіе принципъ обязательной силы для рѣшеній конференціи, даже въ случаѣ несогласiя съ ними законодательныхъ учрежденій той или иной страны. Недовольному государству, по мнѣнiю этой группы делегатовъ, должно быть предоставлено лишь право апелляціи къ Совѣту Лиги Націй; но подтвержденное вторично послѣ этого рѣшеніе Конференціи Труда должно подлежать исполненiю во всякомъ случаѣ. Но большинство делегатовъ стояло на точкѣ зрѣнiя, что для общеобязательнаго международнаго законодательства время еще не пришло; лишь съ ростомъ международной солидарности можно надѣяться на то, что Конференція Труда сможетъ превратиться въ законодательное учрежденіе; попытка же теперь уже, черезъ голову народныхъ представительствъ отдѣльныхъ государствъ, навязать послѣднимъ выработанныя Конференціей нормы, способна побудить эти государства скорѣе выйти изъ состава Лиги, чѣмъ подчиниться вредному, на ихъ взглядѣ, нарушенiю ихъ суверенитета въ народно-хозяйственной области *).

Статья 405-ая договора устанавливаетъ слѣдующій порядокъ для проведенія въ жизнь постановленій Конференціи Труда. По формѣ своей эти постановленія могутъ быть двоякаго рода: а) т. н. «предложенія» (*recommendation*), и б) проекты международныхъ *конвенцій*

---

*) На общеобязательномъ характерѣ постановленій Конференціи Труда настаивала, ссылаясь на авторитетъ Бернской Конференціи, также и германская делегация мира (см. письмо Брокдорфа Рантцау отъ 22 мая 1919 г.).— Недостаточность предоставленной Конференціи компетенціи признана была также и докладчикомъ комиссiи французской палаты депутатовъ по ратификаціи Версальскаго договора, депутатомъ А. Ренаромъ въ засѣданiи палаты 6-го августа 1919 г.

по тому или иному вопросу. Въ первомъ случаѣ Конференція обращаетъ вниманіе соответствующихъ правительствъ на желательность проведенія въ законодательномъ или административномъ порядкѣ тѣхъ или иныхъ мѣропріятій; во второмъ, — членамъ международной организаціи предлагается конкретный проектъ соглашения. Въ обоихъ случаяхъ правительства обязаны въ теченіе года представить рекомендуемую мѣру на утвержденіе законодательной власти своей страны. Ни въ коемъ случаѣ предложенія Конференціи Труда не должны вліять въ сторону *пониженія* уровня условій труда, достигнутаго въ какой-либо отдѣльной странѣ.

Участіе въ конвенціи предоставляется доброй волей каждаго государства; но, разъ присоединившись къ ней, государство уже обязано соблюдать всѣ условія подписаннаго имъ соглашения; нарушеніе ихъ можетъ быть обжаловано передъ Совѣтомъ Труда, а государство-нарушитель — подвергнуться карѣ.

Право принесенія жалобы предоставляется какъ отдѣльнымъ организаціямъ рабочихъ или предпринимателей, такъ и государству. Въ первомъ случаѣ Совѣтъ Труда запрашиваетъ отъ государства, обвиняемаго въ нарушеніи конвенціи, объясненія по существу жалобы. Въ случаѣ неполученія въ назначенный срокъ объясненій или если они будутъ признаны Совѣтомъ неудовлетворительными, послѣдній можетъ придать гласности какъ жалобу, такъ и объясненія соответствующаго правительства. Роль совѣта въ данномъ случаѣ ограничивается, очевидно, лишь посредничествомъ, а мѣра воздѣйствія на правонарушителя — обращеніемъ къ суду общественнаго мнѣнія.

Болѣе сложный и болѣе дѣйствительный аппаратъ воздѣйствія предусматривается, если жалобщикомъ является не отдѣльная предпринимательская или рабочая организація, а цѣлое государство. Въ послѣднемъ случаѣ, исчерпавъ вышеуказанныя средства, Совѣтъ можетъ передать жалобу особой *слѣдственной комиссіи* изъ трехъ членовъ (по одному отъ рабочихъ, предпринимателей и третье лицо независимое отъ тѣхъ и другихъ). Слѣдственная комиссія въ своемъ заключеніи устанавливаетъ фактическую сторону конфликта, опредѣляетъ необходимыя для его ликвидаціи мѣры, а равно указываетъ на *санкціи экономическаго характера*, имѣющія, въ случаѣ надобности, быть примененными въ отношеніи виновной стороны. Обѣимъ заинтересованнымъ сторонамъ предоставлено право апелляціи къ международ-

ному суду Лиги Націй, рѣшеніе котораго уже является окончательнымъ *).

Какъ мы видимъ изъ изложеннаго, процессуальная сторона прохожденія жалобы потерпѣвшаго, отъ момента ея заявленія въ Бюро Труда до вынесенія окончательнаго приговора международнымъ судомъ, разработана въ статьяхъ ч. XIII договора достаточно полно и послѣдовательно. Но къмъ же *приводятся въ исполненіе* рѣшенія послѣдней инстанціи? Отвѣтъ, даваемый на этотъ вопросъ ст. 419, приходится признать крайне неудовлетворительнымъ. Въ то время, какъ для обезпеченія интересовъ пострадавшей страны на всѣхъ стадіяхъ процесса указаны соответствующіе органы Лиги, — Бюро Труда, Совѣтъ, слѣдственная комиссія, Международный Судъ, — международного аппарата принужденія для возстановленія нарушеннаго права не существуетъ, примѣненіе экономическихъ санкцій оставляется на усмотрѣніе отдѣльных членовъ Лиги: «Если какой либо членъ Лиги не подчиняется въ назначенный срокъ указаніямъ, содержащимся въ заключеніи слѣдственной комиссіи или въ рѣшеніи международного суда, то *всякій членъ Лиги имѣетъ право* примѣнять по отношенію къ нему экономическія санкціи, указанныя въ заключеніи комиссіи или постановленіи суда». Кромѣ того, такая мѣра, какъ напр. блокада какого-либо государства, нарушая весь міровой товарообмѣнъ, поражаетъ иногда интересы странъ нейтральныхъ сильнѣе даже, чѣмъ страны блокируемой. Недопустимо оставлять примѣненіе такого жестокаго и опаснаго средства въ безконтрольномъ распоряженіи отдѣльных членовъ Лиги.

На этомъ мы заканчиваемъ изложеніе и разборъ статей договора, относящихся къ строенію и дѣятельности органовъ международного рабочаго законодательства. Слѣдуетъ еще отмѣтить лишь весьма важную ст. 422, предусматривающую возможность пересмотра договора: всякое измѣненіе должно быть принято двумя третями Конференціи Труда и утверждено единогласно державами, представленными въ Совѣтъ Лиги Націй, а также двумя третями остальныхъ членовъ Лиги. Какъ ни затруднено такимъ образомъ измѣненіе основныхъ законовъ,

---

*) Ст. 414-419 не вскрываютъ содержанія понятія экономическихъ санкцій; но опредѣляютъ характера ихъ и основная ст. 16 Ковенанта обѣ учрежденіи Лиги Націй. Вопросъ объ экономическихъ санкціяхъ сейчасъ дебатруется въ литературѣ. По французскому проекту Ковенанта въ систему экономическихъ санкцій входятъ такія мѣры, какъ блокада виновнаго государства, наложеніе эмбарго на его коммерческія суда, лишеніе его сырья и продовольствія, запрещеніе котировки его цѣнныхъ бумагъ на биржахъ.

Въ комиссіи С. Гомперса сторонниками наиболѣе рѣшительныхъ мѣръ являлись представители рабочихъ.

оно все же открываетъ возможность дальнѣйшаго развитія междуна-
родной конституціи труда.

Перейдемъ теперь къ рассмотрѣнію той единственной статьи (427)
договора, которая имѣетъ отношеніе къ *материальному содержанию
рабочаго права*.

Вотъ полный текстъ этой важной статьи.

«Высокія Договаривающіяся Стороны, признавая, что физическое,
моральное и интеллектуальное благосостояніе рабочихъ представляетъ
величайшую важность съ международной точки зрѣнія, установили для
достиженія этой возвышенной цѣли постоянную организацию, связан-
ную съ Лигой Націй.

Онѣ признаютъ, что различія въ климатѣ, нравахъ и обычаяхъ,
акономическихкихъ возможностяхъ и промышленной традиціи дѣлаютъ
затруднительнымъ немедленное достиженіе абсолютнаго единообразія
условій труда. Но, исходя изъ убѣжденія, что трудъ не долженъ раз-
сматриваться только какъ предметъ торговли, онѣ полагаютъ, что суще-
ствуютъ методы и принципы въ регламентаціи условій труда, которые
всѣ промышленныя государства должны стараться примѣнять, поскольку
это позволяютъ спеціальныя условія каждаго изъ нихъ.

Среди этихъ методовъ и принциповъ Высокими Договаривающимися
Сторонами представляются особенно важными и неотложными слѣ-
дующіе:

1. Основной вышеупомянутый принципъ, что *трудъ не долженъ
разсматриваться только какъ товаръ или предметъ торговли*.

2. *Право союзовъ* для цѣлей, не противорѣчащихъ закону, предостав-
ляемое какъ рабочимъ, такъ и предпринимателямъ.

3. *Рабочая плата, обеспечивающая рабочимъ достойный образъ жизни*
(a reasonable standard of life), въ соответствии съ современными поня-
тіями, существующими въ данной странѣ.

4. Установленіе *восьмичасового рабочаго дня* или *сорока восьми часовай
недѣли* тамъ, гдѣ они еще не установлены.

5. Установленіе *еженедельнаго отдыха* не менѣе 24 часовъ, прихо-
дящихся по возможности на воскресенье.

6. Запрещеніе *дѣтскаго труда* и *ограниченіе труда подростковъ* обоого
пола предѣлами, позволяющими имъ продолжать образованіе и обеспе-
чивающими ихъ физическое развитіе.

7. Принципъ *одинаковой платы безъ различія пола* за работу одина-
коваго достоинства.

8. Правила, регулирующія въ каждой странѣ условія труда, должны
обеспечить *одинаковое экономическое положеніе для всѣхъ рабочихъ*, легально
проживающихъ въ данной странѣ.

9. Каждое государство должно организовать *фабричную инспекцію*,
съ участіемъ женщинъ, чтобы обеспечить дѣйствительное примѣненіе
законовъ и правилъ объ охранѣ трудящихся.

Не претендуя на то, что перечень этихъ принциповъ и методовъ

является исчерпывающим и окончательным. Высокия Договаривающиеся Стороны полагают, что они достойны стать руководящими для политики Лиги Наций, и что, в случае их признания промышленными государствами, входящими въ составъ Лиги, и проведенія въ жизнь подъ наблюдениемъ соответствующей фабричной инспекціи, они распространятъ ихъ дѣлительное благотворное дѣйствіе на рабочихъ всего міра».

Какъ мы можемъ убѣдиться изъ сравненія данного текста съ текстомъ резолюціи Бернской рабочей конференціи 1919 г., послѣдняя оказала рѣшающее вліяніе на работы подготовительной комиссіи С. Гомперса. Всѣ наиболѣе важныя положенія Бернской программы, — свобода коалицій, минимумъ заработной платы, восьмичасовой рабочий день, запрещеніе дѣтскаго труда и пр., — включены въ число девяти тезисовъ первой международной «Хартіи Труда». Но есть и существенная разница: въ то время, какъ Бернская конференція полагала, что выработанная ею система ближайшихъ требованій рабочего класса должна быть включена въ текстъ мирнаго договора въ *качествѣ международного закона*, комиссія С. Гомперса не пошла, или была лишена возможности пойти по этому пути. Въмѣсто суммы конкретных законовъ, регулирующихъ въ международномъ порядкѣ важнѣйшія условія труда, — статья 427 указываетъ лишь основныя линіи, провозглашаетъ общіе принципы будущаго международного рабочаго законодательства.

* * *

Наряду съ ограниченіемъ компетенціи Конференціи Труда линіями рамками добровольныхъ соглашеній, этотъ отказъ мирной конференціи отъ утвержденія въ законодательномъ порядкѣ «неотъемлемыхъ правъ труда» вызвалъ жестокое разочарованіе въ рабочихъ кругахъ. Сама комиссія Гомперса, вынужденная дѣйствовать въ предѣлахъ наказа, чувствовала тяжесть создаваемаго положенія и въ особой резолюціи выразила пожеланіе, «чтобы международной Конференціи Труда, дѣйствующей подъ руководствомъ Лиги Наций, возможно скорѣе было предоставлено въ установленныхъ границахъ право принимать рѣшенія, имѣющія силу международного закона». Легко себѣ представить чувство горечи тѣхъ, кто подобно Л. Жуо, несмотря на травлю демагоговъ, звалъ рабочий классъ на лояльное сотрудничество съ органами Лиги Наций. «Представители т. н. демократическихъ государствъ», писалъ Жуо въ «L'Europe Nouvelle», «оказались не въ состояніи понять всю цѣну и общественное значеніе минимальныхъ требованій... отвѣ-

чающихъ въ одно и то же время и жизненной необходимости всего человечества, и домогательствамъ рабочаго класса.» *)

Но вытекаетъ ли изъ этого, что созданная на основаніи мирнаго договора международная организація по охранѣ труда лишена всякой цѣны для рабочаго класса?

Не слѣдуетъ преувеличивать скептицизма, хотя бы и законнаго, по отношенію къ ней. При всемъ несовершенствѣ конструкціи ея, при всей ограниченности ея правъ, — новая организація представляетъ огромный шагъ впередъ по сравненію съ до-военнымъ положеніемъ въ области международного рабочаго законодательства и открываетъ передъ рабочимъ движеніемъ всего міра широкія перспективы. Въ такой оцѣнкѣ ея сходятся и придирчивые нѣмецкіе комментаторы **) и вожди профессиональнаго движенія всего міра. Огромное моральное значеніе имѣетъ самъ по себѣ безпримѣрный фактъ признанія въ международномъ договорѣ основныхъ правъ труда, единства интересовъ трудящихся всего міра, невозможности дѣятельнаго міра безъ осуществленія элементарной социальной справедливости. Съ другой же стороны, даже и при теперешнемъ характерѣ международной организаціи по охранѣ труда, рабочій классъ находитъ въ ней новыя, хотя и не достаточно широкіе, пути для борьбы за свои интересы и идеалы.

Это не укрылось отъ тѣхъ дѣятелей профессиональнаго движенія, которые не были заигнотизированы большевистскою перспективой немедленнаго социалистическаго переворота. Необходимое для успѣха новаго *международнаго* дѣйствія единство рабочаго класса было восстановлено 28 іюля 1919 г. на интернаціональной рабочей конференціи въ Амстердамѣ. Передъ возсозданнымъ интернаціональнымъ бюро профессиональныхъ союзовъ, являвшимся до войны лишь справочнымъ и статистическимъ центромъ, встали теперь новыя задачи: выступать отъ имени объединеннаго пролетаріата всѣхъ странъ, добиваться разрѣшенія въ международномъ порядкѣ тѣхъ задачъ, которыя до сихъ

*) Герман. мирная делегація также настаивала какъ на общеобязательномъ характерѣ провозглашаемыхъ принциповъ рабочаго права, такъ и на предоставленіи Конференціи Труда законодательныхъ функций. Не безъ надежды прорвать такимъ образомъ желѣзный кругъ зловѣщаго для Германіи Версальскаго договора, делегація даже выступила съ фантастическимъ проектомъ немедленнаго созыва въ Версаль всемірной рабочей конференціи для того, чтобы предоставить «рѣшающее слово самимъ рабочимъ» въ выборѣ между союзническимъ и германскимъ проектомъ международного рабочаго законодательства (см. письма Брокдорфа Рантцау къ Клемансо отъ 10 и 22 мая 1919).

**) ср. P. Eckhard und E. Kuttig. Das Internationale Arbeitsrecht im Friedensvertrage. 1920.

порь оказывались непосильными для рабочего класса отдельных государств. Синдикализм при этом остается в своей стихии, — защиты рабочих интересов в непосредственных сношениях с капиталом и государственной властью. Изменяется лишь масштаб и важность достигаемых результатов. «Синдикализм вступает в новую стадию своего развития», утверждает Л. Жуо: «прямое действие (action direct) рабочего класса приобретает отныне международное значение».

Правильность намеченного пути была подтверждена первыми же практическими шагами в этом направлении.

На первой сессии международной Конференции Труда (29 октября — 29 ноября 1919 г. в Вашингтонѣ) между представителями 32 участвовавших в ней государств было достигнуто соглашение по ряду таких важных для пролетариата вопросов, как восьмичасовой рабочий день, меры борьбы с безработицей, запрещеніе детского труда и пр. Несомненно, успѣху конференции содѣйствовал авторитет рабочей делегации, выступавшей как представительница Международного Профессіонального Бюро, съ 23 миллионами его членовъ.

Вторая сессія международной Конференции Труда, созванная в Генеуѣ (15 июня — 10 июля 1920) со специальной цѣлью урегулировать условия труда моряковъ, выработала нѣсколько предложеній и проектов конвенцій о сокращеніи рабочего дня, запрещеніи детского труда, вознагражденіи пострадавшимъ отъ кораблекрушеній и пр. В течение настоящаго года проекты конвенцій Вашингтонской и Генеуэской конференцій Труда будутъ предложены для ратификаціи народнымъ представительствамъ всѣхъ государствъ—членовъ международной организациі по охранѣ труда. В настоящее время уже имѣются свѣдѣнія *) объ утвержденіи постановленій Вашингтонской Конференции в рядѣ государствъ — в Англии, Бельгій, Греции, Франціи, Германіи, Чехо-Словакии и др. Чтобы реально представить себѣ всю возможную сферу вліянія международного рабочего законодательства, вспомнимъ, что къ 1-му июля 1920 г. въ 39 государствахъ Лиги Націй (не покрывающей цѣликомъ, къ тому же, какъ уже указывалось выше, понятія международной организациі по охранѣ труда (the International Labour Organisation) числилось *более трети четвертой населенія всего земного шара* (1275 мил. нзъ 1650 млн. жителей **).

*) *Bullet. d'Information du Bureau Intern. du Travail, №№ 1-3 1920 г.*

**) *P. de Lanux, Portrait de la Société des Nations. «Le monde nouveau», Sept. 1920.*

Можно сожалѣть, что въ мирномъ договорѣ рабочее право не нашло себѣ законченнаго выраженія въ формѣ обязательнаго международнаго законодательства. *) Но писанныя статьи закона не имѣютъ самостоятельной чудодѣйственной силы, и въ конечномъ счетѣ Лассалевское правило, что конституція есть результатъ реального соотношенія общественныхъ силъ, — въ полной мѣрѣ применимо и къ создающейся конституціи международной: дѣйственность созданнаго международнаго аппарата и воплощеніе въ жизнь провозглашенной международной хартии труда цѣлкомъ зависятъ отъ того, насколько велико будетъ влияние сильнаго своею организованностью и единствомъ Рабочаго Интернаціонала.

Дѣйствительную угрозу для возможности осуществленія международной рабочей реформы представляютъ собой потому два фактора: *кризисъ самой Лиги Націй*, съ которой организацiей связана международная организація по охранѣ труда, съ одной стороны, — и дезорганизующая единство рабочего класса *дѣятельность большевиковъ*, съ другой.

Никогда отношеніе правительствъ державъ - побѣдителей къ идеѣ подлинной Лиги Націй не отличалось искренностью. Былъ моментъ, когда они увидѣли себя вынужденными взять на себя инициативу созданія Лиги Націй, — ибо ужасъ и отвращеніе передъ безуміемъ только что закончившейся мировой войны, негодованіе противъ вызвавшей ее преступной политики державъ обѣихъ коалицій грозило взрывомъ народнаго возмущенія. При помощи опытныхъ дипломатовъ Верховному Совѣту удалось во время выработки основъ Лиги Націй въ достаточной степени изуродовать самую идею ея. На практикѣ же, въ международной политикѣ кабинетовъ Лондона, Парижа, Рима, Токио попрежнему господствуетъ «принципъ абсолютной безприязниности», неслыханный даже въ прошломъ цинизмъ въ пошраніи всякаго права. По отношенію къ Лигѣ Націй усвоена тактика коварнаго сознательнаго дискредитированія ея.

Разрушая въ своемъ ослабленіи надежду народовъ на возможность осуществленія права и социальной справедливости мирнымъ эволюционнымъ путемъ, империалисты и реакционеры всѣхъ странъ даютъ моральное оправданіе революціи. Большевиизмъ же открываетъ передъ отча-

*) Нельзя забывать, впрочемъ, что обязательность постановленій Конференціи Труда могла бы быть обеспечена лишь при совершенно иной конструкціи самой Лиги Націй. При теперешнемъ характерѣ и состояніи послѣдней, путь соглашеній въ области рабочего законодательства остается, къ сожалѣнію, единственно реальнымъ.

явившимся массами заманчивые перспективы немедленного и полного социального переустройства всего мира. Безчестная политика господствующих в современной Лиге Наций правительств дает большевикам благодарный материал для агитации против самой идеи Лиги Наций.

Эту двойную опасность, — возвращенія къ до-военному хаосу международных и социальных отношений, — и стихійнаго увлеченія массъ на путь явно несбыточной и гибельной при данныхъ условіяхъ авантюры, — сознательная часть рабочаго класса можетъ парализовать только планомерной и энергичной дѣятельностью объединеннаго рабочаго интернаціонала. Рабочій классъ, какъ авангардъ демократіи и вмѣстѣ съ нею, долженъ взять на себя, пока не поздно, осуществленіе той далеко идущей «реконструкціи» общественныхъ отношеній, необходимость которой сознають не только социалисты всѣхъ отѣнковъ, но и наиболее проникательные буржуазные экономисты. «Силы XIX вѣка завершили свой кругъ, онѣ исчерпаны», пишетъ въ своей замѣчательной книгѣ Джонъ Кейнсъ *) : «Экономическіе мотивы и идеалы этой эпохи насъ болѣе не удовлетворяютъ; мы должны найти новый путь, снова перенести невзгоды и страданія, связанныя съ появленіемъ на свѣтъ новаго промышленнаго строя».

Но тутъ на пути исторической творческой миссіи рабочаго класса вновь встаетъ разрушительная стихія большевизма. Какъ микробы разложенія, могущіе существовать лишь въ тканяхъ больнаго общественнаго организма, охваченнаго пароксизмомъ гражданской междоусобицы, большевики наибольшую опасность для себя чувствуютъ въ здоровомъ воздухѣ радикальныхъ социальныхъ и политическихъ реформъ. Въ Лигѣ Наций они уже давно видѣли, — преувеличивая, впрочемъ, ея реальное значеніе, — «препятствіе для социальной революціи»; давно уже жестоко травятъ созданное «социаль-предателями», «лакеями буржуазіи» Международное Бюро Труда. Но, убѣдившись, что съ дѣломъ ослабленія и компрометации Лиги Наций успѣшно справляются такіе «друзья» ея, какъ Л. Джорджъ, Клемансо или Пильсудскій, большевики сосредоточили свои силы на болѣе неотложномъ дѣлѣ, — разрушеніи единства рабочаго класса, главной силой, способной своимъ выступленіемъ на историческую сцену сыграть роль великаго преобразователя современныхъ общественныхъ отношеній. Ярость большевист-

*) Цит. по франц. переводу: John Keynes « Les conséquences économiques de la paix », стр. 204.

скихъ атакъ сосредоточивается на Амстердамскомъ Международномъ Профессиональномъ Бюро. Исп. Ком. III Интернационала торжественно заявляетъ, что «новый Амстердамскій Интернационалъ желтыхъ (!) синдикатовъ является въ настоящий моментъ болѣе опаснымъ и болѣе вреднымъ для міровой революціи, чѣмъ Лига Націй...» *) и, въ противѣсь Амстердамскому, объявляетъ о созданіи въ Москвѣ собственнаго Интернациона «красныхъ» синдикатовъ.

Большинству, исходящему изъ точки зрѣнія диктатуры меньшинства во имя немедленной социальной революціи, нельзя отказать въ послѣдовательности, когда онъ объявляетъ изжитой систему демократіи, покидаетъ «соціаль-предательскій» II-й Интернационалъ, стремится взорвать изнутри «желтый», «бѣлогвардейскій» Амстердамскій рабочій Интернационалъ за его участіе въ «организованной империалистами Конференціи Труда».

Можно лишь пожелать той же послѣдовательности и опредѣленности въ выводахъ и сторонникамъ традицій демократическаго социализма. Диктатура — или демократія, третьяго не дано. Далека отъ идеала формальная демократія, плохъ и многогрѣшенъ искаженный II Интернационалъ, малодѣйствененъ рабочій синдикальный Интернационалъ, унижена врагами демократіи идея Лиги Націй. Но для тѣхъ, кто понимаетъ невозможность преждевременныхъ смѣнъ историческихъ эпохъ, кто революцію считаетъ правомъ лишь большинства народа, кто разгадалъ призрачный характеръ блуждающихъ огней III Интернационала, — не должно быть сомнѣній въ выборѣ.

В. Рудневъ.

*) Воззваніе Исп. Ком. III-го Интернационала къ «сознательнымъ пролетаріямъ Франціи», приведено въ L'Humanité отъ 12 Sept. 1920.

Федерализмъ и централизація въ современной Америкѣ.

I.

Незадолго до войны было пущено въ обращеніе, кажется нѣмцами, и получило большое распространеніе въ Европѣ мнѣніе о временной роли, играемой будто-бы переходной формой союзнаго государства; предполагалось и доказывалось, что союзное государство либо распадается, если оно составлено изъ неживыхъ элементовъ, либо консолидируется въ единое цѣлое; при этомъ примѣромъ второго процесса неизбѣжно приводились Германія и Соединенные Штаты. Политическая тенденція этого ученія вполне очевидна; оно должно было служить доказательствомъ необходимости «уплотненія» Германской имперіи, т. е. усиленія и укрѣпленія ея и безъ того уже могущественнаго центра. Монархическіе идеалы и преклоненіе нѣмцевъ передъ идеей всеобъемлющей централизаціи были хорошо извѣстны и до міровой бури. Зато гораздо менѣе знакомы намъ тѣ социальны-правовые процессы, которые развивались по другую сторону Атлантическаго океана, относительно которыхъ многое бралось просто на вѣру по писаніямъ и разговорамъ тѣхъ-же нѣмцевъ. Да и сами американцы, впрочемъ, мало сознавали существо переживаемыхъ ихъ собственнымъ народомъ перипетій; въ Америкѣ до послѣдняго времени вообще слишкомъ мало обращали вниманія на социальны-правовые процессы; такъ наз. общественныя науки были не въ фаворѣ и находились въ зачаточномъ состояніи. Только за періодъ войны пробудился интересъ среди американцевъ въ этой области и лишь теперь начинаетъ упрочиваться сознаніе необходимости серьезнаго ея изученія.

Въ русской наукѣ, обычно довольно голословно, повторялись утвержденія нѣмцевъ; американское общественное развитіе мало кого интересовало и мало кому было извѣстно, а кромѣ того, наша домаш-

няя политическая обстановка никоимъ образомъ не поощряла подобныхъ изслѣдованій; цензурный гнетъ, зависимость отъ начальства, нѣкоторая косность, суровая нѣмецкая школа нашихъ государствовѣдовъ и т. д., все это какъ - то отодвигало изученіе англо - саксонскаго права вообще и американскаго въ частности на задній планъ. Такимъ образомъ легко объяснимы укоренившіеся въ нашей литературѣ предрассудки, которые помогали царскому правительству вводить русское общественное мнѣніе въ заблужденіе.

Въ виду той роли, которую рано или поздно суждено играть принципу федерализма въ возрожденной Россіи, интересно знать: правда-ли, что централизмъ такъ ужъ неизбеженъ въ развитіи современнаго союза-наго государства, такъ-ли достоверно, что централизація въ Соединенныхъ Штатахъ дѣлаетъ столь огромные успѣхи, столь неотвратима и такъ популярна въ глазахъ американскаго народа, да и вообще въ какомъ направленіи развиваются современные социально-правовые процессы Сѣв. Америки? Отвѣтъ можетъ быть данъ не безъ затрудненій, такъ какъ, повторимъ, сами американцы мало знакомы съ указанной областью и только недавно сами начали ею интересоваться. Современное развитіе Великобританской имперіи намъ извѣстно гораздо лучше; мы хорошо знаемъ, наприхѣтъ, что принципъ федерализма тамъ прочно укрѣпился и что возврата къ единому, централизованному государству для Англіи-нѣтъ и не будетъ; мы прекрасно знаемъ, что Канадой или Австраліей никогда нельзя будетъ болѣе управлять изъ Лондона, и что это касается въ наше время не только могущественныхъ автономныхъ колоній, — *Dominions*, — но и гораздо болѣе молодыхъ колоній, и что по этому же пути направлены судьбы Египта, а въ ближайшемъ будущемъ вѣроятно направятся и судьбы Индіи. Касательно государственно-правового развитія Британской имперіи также совершенно очевидно тѣ великіе принципы, на коихъ базируется эта крупнѣйшая и могущественнѣйшая федерація: во-первыхъ то, что разъ дано или потеряно метрополіей вслѣдствіе развитія федеральной самостоятельности, не возвратимо: обратнаго подчиненія, восстановленія былаго централизма быть не можетъ; во-2-хъ, децентрализація никоимъ образомъ не означаетъ распада или разложенія. На противномъ этому началѣ основаны были немалыя надежды Берлинскихъ правителей; сколько разъ мы отъ нихъ слышали, что Британская имперія построена на пескѣ, что Канада или Южная Африка только и мечтаютъ объ отдѣленіи и полной независимости, и что война неизбежно приведетъ къ такому распаду. Да и среди русскихъ писателей много было людей, искренно увѣренныхъ въ

неотвратности предстоящаго разложенія Британской федераціи, которое такимъ образомъ будетъ предшествовать нѣмецкой побѣдѣ и возрожденію Великой Германіи. На подобныхъ разсужденіяхъ основывались также большія надежды многочисленныхъ монархистовъ. Это міровоззрѣніе, чрезвычайно вредное политически, соціально опасно.

II.

Обращаясь къ разсмотрѣнію современнаго соціально-правового развитія Соед. Штатовъ Сѣв. Америки, мы не можемъ не обратить вниманія на дѣйствительно невѣроятно сильныя тамъ, на первый взглядъ, тенденціи къ объединенію и централизаци. Въ самомъ дѣлѣ, если сравнить нынѣшнія власть, вліяніе и значеніе федеральныхъ органовъ съ ихъ положеніемъ, скажемъ, въ началѣ XIX в., то получится огромная разниа и яркій контрастъ. Трудно сказать, предвидѣли ли отцы американской конституціи ея дальнѣйшее развитіе, стремились ли они, въ глубинѣ души, къ созданію единаго цѣлаго, прикрывая такой идеаль формами союзнаго государства, но нѣтъ сомнѣній, что, со времени междоусобной войны 60-хъ годовъ, въ Соед. Штатахъ дѣйствительно начали развиваться и укрѣпляться централистическія тенденціи. Думается, что среди отцовъ конституціи приблизительно одна половина была централистами (хотя лишь немногіе имѣли тогда гражданское мужество это открыто признавать), другая же была, столь же преданно и убѣжденно, федералистами, хотя можетъ быть въ ихъ міровоззрѣніи побудительными мотивами были совсѣмъ иныя соображенія, чѣмъ современные намъ идеалы федерализма; въ то время федералистическія вожделѣнія носили яркую форму простого, незамысловатаго «мѣстнаго» патриотизма, подогреваемаго также несложными экономическими стимулами и соображеніями; только въ среднѣй XIX ст., ко времени войны за освобожденіе негровъ, это примитивное міровоззрѣніе начинаетъ дифференцироваться.

Первую половину минувшаго вѣка федералисты видимо торжествуютъ и главенствуютъ; идеалы ихъ прекрасно растолкованы потомству въ писаніяхъ Джефферсона, самаго виднаго и образованнаго демократа той эпохи. Государственно-же правовыя построенія были даны въ довольно циничныхъ формахъ сенаторомъ Кальхуномъ, извѣстнымъ защитникомъ притязаній южныхъ, рабовладѣльческихъ штатовъ. Надо помнить, что борьба Сѣвера съ Югомъ началась собственно не изъ-за во-

проса объ освобожденіи рабовъ, а именно изъ-за необходимости возста-
 новленія разваливавшейся уніи. Даже въ наши дни, хотя и въ видѣ ка-
 кого-то необъяснимаго анахронизма, многіе южане искренне убѣждены,
 что война Линкольна была вызвана исключительно этой угрозой разры-
 ва, а вовсе не болѣе сложнымъ вопросомъ уничтоженія рабства. Какъ
 извѣстно, Сѣверъ побѣдилъ, а съ нимъ должны были восторжествовать
 столь противныя Югу принципы централизаціи: идея уніи священна и
 неприкосновенна, центральная, федеральная власть суверенна и болѣе
 жизненна, чѣмъ государственность отдѣльныхъ штатовъ; таковы основы
 государств.-правовой идеологій, которой суждено было главенствовать
 во второй половинѣ вѣка. Съ общественной стороны этому способство-
 вать росъ національнаго самосознанія и національнаго объединенія
 американскаго народа; въ продолженіе послѣдующаго полулѣтца оба
 процесса государственно-правовой идеологій и національнаго развитія,
 шли рука-объ-руку, взаимно помогая другъ-другу и подпирая другъ-
 друга. Подъ ихъ эгидой развивалось дальѣйшее заселеніе Западныхъ
 территорій, до побережья Тихаго океана включительно, подъ ихъ сѣнью
 работали и управляли федеральные президенты и ихъ правительства,
 съ ихъ благословенія усиливались и росли власть и вліяніе федераль-
 ныхъ органовъ конечно, за счетъ значенія и полномочій штатовъ-участ-
 никовъ уніи. Процессы эти развивались столь естественно, что не тре-
 бовалось руководства какихъ-либо выдающихся личностей; даже
 наоборотъ, отъ Линкольна и до Кливленда не было выдающихся прези-
 дентовъ; американскіе правители этой эпохи были сѣренькіе, маленькіе
 люди, безъ какихъ-либо государственныхъ горизонтовъ (даже включая
 сюда популярнаго, но вовсе не «большаго» Гранта); указанное разви-
 тіе шло само собой, все болѣе увеличивая силу своей инерціи. Сове-
 ренникамъ казалось тогда вполне нормальнымъ, что послѣ побѣды Сѣ-
 вера, боровагоса за центральную власть, таковая должна была торже-
 ствовать и постепенно поглощать полномочія и права отдѣльныхъ шта-
 товъ. Не надо кромѣ того забывать, что вторая половина XIX в. была
 періодомъ колоссальнаго экономическаго развитія Соед. Штатовъ, что
 также способствовало росту центристремительныхъ силъ; экономиче-
 ское развитіе, а въ частности безшабашное грюндерство того времени не
 желали считаться съ какими-то внутренними, территориальными огра-
 ниченіями, искусственными границами, раздѣлявшими педѣлимое,
 Нью-Йоркъ отъ сосѣдняго съ нимъ Нью-Джерсея или Коннекти-
 кута. Національное объединеніе, единство культуры и языка вызы-
 вали къ благороднымъ чувствамъ патриотизма, сплачивая американ-

цевъ въ единый могущественный народъ; и чѣмъ больше росло это національное единство, тѣмъ оно могло казаться американцамъ болѣе привлекательнымъ и красивымъ. Къ концу столѣтія ко всему этому присоединился еще новый факторъ: мы имѣемъ въ виду чрезвычайно большой важности слѣдствіе испанской войны 1898 г.—зарожденіе американскаго имперіализма и вхожденіе Штатовъ впервые въ кругъ міровой политики, отъ коей они прежде старательно отстранялись и ограждались. Само собою понятно, что молодой, неопытный американскій имперіализмъ приводитъ зачастую къ шовинизму; въ это время какъ разъ появились, одна за другой, двѣ крупныя и сильныя личности президентовъ Кливленда и Рузвельта; не мудрено, поэтому, что централистическія тенденціи благодаря этому значительно усилились; и не трудно понять, поэтому, разсужденія тогдашнихъ наблюдателей, въ особенности нѣмцевъ, объ окончательномъ торжествѣ центростремительныхъ силъ и постепенномъ превращеніи уни въ единое, сильно централизованное государство.

Даже такой безпристрастный нѣслѣдователь и чуткій наблюдатель, какъ Дж. Брайсъ, увлекся этой же видимостью, счита нужнымъ посвятить специальное вниманіе развивавшемуся тогда централизму. Вспомнимъ, какъ самодержавно распоряжался Рузвельтъ, диктуя изъ Бѣлаго Дома какъ внутреннюю политику, такъ и внѣшнія сношенія Сѣв. Америки; во внутренней политикѣ онъ предпринималъ разслѣдованіе дѣятельности гнетущихъ трестовъ, реформу правительственныхъ учреждений, цѣлое движеніе за сбереженіе національныхъ богатствъ (дѣсовъ, животныхъ, горнаго дѣла и т. д.); во внѣшней политикѣ онъ гордо несъ американское знамя, вмѣшивался въ вопросы, отъ коихъ презрѣвавшее ему поколѣніе по традиціи Вашингтона открещивалось и отмахивалось; сюда относится, напримѣръ, пріобрѣтеніе Панамскаго Канала, споръ съ Германіей изъ-за Венесуэлы (когда Рузвельтъ не постѣснялся наговорить очень много непріятнаго Вильгельму, что тотъ иногда не могъ ему простить, несмотря на внѣшне-любезныя ихъ отношенія), активное участіе въ заключеніи русско-японскаго мира въ Портсмутѣ (1905), настаиваніе передъ Европой на необходимости политики «открытыхъ дверей» въ Китай и т. д. Само собою понятно, что всеѣмъ этимъ въ значительной мѣрѣ усиливались власть и вліяніе федеральныхъ органовъ за счетъ правомочій отдѣльныхъ штатовъ; Рузвельтъ неоднократно собиралъ въ Вашингтонѣ губернаторовъ штатовъ и не только совѣщался съ ними, но и навязывалъ имъ свою политичку и свои взгляды, благодаря чему явнымъ образомъ неподчиненные ему

представители штатовъ дѣйствовали сообща и воспринимали, незамѣтно для самихъ себя, политику федеральнаго центра; при немъ-же появилась и выросла междугосударственная торговая комиссия (Interstate Commerce Commission) получившая затѣмъ огромную власть въ области регулированія внутренней торговли и контроля американскихъ желѣзныхъ дорогъ; внѣшняя торговля всегда была функцией центра, согласно самой конституціи; наконецъ, при Рузвельтѣ же появились первые признаки федеральнаго социальнаго законодательства и администраціи; область эта въ прежнее время совершенно не затрагивалась въ Вашингтонѣ; при Рузвельтѣ появляются не только первые акты социальнаго законодательства, но и социальной политики федеральнаго правительства; при этомъ учреждается специальный органъ, въ лицѣ рабочаго департамента или министерства (Labour Department), уравненнаго въ правахъ съ прочими министерствами; этотъ департаментъ, вполнѣ естественно, началъ вліять на рабочую политику отдельныхъ штатовъ, внося въ таковую опредѣленно централистическія тенденціи.

Такимъ образомъ, благодаря выдающейся личности Рузвельта, централизація сдѣлала въ первое десятилѣтіе XX вѣка блестящіе успѣхи. Нисколько не умаляя роли дальновиднаго президента, необходимо все-же признать, что Рузвельтъ въ своей политикѣ неизмѣнно опирался на живыя силы страны, на явные проявленія жизненныхъ тенденцій, на очевидное ему направленіе эволюціи социально-правового строя Сѣв. Америки. Въ этомъ ясномъ пониманіи жизненныхъ силъ и эволюціи американскаго народа проявлялась несомнѣнная даровитость Рузвельта; онъ повялъ значеніе централизаціи, воспринялъ эту идею и силой своей энергіи воплотилъ въ жизнь намѣчавшіяся тенденціи, подведя подъ нихъ прочный фундаментъ. Весь вопросъ только въ томъ, составляетъ ли это начало конца американскаго федерализма вообще, какъ то полагали многіе изслѣдователи до войны, или нѣтъ, какъ доказываютъ, думается, событія послѣднихъ лѣтъ.

III.

Кровавая бойня Европейской войны должна была рано или поздно втянуть Соед. Штаты; прежней обособленности Америки уже болѣе не существовало; поэтому и имъ пришлось принять участіе въ ужасахъ этого отвратительнаго побоища. А вмѣстѣ съ тѣмъ Штатамъ, бла-

годари «военному времени», пришлось пережить періодъ чрезвычайной централизаціи.

Военная цензура въ Америкѣ была не менѣе строга и близорука, чѣмъ ея европейскія сестры; тоже слѣдуетъ сказать и о матеріальныхъ стѣсненіяхъ, о-разныхъ президентскихъ указахъ касательно регулированія рыночныхъ цѣнъ, ограниченія денежной спекуляціи, разрѣшенія продовольственныхъ вопросовъ, установленія запретовъ продажи или распространенія различныхъ предметовъ и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ власть президента была абсолютно неограниченная; законодательные органы въ первые же дни военного кризиса добровольно сдали всѣ свои полномочія контроля; теорія равновѣсія властей, столь любимая американцами, была на время забыта; Вильсонъ могъ издавать распоряженія и указы по любому вопросу и очень активно пользовался этой свободой дѣйствія; а такъ какъ американская администрація, отъ министровъ и до послѣдняго низшаго чиновника, полностью подчинена президентской власти, то вполне понятно, что съ первыхъ-же дней участія Штатовъ въ войнѣ, получилась довольно яркая картина диктатуры, хотя и не военного типа, но съ довольно рѣзкими военными очертаніями. Къ этому надо прибавить страшную подозрительность и повинизмъ американцевъ въ первые мѣсяцы войны; какъ въ Европѣ въ августѣ 1914 г. мерещились германскіе шпіоны, интриги, преступленія, такъ въ Америкѣ весной 1917 г. происходило совершенно то же самое и не менѣе интенсивно; для борьбы съ предполагаемыми шпіонами и пропагандой американское общественное мнѣніе готово было съ увлеченіемъ предоставить правительству, сирѣчь тому же президенту, безграничныя полномочія. Военныя приготовленія, заказы, мобилизація, постройка флотовъ, военного и торговаго, перевозка войскъ и т. д. также вызвали многогранную, совершенно новую дѣятельность правительственныхъ вѣдомствъ. Законодательная власть почти совсѣмъ ступевалась и шла на-поводу президентской указки, готовая на всякія жертвы. Само собою понятно, что все это вызывало совершенно неслыханную прежде централизацію правительственной машины; права и преимущества отдѣльныхъ штатовъ какъ-бы канули въ воду; никто о нихъ и не думалъ.

Органы центральной власти, къ тому-же, размножились буквально какъ грибы; стоитъ вспомнить одинъ внѣшній видъ Вашингтона того времени, чтобы получить яркую картину этого процесса. Въ прежнія времена система федеральныхъ властей была очень неэффективной; правительственные органы (за исключеніемъ почты и таможи) можно бы-

ло легко пересчитать по пальцамъ. Уже во время Рузвельта начался сильный рост правительственныхъ учреждений въ Вашингтонѣ; тутъ и тамъ стали строятся новыя зданія, офисы, бюро и т. д. . Но все это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что произошло лѣтомъ 1917 года. За нѣсколько мѣсяцевъ было выстроено нѣсколько десятковъ новыхъ зданій казарменнаго типа, съ тысячами офисовъ и десятками тысячъ клерковъ; населеніе города болѣе чѣмъ удвоилось; появились совершенно новыя, неслыханныя до того времени учрежденія, вроде «національнаго» (т. е. централизованнаго) управленія по продовольствію, другого такого же по топливу, третьяго — по желѣзнодорожному дѣлу и т. д. Всѣ эти области въ былые дни считались неотъемлемой прерогативой мѣстной (т. е. штатной), а не федеральной власти; послѣдняя не должна была и не могла вмѣшиваться въ завѣдываніе ими. Система созданныхъ новыхъ вѣдомствъ была тождественна прежней системѣ федеральныхъ властей вообще, т. е. абсолютно централизована; президентъ былъ автократомъ, управлявшимъ черезъ посредство своихъ секретарей, начальниковъ новыхъ вѣдомствъ.

Личность президента Вильсона очень подходила подъ этотъ новый стиль; ему было по душѣ и нравилось являться въ лицѣ поучающаго «свой народъ» премудрости политической; онъ всеми силами культивировалъ единоличный режимъ, развивалъ его, упрочивалъ, толковалъ и приспособлялъ къ требованіямъ военнаго времени. О прежнихъ идеалахъ американцевъ начала XIX в. не было больше и рѣчи; Джефферсонъ былъ забытъ или считался неопытнымъ младенцемъ въ дѣлахъ управленія; даже времена Рузвельта могли казаться эпохой первыхъ робкихъ попытокъ нововведеній въ вопросахъ распредѣленія властей между федераціей и штатами.

Казалось, что центростремительныя силы достигли своего апогея и что прежнія времена расцвѣта федерализма ушли развѣ навсегда въ вѣчность. Можно съ увѣренностью сказать, что, если бы нѣмецкія предсказанія объ окончательномъ обращеніи униі въ одно единое государство должны были оправдаться, то случиться это должно было именно теперь, когда централизація достигла такихъ неслыханныхъ предѣловъ. Все общественное развитіе Штатовъ шло повидимому въ этомъ направленіи; всѣ факторы жизни тому способствовали; и личность президента, и война, и внѣшнія отношенія Штатовъ, и внутреннее ихъ соціально-правовое развитіе — все по всѣмъ видимостямъ шло въ одномъ и томъ же направленіи усиленія централизаціи, за счетъ власти и вліянія отдѣльныхъ штатовъ, вплоть до исчезновенія прежней федеральной сис-

темы, уніи въ томъ видѣ, какъ ее построили отцы конституціи 1789 года. Для идеаловъ централизма никогда не представлялась ранѣе того и врядь ли когда-либо явится и въ будущемъ такая блестящая возможность окончательнаго торжества; повторяемъ, все было для этого готово, все этому торжеству способствовало...

И тѣмъ не менѣе побѣды этой не было, торжество не состоялось!

IV.

Со времени окончанія войны прошло уже два года, а со дня подписанія мира 16 мѣсяцевъ, періодъ вполне достаточный для того, чтобы основныя тенденціи социальнаго - политическаго движенія въ Америкѣ опредѣлились съ необходимой ясностью. Американскій народъ въ настоящую минуту живетъ *подъ знакомъ реакціи* противъ политическаго курса послѣдняго времени, при этомъ реакція довольно многогранной и сложной. Европейца, въ особенности русскаго, могутъ интересовать три рода этой реакціи: одна — направленная противъ участія Штатовъ въ европейскіхъ дѣлахъ и міровой политикѣ; другая — касающаяся внутренняго броженія и все растущаго социальнаго недовольства, и третья — развивающаяся противъ безумной централизаціи послѣднихъ лѣтъ.

Разсмотримъ ихъ въ отдѣльности.

Мы указывали, что въ былыя времена Штаты жили какъ у Христа за пазухой, считали себя огражденными и застрахованными отъ міровой сумятицы и смотрѣли на Европу съ высокомерной гордостью отшельника, котораго внѣшній міръ интересуеетъ лишь платонически, отвлеченно. Война съ Испаніей впервые ввела американцевъ въ неизвѣстную имъ дотолѣ область международной политики; приобрѣтеніе Филиппинъ, столкновение съ Японіей, этой Пруссіей Востока, участіе въ разрѣшеніи вопросовъ Карибскаго моря; позднеѣ Канада, съ ея назойливымъ сосѣдствомъ; Ньюфаундлендъ — съ его заманчивыми рыболовными промыслами; Панама, съ каналомъ, сугубое международное значеніе коего и до сихъ поръ еще многими не понято; политика Рузвельта, вмѣшивающагося въ разнообразныя дипломатическія споры и распри другихъ державъ; все растущая гегемонія Сѣв. Америки среди южно-американскихъ республикъ, и т. д., и т. д. И наконецъ міровая война, уже непосредственно введшая Америку въ святое святыхъ евро-

пейской дипломатии и при томъ столь активно, столь безповоротливо. Немудрено, что американцы, как говорится, ахнули и рты разинули, и кто изъ нихъ постарше и понепривычнѣе, тотъ съ горечью вспоминалъ о минувшемъ счастьи обособленія. И въ заключеніе — знаменитый Версальскій миръ, который большинство американцевъ восприняло, — совершенно жриво по нашему крайнему разумнью, — какъ неслышанное поражение Вильсона, какъ гибель самыхъ заманчивыхъ надеждъ Америки на мировое лидерство, какъ гибель большинства ихъ прекрасныхъ идеаловъ.

Осенью 1918 г. американцы правильно полагали, что въ рукахъ ихъ правительства имѣлась чудесная возможность стать во главѣ мирового прогресса; вспомнимъ, какъ Европа преклонилась въ тѣ дни передъ американцами и всѣмъ американскимъ! Какъ у нихъ зашевелили, какъ лобызали ноги у ихъ президента (недостатки коего американцы прекрасно сознавали), какъ имъ льстили, какъ во всѣхъ ихъ представителяхъ поддвизывались въ европейскіе столнцаа; не удивительно, что все это вскружило имъ голову; и тѣмъ большѣ было надеженіе, слухъ на земли, послѣ посвѣщенія небесъ, когда къ лѣту 1919 г. стало очевиднѣе, что ихъ игра проиграна и что почти ровно ничего изъ ожидавшагося не осуществлено! Этимъ объясняется (притомъ единственно этимъ, а не какими либо другими факторами) переживаемая теперь реакція противъ идеи участія Америки въ какихъ-бы то ни было европейскихъ дѣлахъ; это и есть основа ея отказовъ отъ разныхъ мандатовъ, порученій и просьбъ европейскихъ державъ; лично мнѣ приходилось слышать отъ видныхъ партійныхъ лидеров, съ пѣной у рта говорящихъ о Вильсоновской (будто-бы) политикѣ вмѣшательства въ европейскія дѣла, что впродъ этого не будетъ и что Америка вернется ко временамъ XIX вѣка. Какъ будто возвратъ къ старому когда либо возможенъ! Какъ будто Америка можетъ вернуться къ своему былому уединенію! Но психологія такого возмущенія проста. Это-же объясняетъ столь непонятную многимъ иностранцамъ ненависть американцевъ къ Вильсону, доходящую до невѣроятныхъ размѣровъ и ожесточенія; многимъ американцамъ кажется, что виною всѣхъ ихъ неудачъ и золь является именно президентъ; такое олицетвореніе социальныхъ событій тоже вѣдь очень распространенное явленіе.

Возврата къ прошлому нѣтъ, обособленность не возобновима, но сильное сокращеніе участія Соед. Штатовъ въ мировой политикѣ будетъ несомнѣнно достигнуто въ ближайшіе мѣсяцы новаго президент-

ства. Это касается какъ общихъ вопросовъ, такъ и Лиги Націй, которой Америка боится именно какъ стимула участія въ не-американскихъ дѣлахъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что такое отношеніе ко внѣшнему міру имѣетъ и внутренне-политическое значеніе для Штатовъ, умаляя значеніе центростремительныхъ силъ. Я уже указывалъ, что среди факторовъ анти-федералистическихъ современная международная политика Штатовъ играла видную роль. Теперь этотъ факторъ изымается изъ обращенія и во всякомъ случаѣ не будетъ угрожать федералистическимъ принципамъ; онъ не будетъ мѣшать предвидимому возрожденію федеральнаго начала. Таково общее положеніе вопроса.

Но есть и нѣкоторый специальный стимулъ, дѣйствующій, пожалуй, гораздо сильнѣе. Мы имѣемъ въ виду японскій вопросъ; въ этомъ отношеніи назрѣваетъ настоящій кризисъ, весьма притомъ опасный. Дѣло въ томъ, что штатъ Калифорнія подвергается сильнѣйшей опасности все возрастающей японской иммиграціи; усиленіе японскаго элемента очень страшитъ американцевъ западнаго побережья: они не выдерживаютъ экономической конкуренціи съ японцами; послѣдніе работаютъ дешевле, живутъ проще и на меньшія средства, сплочены, патриотичны, организованы; расоваго смѣшенія не происходитъ; японцы живутъ и множатся отдѣльно отъ бѣлыхъ, которые ихъ теперь чистосердечно ненавидятъ.

За послѣдніе мѣсяцы Калифорнія предприняла цѣлый рядъ мѣръ, законодательныхъ и административныхъ, къ ограниченію японцевъ, лишенію ихъ права земельной собственности, стѣсненію правъ торговли и передвиженія и т. д. Японія, естественно, этимъ все болѣе возмущается и все чаще и громче протестуетъ, требуя равноправія своимъ гражданамъ. Вотъ тутъ-то и заложены корни конфликта: съ одной стороны Штаты—федерация связаны съ Японіей цѣлымъ рядомъ соглашеній и обязательствъ, ставящихъ обѣ договаривающіяся стороны въ положеніе полного равенства, что и даетъ Японіи право требовать исполненія этихъ договоровъ; съ другой же находится отдѣльный штатъ—Калифорнія, не желающій вовсе съ этимъ считаться и не стѣсняющійся заявлять, что требованіямъ униі (если таковая будетъ настаивать на равноправіи японцевъ) онъ не подчинится и что униія не въ состояніи его къ тому принудить! Подобный случай уже не разъ имѣлъ мѣсто; въ дѣйствіи эта идеологія и привела къ междоусобной войнѣ 1861г., когда южные штаты отдѣлились; то же самое было нѣсколько лѣтъ тому на-

задь при Рузвельтѣ и какъ разъ въ абсолютно той-же обстановкѣ: Калифорнія уже тогда дѣлала попытки самостоятельнаго разрѣшенія японскаго вопроса, но въ тѣ годы господствовала центростремительная тенденція, а самъ Рузвельтъ располагалъ огромной дозой личной энергии и предпримчивости; онъ безъ труда одолѣлъ противящійся штатъ. Теперь положеніе кардинальнымъ образомъ измѣнилось: во главѣ уніи нѣтъ сильнаго человѣка и не предвидится появленія такового въ ближайшемъ будущемъ; японскій вопросъ еще болѣе обострился за эти годы, а население Калифорніи, вообще обозленное международной политикой эпохи Вильсона (какъ и вся Америка вообще впрочемъ), не желаетъ болѣе ждать и терпѣливо переносить указку федеральныхъ властей. Конечно мы не хотимъ сказать этимъ, что уніи вновь грозитъ разрывъ, какъ въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка, или что война съ Японіей неизбежна въ будущемъ; мы хотимъ лишь подчеркнуть, что существующій конфликтъ въ этой области является замѣтнымъ стимуломъ къ возрожденію идеала федерализма въ противность прежней централизаціи.

За послѣдніе мѣсяцы Соед. Штаты вопли въ полосу социальнаго недовольства, проявляющагося, при этомъ, самымъ разнообразнымъ образомъ. Наиболее существеннымъ факторомъ, какъ и всегда, является экономическій кризисъ и дороговизна жизни нашего времени. Промышленность никакъ еще не можетъ приспособиться къ новымъ условіямъ работы, создаваемымъ, съ одной стороны, возвращеніемъ отъ военнаго времени къ мирному, съ другой-же, необходимостью большей интенсификаціи производства; Америка выходитъ изъ періода первобытнаго, когда главенствовали принципы *laissez faire*, полной индивидуальной свободы и безграничной конкуренціи. Къ этому присоединяются и финансовыя затрудненія, недостатокъ свободныхъ денегъ, большая инфляція бумажныхъ денежныхъ знаменъ, высокій процентъ кредита, неосторожная политика банковъ за послѣдніе годы, и т. д. Въ результатъ — все разрастающееся рабочее движеніе, па почти недовольства низшихъ слоевъ населенія. Рабочіе жалуются на дороговизну жизни, а предприниматели на создаваемый этимъ заколдованный кругъ: дороговизна вызываетъ прибавки жалованья, а послѣднія въ свою очередь дороговизну; выходъ изъ этого еще не намѣчается. Буржуазія несомнѣнно всѣмъ этимъ очень напугана; она какъ огня боится большевизма; при этомъ надо сказать, что самое понятіе того, что такое большевизмъ, у американцевъ весьма примитивно и туманно; чаще всего подъ этимъ словомъ подразумѣвается всякое (даже

маѣйшее) проявленіе недовольства, и забастовки, и пропаганда социализма, и пацифизмъ, все что угодно, однимъ словомъ. Указанное настроеніе буржуазіи и въ особенности мелкаго капитала вызываетъ одно непріятное и опасное слѣдствіе: реакціонность политическаго уклона. Соед. Штаты въ настоящее время переживаютъ настоящую вакханалію реакціи; такъ, подъ знакомъ реакціи прошли выборы президентскихъ кандидатовъ въ обѣихъ партіяхъ, реакція главенствуетъ въ обѣихъ федеральныхъ законодательныхъ палатахъ и въ палатахъ большинства штатовъ; реакціонно настроено большинство печати, какъ повседневной, такъ и журнальной; реакція же главенствуетъ и въ политическихъ партіяхъ и кругахъ; республиканцы просто и откровенно реакціонны, кандидатъ ихъ Хардингъ этого болѣе не скрываетъ (сознавая, что прогрессисты ему все равно не отдадутъ своихъ голосовъ); демократы болѣе осторожны и двусмысленны въ своихъ заявленіяхъ, но существо ихъ настроеній также реакціонно. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это доходило за послѣдніе мѣсяцы до невѣроятныхъ эксцессовъ; маѣйшее проявленіе радикализма, уже не говоря о социализмѣ, взеймится какъ національная измѣна, подтачиваніе «основъ» (совѣмъ какъ у насъ въ бывшее время), разрушеніе конституціонныхъ базъ. «анти-африканизмъ» и т. п. А съ другой стороны, какъ то всегда бываетъ, радикальный лагерь рветъ и мечетъ и самъ впадаетъ въ крайности; этимъ, напримѣръ, объясняются чрезвычайныя симпатіи этого лагера къ русскимъ большевикамъ; американскимъ радикаламъ вообще мало дѣла до Россіи и русскихъ интересовъ, но въ своемъ азартѣ и чисто партійныхъ видахъ они трубятъ о большевистскихъ заслугахъ и восхваляютъ большевистскій рай. Политическое вліяніе и удѣльный вѣсъ радикаловъ, однако, въ данную минуту очень не велики, несмотря на то, что вотъ уже нѣсколько десятилѣтій въ Америкѣ сознается потребность въ созданіи новой партіи, *прогрессистовъ*, которая могла бы объединить всѣхъ нежелающихъ идти въ рядахъ профессиональныхъ политиковъ, такъ называемыхъ республиканской и демократической «машинъ».

За время войны, какъ и въ другихъ государствахъ, американское центральное правительство принуждено было взять въ свои руки эксплоатацію цѣлыхъ отраслей промышленности, равно какъ и путей сообщенія. Надо признать, что опытъ этотъ правительству Штатовъ не удался. Въ особенности ярко это проявилось въ области жел.-дор. хозяйствъ; нѣкоторыя улучшенія были, конечно, достигнуты путемъ объединенія разношерстной системы въ отдѣльныхъ штатахъ, равно уменьшеніемъ конкуренціи между отдѣльными дорогами, но, въ общемъ, ре-

зублматы получились печальные: жел.-дор. хозяйство пришло въ полное разстройство, задолженность страшно увеличилась, а доходность замѣтно пала, появились большіе дефициты, покрывавшіеся изъ гарантий федеральнаго правительства и затѣмъ павшіе тяжелымъ бременемъ на федеральный бюджетъ. Съ другой стороны, правительственное хозяйство вывало огромный ростъ чиновничества — бюрократіи, куда менѣе компетентной, чѣмъ бывший персоналъ частныхъ компаній и предприятий; послѣднее замѣчаніе касается не только желѣзнодорожнаго управленія, но и другихъ предприятий (напр. кораблестроенія), въ которыхъ также правительственные чиновники оказались много хуже частно-предпринимательскихъ служащихъ. Да и не только неопытность можетъ имъ ставиться въ вину, большую роль сыграли разныя политическія вліянія, невѣсомыя обстоятельства, и, хуже всего, денежные соображенія, до педкуна включительно.

Такимъ образомъ, вполне естественно видѣть нигдѣ реакцію противъ этой централизаціи, указанія на некомпетентность центральной власти, вредъ или безполезность ея работы; частные предприниматели, конечно, сильно преувеличиваютъ недостатки федеральной администраціи, и многому, что они говорятъ и пишутъ, вѣрить нельзя, но къ несчастью большая доза правды въ этихъ обвиненіяхъ вашингтонскихъ чиновниковъ все-же имѣется; реальные результаты ихъ хозяйничанья явно отрицательны. Трудно сказать, какое это будетъ имѣть вліяніе вообще на теорію націонализаціи нѣкоторыхъ отраслей производства и путей сообщения, но въ Соед. Штатахъ одинъ результатъ этого уже теперь вѣтъ сомнѣнія: въ ближайшемъ будущемъ вопросъ о націонализаціи практическаго услѣха здѣсь имѣть не можетъ (въ противоположность, повидимому, Англии). Мы, имѣемъ, слѣдовательно, въ этомъ случаѣ второй, еще болѣе сильный, чѣмъ описанный выше, факторъ умаленія значенія принципа централизаціи. Общественное мнѣніе относится къ нему въ настоящую минуту явно враждебно, и готово всѣми силами и способами препятствовать дальнѣйшему развитію центростремительныхъ силъ; то, что во времена Рузвельта, напр., воспринималось какъ естественное стремленіе федеральнаго правительства подчинить своему контролю, либо вліянію, теперь съ ожесточеніемъ отвергается, какъ противное американскимъ идеаламъ. За многое въ этой области попадаетъ бѣдному Вильсону, хотя и безъ его личной вины; среди царящаго общаго озлобленія на Вашингтонъ публика не замѣчаетъ, что обвиняетъ президента и его правительство въ томъ, что развивалось уже цѣлыми поколѣніями до него, во времена его предшественниковъ.

Совершенно то же самое слѣдуетъ сказать и о цензурѣ Вашингтона. Установленіе военной цензуры было принято общественнымъ мнѣніемъ, какъ неизбежное зло военного времени. Личная борьба Вильсона за спасеніе своего престола и результаты своей работы въ Парижѣ заставили его, къ несчастью, сохранить нѣкоторыя свои полномочія военного времени долго спустя послѣ заключенія мира; между прочимъ, такъ случилось и съ цензурой европейскихъ извѣстій печати; въ настоящее время это вызываетъ вполне справедливое возмущеніе публики и въ значительной мѣрѣ способствуетъ усиленію враждебныхъ чувствъ народа къ Вильсону; а вмѣстѣ съ тѣмъ страдаетъ и самъ принципъ централизаціи, такъ какъ враги таковой приводятъ примѣры цензурнаго гнета, какъ одно изъ слѣдствій слишкомъ большого усилія центральной власти вообще и, въ частности, полномочій президента республики. Недаромъ, напр., Хардингъ въ своихъ избирательныхъ рѣчахъ и программахъ все время подчеркиваетъ, что онъ противъ существующихъ «неограниченныхъ» полномочій президента, установившихъ какое-то американское самодержавіе.

Если теперь подвести итоги всему сказанному, то съ легкостью можно замѣтить, что за послѣдніе два года принципъ централизаціи претерпѣваетъ существенный кризисъ; онъ какъ будто достигъ своего апогея во время минувшей войны, дошелъ до высшей точки своего развитія и значенія и затѣмъ начинаетъ съ разныхъ сторонъ ослабляться. Совершенно очевидно, что ему не суждено было окончательно и всеобъемлюще побѣдить, другими словами, что тенденція такой централизаціи до крайности — была нежизненна и что федеральный принципъ имѣлъ за собой гораздо больше силы, чѣмъ то подозрѣвалось двадцать лѣтъ тому назадъ. Дѣйствительно, если бы централизація и уплотненіе американскаго государства вплоть до исчезновенія уніи было возможно и достижимо, то какъ не восторжествовать этому началу именно теперь, послѣ того какъ у президента, сильнаго, самонадѣяннаго, высокоумнаго, въ рукахъ были абсолютно всѣ карты для безпроигрышной игры?! Все шло въ этомъ направленіи, въ особенности, со времени Рузвельта, а военное время еще прибавило новыя, безграничныя возможности; и если при всемъ этомъ, въ этой благоприятной обстановкѣ, центристательнымъ силамъ все-же не удалось разъ навсегда восторжествовать, то лишь потому, что начало федерализма не только еще живо, но и могущественно.

Мы не хотимъ этимъ сказать, что предвидимъ возможное возвра-

щеніе ко временамъ Джефферсона; нѣтъ; но съ другой стороны, близоруко долѣе надѣяться на полное объединеніе Американскихъ Штатовъ. Въ ближайшіе годы, вѣроятно, найдена будетъ нѣкоторая равнодѣйствующая, которая обезпечитъ новую силу федерализму, наравнѣ съ современной потребностью внѣшняго могущества, которое дается государству центральной властью.

Проф. С. А. Корфъ.

На Родинѣ

Традиція русской журналистики. — Собираніе разсыянаго свѣта. — «Рефлекторы» и «аккумуляторы». — I. Что дѣлается въ Россіи? — Источники познанія. — Правительственныя сообщенія. — Иностранная экспертиза. — Двѣ категоріи экспертовъ. — Нелегальная литература. — II. Мизерность мировой войны по сравненію съ гражданской въ Россіи. — Математическое доказательство конца большевиковъ. — Смертная казнь отиѣнена. — «Да здравствуетъ смертная казнь!» — Творимая легенда. — Хаосъ и случай. — Подъ условнымъ разстрѣломъ. — Достаточно-ли одной правды?

Русскіе литературно-общественные журналы имѣютъ свою традицію — «внутреннее обозрѣніе». Обозрѣніе внутренней жизни Россіи фиксировало вниманіе общества на злободневныхъ проблемахъ. Оно формировало общественное мнѣніе; оттачивало очередные социальныя и политическія лозунги; опредѣляло направленіе журнала. На «внутреннемъ обозрѣніи» политически воспитывались цѣлыя поколѣнія русскихъ гражданъ.

Тѣ условія, въ которыхъ появляется въ свѣтъ нашъ журналъ, необычайно осложняютъ составленіе «внутренняго обозрѣнія». И не столько въ условіяхъ мѣста — главное осложненіе. Не въ томъ, что тысячи верстъ отдѣляютъ автора отъ той жизни, которую онъ собирается «обозрѣвать». Кто не знаетъ, что выходившіе и за предѣлами Россіи журналы иногда полнѣе и ярче отображали подлинную жизнь Россіи, звучнѣе отдавались въ русскихъ сердцахъ по ту и по сю сторону Вержболова, — нежели тѣ, которымъ для обхода цензуры приходилось жизнь растворять въ литературѣ и полученный такимъ путемъ *mixtum-compositum* предлагать читателю на условномъ, эзоповскомъ языкѣ.

Наше положеніе не тѣмъ необычно, что мы выпускаемъ нашъ журналъ за рубежемъ. И не тѣмъ даже, что лишь случайно, эпизодически и разрозненно просачиваются къ намъ вѣсти «съ того свѣта», изъ Рос-

сн. Положеніе обозрѣвателя внутренней жизни Россіи особенно трудно и необычно тѣмъ, что въ самой Россіи нѣтъ того, что характерно для органической жизни. Нѣтъ разнообразія. Нѣтъ свѣжихъ красокъ. Нѣтъ жизненной пестроты. Ни разныхъ оцѣнокъ, ни разныхъ отображеній. Всюду, насколько хватается глазъ, единый, мертвенно-тусклый тонъ и общій казарменный ранжиръ. Когда-то можно было не только самому слышать шумы жизни, не только внутреннимъ взоромъ проникать въ скрытый ходъ вещей. Можно было владывать своимъ и чужіе персты въ дѣйствительность. Можно было не только субъективно оцѣнивать, призывать или обличать, можно было аргументировать независимымъ сужденіемъ или зарегистрированными объективно фактами.

Гдѣ эти возможности сейчасъ? Гдѣ тѣ живые люди, которые еще рисковали бы въ Россіи регистрировать жизнь по-своему, такъ, какъ они ее видятъ, слышатъ, оцѣниваютъ? Если бы даже нашлись такіе одиночки, рискующіе не своимъ уютомъ или свободой, какъ въ бывшія времена, а своею жизнью — tout court — и не только своею, но и своихъ близкихъ, — какъ могли бы они это сдѣлать? Печати нѣтъ не только потому, что власть политически не терпитъ никакихъ другихъ органовъ, кромѣ своихъ. Печати нѣтъ и по экономическимъ причинамъ: потому что нѣтъ бумаги, нѣтъ краски, нѣтъ машинъ, нѣтъ транспорта и телеграфа, нѣтъ продуктивнаго труда, *тѣмъ* *живой* *Россіи*. Вымираютъ цѣлыя вѣрсты. Отмираютъ не только цѣлыя разряды людей, но и вещи, учрежденія, наука, культура. Замираетъ всякое движеніе — литературное и идейное — свойственное жизни. Увы, не столько жизнь приходится обозрѣвать теперь въ Россіи, сколько смерть, процессы быстрого и медленнаго умиранія...

Въ такихъ совершенно исключительныхъ условіяхъ естественна и соблазнительна мысль вообще отказаться отъ обозрѣнія внутренней жизни современной Россіи. И если мы не становимся на этотъ путь, тѣ, конечно, не потому, что-бы мы не видѣли этихъ почти непреодолимыхъ, но очевидныхъ трудностей, которыя она представляетъ. Мы не отказываемся отъ попытки дать читателямъ «Современныхъ Записокъ» то производное отъ внутренней жизни Россіи, что можетъ носить названіе «внутренняго обозрѣнія», прежде всего потому, что дорожимъ восстановленіемъ порванныхъ связей съ традиціями російской журналистики, дорожимъ тѣми цѣлями, которыя она преслѣдовала. Безъ «внутренняго обозрѣнія» журналъ перестаетъ быть журналомъ — становится альманахомъ или сборникомъ статей. Между тѣмъ потребность именно въ журналѣ является сейчасъ особенно настоятельной.

Тѣ немногія культурныя силы, которыя случайно уцѣлѣли отъ гибели въ Россіи и разсыяны по всѣмъ концамъ міра, по разнымъ материкамъ и островамъ, утратили равновѣсіе не только физически, но и морально. Не только прежніе російскіе кумиры померкли. Смугтелись умы и души. Берутся подъ сомнѣніе стихійнѣйшія желанія человѣка — жить и творить; утрачиваются элементарнѣйшія чувства — готовность дать жить другимъ. Именно въ такую минуту представляется неотложно необходимымъ созданіе хотя бы и зарубежныхъ очаговъ разсыянной русской культуры; собраніе воедино блуждающихъ въ международномъ сумракѣ російскихъ «огоньковъ» и, при помощи, можетъ быть, и недостаточно яркихъ и сильныхъ рефлекторовъ и аккумуляторовъ, соединить и укрѣпить политическую энергію русской гражданственности для служенія грядущей свободной Россіи.

А что Россія будетъ и будетъ свободной — это не только утѣшеніе людей, лишенныхъ родины и свободы сегодня и поневодѣ взыскующихъ града новаго въ будущемъ. Это не только убѣжденіе въ томъ, что 150 миллионная нація не можетъ быть обращена въ небытіе или въ рабство. Наша непоколебимая вѣра въ Россію разсудочно утверждаетъ на томъ, что Россія перестала уже быть на попеченіи одного какого-либо класса или партіи російской гражданственности. Россія приговорила къ себѣ взоры всего человѣчества, проникнуть въ самыя поры внѣшней и внутренней жизни народовъ всего міра. И если даже сегодня, когда Россія ходитъ по мукамъ, — она своею нежностью опредѣляетъ судьбы цивилизаціи, можно ли сомнѣваться въ томъ, что Россія сойдетъ съ креста и войдетъ, свободная, въ творчество жизни и культуры?

I.

Тютчевъ былъ явно односторонень и тенденціозенъ, когда утверждалъ, что въ Россію можно *только* вѣрить. Но онъ нисколько не преувеличивалъ, когда заявлялъ, что ее «аршинномъ общимъ не измѣришь». Нынѣшняя Россія оказывается неизмѣримою ни «общимъ аршинномъ», ни какой-либо иной общей или индивидуальной мѣрой. Въ точнаго познанія, статистическаго учета и систематическаго наблюденія Россія оказывается сейчасъ *отъ измѣреній*.

Даже тѣ, кто находятся въ Россіи, отказываются отвѣтить на вопросъ, — что дѣлается въ Россіи? Порвана живая ткань единого государственнаго организма. Общій запретъ покидать мѣста своей при-

писки, специальные пропуски и разрешения для въезда, прекращение частного пассажирского движения, сокращение транспорта, затруднения въ продовольствованіи въ пути, въ прінсканіи крова на новомъ мѣстѣ, и т. д. создали то, что Россія разбилась на рядъ отдѣльныхъ территорій, живущихъ своей самостоятельной жизнью и лишенныхъ постоянной связи съ населеніемъ иногда смежныхъ губерній.

Если не ограничиваться святой вѣрой въ Россію, а пытаться хоть какъ-нибудь понять ее и ужомъ, — не приходится пренебрегать ни однимъ изъ существующихъ источниковъ познанія того, что происходитъ сейчасъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Россіи. А такихъ источниковъ всего-то три. Это, во-первыхъ, правительственныя сообщенія, публикуемыя во всяческихъ «Извѣстіяхъ» и «Правдахъ»: Это, во-вторыхъ, показанія и заключенія, даваемыя о Россіи болѣе или менѣе знатными иностранцами, допущенными туда совѣтской властью. Наконецъ, въ-третьихъ, это — изустные рассказы удачливыхъ бѣженцевъ изъ Россіи или полуконспиративныя письма, изрѣдка прорывающіяся сквозь всѣ преграды. Сюда должны быть отнесены и тѣ немногочисленные листки, открытыя письма и прокламаціи, которыя съ рискомъ для жизни, своей и своихъ близкихъ, все-же выпускають удѣльшіе въ Россіи смѣльчаки.

Послѣдніе два источника скудны. Первый же, болѣе чѣмъ обильный, мѣстами положительно затопляющій Россію, до насъ доходить тоже лишь случайно и спорадически. Негодный къ употребленію въ своемъ натуральномъ видѣ, этотъ источникъ пріобрѣтаетъ нѣкоторыя полезныя свойства послѣ опредѣленной обработки. Кривое зеркало не даетъ правиваго отображенія. Однако, и по кривому зеркалу можно получить представленіе объ отображаемомъ предметѣ. Такъ и изъ совѣтскихъ официальныхъ сообщеній, внося въ нихъ поправку на нормальное «отклоненіе», толкуя, какъ въ эпоху самодержавія, умолчанія, беря факты и откидывая выводы, умозаключая иногда отъ обратнаго, — можно извлечь немало жемчужныхъ зеренъ и изъ большевистской литературы.

Къ примѣру. Изъ московской «Правды», т. е. изъ совѣтскаго оффиціоза, отъ 3 сентября с. г. мы узнаемъ:

...«матерная брань составляетъ теперь около 75 % всѣхъ произносимыхъ коммунарами словъ, и даже дѣти, только начинающія говорить, первымъ дѣломъ узнають ругательныя слова».

Или та же «Правда» сообщает о чудесах пролетарской культуры, об изобрѣтеніяхъ совѣтскихъ гениевъ, придумавшихъ — одинъ:

...«пеньковый водоемный рукавъ, вполне замѣняющій резиновые рукава»,

а другой — рабочий Долгихъ:

...«изготовление цвѣтныхъ карандашей простымъ холоднымъ способомъ, при чемъ карандаши эти ничѣмъ не отличаются отъ фабричныхъ. И, наконецъ, рабочий Соллогай изобрѣлъ машинку для литья пломбъ, за которую техническая коммиссія Пермской жел. дороги выдала [премію въ 100 тысячъ рублей и одежду не въ зачетъ.»

Когда сопоставляешь эти факты съ показаніями бытописателя совѣтской жизни, М. Горькаго, свидѣтельствующаго въ петроградской «Красной Газетѣ» № 153 отъ 13 іюля:

...«Трудъ сталъ постыдно небреженъ и какъ-то злостно безтолковъ... Никогда еще мы не работали такъ скверно и такъ нечестно, какъ работаемъ сейчасъ... Мелочей тысячи, десятки тысячъ, и онѣ создаютъ атмосферу безобразной расхлябанности, лжи, преступной небрежности въ отношеніи къ имуществу республики... Разумѣется, все это очень мелко, особенно мелко для насъ, желающихъ научить весь міръ новому порядку и укладу жизни, но можно-ли научиться сознательному труду отъ учителей, которые сами не умѣютъ или не хотятъ работать, и у которыхъ скоро послѣдніе штаны съ ногъ спадутъ. Не думаю, что европейскій рабочий станетъ смотрѣть съ уваженіемъ на голыя задницы своихъ русскихъ товарищей»

— этимъ сообщеніямъ вѣришь. Вѣришь не только потому, что они слишкомъ ярки, чтобы быть выдуманными, или — что они совпадаютъ съ данными нашего личнаго опыта и апіорными предположеніями относительно возможныхъ достиженій совѣтскаго строя. Этимъ фактамъ вѣришь потому, что они внутренне убѣдительны, вполне гармонируютъ другъ съ другомъ и подкрѣпляютъ одинъ другой. Языкъ совѣтскаго псаломщика не выходитъ за предѣлы лексигона, употребляемаго 75 проц. коммунистовъ. Гений совѣтской культуры не идетъ дальше сметки и выдумки кустаря, возвращающей Россію къ примитивному, доиндустриальному производству. Натуральная пенька и «холодные способы» взамѣнъ резины, топлива и машины — эти официально удостовѣренные факты выразительнѣе многихъ трактатовъ говорятъ о чудесахъ совѣтской республики и ея явныхъ преимуществахъ передъ всѣми «паршивенькими» буржуазными демократіями.

Большевикесткія перья вольны изъ нужды дѣлать добродѣтель: крайнее матеріальное обнищаніе и вырожденіе выдавать за перлы проле-

тарскаго торчества. Но если и откинуть правительствующее задание, — факты, сообщаемые правительственной печатью, сохраняют свое значение. Они имѣютъ сугубое значение для тѣхъ, кто свой законный скепсисъ къ показаніямъ заинтересованныхъ сторонъ почему-то склонны проявлять односторонне: не въ отношеніи къ предержавшей большевистской власти и ея «официальнымъ» сообщеніямъ, а въ отношеніи къ жертвамъ этой власти, взывающимъ о ея преступленіяхъ.

Современное правосознаніе настолько твердо установило, что на обвинителя лежитъ бремя доказательствъ, что даже въ атмосферѣ позаного отрицанія права и всѣхъ основъ судебного процесса, — то же требованіе доказать свои обвиненія возлагается и на противниковъ большевистскаго режима, предусмотрительно лишившаго свои жертвы не только возможности доказать свои утвержденія, но, зачастую, — даже самаго существованія. Въ такихъ условіяхъ не приходится проходить мимо того матеріала, который временами приносятъ мутныя воды большевистской литературы. Матеріалъ этотъ рѣдко добросовѣстененъ. Но онъ незамѣнимъ. Одни только ему и вѣрять, только его и цѣнить. Но и для болѣе циничныхъ и брезгливыхъ показанія большевиковъ о самихъ себѣ представляютъ несомнѣнную цѣнность, ибо обманывать можно и себя и другихъ, — клеветать же можно только на другихъ. Кто станетъ клеветать на себя?

Другой источникъ — свидѣтельства иностранцевъ — требуетъ тоже осторожнаго съ собой обращенія.

Иностранная экспертиза по русскимъ дѣламъ свое главное значеніе сохраняетъ для формированія общественнаго мнѣнія въ странахъ, экспортирующихъ экспертовъ: своимъ всегда вѣрять больше и скорѣе всѣ люди, классы и націи.

Экспертовъ приходится подраздѣлять на двѣ категоріи: на психологически пріязниыхъ «совѣтскую платформу» и ее отвергшихъ. У первыхъ свѣдѣнія можно черпать лишь съ тѣми же оговорками и поправками, что и у российскихъ апологетовъ большевизма. Пожалуй даже съ большими. Ибо тамъ, гдѣ отечественный большевикъ оторожененъ до цинизма, тамъ его западно-европейскій выученикъ застычивъ и робокъ, и не всегда твердо повторять положенныя ему задѣ.

Совѣтъ недавно одинъ изъ такихъ большевистскихъ недорослей — Кашень — пытался убѣдить общественное мнѣніе Франціи въ необычайномъ расцвѣтѣ пролетарской культуры въ Россіи:

... «Самый широкій просторъ открытъ инициативѣ и изобрѣтеніямъ, которыя рождаетъ пролетарскій гений по мѣрѣ того, какъ освобожденіе отъ капитализма и просвѣщеніе даютъ ему больше досуга», — писалъ Марсель Кашень по приѣздѣ изъ Россіи. (*L'Humanité* — 8.VIII).

Достаточно вспомнить зарегистрированные самими большевиками «пенковые водосъемные рукава» или «холодный способъ» изготовленія карандашей, — чтобы по достоинству оцѣнить восторгъ Кашена и достовѣрность его показаній.

Большинство изъ того, что сообщаютъ эксперты кашеновской категоріи, — негодно къ употребленію. Но нѣкоторыя, преимущественно бытовыя частности, о которыхъ рассказываютъ неискушенные простецы, должны быть удержаны, какъ матеріалъ, исходящій отъ лицъ, желающихъ оправдать совѣтскій режимъ и, вопреки своему заданію, его отличающихъ.

Когда восхищенные иностранцы отзываются о нотахъ совѣтскаго комиссаріата иностранныхъ дѣлъ, какъ о «шедеврѣ мысли, здраваго разсудка, умѣлости и честной открытой дипломатіи» (Кашень въ *L'Humanité* 12-IX); или заявляютъ, что «ни одно законодательство въ мірѣ не можетъ идти въ сравненіе съ законодательствомъ о социальномъ обезпеченіи въ Россіи» (Фроссаръ, тамъ-же, 31-VIII), — мы можемъ совершенно спокойно пройти мимо этого необоснованнаго энтузіазма. Всякій знаетъ эти ноты и можетъ самостоятельно оцѣнить эти «шедевры». Мы тогда ведемъ лишь объ «une femme brune, aux formes sculpturales, au visage d'une rare finesse» и «de la vodka de derrière les fagots», о которыхъ такъ живописно и непосредственно повѣствуетъ Фроссаръ, рассказывая о приѣздѣ, который его ждалъ въ Москвѣ и подъ Москвой, — и задаемъ себѣ вопросъ: не застила-ли глаза завѣскимъ иностранцамъ «брюнетка съ рѣдко тонкими чертами лица»? Не ударила-ли имъ, съ непривычки въ голову русская «отмѣннаго качества водка»?

Но когда тотъ же Фроссаръ передаетъ содержаніе бесѣды, которую онъ имѣлъ съ председателемъ Высшаго Экономическаго Совѣта, мы можемъ извлечь изъ этой передачи цѣнныя данныя.

«Показывая намъ два громадныхъ тома — кодексъ труда, Рыковъ обратилъ наше вниманіе на то, что большая часть внесенныхъ въ кодексъ зако-

новъ и декретовъ имѣть только историческій интересъ. Они отмѣнены или замѣнены другими. Совѣтскій режимъ не останавливается ни передъ какой рутинной. Онъ удивительно умѣетъ приспособляться къ новому положенію».

Это «удивительное умѣніе приспособляться ко всякому новому положенію» и признаніе «только историческаго интереса» за большей частью «рабоче-крестьянскихъ» законовъ и декретовъ должно быть удержано не только потому, что эта характеристика совѣтскаго строя исходитъ отъ одного изъ совѣтскихъ авторитетовъ, но и потому, что она обобщаетъ тѣ эмпирическіе и разрозненные факты, которые давно доходили до насъ: объ удлинненіи рабочаго дня; о преміальной системѣ; объ упраздненіи всякаго, не только рабочаго, контроля; объ единоличномъ началѣ въ управленіи; и т. д.

Вторую категорію иностранныхъ экспертовъ составляютъ тѣ, которые были и оказались «иммунны» по отношенію къ большевизму. Изъ этого источника можно почерпнуть не только то, что совѣтская власть сочла нужнымъ показать своимъ гостямъ. Тамъ можно встрѣтить и то, что путешественники сами увидали: не то потому, что зрѣлище слишкомъ рѣзко бросалось въ глаза; не то потому, что они сами изловчились подсмотреть.

Англичанка Сноуденъ свидѣтельствуетъ о неусыпномъ наблюденіи, которому подвергали совѣтскихъ гостей агенты власти

...«для защиты делегатовъ отъ контръ-революціонеровъ и польскихъ шпіоновъ, у которыхъ могутъ оказаться бомбы въ карманахъ».

Она поражается той умѣлости, съ которой совѣтскія власти

...«ставили делегацію въ особо хорошія матеріальныя условія для того, чтобы исвлечь изъ нашего пребыванія въ Россіи наибольшую пользу для цѣлей пропаганды.»

И тѣмъ не менѣе кое-что она все-таки подмѣтила самостоятельно.

«Я видѣла профессоровъ университета, явившихся ко мнѣ съ визитомъ, въ лохмотьяхъ подобно англійскимъ бродягамъ. Мнѣ часто приходилось видѣть бѣдныхъ женщинъ въ ситцевыхъ платкахъ, и ясно было, что платья покрываютъ голое тѣло... Съ завистью смотрѣли онѣ на наши башмаки и испытывали большое удовольствіе отъ прикосновенія къ кожѣ на обуви».

Этотъ источникъ, конечно, цѣненъ. Для насъ его значеніе умаляется тѣмъ особымъ подходомъ къ русской проблемѣ, который за по-

слѣднее время стали общепринятымъ среди всей антибольшевистской оппозиціи въ Европѣ. И антибольшевики-соціалисты здѣсь, увы, не составляютъ исключенія.

Русскій большевизмъ, его цѣли и методы — при этомъ подходѣ — осуждаются не сами по себѣ и не безусловно, а ограниченно, преимущественно лишь къ Западной Европѣ. Для себя англійскіе, французскіе, нѣмецкіе, итальянскіе и иные рабочіе отвергаютъ большевизмъ. Но русскимъ рабочимъ предоставляется въ полной мѣрѣ пользоваться его благами. Реакція противъ во всѣхъ отношеніяхъ неудачныхъ интервенцій, которыя предпринимали меньше всего думавшія о Россіи правительства, — психологически вполне законна. Но эта реакція доходитъ до того, что и западно-европейскій рабочий классъ отказывается вмѣшиваться въ русскія дѣла. Даже словомъ. Отказывается осудить большевизмъ для Россіи, рекомендуя придерживаться по отношенію къ ней фритредерскаго принципа — невмѣшательства — *laisser faire, laisser passer*. Этотъ отказъ отъ вмѣшательства въ «чужія» дѣла — въ дѣла связаннаго международною солидарностью класса трудящихся Россіи — доводитъ иногда ревнителей такого метода до извращенія дѣйствительности. «Русскій народъ предпочитаетъ совѣтскую систему. Это его дѣло», — рискнулъ «отъ имени всего рабочего класса Великобританіи» заявить на послѣднемъ конгрессѣ тредъ-юніоновъ одинъ изъ признанныхъ вождей англійскихъ рабочихъ — Томасъ.

Вотъ это-то различіе между Европой, для которой большевизмъ погоденъ, и Россіей, для которой онъ пригоденъ, подобно многимъ другимъ товарамъ, изготовляемымъ на капиталистическомъ рынкѣ со специальной помѣткой «*Bon pour l'Orient*» — годится для Востока, этотъ своеобразный подходъ иностранцевъ къ русскійскимъ нуждамъ и горю исключительно съ точки зрѣнія своей, замкнутой національными предѣлами, внешней и внутренней политики, не можетъ не ранить больно достоинства русскійскихъ гражданъ. Онъ заставляетъ ихъ относиться сдержанно къ дарамъ даже единомышленныхъ данайцевъ.

Есть, наконецъ, и третій источникъ познанія Россіи, самый дѣльный, но и самый рѣдкій. Это — документы и отзывы пребывающихъ въ Россіи политическихъ дѣятелей. Изрѣдка такіе документы все-таки пробиваются на вольный просторъ, несмотря на все чрезвычайныя заставы и преграды. Этотъ источникъ сугубо дѣиель: не только по со-

держанію непосредственно въ немъ почерпаемаго; онъ цѣненъ и тѣмъ, что даетъ возможность использовать другіе источники, освѣщая совѣтскій хаосъ и внося поправки въ показанія другихъ, искажающихъ правду по умыслу или незнанію.

Такъ, письмо, дошедшее недавно къ П. Б. Аксельроду изъ Москвы, отъ одного изъ ближайшихъ его друзей и товарищей по социаль-демократической партіи, удостовѣряетъ слѣдующій, неслыханный въ лѣтописьяхъ открытаго социалистическаго движенія скандалъ.

«Фрессаръ и Кашанъ, — пишетъ корреспондентъ П. Б. Аксельрода, — привели московскимъ социалистамъ-революционерамъ письмо отъ Сухомлина, адресованное Мартову съ просьбой передать кому-либо изъ с.-р. Эти милые французы не нашли ничего лучшаго, какъ передать письмо въ Комиссаріатъ иностранныхъ дѣлъ. Тамъ письмо вскрыли и сняли копию. Лишь послѣ этого и то случайно дошло оно до Мартова. Письмо совершенно невиннаго содержанія. Простая информация. Несчастія большого не произошло. Но что вы скажете объ этихъ сотруднякахъ Чернаго Совѣтскаго Кабинета?»

Въ томъ же письмѣ сообщается:

«Вступительная рѣчь Бенъ Тернера въ Петербургѣ была безжалостно извращена Балабановой. То же самое произошло съ рѣчью Сноуденъ въ Москвѣ. Балабанова по-просту опустила цѣлую половину, показавшуюся ей ниспроверженіемъ существующаго строя.

Великій претидижитаторъ Гришка Зиновьевъ принялъ свои мѣры, чтобы показать англичанамъ нации «достатки». На банкетѣ въ Петербургѣ столы ломились подъ тяжестью яствъ: были горы хлѣба, масла, телятины, и т. д. Рабочіе и работницы набросились на эти деликатессы, которыхъ они давно не видали. Англичанъ поразила жадность, съ которой рабочіе все пожирали. Демонстрація нашего «благополучія» въ производственномъ отношеніи провалилась».

Такія сообщенія имѣютъ, конечно, болѣе общій смыслъ, нежели факты, въ нихъ заключенные. Въ частности, каждый можетъ задать себѣ вопросъ: если Балабанова опускала то, что ей не нравилось въ рѣчахъ иностранцевъ, то въ какомъ видѣ доходили до иностранцевъ рѣчи, съ которыми къ нимъ обращались русскіе граждане не изъ числа агентовъ власти? Что «доносили» до слуха иностранцевъ совѣтскіе переводчики, среди которыхъ Балабанова по справедливости считается одной изъ наименѣе безчестныхъ?

Были ли вообще у иностранцевъ встрѣчи съ русскими гражданами и политическими дѣятелями некоммунистическаго толка? Въ этомъ можно сомнѣваться, судя по документу, дошедшему до насъ отъ Цѣнт-

руководителем Комитета Российской Социально-Демократической Рабочей Партии и возглавленному «Письмо къ партійнымъ организациямъ». Этотъ документъ имѣетъ такой же видъ, какой имѣла обыкновенно нелегальная литература недобраго старого времени, когда, какъ и нынѣ, герцографъ замѣнялъ въ Россіи свободный станокъ. Мы читаемъ въ немъ:

«Приставленные къ прїѣзжимъ переводчики играли роль церберовъ, охраняющихъ ихъ отъ чужеземнаго вліянія подлинной русской действительности. Письма, обращенныя къ делегации, къ-то вскрывались и, когда нужно, уничтожались. Такъ, делегация не получила прївѣтственнаго письма петербургскаго комитета нашей партіи, которому поэтому не удалось вступить съ ней въ контактъ.

Въ Москвѣ агенты «Чрезвычайнаго» караулили помѣщеніе делегации и «правѣдали» приходящихъ. Власть старалась занять все время делегации торжествами, парадами и осмотрамъ совѣтскихъ учреждений.

Поѣздка по Волгѣ и на фронтъ, устроенная англичанамъ властями, была организована въ обычномъ порядкѣ экскурсій «высочайшихъ гостей», которымъ показывають заранее подготовленные спектакли.

При такихъ обстоятельствахъ, партіи трудно было въ ея нелегальномъ положеніи значительно расширить рамки дѣйствительнаго ознакомленія англійскихъ товарищей съ русскою жизнью и приходилось приспособиться къ создавшимся условіямъ».

Эти слова вырастаютъ въ своемъ значеніи, если принять во вниманіе, что «въ своихъ бесѣдахъ съ англійской делегацией и работахъ для нея» Центр. Ком. Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи ставилъ своею цѣлью прежде всего «укрѣпить борьбу англійскаго пролетариата противъ интервенціи и за признаніе совѣтской Россіи», «поднимая, — какъ говорится въ документѣ, — всю критику общей и экономической политики большевизма и его методовъ требованію усиленія борьбы международнаго пролетариата за снятіе блокады и миръ съ Россіей». Эти-то бесѣды, вѣроятно, и подсказали впечатлительной миссисъ Сноуденъ ея суровый отзывъ о російскихъ социаль-демократахъ, какъ о «молчаливыхъ свидѣтеляхъ растущаго отчаянія, страданій и нужды». Онѣ въ то же время подчеркиваютъ тѣплоту этой обстановки, въ которой выращались сужденія иностранныхъ делегатовъ о русскихъ дѣлахъ. Если ихъ устранили отъ общенія даже съ тѣми, кто въ смыслѣ ближайшихъ достиженій во внѣшней политикѣ практически добивался того же, къ чему вслѣдствіи стремилась и совѣтская власть, — то можно-ли было ждать частыхъ встрѣчь иностранцевъ съ тѣми, кто же поднималъ критику большевизма требованіямъ признанія совѣтской власти, съ немолчаливыми свидѣтелями растущаго отчаянія, страданій и нужды, словомъ, съ тѣми, кто испроверженіе большевистскаго строя воору-

женной рукой считать и считает не клятвой пылкого Аннибала, данной въ минуту увлеченія, а исторической неизбежностью, роковой и непреодолимой низажижъ перемѣщеніемъ политическихъ цѣлей, никакимъ подчиненіемъ главнаго привходящему и производному?

Или такихъ въ совѣтской Россіи уже больше не осталось?

Увы, у насъ нѣтъ достаточной увѣренности для положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, — въ особенности относительно россійскихъ центровъ, всегда шедшихъ впередъ и подававшихъ примѣры провинціи.

Вотъ другой документъ — открытыя письма Виктора Чернова къ Ленину и Каменеву по поводу ареста его семьи. — жены и трехъ дочерей, въ возрастѣ отъ 10 до 17 лѣтъ, — арестованной совѣтской властью послѣ митинга московскихъ печатниковъ. На этомъ митингѣ, въ присутствіи англійской делегаціи, выступилъ съ яркой рѣчью затримированный старикомъ В. М. Черновъ. Послѣ рѣчи ему удалось скрыться. Поздравляя Ленина «съ крупнымъ успѣхомъ на внутреннемъ фронтѣ», В. Черновъ пишетъ:

«Обстоятельства этого ареста показываютъ, что я могу поздравить совѣтъ народныхъ комиссаровъ также съ немалымъ прогрессомъ въ технику работы его розыскныхъ органовъ. Послѣ задержанія матери, къ дѣтямъ, находящимся въ поѣздѣ желѣзной дороги, подсылаютъ какого-то человѣка, ночью, сообщающаго имъ эту тревожную вѣсть, въ расчетѣ, что они бросятся, какъ къ единственному убѣжищу, къ отцу; по ихъ пятамъ пускаютъ сыщиковъ, устраиваютъ цѣлую облаву и арестуютъ, какъ мнимаго Чернова, человѣка, вся вина котораго въ томъ, что онъ осмѣлился принять съ вокзала и обогрѣть дѣтей, оказавшихся внезапно безъ пріюта, безъ отца и матери.

Это — уже второй случай провокаторскаго подсыла...

Вся грязь провокаторски-предательскихъ приѣмовъ, не брезгающихъ эксплуатировать чувства дѣтей къ отцу, все то, передъ чѣмъ останавливались порой даже болѣе чистоплотные изъ жандармовъ стараго режима — нынѣ воскрешено вами».

Письмо Каменеву — болѣе личнаго содержанія. Оно вызвано попыткой Каменева (или его жены) не то взять къ себѣ заключенную въ тюрьму десятилѣтнюю дѣвочку Чернова, не то перевести ее въ кремлевскій дѣтскій садъ. Протестъ противъ этой попытки заключается словами:

«Если-бы въ Россіи, находящейся подъ Вашимъ управленіемъ, могла итти рѣчь о правахъ, — я по праву отца требовалъ-бы передачи моей дочери представителямъ общества помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ (Кр. Кр.). Но такъ какъ въ современной Россіи кромѣ членовъ Вашей партіи всѣ свергнуты въ состояніе полнаго безправія, то въ Вашей власти, конечно, — изощряться въ изобрѣтеніи различныхъ формъ секвестра мало-

лѣтнихъ дѣтей Вашихъ политическихъ противниковъ-соціалистовъ, а въ нашей власти лишь одно: публично клеймить всю гнусность подобныа дѣяній, до которыхъ даже самодержавіе доходило въ видѣ исключенія въ наиболѣ темныя и позорныя времена своего существованія.»

Что въ «нихъ» власти — болѣе или менѣе общезвѣстно. «Изобрѣненія въ изобрѣненіи различныхъ формъ секвестра малолѣтнихъ дѣтей» — только новый штрихъ, деталь въ общей системѣ этой власти. Но чтобы «въ нашей власти» оставалось «лишь одно», единственное средство борьбы — «публично клеймить всю гнусность» дѣяній совѣтской власти, — слышать такое признаніе изъ устъ лидера партіи, справедливо гордившейся своимъ активизмомъ, — это, быть можетъ, самое безотрадное изъ тѣхъ безрадостныхъ вѣстей, которыя доходятъ изъ Россіи...

Случайные образцы послѣдняго вида источниковъ познанія Россіи — частныя письма — подтверждаютъ скорбную безнадежность перспективъ.

Бѣженецъ изъ Москвы отъ половины августа, молодой человѣкъ, соціалистъ, пишетъ:

«К. умеръ въ Бутыркахъ. Ф. въ декабрѣ прошлаго года погибъ на оренбургскомъ фронтѣ. М. разстрѣлянъ. Когда М. арестовали, родители не особенно испугались даже. Думали — недоразумѣніе. На другой день понесли пищу. Отвѣтили, что въ спискахъ арестованныхъ такого нѣтъ. Пищу не приняли. На третій день, когда родители снова понесли пищу, имъ отвѣтили, что М. разстрѣлянъ. Черезъ нѣсколько дней въ газетахъ опубликовали, что М. разстрѣляли за подкупъ. А у него и средствъ никакихъ не было.

Е. въ тюрьмѣ. Его братъ Л. тоже. С. скрывается. Жену его взяли заложницей. Къ Г. вселили двухъ чекистовъ. Двѣ недѣли тому назадъ арестовали Г. Потомъ перенесъ благополучно тифъ. Л. настроенъ хмуро. Иногда улыбается... Группа «Народъ» выпустила лѣтомъ пару листовъ. Въ самой Москвѣ полное спокойствіе. Видовъ на будущее никакихъ. Мертвая тишина. Въ провинціи временами вспыхиваетъ. Тотчасъ подавляютъ».

Мертвая тишина. Видовъ на будущее никакихъ. Изрѣдка улыбается... Исчезаетъ въ Россіи то, что, по увѣренію Бергсона, единственно и отличаетъ человѣка отъ животнаго, исчезаетъ *смѣхъ*.

Обезчеловѣченная, кладбищенская Россія!..

II.

Чтобы дѣйствовать, надо предвидѣть. Чтобы предвидѣть, надо знать. Но первѣе того и другого, — надо быть. Прежде всякихъ раз-

суждений о политических тенденціяхъ и перспективахъ стоитъ вопросъ о физическомъ бытіи русскаго народа: *Primum vivere deinde philosophari*. Въ вѣчной схваткѣ смерти съ жизнью кто побѣждаетъ на территоріи Россіи?

Мы имѣемъ на этотъ счетъ официальные данныя. Онѣ принадлежатъ Комиссаріату Общественнаго Здравія въ совѣтской Россіи. Какъ всякія данныя, исходящія отъ правительственныхъ учреждений, они грѣшатъ скорѣе казеннымъ оказательствомъ благополучія, нежели излишнимъ сгущеніемъ красокъ или цифръ.

По этимъ даннымъ смертность въ совѣтской Россіи съ 25,4 человекъ на тысячу въ 1917 году возросла въ 1919 г. до 74,9 на тысячу. На ряду съ этимъ рождаемость съ 39,4 на тысячу въ 1917 г. упала въ 1919 г. до 13 на тысячу. Въ 1917 г. рождаемость превышала смертность больше, чѣмъ на 50 проц. На третій годъ большевистской власти смертность въ шесть разъ превысила рождаемость.

Надо вдуматься въ эти цифры.

Онѣ становятся еще болѣе выразительными, если сопоставить ихъ съ другими цифрами: съ цифрами рождаемости и смертности хотя бы «вырождающейся» Франціи.

До войны смертность во Франціи въ процентномъ отношеніи совпадала съ ея рождаемостью. Достигая 1,9 проц. (по отношенію ко всему населенію Франціи), смертность въ абсолютныхъ цифрахъ была даже ниже рождаемости — на 17.300 человекъ. Во время войны, если взять самый тяжелый для Франціи 1916 годъ, смертность поднялась до 2 проц., а рождаемость упала до 1 проц. Это было въ самый кровавый годъ небывалой войны къ наиболѣе обезкровленной ея странѣ.

Въ Россіи, вышедшей изъ рокового огня внѣшней войны для того, чтобы сжигать себя на безчисленныхъ кострахъ своихъ внутреннихъ фронтовъ, 1919 годъ далъ превышеніе смертности надъ рождаемостью въ 6,2 проц. Такимъ образомъ на третьемъ году гражданской войны въ Россіи превышеніе смертности надъ рождаемостью (6,2 проц.) болѣе, чѣмъ въ 6 разъ превосходило превышеніе смертности надъ рождаемостью во Франціи на третій, самый для нея жестокий годъ міровой войны (1 проц.)

Подтвердилась старая истина: изъ всѣхъ видовъ и родовъ войны гражданская война — самая жестокая.

Населеніе Россіи убываетъ сейчасъ въ большемъ количествѣ и быстрѣе, чѣмъ въ какой-либо иной странѣ. Оно явно и стремительно идетъ къ своему уничтоженію. Если-бы установить знаменатель этой

прогрессивно возрастающей убыли, можно было бы математически вычислить время, когда дѣйствующая сейчасъ въ Россіи власть ликвидировалась, такъ сказать, естественнымъ порядкомъ. Харьковскій профессоръ статистики А. Анциферовъ и произвелъ такой примѣрный расчетъ. Принимая, съ явнымъ преувеличеніемъ дѣйствительности, численность населенія Россіи въ 150 милліоновъ и допуская «сожалѣно такъ къ качеству наиболѣе благоприятнаго предположенія», что «темпъ ускоренія убыли населенія будетъ ниже нынѣшней нормы въ 26, — положимъ, что всего 20», проф. Анциферовъ приходитъ къ заключенію, что

...«если-бы совѣтскій режимъ продержался еще 5 лѣтъ, то вымерла-бы половина всего населенія, и остался-бы всего 71 милліонъ; черезъ 10 лѣтъ во всей Россіи осталось-бы меньше 20 милліоновъ жителей, черезъ 15—меньше 2-хъ, а черезъ 17 лѣтъ (въ 1937 г.) — всего нѣсколько сотъ тысячъ».

Эти вычисленія отнюдь не означаютъ, что естественный конецъ большевистской власти наступитъ тогда, когда скончаются всѣ россійскіе большевики. Наоборотъ. Большевики-то долгие всѣхъ выживутъ. Переживутъ и свою власть. И когда пробьютъ, наконецъ, ея часъ, онъ застанетъ немалую часть большевиковъ перемѣстившимися въ Германію, Китай, Индію, на Отненную Землю. Такія перемѣненія, во благовременіи, наблюдаются частично уже сейчасъ. Газеты отмѣчаютъ «сильную тягу совѣтскихъ комиссаровъ въ Германію».

Если царству большевиковъ уготована естественная смерть, она придетъ, увы, по костямъ русскаго народа, а не его правителей. И въ этомъ — безысходный ужасъ, дѣлающій неприемлемыми всѣ «математическія доказательства» грядущаго небытія большевиковъ, всѣ политическіе расчеты на то, что большевизмъ кончится самъ собою, естественно, неизбежно, изживъ себя до конца. Большевизмъ, къ сожалѣнію, попробуетъ сначала излить до конца всю Россію, ея богатства, культуру и народъ, — чѣмъ кончится самъ. И главное свидѣтельство тому, быть можетъ, даже не число смертей, которое съ неумолимой закономѣрностью влечетъ за собою большевистскій режимъ, а та обстановка жизни, которая создалась въ совѣтской Россіи. Большевистская власть держитъ все населеніе въ подвѣшенномъ состояніи вѣчнаго ожиданія насильственной смерти. Изъ жуткаго наслѣдія смертниковъ еще царской эпохи мы знаемъ, насколько ожиданіе смерти страшнѣе вѣчной смерти: «легче умереть на висѣлицѣ, нежели ожидать вотъ такъ каждую минуту, что откроется дверь, и скажутъ: выходи!» (Изъ писемъ 18-лѣтняго Маврофриди, приговореннаго къ смерти Новочеркасскимъ военно-окружнымъ судомъ въ декабрѣ 1908 г.).

Въ началѣ текущаго года россійскій большевизмъ переживалъ апогей своей славы и триумфа. Плѣненный Колчакъ и разбитые Юденичъ и Деникинъ символизировали военное могущество совѣтской власти. На политическомъ фронтѣ капитуляція недавнихъ враговъ большевизма, политическихъ и классовыхъ, лицъ и группъ, свидѣтельствовали о внутренней соблазнительности большевистской правды — истины и правды — справедливости. Наконецъ, можетъ быть, наиболее серьезный успѣхъ ждать большевиковъ на внѣшнемъ, дипломатическомъ поприщѣ. Представитель, казалось, наиболее устойчивыхъ, англійскихъ традицій британскій премьеръ, войдя въ дѣловыя сношенія съ совѣтской властью, необычайно повысилъ, тѣмъ самымъ, ея политическій кредитъ и внутри, и извнѣ.

Вознесенная на пьедесталъ, въ упоеніи своимъ апогееозомъ, совѣтская власть, въ лицѣ своей Всероссийской Чрезвычайной Комиссiи, почувствовала приливъ великодушiя. И заставивъ своимъ злодѣйствомъ сначала содрогнуться старый міръ отъ ужаса, она рѣшила окончательно его добить своимъ благородствомъ. Признавъ наличность «новыхъ условий борьбы съ контръ-революціей», В. Ч. К. рѣшила «отложить въ сторону оружіе террора» и по телеграфу ввела въ дѣйствіе постановленіе «прекратить примѣненіе высшей мѣры наказанія (разстрѣль) по приговорамъ В.Ч.К. и всѣхъ ея мѣстныхъ органовъ». Дзержинскому поручено было войти въ Совнаркомъ и В.Ц.И.К. съ предложеніемъ о полной отмініи казни не только по постановленіямъ чрезвычайскъ, «но и по приговорамъ городскихъ, уѣздныхъ, губернскихъ, а также верховнаго при В. Ц. И. К. трибуналовъ».

И къ началу февраля, прокричавъ положенныя угрозы по адресу Антанты; возложивъ на нее «цѣликомъ и исключительно отвѣтственность за возможное въ будущемъ возвращеніе совѣтской власти къ жестокому методу краснаго террора»; опубликовавъ специальный рескриптъ на имя Феликса Эдмундовича Дзержинскаго съ пожалованіемъ «ордена краснаго знамени» въ воздаяніе «крупныхъ организаторскихъ способностей, неутомимой энергiи, хладнокровiя и выдержки, проявленныхъ предсѣдателемъ Всероссийской Чрезвычайной Комиссiи въ порученномъ ему отвѣтственномъ дѣлѣ», — Верховный Органъ Республики торжественно и всенародно отмінили смертную казнь, отправивъ ее «на задворки исторiи».

Какъ полагаются, прошлому стали подводить итоги. В. Ч. К. опубликовала первую сводку своей «дѣятельности» за 1918 и 1919 гг. За 1918 г. оказалось разстрѣлянныхъ 6.185 чел. За 1919 г. — 3.456. Всего за

два года—9.641. Своего максимума число разстрѣловъ достигло въ сентябрѣ 1919 г. — 609 человекъ; минимумъ былъ въ августѣ — 187. Изъ общаго числа разстрѣляно за контръ-революцію — 7.068. За самоуправство, проходъ границы безъ пропуска, пользованіе поддѣльными или чужими документами въ 1918 г. разстрѣлянныхъ не было. Въ 1919 г. за это было разстрѣляно — 248 человекъ.

Эти цифры ни въ какой мѣрѣ, конечно, не соответствовали дѣйствительному числу убитыхъ совѣтской властью въ 1918-1919 гг. При всей «добросовѣстности» и усердіи палачей, если даже предполагать, что они лично были бы склонны скорѣе преувеличить размеры своей «неутомимой энергіи, хладнокровія и выдержки», нежели ихъ преуменьшить, — опубликованныя цифры даютъ лишь ничтожную долю общаго числа казней: только тѣхъ случаевъ, которые зарегистрированы В. Ч. К. Громадное, можетъ быть, преобладающее число жертвъ разстрѣяно внѣ всякаго учета и счета. Опубликованныя цифры не покрываютъ и разстрѣлянныхъ мѣстными, областными, губернскими, уѣздными, городскими и волостными чрезвычайками, особенно отдаленными отъ Москвы, осуществляющими «всю власть» на мѣстахъ внѣ согласованія своего усмотрѣнія и отчетности съ предписаніями изъ центра. Внѣ учета В. Ч. К. остаются, конечно, и разстрѣлы по приговорамъ всякихъ «ревкомовъ» и трибуналовъ. Наконецъ, далеко не всегда лишеніе жизни въ совѣтской Россіи производится путемъ разстрѣла.

Недавно вышла изъ печати книжка: «Два года борьбы на внутреннемъ фронтѣ». — Государственное Издательство. — Москва. 1920. — Авторъ ея извѣстный своей жестокостью руководитель чрезвычайки Ладисъ. Въ ней наряду съ апологіей «острой необходимости въ аппаратъ принужденія и чистки» и доказательствами, что безъ Ч. К. «насъ (большевиковъ) бы давно уже не было; контръ-революционеры насъ поглотили бы», — приведены и цифры этой «чистки». По признанію самого Ладиса, его цифры далеко не полны. По 20 губерніямъ центральной Россіи за 1918 г. и семь мѣсяцевъ 1919 г. онѣ даютъ общее число разстрѣлянныхъ — 8.389. Среди рубрикъ, по которымъ Ладисъ классифицируетъ разстрѣлы, имѣется графа: «прочее» — 1704. Графа «возстаніе» даетъ 3.082 разстрѣловъ. Но въ это число не входятъ убитые при возстаніи, учтенные Ладисомъ особо: «съ нашей стороны», т. е. большевиковъ, — 1.150 и «при подавленіи», т. е. антибольшевистскихъ жертвъ, — 3.057.

Данныя самими же большевиками неопровержимо устанавливаютъ, такимъ образомъ, что разстрѣлы лишь одинъ изъ многихъ видовъ ли-

ншихъ жизни въ советской Россіи. По показаніямъ самихъ же большевиковъ, ихъ дѣянія неполны. О размѣрахъ же этой неполноты можно себѣ составить нѣкоторое представленіе по отчету, представленному недавно Международному Красному Кресту сестрами милосердія, наблюдавшими ка мѣстѣ труда и днѣ Лациса въ Кіевѣ. По ихъ подсчету по одному г. Кіеву съ февраля по августъ 1919 г. казнено Лацисомъ три тысячи человекъ (см. „In the Shadow of Death“.—Statement of Red Cross Sisters on the Bolshevik Prisons in Kiev.—P. 23.)

Если неполноту большевистскихъ показаній учитывать, какъ факторъ постоянный, то большевистскими сводками можно пользоваться для опредѣленія «переменной величины» — тенденціи и политики власти послѣ отмены смертной казни.

Казнь была отменена. Но «въ ночь отмены смертной казни 15-16 февраля всѣ тюрьмы советской Россіи были залиты кровью», удостовѣряетъ Борисъ Соколовъ, побывавшій во многочисленныхъ чрезвычайкахъ, отъ архангельской и до московской, и недавно только вырвавшійся изъ самарской тюрьмы. Среди стѣнныхъ надписей въ особомъ отдѣлѣ В. Ч. К. онъ прочелъ: «Ночь отмены — стала ночью крови»...

«У насъ, въ Бутырской тюрьмѣ, уже послѣ подписанія декрета объ отменѣ смертной казни разстрѣляно ночью 72 человекъ. Это было кошмарно по своей подлости». (Изъ заявленія бутырскихъ заключенныхъ 5 мая 1920 г.).

Такъ было не только въ Москвѣ. Въ провинціи и послѣ «ночи крови» еще долго, не спѣша, дотрѣхивали тѣхъ, кого рѣшили, но не успѣли разстрѣлять. Одинъ Петроградъ насчитываетъ до 400 жертвъ, погибшихъ въ послѣдующія за отменой казни ночи крови.

«Это была тяжелая ночь. Съ полуночи тюрьма огласилась плачемъ женщинъ, которыхъ вели на разстрѣлъ. Тяжелѣе всего было то, что мы знали о декретѣ. Разстрѣляно было 52 чел.». (Письмо члена п. с.-р. Л-а изъ саратовской тюрьмы 5 июня 1920 г.).

Когда хотѣли сдѣлать видъ, что казни сохранены только для фронта, смертниковъ стали отправлять въ прифронтовую полосу и тамъ приводить въ исполненіе приговоръ о разстрѣлѣ, постановленный ввнутри страны.

«Секретно. Циркулярно. Предсѣдателямъ ч. к., в. ч. к. — по особымъ отдѣламъ. Въ виду отмены смертной казни предлагаются всѣмъ лицамъ, кои по числѣющимъ разнымъ преступленіямъ подлежатъ высшимъ мѣрамъ:

наказанія — отправлять въ полосу военныхъ дѣйствій, какъ мѣсто, куда декретъ объ отмѣнѣ смертной казни не распространяется.»

15 апрѣля 1920 года № 325/16.756.

Управляющій особ. отд. в. ч. к.

(подпись) Ягоза.

Когда же количество смертниковъ стало все увеличиваться, а транспортныя средства уменьшаться, — поступили проще: объявили фронтомъ почти всю страну. 29 губерній совѣтской Россіи, въ томъ числѣ московская, были объявлены на военномъ положеніи, и чрезвычайныя комиссіи получили возможность свершать свою работу легально и открыто.

Казнь продолжалась, а сотворенная объ ея отмѣнѣ легенда шла и ширилась, распространяемая адептами совѣтскаго насилія и искренне исповѣдуемая легковѣрными его противниками, убѣжденными въ томъ, что жизнь сильнѣе смерти, — обломить и большевизмъ.

«Вѣчно надѣющеся сердце хотѣло вѣрить, что не все потеряно, что и большевистскіе диктаторы подвергнутся влиянію исторіи, жизни и національнаго чувства и что, когда имъ придется выбирать между тѣмъ, будетъ-ли жива Россія или просуществуетъ еще нѣсколько мѣсяцевъ или лѣтъ коммунистическій «опытъ», они выберутъ Россію.

Но повидимому надо готовить свое сердце къ худшему».

— такъ элегически описывалъ берлинскій «Голосъ Россіи» № 207 не только свое настроеніе, но и всѣхъ тѣхъ противниковъ большевизма, кто психологически усвоилъ формулу Троцкаго — «не миръ и не война»: изъ гражданской войны выходимъ, но мира съ большевиками все же не заключаемъ. Легенда о формальной отмѣнѣ смертной казни сохранилась до нашихъ дней. И сейчасъ многіе убѣждены, что въ Россіи люди гибнутъ отъ мора, глада и войны, отъ анархіи и отъ эксцессовъ власти, но что казни, какъ узаконеннаго властью института, совѣтская Россія уже давно не знаетъ.

Кашанъ со всѣмъ авторитетомъ очевидца, только что побывавшаго на мѣстѣ, категорически заявилъ:

«Вѣрно, что въ концѣ 1918 г. въ Россіи былъ періодъ въ шесть мѣсяцевъ, когда дѣйствовали чрезвычайныя суды... Но уже давно того, что называютъ терроромъ, не существуетъ въ революціонной Россіи... За исключеніемъ фронта, смертная казнь въ Россіи отмѣнена.» (*L'Humanité* 30.VIII.)

Такъ говорятъ и думаютъ въ Европѣ не только Кашанъ. И не только по лицемѣрью или бевстыдству, но и по невѣдѣнію того, что уже

больше 6 мѣсяцевъ прошло, какъ казнь восстановлена большевиками формально.

Казнь была восстановлена 24-го мая, а спустя недѣлю московскія «Извѣстія» опубликовали то, что оставалось тайной лишь для несоветскихъ жителей. «Извѣстія» № 115 привели сводку приговоренныхъ къ разстрѣлу за время съ 17 января по 20-ое мая, т.е. какъ разъ за тотъ періодъ, когда «вышшая мѣра наказанія» была якобы отменена. Число разстрѣлянныхъ показано 521.

Въ № 155 «Правды» мы находимъ сводку смертныхъ приговоровъ, вынесенныхъ не чрезвычайными, а революціоннымъ военнымъ трибуналомъ за время отъ 22 мая по 22 іюня. Всего смертныхъ приговоровъ постановлено 600. Въ «Извѣстіяхъ» отъ 30 іюля приведена помѣсячная вѣдомость за время отъ 23 іюня по 22 іюля. Всего казнено 898 человекъ. За время съ 23 іюля по 31 августа «Извѣстія» В. Ц. И. К. № 227 даютъ цифру — 1183 человекъ. За сентябрь, судя по «Извѣстіямъ» отъ 23 октября, — 1200 человекъ, распределенныхъ по обычнымъ статьямъ: за шпионство, предательство, контръ-революцію, вооруженіе въ арміи, отказъ въ повиновеніи, дезертирство, утайку оружія, нѣянство, уголовныя преступленія, преступленія административныя, бандитство и хищничество...

Случайность этихъ рубрикъ равна ихъ неопредѣленности. Но случаетъ и самый фактъ опубликованія смертныхъ таблицъ. Въ то время, какъ Военный Революціонный Совѣтъ Республики издаетъ, за подписью Троцкого, приказъ отъ 16 -го іюня с. г. :

«Обо всѣхъ разстрѣлахъ надлежитъ опубликовывать въ приказахъ по арміи, приведя имена разстрѣлянныхъ, названіе частей и по возможности мѣстожительства семьи;

1. Всякій негодяй, который будетъ уговаривать къ отступленію, дезертирству, невыполненію боевого приказа, будетъ *разстрѣлянъ*.

2. Всякій солдатъ красной арміи, который самовольно покинетъ боевой постъ, будетъ *разстрѣлянъ*.

3. Всякій солдатъ красной арміи, который броситъ винтовку или продастъ хотя-бы часть обмундированья, будетъ *разстрѣлянъ*. И т. д.

— чрезвычайники печатаютъ списки безъ указанія именъ и фамилій разстрѣлянныхъ, ограничиваясь порядковымъ номеромъ и обозначеніемъ социальнаго положенія жертвы. Какъ въ Шляссельбургской и Петропавловской крѣпостяхъ нумеровали живыхъ узниковъ, такъ теперь нумеруютъ мертвыхъ. Иногда подъ однимъ № разстрѣливаютъ даже нѣсколь-

кихъ, обращая главное вниманіе не на людей, а на совершенныя ими преступленія.

Въ Московскихъ «Извѣстіяхъ» № 206 приведены имена разстрѣляемыхъ «по постановленію коллегіи московской чрезвычайной комиссіи», сгруппированныхъ по роду совершенныхъ ими дѣяній. Подъ цифрой 2 значатся: «Довгий Василій Яковлевичъ 44 л. и Довгая Пелагея Алексѣевна 35 л., содержали конспиративную квартиру, въ каковой укрывали бѣлогвардейскихъ шпіоновъ». Подъ цифрой 5—«Шульць Софья Максимовна 53 л. и Плюхинъ Илья Николаевичъ 40 л. перепродавали нѣсколько сотъ продовольственныхъ карточекъ». И т. д.

Даже наиболѣе для себя близкую и важную сферу большевикамъ не удалось «наладить», внести въ нее планъ и систему. Хаосъ и случай властвуютъ надъ большевистскимъ царствомъ террора. Не только не установлено то, что карается смертью, не опредѣлено даже кому предоставлено право жизни и смерти. При хаотичности компетенціи и порядка дѣятельности всѣхъ большевистскихъ учреждений, случай опредѣляетъ смерть, случай же даруетъ и жизнь.

Рядомъ съ чрезвычайками всѣхъ степеней и вѣдомствъ, отъ волостныхъ и участковыхъ до всероссійской, отъ станціонной и до центрально-узловой, фронтовыхъ и пограничныхъ существуютъ «особые отдѣлы» и сверхчрезвычайки, именуемая въ однихъ мѣстахъ «комитетами внутренней безопасности», въ другихъ — «внутренней охраной республики», «вохра», «ревкомы», военные трибуналы и трибуналы «нормальные». Власть нѣкоторыхъ изъ этихъ учреждений такъ всемогуща, что они въ правѣ разстрѣливать «даже» агентовъ чрезвычайекъ, «даже» комиссаровъ, не испрашивая на то разрѣшенія центра.

Газеты сообщаютъ:

Военно-революціонный трибуналъ приговорилъ къ разстрѣлу сотрудниковъ донской чрезвычайной комиссіи — комиссаровъ Константинова и Шабанова за грабежъ 30 тысячъ во время провѣрки документовъ.

По приговору терской областной чрезвычайной комиссіи разстрѣлять членъ этой комиссіи Ризаевъ-Бабаевъ, по обвиненію въ ограбленіи квартиры зубного врача Амброжевича.

Въ Ростовѣ разстрѣлянъ командиръ совѣтскаго коннаго корпуса Думенко за допущеніе бандитизма въ войскахъ. Думенко незадолго до этого приказалъ разстрѣлять политическаго комиссара при его корпусѣ — Микаладзе.

Но каждое изъ этихъ учреждений въ правѣ казнить и миловать простыхъ смертныхъ совѣтской республики.

По типу царскаго самодержавія большевистскій произволъ ограниченъ взяткой. Самодержавіе боролось съ попыткой его ограничить: оно карало взяточничество, однако, не смертью. Моральное превосходство большевизма надъ самодержавіемъ выразилось въ томъ, что оно

уравняло смертной карой берущихъ взятки и дающихъ ихъ. Пронитанный милитаризмомъ, вѣрностью присягѣ и честью мундира старый строй жестоко боролся съ нарушеніемъ воинской дисциплины или уклоненіемъ отъ воинскаго долга. Но даже въ военное время самодержавіе не карало смертью ни «спромотаніе казеннаго имущества», ни уклоненіе отъ воинской службы. Совѣтская власть сравняла смертью всѣхъ: и «спромотавшихъ», «хотя бы часть обмундированія», и должностныхъ лицъ, способствующихъ незаконному освобожденію отъ службы, и тѣхъ, кто былъ освобожденъ.

Просмотрите июльскій списокъ 44, разстрѣлянныхъ въ Москвѣ. Рядомъ съ шестью врачами и двѣнадцатью помощниками, вы найдете тамъ студента-филолога, техника, скорняка, артиста, булочника, оружейнаго мастера, нѣсколькихъ кушповъ, торговцевъ и приказчиковъ. Рядомъ съ отцами, освобождавшими и своихъ и чужихъ дѣтей, тамъ были и дѣти, освобожденные своими и чужими родителями. «Почетное право защищать революцію съ оружіемъ въ рукахъ предоставляется только трудящимся», — гласитъ ст. 19-ая совѣтской конституціи. Когда же трудящійся отказывается отъ дарованнаго ему почетнаго права, или когда нетрудящійся хочетъ воспользоваться тѣмъ, что онъ лишенъ права защищать большевистскую революцію съ оружіемъ въ рукахъ, — власть караетъ смертью и того, и другого.

Казнятъ за свои грѣхи. Казнятъ и за чужіе: за семейную близость; въ предположеніи классовой солидарности; за сходство фамилій; даже за общность начальной буквы фамиліи... Казнятъ не по ошибкѣ, а съ расчетомъ: лучше десять невинныхъ погубить, чѣмъ одного виновнаго отпустить.

Въ «Извѣстіяхъ» № 199 отъ 25 мая Елизаветградская Чрезвычайка сообщаетъ о разстрѣлахъ 35 контръ-революціонеровъ. Въ ихъ числѣ, среди рабочихъ завода Эльворти-Власовъ съ двумя сыновьями, Терентіемъ 17 л. и Иваномъ 12 л. Семья бѣжавшихъ офицеровъ добр. арміи Сергіевского; Діамениды; командира государственной стражи Н. И. Лохвицкаго. Семья Лохвицкаго состояла изъ четырехъ дочерей, отъ 7 до 3 лѣтняго возраста, и старухи матери 69 лѣтъ.

За неудачу въ операціяхъ противъ Врангеля большевики разстрѣляли командующаго совѣтской арміей ген. Свѣтчикова, политическаго комиссара Маркова, интенданта Куткова, завѣдующаго отдѣломъ пропаганды Севастьянова, главнаго врача и казначея.

Въ Одесскую Чрезвычайку поступилъ доносъ о контръ-революціонной дѣятельности нѣкоего Хусида. Мѣстожителство контръ-революціонера не было указано. Въ тотъ же день послѣ справки въ адресномъ столѣ было арестовано 11 Хусидовъ. Послѣ двухнедѣльнаго слѣдствія, сопровождавшагося пытками, казнено было двое Хусидовъ за невозможностью установить въ точности, кого именно имѣлъ въ виду доносъ.

(см. Н. И. Авербухъ: «Одесская Чрезвычайка». — Факты и наблюденія. — Клициевъ, 1920. Стр. 19).

Въ Одессѣ жертвою террора пали три врача: Волковъ, Власовъ и Воробьевъ. Всѣ трое были разстрѣляны на основаніи доноса о томъ, что одинъ изъ врачей городской больницы позволилъ себѣ открыто высказаться противъ большевиковъ. Въ доносѣ не было указана фамилія провинившагося, но сообщалось, что она начинается на букву В; на этомъ достаточномъ основаніи были разстрѣляны тѣ врачи городской больницы, фамиліи которыхъ вмѣли несчастье начинаться съ В.

Эти факты, конечно, случайны и разрозненны. Но они свидѣтельствуютъ о системѣ. Они свидѣтельствуютъ о вѣрности системѣ, усвоенной большевизмомъ и провозглашенной большевистскими началами почти съ перваго же дня своей дѣятельности.

„Мы не ведемъ войны противъ отдѣльныхъ лицъ, — писалъ Лацисъ еще 1 ноября 1918 г. въ газетѣ „Красный Терроръ“. — Мы истребляемъ буржуазію, какъ классъ. Не ищите на слѣдствіи матеріаловъ и доказательствъ того, что обвиняемый дѣйствовалъ дѣломъ или словомъ противъ совѣтовъ. Первый вопросъ, который вы должны ему предложить, — къ какому классу онъ принадлежитъ, какого онъ происхожденія, воспитанія, образованія или профессіи. Эти вопросы и должны опредѣлить судьбу обвиняемаго. Въ этомъ — смыслъ и сущность краснаго террора“.

Мы намѣренно не говоримъ ни о системахъ пытокъ, — а это фактъ; ни о тѣлесныхъ наказаніяхъ — даже женщинъ, это, увы, тоже фактъ; ни о заложничествѣ женъ и дѣтей; ни о провокаціи; ни о специальныхъ инструкціяхъ сыщикамъ («скаутамъ») и секретнымъ агентамъ; ни о систематическихъ курсахъ политическаго шпіонажа и душегубства, которые читаютъ въ «центральной школѣ совѣтской и партійной работы» г.г. Ураловъ, Ксенофонтовъ, Кедровъ, Аванесовъ и др. (см. №№ 10 и 29 газ. «Воля Россіи»). Мы не вносимъ поправокъ на большевистскія цифры о казняхъ, потому что ни мы, ни они не въ силахъ подсчитать непогребенные трупы и безвѣстныя могилы. Попробуйте-ка подсчитать жертвы одного изъ лекторовъ московскихъ курсовъ Кедрова.

„Подтверждается извѣстіе, — пишетъ корреспондентъ „Воли Россіи“, № 14, — что въ Архангельскѣ комиссаръ Ч. К. Кедровъ, собравъ до 1200 чел. арестованныхъ офицеровъ, партизанъ, интеллигентовъ и т. д. на баржу, приказалъ ее буксировать вверхъ по Двинѣ и вблизи г. Холмогоръ открылъ по ней огонь изъ пулеметовъ и орудія. Сотни (до 600 ч.) были перебиты, искалечены и утонули. Ужасъ былъ такъ великъ, что передаютъ о случаяхъ сумасшествія среди тѣхъ, кто выполнялъ приказанія Кедрова“.

Одинъ ли такой Кедровъ? И въ одномъ ли Архангельскѣ приходилось огнемъ и кровью утверждать престижъ совѣтской власти?

Важнѣе статьи для насъ *динамика* совѣтской власти, тенденціи и возможности, намѣчающіяся къ трехлѣтію ея существованія.

Мы привели цифры Ладиса убитыхъ при подавленіи возстанія. За 1918 г. и 7 мѣсяцевъ 1919 г. всего «подавленныхъ» — Ладисъ насчитываетъ 3057. Теперь В. Соколовъ, описывая изъ самарской тюрьмы возстанія башкирь и татаръ въ Уфимской и Симбирской губерніяхъ по одному Бузулуку насчитываетъ разстрѣлянными около 4000 повстанцевъ... Переживъ всѣ ужасы колючковщины въ Сибиря, авторъ попалъ въ большевистскую Россію, по его собственному признанію, «въ относительно примирительномъ къ совѣтскому правительству настроеніи».

«Но здѣсь, въ Россіи, особенно въ массахъ, такая безумная оппозиція внутри страны къ совѣтской, такъ называемой, коммунистической власти, что положительно теряешься, какъ и на чемъ она держится».

Она держится, конечно, только на безопадной борьбѣ на уничтоженіе всѣхъ противниковъ большевизма, на уничтоженіи всеобщемъ и уравнительномъ, безъ различія пола, возраста, націи, класса, исповѣданія. «Если изъ 100 милліоновъ населенія Россіи 10 милліоновъ не желаетъ подчиниться совѣтской власти, ихъ надо физически уничтожить». Такъ думаетъ и заявляетъ Зиновьевъ. Соотношеніе чиселъ обратное и даже не 10 милліоновъ, а всего, 600 тыс. большевиковъ физически уничтожаютъ и, пока могутъ, будутъ уничтожать 100 и болѣе милліоновъ населенія.

Горы труповъ. А неутомные палачи все жаждутъ новой крови. Глава краснаго цеха Держинскій вноситъ въ Совнаркомъ проектъ объ изыятіи изъ вѣдѣнія революціонныхъ трибуналовъ всѣхъ политическихъ дѣлъ и о передачѣ ихъ въ Ч. К., такъ какъ только жестокий терроръ, по мнѣнію Держинскаго, по отношенію къ врагамъ совѣтской власти можетъ спасти эту власть. Ему вторитъ бывший «главоверхъ», нынѣ главный прокуроръ совѣтской республики Крыленко, который отъ имени кассационнаго трибунала В. Ц. И. К. предлагаетъ всѣмъ Революціоннымъ Трибуналамъ «принять какъ директиву (отъ кассационной инстанціи директиву!) при опредѣленіи мѣры репрессіи» по дѣламъ о хищеніяхъ изъ казенныхъ и кооперативныхъ складовъ «примѣнять высшую мѣру наказанія». Провинціальная власть слѣдуетъ примѣру центральной. Въ приказѣ № 69 по Киевскому округу, опубликованному въ «Извѣстіяхъ» № 226, мы читаемъ:

«а) Провести массовый терроръ противъ зажиточныхъ крестьянъ, истребивъ ихъ поголовно; провести безопадный и массовый терроръ по отноше-

нiю вообще поляковъ, принимающихъ какое-либо прямое или косвенное участiе въ борьбѣ противъ совѣтской власти.

в) Провести полное разоруженiе, разстрѣливая каждаго, у кого будетъ хотя бы одинъ патронъ послѣ срока сдачи оружiя.

д) Всѣ Ч. К., работающiя въ занятыхъ нашими войсками мѣстностяхъ, должны быть увеличены до пяти разъ противъ обыкновенно положеннаго штата, для чего надлежитъ соразмѣрно увеличить и кредиты. Комиссарами Ч.К. необходимо назначить опытныхъ работниковъ, преимущественно изъ центра Россiи».

Мы не можемъ долѣе закрывать глаза на то, что происходитъ въ Украинѣ, пишетъ «Правда» въ одномъ изъ своихъ октябрьскихъ номеровъ:

«Крестьяне проявляютъ къ намъ явную враждебность и содѣйствуютъ преступнымъ попыткамъ Врангеля, Махно, Петлюры, Буденнаго и другихъ вождей шакль... Что дѣлаетъ совѣтская власть? Почему она не истребляетъ половины мятежнаго населенiя, чтобы заставить другую половину подчиниться и оставить насъ въ покоѣ?»

И это не случайное извращенiе индивидуальной психологiи отдѣльных большевиковъ. Это—внутренняя логика большевизма, какъ ученiя, непререкаемый его законъ, какъ движенiя.

Буржуазные криминалисты для смягченiя карательной системы придумали институтъ условнаго осужденiя. Вся мѣра регресса, который является собою совѣтская власть, опредѣляется изобрѣтеннымъ недавно гуманными большевистскими судьями—новымъ видомъ наказанiя.

Московское радио отъ 8 сентября сообщаетъ: «Въ г. Жиздрѣ обнаружена шайка, снабжавшая подложными документами дезертировъ. Главный виновникъ разстрѣлянъ. Двадцать семь человекъ условно приговорены къ разстрѣлу.»

Подъ условнымъ разстрѣломъ, въ сумеречномъ между жизнью и смертью состоянiи живеть теперь вся Россiя. Смерть подстерегаетъ не только активныхъ борцовъ противъ совѣтской власти, не только пассивныхъ ея кулителей. Она вошла въ домашнiй обиходъ, стала неустранимымъ элементомъ всего уклада того, что осталось отъ жизни въ совѣтской Россiи. Если нѣтъ массовыхъ случаевъ помѣшательства и «разрывовъ сердца», то, видимо, потому, что притупилась инстинктъ жизни, исчезъ страхъ смерти, ибо смерть витаетъ и стережетъ повсюду. «Физическiя условiя, въ которыхъ живутъ массы, столь ужасны, что никто не дорожитъ жизнью», — констатируютъ въ своемъ докладѣ представители итальянской Конфедерации Труда, побывавшие въ Россiи. То же отмѣчаетъ и англiйскiй делегатъ Роденъ Бектонъ: «рус-

скіе, безспорно, меньше цѣнять свою жизнь, чѣмъ мы, и потому легче подвергають себя всякому риску».

«Смертная казнь превратилась въ будничное бытовое явленіе, — писалъ В. Г. Короленко 10 лѣтъ тому назадъ по поводу щегловитовской юстиціи. — Казнь вульгаризировалась. Съ нея сорвали покровъ мистическаго ужаса. Да и могъ ли онъ уцѣлѣть, когда суды выносятъ по 30 смертныхъ приговоровъ... По мѣрѣ того, какъ «бытовое явленіе» ширится, сознание исполнителей тупѣетъ... Люди начинаютъ вѣшать похода, кое-какъ, безъ ритуала, даже просто безъ достаточныхъ приготовленій... Дѣйствительность теперь часто становится неправдоподобіе самаго кошмарнаго вымысла. Но мнѣ кажется, что настоящій ужасъ все-таки не въ примѣрахъ крайняго одичанія исполнителей. Онъ не въ исключеніяхъ, а въ общемъ правилѣ, въ среднихъ условіяхъ, окружающихъ ужасное дѣло».

Насколько смягчались контуры, по контрасту и въ сравненіи съ совѣтской дѣйствительностью, у фактовъ, которые послужили матеріаломъ для короленковскихъ «Замѣтокъ публициста о смертной казни»!...

«Казнены уже въ Россіи тысячи челоувѣкъ, — писалъ В. Г. Короленко. — Приблизительно столько-же матерей и еще столько-же отцовъ и, можетъ быть, столько же сестеръ и братьевъ и женъ смотрѣли черезъ (такія) рѣшетки на дорогихъ людей, которымъ гровила смерть. Если это были простые рабочіе или крестьяне, то прощаться съ ними, какъ съ умирающими, приходили и другіе родственники, какихъ только допускали. И сколько тяжелаго, незабываемаго и порой непрощаемаго страданія разнесутъ эти простые люди по предмѣстьямъ городовъ и по дальнимъ деревнямъ и селамъ».

Такъ было во времена царя Николая II. При коммунистѣ Ленинѣ картина намѣнилась въ томъ отношеніи, что даже прощаніе съ умирающими оказалось подѣ запретомъ: никого не допускаютъ прощаться. Никому не выдаютъ даже тѣла. Но уменьшилась-ли отъ того сумма «тяжелаго, незабываемаго и порой непрощаемаго страданія», которое на долгіе годы и годы разнесутъ русскіе люди по всѣмъ городамъ и селамъ безпредѣльной Россіи?

И если царизмъ былъ побѣжденъ не столько любовью къ свободѣ, сколько великой ненавистью и гнѣвомъ возставшаго противъ него народа, то можно ли думать, что иная судьба уготована большевизму? Можно ли мечтать, что возстановленіе экономическихъ связей между Россіей и Европой будетъ достаточно для того, чтобы изжить Лени-

ныхъ? Что большевизмъ будетъ преодолѣнъ не вооруженной рукой, а мирнымъ трудомъ, не кровью и пушками, а правдой?

Всѣмъ памятенъ уроки недавняго прошлаго, когда одними штыками и танками рассчитывали преодолѣть большевизмъ. Но мы не можемъ и не должны забывать и другого урока, даннаго нашему опыту: попытку правдой и только ей одной преодолѣть большевизмъ. Если правда въ свое время не *предотвратила* грядущаго зла, — можно ли увѣрять въ то, что ея одной достаточно для *испроверженія* уже существующаго и торжествующаго зла? *Beati possidentes* вѣдь не только когда они владѣльцы имущества, но и тогда, когда они владѣютъ аппаратомъ власти.

И можно ли мечтать, какъ все еще, повидимому, продолжаетъ мечтать Л. Мартовъ, заявившій въ интервью, напечатанномъ въ *Freiheit* № 440 отъ 17 октября:

„Партія меньшевиковъ не желаетъ насильственнаго насипроверженія большевистскаго режима. Она рассчитываетъ на эволюцію, на внутреннее перерожденіе большевизма“.

Напрасные расчеты, тщетныя мечты. Ибо, конечно, не Мартовъ, а Ленинъ съ большими знаемъ дѣла и потому реальнѣе и трезвѣе расцѣпываетъ большевизмъ, его существо и возможности, когда въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ «открытыхъ писемъ» (къ Сегруо) опредѣленно заявляетъ, — «само собою понятно, что революціонные рабочіе казнятъ меньшевиковъ». Остается удивляться, какъ это не «само собою понятно» вдумчивому лидеру партіи меньшевиковъ?

Мало сознать, надо *прочувствовать* эту «новую мораль», о которой возвѣщаютъ трубадуры Ч. К.:

„Намъ все дозволено, ибо мы первые въ мірѣ подняли мечъ не ради акрѣпощенія и подавленія, но во имя всеобщей свободы и освобожденія отъ рабства“. („Красный Мечъ“ № 1 отъ 18. VIII. 1919 г.).

Тогда станетъ самоочевиднымъ, что большевики могутъ «приспособить къ новому положенію» свои декреты, могутъ пытаться вслѣски «лавирировать», — но преобразенія или перерожденія отъ нихъ ждать не приходится.

Большевизмъ стихійно враждебенъ всѣмъ, кто дорожитъ принципомъ личности, достоинствомъ человѣка и его первѣйшимъ правомъ — правомъ на жизнь. Большевизмъ, въ частности, стихійно враждебенъ всему духу и смыслу народничества, еще устами Чернышевскаго провозгласившаго: «выше человѣческой личности мы не принимаемъ на земномъ шарѣ ничего!»

Маркъ Вишнякъ.

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ.

ЛИГА НАРОДОВЪ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ СУДЬ.

Изъ плана коренного переустройства всей международной жизни, который былъ выдвинутъ въ разгаръ войны подъ именемъ Лиги Народовъ, пока сложилась въ сущности только вторая, довольно дорогая съ бюджетной точки зрѣнія, дипломатическая канцелярiя державъ Согласiя.

Политическiе успѣхи этой канцелярiи весьма скромны, и ей недоступны даже умѣренные достижения самихъ державъ Согласiя. Правда, „въ Лигу“ сдавались до сихъ поръ вопросы, на которые у Согласiя не хватало времени и энергiи, вопросы, сравнительно не очень крупныя и болѣе или менѣе безнадежныя. Персы жаловались на совѣты, шведы пытались отнять у финновъ Аландскiе острова, литовцы спасти свою власть надъ Вильной, Арменiя найти защиту своего бытiя. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ Лига не только не влѣла никакихъ лавровъ въ свой вѣнокъ, но поставлена была въ смѣшное и жалкое положенiе. Хаосъ восточныхъ отношенiй до восстановления Россiи такъ великъ, что, можетъ быть, на самомъ дѣлѣ было бы осторожнѣе не компрометировать хрупкiй механизмъ Лиги порученiями, хотя бы частично, разбираться въ этомъ хаосѣ.

Но въ активѣ Лиги есть все-же нѣкоторыя положительныя вели-

чины. Къ числу ихъ въ первую очередь надо отнести выработанный въ Гаагѣ международною комиссiею юристовъ проектъ учрежденiя постоянной палаты международного суда. Этотъ проектъ былъ заслушанъ на сѣздѣ Совѣта Лиги въ Санъ-Себастьянѣ, былъ разосланъ 5 августа этого года всѣмъ государствамъ, участвующимъ въ Лигѣ, и только-что обсужденъ на новомъ сѣздѣ Совѣта Лиги въ Брюсселѣ.

Проектъ юристовъ представляеть собой документъ въ высшей степени цѣнный. Слѣшу прибавить, что, къ сожалѣнiю, тѣ поправки, которыя въ него только-что внесены Совѣтомъ Лиги въ Брюсселѣ, кореннымъ образомъ его испортили. Эти ухудшающiя дѣло поправки влѣбютъ всѣ шансы пройти на первомъ пленарномъ собранiи Лиги предстоящаго 15 ноября, для котораго собственно проектъ и готовился.

Проектъ юристовъ возвращаетъ насъ къ идеямъ, которыя господствовали до 1914 года. Пасифизмъ до-военнаго времени во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ возлагалъ основныя надежды въ дѣлѣ усовершенствованiя международной жизни на международный судъ. Миръ между государствами долженъ быть утвержденъ такъ, какъ утвержденъ миръ между гражданами, путемъ обращенiя въ спо-

раха къ судѣ, — такова была основная мысль стараго пасифизма. Надъ пропагандой этого положенія работало нѣсколько поколѣній. За послѣднія десятилѣтія было приложено много усилій чтобы приблизить практическое осуществленіе этой мысли. Всѣ успѣхи и неудачи мирныхъ программъ до-военнаго времени были успѣхами и неудачами именно проектовъ водворенія судебной власти въ международныхъ отношеніяхъ. Неудача двухъ Гаагскихъ мирныхъ конференцій была, прежде всего, неудачей попытокъ создать подлинный международный судъ.

Правда, и до войны съ этой программой иногда конкурировали другія построенія. Въ несовершенныхъ и незаконченныхъ по существу актахъ Гаагскихъ мирныхъ конференцій 1899 и 1907 гг., носившихъ громкое и мало оправдавшееся ихъ содержаніемъ названіе конвенцій «о мирномъ улаженіи международныхъ столкновеній», рядомъ съ международнымъ судомъ, говорилось еще о «мирныхъ услугахъ и посредничествѣ» и о «международныхъ слѣдственныхъ комиссияхъ», какъ о средствахъ обезпечить миръ между народами, но въ этихъ своихъ частяхъ Гаагскія конвенціи были еще болѣе слабыми и слабыми, чѣмъ тамъ, гдѣ говорилось о международномъ судѣ. Передъ самой войной Брайанъ выступилъ съ проектомъ — который долженъ былъ затронуть Тафтовскіе договоры объ обязательномъ третейскомъ судѣ 1911 г. — международныхъ, посредническихъ и слѣдственныхъ, комиссій, которые должны были разсматривать международные споры и представлять доклады, если и не обязательные,

то самымъ процессомъ своей длительной разработки способные охладить воинственный пылъ спорящихъ народовъ.

Пасифизмъ во время войны вылился, къ сожалѣнію, именно въ этихъ побочныхъ, а не коренныхъ мысляхъ мирной проповѣди довоеннаго времени. Лига Народовъ, какъ она понималась въ Америкѣ и въ частности Президентомъ Вильсономъ, опиралась на построеніе Брайановскихъ проектовъ созданія международного аппарата, который не судить споры, а «докладываетъ» о нихъ и тѣмъ отсрочиваетъ, а слѣдовательно предотвращаетъ, войну. Къ этой коренной, не особенно блестящей и не особенно плодотворной, мысли въ уставѣ Лиги оказались добавленными и другія положенія. Но въ одномъ Версальскій актъ остался вполнѣ вѣренъ духу Брайановскихъ формулъ, — въ нѣсколько высокобѣрной трактовкѣ начала власти международного суда надъ народами. Уставъ Лиги, конечно, не могъ обойти полнымъ молчаніемъ международную юстицію, но онъ отвелъ ей скромное мѣсто. Центръ тяжести Лиги въ «докладывающей» функции двухъ ея органовъ: «Совѣта», въ которомъ засѣдаютъ представители пяти «главныхъ» державъ, одержавшихъ въ войнѣ побѣду, и четырехъ просто «державъ», изъ той-же группы, и «Собранія», въ которомъ засѣдаютъ «главныя» побѣдительницы и вся ихъ политическая кліентура съ двухъ полушарій и прежніе нейтральные. Компетенція суда ограничена случаями, которые, по мнѣнію заинтересованныхъ правительствъ, «подаются третейскому разрѣшенію», и текстъ статей устава Лиги составленъ такъ,

что въ конечномъ счетѣ сужденіе о томъ, «поддается»-ли случай судебному рѣшенію, остается во власти отдѣльной страны.

Комиссія юристовъ, работавшая въ Гаагѣ по порученію Совѣта Лиги, сдѣлала попытку вернуть идею международного суда мѣсто, которое ей по справедливости должно принадлежать, возстановить господствовавшій до войны, по существу единственно правильныя, представленія о нормальныхъ путяхъ усовершенствованія международныхъ отношеній. Эту попытку надо всячески привѣтствовать, какъ надо привѣтствовать вообще всякій признакъ возврата къ культурнымъ цѣностямъ, которія разрушила человѣческая злоба «великой» — главнымъ образомъ своими размѣрами — войны.

Проектъ — въ первый разъ въ исторіи международного права — твёрдо и рѣзко провозглашалъ то коренное положеніе нормальной юстиціи, что къ суду можно обратиться, не спрашивая напередъ отъ отвѣтчика его согласія придти въ судъ. До сихъ поръ международный судъ не могъ отгдѣлаться отъ несчастныхъ послѣдствій своего происхожденія отъ суда третейскаго, создавасяго добровольнымъ обращеніемъ двухъ спорящихъ, а не одного изъ нихъ.

«Когда, — говорится въ 33 ст. проекта, — возникаетъ между государствами споръ, который не можетъ быть улаженъ дипломатическимъ путемъ, и когда нѣтъ соглашенія о выборѣ другой юрисдикціи, сторона, которая считаетъ себя обиженною, можетъ обратиться въ Палату. Палата рѣшаетъ споръ, подъ условіями и ограниченіями, указанными въ слѣдующей статьѣ».

«Условія и ограниченія», о которыхъ здѣсь говорится, остаются и въ Гаагскомъ проектѣ неизбѣжною пока данью консервативной мысли, что не всякій споръ поддается судебному рѣшенію. Безусловная обязательность суда въ международныхъ отношеніяхъ есть завоеваніе будущаго; оно будетъ достигнуто тогда, когда въ дѣятельной работѣ окончательно окрѣпнеть международная юстиція, а пока всё безъ исключенія заключавшіяся между самими передовыми странами сепаратные договоры о такъ называемомъ «обязательномъ» международномъ судѣ заключали въ себѣ какія-либо «условія и ограниченія», если говорить въ терминахъ Гаагскаго проекта.

Надо только, чтобы эти «условія и ограниченія» были таковы, чтобы они не прикрывали собой, въ прямой или косвенной формѣ, право державы-отвѣтчицы уклониться отъ суда. Этому требованію отвѣчаетъ въ полной мѣрѣ та 34 статья, къ которой насъ отсыладо приведенное выше основное постановленіе. Она превосходно составлена и гласитъ такъ: «Между государствами, членами Лиги Народовъ, Палата рѣшаетъ, безъ спеціальной конвенціи, относительно споровъ правового порядка, имѣющихъ предметомъ: а) толкованіе договоровъ, б) всякій вопросъ международного права, в) дѣйствительность всякаго факта, который, если бы онъ былъ установленъ, составилъ бы нарушеніе международного обязательства, г) свойство или размѣръ удовлетворенія, причитающагося за нарушеніе всякаго международного обязательства; д) толкованіе рѣшенія, по-

становленнаго Палатою. — Палата равнымъ образомъ судить всякіе споры, каковы бы ни была ихъ природа, которые ей переданы общей или специальной конвенціей сторонъ. — Въ случаѣ несогласія, входитъ-ли споръ въ категорию, которая выше указана, о томъ рѣшаетъ Палата.

Если добавитъ, что планъ самой *организации* Палаты, какъ онъ задуманъ въ Гаагскомъ проектѣ, очень удачно разрѣшаетъ многіе старые споры по этому предмету и что въ Палатѣ обезпечена полная независимость судей и ихъ наилучшій составъ, то, въ связи съ даннымъ въ проектѣ, указаннымъ выше, построениемъ *компетенціи* будущаго международнаго суда, можно сказать, что осуществленіе началъ, положенныхъ въ основу работы комиссіи юристовъ, было бы огромнымъ шагомъ впередъ.

Но Лига Націй, въ лицѣ пока одного изъ своихъ органовъ — Совѣта, а скоро, вѣроятно, и другого — Собранія, не рѣшилась благо-

словить Гаагскій проектъ, притомъ его основной части — въ формулахъ о международномъ исцѣ, о которыхъ я говорилъ. Въ нихъ усмотрѣли покушеніе на святость запутанныхъ и замысловатыхъ, поспѣшныхъ и непродуманныхъ, изреченій Версальскаго „ковенанта“. Статьи, дававшія международному суду опредѣленную власть надъ международными спорами, замѣнили простыми ссылками на Версальскій уставъ, со всей недостаточностью его постановленій о международной юстиціи.

Заслуженный представитель европейскаго мирнаго движенія Леопольдъ Буржуа, со свойственной ему, привитой рядомъ прецедентовъ, умѣренностью, долженъ былъ снова, какъ въ Гаагѣ въ 1899 г. и въ 1907 г., сказать въ своемъ докладѣ передъ Брюссельскимъ съѣздомъ Совѣта Лиги, что международная реформа отложена до лучшихъ временъ.

Проф. бар. В. Э. НОЛЬДЕ.

GUILD SOCIALISM.

(Опытъ построенія новой социальной теоріи въ Англіи).

Среди организованныхъ рабочихъ Англіи, остающихся въ общемъ вѣрными принципамъ демократіи и социализма, подъ влияніемъ результатовъ мировой войны и русской революціи сильны -- какъ и всюду -- исканія выхода изъ создававшагося хаоса въ области промышленной и всей социально-экономической жизни страны. Результатовъ этихъ исканій

пока не видно для обычнаго глаза ибо они идутъ внутри, въ самой толщѣ организациіи рабочихъ и лишь спорадически даютъ о себѣ знать, какъ только на поверхности социально-политической жизни страны обнаруживаются конфликты, въ видѣ требованія націонализациіи угольныхъ копей, или угроза стачкой, за которыми уже не стоятъ лишь простыя

экономическія требованія, а нѣчто большее.

И въ то время какъ идетъ эта глухая, упорная систематическая работа въ нѣдрахъ организаций рабочихъ массъ — въ средѣ социалистически настроенной англійской интеллигенціи и молодыхъ ученыхъ въ области социальныхъ наукъ бурно работаетъ мысль и тоже ищетъ выхода.

Однимъ изъ такихъ исканій является въ Англии течение подъ именемъ Guild Socialism или National Guild — терминъ мало удачный по мнѣнію и самихъ сторонниковъ движенія и мало говорящій при переводѣ его на русскій языкъ, ибо это не есть по существу возвратъ къ средне-вѣковому строю гильдій, хотя эпоха средне-вѣковья трактуется нѣкоторыми изъ авторовъ, какъ доброе старое время и однимъ изъ пионеровъ этого движенія Артуромъ Пенти (Arthur Pentu) написана довольно объемистая книга, пытающаяся осветить всю исторію, начиная съ культуры Греціи и Рима и до нашихъ дней, съ точки зрѣнія этого новаго ученія о Національной Гильдіи или Соціалистической Гильдіи (мы умышленно не говоримъ Гильдейскаго Соціализма — не потому, что это звучитъ вульгарно, а потому что въ основѣ всего ученія все-же лежить не социализмъ, а гильдія, какъ абстракція и какъ носительница функциональнаго начала въ области производства, распредѣленія и всего социальнаго строя будущаго).

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію сущности этого новаго течения, мы должны сдѣлать и еще два замѣчанія. Среди сторонниковъ этого течения совершенно нѣтъ единства ни въ излагаемой ими доктринѣ, ни въ ихъ общемъ міросозерцаніи. Къ нему принадлежатъ люди различ-

ныхъ политическихъ убѣждений, причѣмъ всѣмъ имъ свойствененъ своего рода фанатизмъ, и все время чувствуется, что, считая себя новаторами, они не столько поучаютъ, хладнокровно излагая глубоко продуманную научную проблему, сколько полемизируютъ, агитируютъ и сражаются, порой съ несуществующимъ врагомъ, задорно, злобно и нетерпимо.

Фразеология нѣкоторыхъ изъ авторовъ пестритъ порой терминами, которые вы обычно находите въ прокламаціяхъ русскихъ большевиковъ.

Впервые заговорилъ о Guild Socialism'ѣ Артуръ Пенти въ 1906 г., издавъ книгу «The Restoration of the Guild System». Позднѣе къ нему присоединился редакторъ журнала «The New Age» A. R. Orage. Результатомъ ихъ сотрудничества появился рядъ статей въ 1912-1913 г. г. въ «The New Age», которыя потомъ ими были систематизированы и изданы въ 1914 г. подъ заглавіемъ «National Guilds, An Inquiry into the Wage System and the Way Out». Горячій сторонникъ новаго течения G. D. H. Cole присоединился къ движенію только въ 1914 г., а до этого времени оны, по его же собственнымъ словамъ, не хотѣли считать себя сторонникомъ ученія о гильдіи, такъ какъ ему „не нравился терминъ Guildsman и все движеніе казалось слишкомъ мало связаннымъ съ реальнымъ промышленнымъ міромъ“.^{*)}

Въ 1914 г., вѣрнѣе на Пасхѣ 1915 г., была окончательно создана Лига Національныхъ Гильдій (National Guilds League), которая, во главѣ съ G. Cole и W. Mellor и повела регулярную пропаганду своихъ идей среди рабочихъ организаций Англии.

^{*)} G. D. H. Cole, „Chaos and Order in Industry“, стр. 51.

„Основная мысль доктрины о гильдии,—говорит G. D. H. Cole в своей книге *Chaos and Order in Industry*, заключается в томъ, что различныя отрасли промышленности и занятія должны демократически управляться тѣми, кто работаетъ въ нихъ. По существу это есть стремление примѣнить въ области промышленной жизни принципы демократіи и самоуправления, которые, хотя правда только теоретически, признаны въ области политической. Основная точка зрѣнія сторонниковъ учения о гильдіи та, что человѣчскій трудъ не есть вещь или товаръ, и что существующая система оплаты труда, трактуя трудъ, какъ вещь, повинна въ нарушеніи человѣческой справедливости и насилваніи элементарныхъ потребностей человѣка. Выходомъ изъ этой системы оплаты труда долженъ быть отказъ рабочихъ работать за заработную плату. Сторонники учения о гильдіи стремятся къ тому, чтобы трэдъ-юніоны направили всю свою политику на обезпеченіе за трудомъ права контроля промышленности. Ячейкой, способной взять на себя контроль производственнаго процесса въ мастерской, является рабочій комитетъ трэдъ-юніона въ данной мастерской. Къ сожалѣнію, современное профессиональное движеніе настолько хаотично и настолько раздроблено, что необходимо вмѣсто трэдъ-юніонизма (*Trade-Unionism*) агитировать за индустриальный юніонизмъ (*Industrial Unionism*), систематически объединяя трэдъ-юніоны по индустріямъ. Сторонники учения о гильдіи противъ частной собственности въ области промышленности и стоятъ за общественное владѣніе, причемъ, конечно, это не надо понимать въ томъ смыслѣ, что данная отрасль промышленности

будетъ бюрократически управляться однимъ изъ департаментовъ государства. Контроль всей индустріи долженъ находиться въ рукахъ національныхъ гильдій и всего того персонала, который занятъ въ промышленности. Но сторонники учения о гильдіи и противъ того, чтобы какая-либо отрасль промышленности принадлежала рабочимъ, работающимъ въ ней. Ихъ цѣлью является создать промышленную демократію, отдавая въ руки рабочихъ все административное веденіе дѣла, и въ то же самое время избѣжать полученія прибыли, отдавая собственность въ руки общества.

Рабочій въ гильдіи не будетъ работать ради прибыли: цѣны произведенныхъ имъ продуктовъ и размѣръ его вознагражденія, косвенно по меньшей мѣрѣ, будутъ устанавливаться въ значительной степени общественнымъ контролемъ. При системѣ гильдіи рабочіе и общество являются партнерами въ области промышленности, и это рѣзко отличаетъ эту систему отъ того, что принято называть синдикализмомъ. Доминирующими идеями національныхъ гильдій являются самоуправленіе въ промышленности и демократія. Демократическій принципъ также примѣнимъ въ индустріи, какъ и въ политикѣ: болѣе того, политическія учрежденія никогда не могутъ быть дѣйствительно цѣлкомъ демократичны, если они не опираются на демократическія учрежденія въ области экономической жизни. Истинная демократія должна быть по существу функциональной демократіей въ томъ смыслѣ, что всякое демократическое общество можетъ быть основано только на демократическихъ организаціяхъ его составныхъ частей“⁹⁾

⁹⁾ G. D. H. Cole. „Chaos and Order in Industry”, стр. 55 и слѣд.

„Основный принципъ въ гильдіи, по мнѣнію S. G. Hobson и A. R. Orage, — промышленная демократія. Этимъ она отличается отъ государственнаго социализма или коллективизма. При послѣднемъ контроль осуществляется извнѣ и по существу своему бюрократиченъ, гильдія-же сама ведетъ свои дѣла, сама назначаетъ своихъ служащихъ, отъ управляющаго и до мальчика для посылки, сносится съ другими гильдіями и государствомъ, какъ самодовлѣющая единица. Она отвергаетъ бюрократію государства, но въ то-же время она отвергаетъ и синдикализмъ, такъ какъ она признаетъ сотрудничество съ государствомъ, если это сотрудничество построено на принципѣ промышленной демократіи.

Намъ ясно, что гильдія не должна быть абсолютнымъ владѣльцемъ земли, домовъ и машинъ. Мы остаемся социалистами потому, что мы вѣримъ, что въ конечномъ счетѣ государство, какъ органъ, представляющій все общество въ дѣломъ, должно быть окончательнымъ судьей.

Такимъ образомъ, мы отчасти согласны съ государственнымъ социализмомъ или коллективизмомъ, но мы также находимся въ согласіи и съ синдикалистами, основная идея которыхъ заключается въ конечномъ счетѣ въ томъ, что рабочіе должны сами контролировать ту работу, которую они дѣлаютъ и черезъ посредство своихъ союзовъ должны быть сами себѣ господами. Однако, признаніе государства и его функций отнюдь не нарушаетъ нашего основнаго утвержденія, что экономика должна предшествовать политикѣ“.)

По вопросу о государствѣ г. г. С. Гобсонъ и А. Орэдждъ сильно расхо-

дятся во мнѣніяхъ съ г. Кольтъ, который не признаетъ суверенитета государства и въ новомъ изданіи своей книги *Self-Government in Industry* не отстаиваетъ уже своей прежней точки зрѣнія на со-суверенитетъ государства и гильдіи, и развиваетъ ту мысль, что государство теперь перестало представлять потребителя и что гильдія, какъ ассоціація производителей, сталкивается уже не съ государствомъ, утерявшимъ свое значеніе, а съ группой организацій, представляющихъ потребителя; и если приглашеніе по спорному вопросу не послѣдуетъ между ними, то вопросъ переносится на соединенное совѣщаніе, въ которомъ участвуютъ Конгрессъ Гильдіи, Государство и различные функциональные Конгрессы потребителей.

Жестоко критикуя существующую систему и весь укладъ современнаго социально-политическаго строя, сторонники гильдіи мало заботятся о томъ, чтобы въ противобѣсъ существующей системѣ дать конкретныя указанія, какъ-же будетъ построена новый возмѣщаемый ими строй. Въ этомъ отношеніи они очень напоминаютъ намъ нашихъ большевиковъ, которые не заботятся, какъ будетъ созданъ ими-же провозглашенный коммунистическій строй: важно разрушить, уничтожить, посадить на мѣсто опытнаго и знающаго человека своего коммуниста, хотя-бы онъ и не обладалъ никакимъ опытомъ и знаніемъ, а остальное все образуется само собой.

По мнѣнію G. Cole, разъ существующая система оплаты труда будетъ уничтожена, вопросъ о вознагражденіи приобретаетъ уже совершенно не то значеніе, какое оно имѣетъ теперь. Национальная Гильдія, по его мнѣнію, будетъ фиксировать дѣны за достав-

*) A. R. Orage. „National Guilds“, стр. 132 и слѣд.

ленные продукты, принимая во внимание качество и количество. По мнѣнію другихъ авторовъ, будетъ установленъ опредѣленный минимумъ, а излишки гильдія будетъ въ одной части оставлять на производство, въ другой части держать въ запасѣ для нуждъ производства, а остатки распредѣлять между собой, но не по принципу равенства, а принимая во внимание и возрастъ и различіе способностей и т. д.

Область распредѣленія у сторонниковъ ученія о гильдіи, надо сказать, въ общемъ очень мало разработана, а въ вопросахъ капитала и денежнаго обращенія у нихъ еще менѣе ясности. Такъ, напримѣръ, у нихъ не учитывается вся сложность и огромное значеніе капитала и его обращенія и упускается изъ виду та простая истина, что по самой своей природѣ гильдія сбѣгаетъ капиталъ менѣе подвижнымъ, а, съ другой стороны, среди гильдій будутъ существовать соревнованіе и конкуренція и постоянныя тренія изъ-за обладанія капиталомъ. А это, въ первую голову, сильно отразится на производительности, этомъ главнымъ нервѣ любого общежитія.

Коль скоро въ Англии, по мнѣнію С. Гобсона и А. Ореджа, будетъ отменена существующая система оплаты труда и рента, процентъ и прибыль исчезнуть, Англія сразу становится въ болѣе благоприятное положеніе по отношенію къ другимъ странамъ, у которыхъ она будетъ закупать сырые материалы и которыхъ — не будучи въ состояніи конкурировать съ Англіей, ибо ихъ будутъ давить ихъ собственныя ренты, проценты, прибыль, — принуждены будутъ тоже перейти къ строю гильдій. Банковая система въ Англіи исчезнетъ и всѣ сдѣлки будутъ производиться Национальнымъ Банкомъ Гильдіи при посредствѣ Раз-

счетной Палаты — Clearing House^a. А затѣмъ, рано или поздно, будетъ найдена особая единица стоимости, не обязательно опирающаяся на время, которая со временемъ выравнивается и будетъ общепризнаннымъ мѣриломъ.

Допустимъ, говорятъ вышеприведенные авторы, что мы назовемъ эту единицу труда гильдеромъ (guildor), тогда весь процессъ обмена получаетъ реальное обоснованіе. Мусорщикъ будетъ, допустимъ, получать въ недѣлю 60 гильдеровъ, механической рабочей 100 гильдеровъ, текстильщикъ 75, углековъ 90, и т. д. Будутъ-ли эти гильдеры отчеканены на кускѣ дешеваго металла, или на клочкѣ бумаги, это практически не существенно. Важно, что это — наше мѣрило труда, признанное, какъ мѣровая единица, всѣми гильдіями, и, такъ какъ каждая гильдія будетъ являться и банкомъ въ тоже время — то никакихъ особыхъ затрудненій не будетъ.

Много удѣляютъ вниманія новаторы и вопросу о роли личности, но и здѣсь такія же общія мѣста и, въ цѣломъ, вы получаете впечатлѣніе, что человекъ будущаго уже не будетъ обладать тѣми отрицательными качествами, какими онъ обладаетъ теперь только потому, что онъ живетъ въ эпоху капитализма, дѣлающаго его и жаднымъ, и эгоистическимъ, и преслѣдующимъ только свои личные интересы. Въ этомъ отношеніи они напоминаютъ тѣхъ идеалистовъ, которые рисовали и рисуютъ человека не каковъ онъ есть, а каковымъ онъ долженъ быть. И вотъ этого то человекъ, лишенный недостатковъ, наложенныхъ на него современнымъ строемъ, а обладающій только добродѣтелями сумеетъ построить грядущій Новый Строй Гильдій, — и многое, чего не подумали до конца сами новаторы, обра-

зается само собой только потому, что „гидра“, разъядающая современный строй, исчезнет съ лица земли.

Каковы же пути, ведущіе къ царству Гильдій?

Что это: долгій-ли эволюціонный путь, политическая-ли революція, или диктатура большевика-коммуниста?

Новаторы и здѣсь различно отвѣчаютъ на вопросъ: Артуръ Пенти энергично протестуетъ противъ насилія. „Если существующій строй, — говоритъ онъ, — быть бы сместенъ до основанія, было бы невозможно создать сразу такія условія, которыя бы помогли намъ справиться съ создавшимся положеніемъ. Мы погибли бы черезъ какихъ-нибудь двѣ недѣли. Если рабочій классъ Россіи былъ не въ состояніи уничтожить господство двухъ процентовъ населенія безъ того, чтобы не вызвать социального хаоса — то что же ожидаетъ нашихъ рабочихъ, если имъ предстоитъ уничтожить господство 30% населенія.“ *)

Нѣкоторые новаторы не прочь бы ликвидировать дѣло путемъ экспроприации за извѣстное вознагражденіе, причемъ эта „справедливая оцѣнка“ куда щедрѣе у нихъ, чѣмъ во всѣхъ тѣхъ русскихъ законопроектахъ, которые писались послѣ мартовской революціи 1917 г. и на Югѣ Россіи.

Наиболѣе непримиримымъ и здѣсь является г-нъ Коль, который хотя и не провозглашаетъ революціи, какъ единственнаго средства покончить съ системой наемнаго труда, но считаетъ, что катастрофа неизбежна.

Въ одной изъ своихъ агитаціонныхъ брошюръ Лига Національныхъ Гильдій говоритъ: „Идея гильдій съ

вѣрой взираетъ на революціонный трэдъ-юнионизмъ. Она настаиваетъ на той политикѣ трэдъ-юниона, которая начнется грандіозной организаціонной кампаніей во имя упроченія полной монополіи труда и затѣмъ перейдетъ къ требованію созданія контроля и управленія промышленностью на принципѣ партнерства съ государствомъ.“ *)

Такова та идея о грядущемъ царствѣ гильдій, которую ея ревностные сторонники стремятся внѣдрить въ умы широкихъ массъ Англій, ведя вездѣ и всюду дѣятельную агитацію. Сдѣлана даже попытка отъ словъ перейти къ дѣлу, и въ Манчестерѣ содѣлалась Строительная Гильдія, въ которой горячее участіе принялъ одинъ изъ упомянутыхъ авторовъ С. Гобсонъ.

Вѣроятная неудача этого начинанія заставитъ его дѣятелей перейти къ дальнѣйшей разработкѣ тѣхъ здоровыхъ началъ, которыя они включили въ свою схему, и отдать свой умъ, способности и силы на болѣе широкую подготовку къ претворенію въ жизнь этихъ здоровыхъ началъ. Среди послѣднихъ вопросы производительности, организаціи индустріи, децентрализаціи и самоуправленія, на ряду съ вопросами потребленія, занимаютъ видное мѣсто. Но они получаютъ свое практическое значеніе только тогда, когда разсматриваются не въ абстрактномъ комплексѣ, названномъ Гильдіей, а въ той реальной обстановкѣ, въ которой протекаетъ народно-хозяйственная жизнь страны.

С. П. Тюринъ.

*) Н. Reynard. «The Guild Socialists» въ «The Economic Journal». September 1920, стр. 326.

*) The Guild Idea. Pamphlet No 2. Стр. 11.

АНРИ БАРБЮССЪ.

Последній романъ Барбюсса носить трудно переводимое однимъ русскимъ словомъ *нагазіе* — „Clarté“. Clarté — это свѣтъ, ясность, сіяніе, прозрачность. Но меньше всего это слово, сдѣлавшееся лозунгомъ цѣлой группы литературныхъ и политическихъ друзей Барбюсса, подходит къ его собственному художественному творчеству. Въ немъ нѣтъ ни ясности, ни свѣта, ни прозрачности. Наоборотъ, это тяжелое, мутное творчество, безформенно распластанное въ цѣпкихъ сѣтяхъ кошмаровъ.

Анри Барбюссъ началъ свою литературную дѣятельность въ 1895 году какъ лирический поэтъ, приходящій [къ символизму, поэтъ небольшого дарованія, меланхолическихъ настроеній и полутоновъ. Ничто не предсказывало въ сборникѣ его стиховъ „Pléiades“ будущаго автора „Ада“ и „Огня“. После неумѣлаго и туманно-философичнаго романа „Les Surpliants“, который едва-ли найдетъ себѣ читателей даже въ дни нынѣшней славы Барбюсса, онъ въ 1908 году выпустилъ въ свѣтъ второй свой романъ „L'Enfer“ („Адъ“), прошедшій тогда мало замѣченнымъ, но нынѣ раздѣляющій шумный успѣхъ „Огня“. Въ этомъ романѣ Барбюссъ приближается къ натуралистическимъ завѣтамъ Золя. Какъ Золя, хочетъ онъ казаться экспериментаторомъ, наблюдателемъ и также, въ противность своимъ намѣреніямъ, многое выдумываетъ и даетъ волю самой необузданной фантазіи. Выдуман

этотъ ужасный экспериментъ надъ душой юноши, на долгое время пригвоздившаго себя къ незамѣтному отверстию въ стѣнѣ комнаты отеля, изъ которой видно все, что дѣлается въ сосѣдней комнатѣ. Совершенно явно неправдоподобенъ и самый отель: не поймешь, что это — хорошая гостиница или грязный лупанарь. Въ смѣлой откровенности проходящихъ одна за другою картинъ Барбюссъ далеко оставляетъ за собою Золя, который *послѣ этого* можетъ, пожалуй, показаться писателемъ для молодыхъ дѣвицъ вроде Марлиттъ. Эти кошмарные фантамы сплетающихся тѣлъ дѣйствительно — адъ! И это въ перемежку съ бесконечными страницами банальной философіи и сентиментальной лирики!

Въ 1914 году Барбюссъ выпустилъ въ свѣтъ 45 маленькихъ причудливо ироническихъ рассказовъ подъ заглавіемъ „Nous Autres“. Началась война. Барбюссъ былъ ея участникомъ, видѣлъ ее въ траншеяхъ и въ близкомъ тылу. Результатъ его наблюдений — романъ „Огонь“ („Le Feu“) — принесъ ему мировую славу.

Тема войны привлекла въ свое время автора „La Débâcle“ обиліемъ „человѣческихъ документовъ“, ея кровью и грязью, мощной и безформенной жизнью массъ, не требующей отъ художника ни большого мастерства въ описаніи индивидуальной психологии, ни тонкости рисунка, качества, отсутствовавшихъ у Золя. Еще болѣе, чѣмъ война 71 года, подходитъ для натуралистической

трактовки война современная, въ которой личное начало свелось почти къ нулю.

И у Барбюсса тоже не живут индивидуальной жизнью отдельные солдаты. Они сливаются въ одно цѣлое, не даромъ „Le Feu“ названъ „исторіей взвода“. Барбюссъ натуралистически описываетъ всѣ картины войны, съ кровью и грязью, повседневность и муки. Смѣло вводитъ въ книгу откровенно циничный солдатскій жаргонъ. Не это-ли новшество было одной изъ причинъ того, что картина войны въ „Le Feu“ показалась такой правдивой? Какъ не вѣрить правдѣ книги, когда въ ней есть и эта правда, этотъ фонъ крѣпкихъ словъ, котораго не было еще никогда въ литературѣ? Poilus, говорившіе своимъ истиннымъ языкомъ, становились осязательными, „живыми“, какъ восковыя фигуры въ паноптикумѣ кажутся живыми для неразвитаго вкуса.

Правдива-ли эта книга? Для чело-вѣка, не бывшаго на французскомъ фронтѣ, трудно отвѣтить на этотъ вопросъ. Вѣроятно, въ этой книгѣ есть много правды. Барбюссъ упорно и близко наблюдалъ войну, и чувствуется въ немъ какой-то паеосъ страстнаго желанія сказать правду, всю правду. Да и какъ бы иначе повѣрили этой правдѣ тысячи людей, пережившихъ войну въ траншеяхъ? Одна-ли въ ней правда? Вѣроятно, нѣтъ. Въ ней есть правда художественная, которую легко прослѣдить. Авторъ не чуждается сентиментальныхъ трюковъ и эффектовъ, которые любилъ Золя, вставлявшій, напримѣръ, двухъ братьевъ встрѣтиться врагами на баррикадахъ, и т. п. Явственно неправдоподобны раз-

ска-зъ о томъ, какъ французъ, надѣвшій нѣмецкій мундиръ, вмѣстѣ съ нѣмецкими солдатами-эльзасцами посѣщаетъ занятый нѣмцами городъ, видитъ только черезъ окно свою жену и ребенка и возвращается обратно.

Неправдоподобна ужасная сцена, гдѣ солдатъ находитъ разложившійся трупъ женщины, которую онъ любилъ, и впервые, невольно, обнимаетъ ее. Это слишкомъ подозрительно похоже на нѣкоторыя страницы барбюссовскаго „Ада“ (позже, открывающій гробъ жены, чтобы достать зарытый манускриптъ) или Золя (смерть Бенедетты въ „Римѣ“). Не кажется-ли такая изступленная „натуралистическая романтика“ только эстетическимъ пристрастіемъ автора, а не правдой войны? Подозрительны и политическій субъективизмъ автора — эти разговоры солдатъ о будущемъ братствѣ, прославление Либкнехта, странное отсутствіе офицеровъ во время атаки, что это — правда или полемика? Но не будемъ говорить о дозахъ правды въ „Огнѣ“. Правда есть, но не она, не художественныя достоинства дали „Огню“ его громадный успѣхъ.

Интересно отмѣтить, что эта книга, разошедшаяся во Франціи въ 300.000 экземпляровъ, долго не могла найти издателя въ Россіи. Не потому-ли это, что въ Россіи большинство интеллигенціи мало духовно интересовалось войной, какъ проблемой не только политической, не интересовалось и реальнымъ лицомъ, бытомъ войны. Ни художественно прикровенное отрицаніе войны и интернационализмъ Барбюсса, ни проповѣдь Ромена Ролана не могли вызвать интереса въ Россіи: тамъ духовная атмосфе-

ра была такъ насыщена отрицаніемъ войны, что оно казалось чуть ли не общимъ мѣстомъ, и вызвать сенсацию могла развѣ только проповѣдь Ленина, доведшая практическое отрицаніе войны до поговора Брестъ-Литовска. Франція же, имѣвшая непоколебимую волю къ побѣдѣ, страстно интересовалась войной, зашемъ читала военную беллетристику. И когда одна и та же книга соединила въ себѣ и нелишнюю силу и размахъ картину войны и морально политическое отрицаніе, эта книга должна была вызвать сенсацию, восторгъ меньшинства, возмущеніе большинства. Успѣхъ книги былъ отчасти и успѣхомъ художественнымъ, но несоразмѣрно усиленнымъ благодаря политической сенсаци. Признаніе художественныхъ достоинствъ „Огня“ явилось какъ бы общей почвой, на которой примирялись между собою политические противники, своеобразнымъ „священнымъ союзомъ“ въ литературѣ. Въ сторонѣ оставались люди, подходящіе къ искусству только съ эстетическими требованиями, но ихъ немного, и книга была „обречена“ славѣ.

Ставши „мѣтромъ“, Барбюссъ написалъ новый романъ „La Clarté“.

Этотъ романъ сшитъ изъ трехъ различныхъ лоскутовъ. Въ началѣ это исторія скромнаго приказчика, лирическіе отрывки средняго качества, въ которыхъ чувствуется вліяніе русскихъ романовъ, воспринятыхъ черезъ очки Мельхиора де Вогюэи сентиментальнаго социализма, какія-то воспоминанія о завѣтахъ любви къ маленькимъ людямъ, les petits et les humbles. Можно замѣтить и вліяніе Горькаго (напримѣръ, образъ „тетушки“, напоминающей горьковскую „Мать“ и бабушку изъ „Дѣтства“). Затѣмъ темпъ и тонъ книги мѣняются. Символическая картина современнаго капиталистическаго общества переходитъ въ сцены войны. Третья же часть, третій лоскутъ, это чистая публицистика, популярное изложенеіе социалистическихъ доктринъ, проклятій королямъ, отрицаніе Бога, напоминающія самыя плохія нелегальныя брошюры для народа. Зачѣмъ это все въ романѣ? Можетъ быть, автору и брезжить свѣтъ, ясное небо послѣ кошмаровъ „Ада“ и бойни „Огня“. Но художественнаго свѣта нѣтъ и въ этомъ романѣ. Меньше кошмаровъ, но также душная атмосфера, творчески не искупленная и не преображенная.

Мих. Цетлингъ.

ТЕАТРЪ ВЪ АНГЛИИ.

Каждый вечеръ въ синемъ влажномъ воздухѣ Лондона, между Пикадилли и Чарингъ - Кроссомъ, вспыхиваютъ яркіе, разноцвѣтные огни сорока театровъ... По черному зеркалу асфальта танутся без-

конечной вереницей пылящіе автомобили, таятъ въ холодящемъ туманѣ ихъ вечерній рогъ, и скрещиваются бѣлые лучи освѣпительныхъ прожекторовъ. Безшумно распахиваются дверцы черныхъ

карежь. Пестрые плащи, парча, расшитыя шелками ткани Востока, перья, сверкающая игра брильянтовъ и теплое мерцанье жемчуга смѣшиваются на трюгарѣ съ темнымъ потокомъ пѣвшихъ искателей зрѣлищъ. Непривычные къ сырому асфальту атласные каблучки неловко и торопливо бѣгутъ вглубь освѣщенного подѣзда, за облакомъ газа и кружевъ черной тѣнью проходить цилиндры и фраки, сверкаютъ бѣлоснѣжные пластроны.

Каждый вечеръ сорокъ театровъ открываютъ свои огненные двери взволнованной и пестрой толпѣ. Каждый вечеръ — сорокъ театровъ!

И все-же, въ Лондонѣ нѣтъ театра...

..

Да, театръ умеръ въ странѣ Шекспира.

Нѣтъ драмы, нѣтъ артистовъ, нѣтъ зрительнаго зала но пьесу «Гамлету», «Королю Ляру» или «Виндзорскимъ кумушкамъ».

Еще полвѣка тому назадъ англійская публика свистомъ поправляла актера, нетвердаго въ шекспировскомъ текстѣ. Теперь вы не наберете среди десяти слишкомъ милліоновъ лондонскаго населенія тотъ десятокъ полныхъ сборовъ, который позволялъ бы предпринимателю или «manager» у смотрѣть на постановку Шекспира, какъ на коммерческое предпріятіе. И вы точно будете искать на афишѣ сорока лондонскихъ театровъ «Гамлетъ» или «Короля Ляра».

Театръ въ Англии сталъ исключительно коммерческимъ пред-

пріятіемъ, поставленнымъ на широкихъ капиталистическихъ началахъ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ въ театральномъ дѣлѣ возникла такъ называемая «long run system». Система эта убила репертуаръ. Она состоитъ въ томъ, чтобы путемъ огромныхъ затратъ на постановку, декорацию, костюмы, свѣтовые и музыкальные эффекты и рекламу держаться какъ можно дольше на одной пьесѣ, играя ее каждый вечеръ до тѣхъ поръ, пока сборы не начнутъ падать ниже извѣстнаго уровня. Тогда вся постановка съ декорациями, труппой, оркестромъ и т. д. переносится въ Манчестеръ, Ливерпулъ, Глазго, Эдинбургъ, Дублинъ, потомъ идетъ въ Америку, въ Австралію, въ колоніи, принося огромные барыши на однажды затраченный капиталъ. Эта система рассчитана на пяти-семилѣтній оборотъ для каждой пьесы. Конечно, для того, чтобы, хотя и въ разныхъ частяхъ свѣта, брать полные сборы въ течение столь продолжительнаго срока, необходимо поддерживать все время сенсационность зрѣлища, такъ сказать, освѣжать его, что и дѣлается вставкой новыхъ сценъ и дѣйствующихъ лицъ, сокращеніями и видоизмѣненіями, обновленіемъ костюмовъ и декораций. Отсюда ясно, что пьеса уважающаго себя драматурга, а тѣмъ болѣе классика, не можетъ быть подходящимъ матеріаломъ для современныхъ методовъ театральной промышленности.

..

Въ одномъ изъ театровъ Лондона, вотъ уже пятый годъ изъ дня въ день и изъ вечера въ вечеръ,

идеть при ежедневныхъ полныхъ сборахъ фееріа подъ названіемъ: «Чу-Чинъ-Чоу».

Зрѣлище это — типичная иллюстрація приѣмовъ «long run system» и той нищи, которую она даетъ толпѣ. Фабула пьесы заимствована изъ «Тысячи и одной ночи». Сказка объ Али-Бабѣ и сорока разбойникахъ, въ свободной трактовкѣ, служить случайной и весьма непрочной связью для ряда разрозненныхъ сценъ, вся цѣль которыхъ поразить зрителя роскошью и, скажемъ, смѣлостью костюмовъ, декоративными трюками и, главнымъ образомъ, довести до его сознанія тотъ фактъ, что «дирекція не останавливается ни передъ какими затратами».

По сценѣ проходятъ десятки дѣйствующихъ лицъ всѣхъ отгѣнковъ кожи. Тутъ и настоящіе арбы, негры и негрятянки, индусы и индуски, китайцы и китайки; живые ослы, верблюды, лошади; эквилибристы, фокусники, танцовщицы и танцовщицы, настоящій сапожникъ и настоящій гончаръ. И такъ — четыре года изо дня въ день. Верблюды, наконецъ, не выдержали и околѣли. Его замѣнили парой огромныхъ удавовъ. Невольно ставишь себѣ вопросъ: да какъ же могутъ выдержать артисты четыре года этой идиотской механики? Отвѣтъ ясенъ: настоящіе артисты и не выдержали бы. Но среди всего настоящаго и «взаправдышнаго», проходящаго по сценѣ въ «Чу-Чинъ-Чоу», нѣтъ ни одного настоящаго артиста.

Капиталистическая «long run system» создала собственный репертуаръ, не имѣющій ничего общаго съ театромъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Она же

создала и собственнаго исполнителя, столь же далекаго отъ того, что принято называть артистомъ.

Исполнители этого новаго зрѣлищаго промысла дѣлятся на двѣ, неравныя численно, группы. Первая группа — такъ называемыя «stars» — звѣзды, которыя всѣ должны быть первой, а если возможно, и еще большей величины. Обычно, это — признанныя красавицы, дипломированныя громкимъ бразоразводнымъ процессомъ, ослѣпительнымъ ювелирнымъ инвентаремъ, периодически подвергающимся ограбленію, или патентованныя какимъ-нибудь другимъ, еще болѣе сенсационнымъ и болѣе скандальнымъ путемъ. Ихъ имена печатаются на афишѣ аршинными буквами, еженедѣльные журналы типа «Tattle»'а и «Vogue» изображаютъ ихъ въ автомобиляхъ и аэропланахъ, верхомъ, въ ваннѣ, за завтракомъ, за теннисомъ, за туалетомъ и т.д. Онѣ получаютъ отъ 200 фунтовъ въ недѣлю и выше, чего вполне хватаетъ на булавки ихъ горничнымъ.

Мужчины группы «Star», по большей части, комики и эксцентрики. Среди нихъ встрѣчаются, безспорно, люди, отмѣченные острымъ гротескнымъ дарованіемъ. Ихъ присутствие на сценѣ узаконяетъ и оправдываетъ элементъ идиотическаго и бессмысленнаго. Ихъ дѣятельность и возбужденный кретинизмъ таить въ себѣ какую-то заразительную силу: черезъ полчаса зритель начинаетъ чувствовать, что его собственные мысли сдвинулись на бекрень, онъ начинаетъ испытывать потребность сѣсть на собственный цилиндръ и заложить ноги на ручки

сосѣднато кресла. Конечно и эти stars не могутъ существовать безъ рекламы, будь то спортивно или скандальнаго характера.

Вторая группа исполнителей — хористки. Каждый театръ гордится своими хористками, главнымъ образомъ, ихъ ногами и декольте. Ни одна изъ постановокъ въ сорока театрахъ Лондона, ни одна «show» или «musical play» не обходится безъ нѣсколькихъ десятковъ такъ называемыхъ «beauties». Эти дѣвушки, рекрутируемыя главнымъ образомъ среди продавщицъ универсальныхъ магазиновъ и переписчицъ, за пять фунтовъ въ недѣлю демонстрируютъ каждый вечеръ въ рѣзкомъ свѣтѣ рампы свои стереотипныя улыбки, свои набѣленные плечи и спины и стройныя ноги въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ или безъ оныхъ.

Надо сказать, что атмосфера особой холодной чувственности — есть наиболѣе характерная черта современныхъ английскихъ театровъ. Не скрашенная страстностью и темпераментомъ Юга, она превращаетъ театры Лондона въ какую-то жуткую выставку женскаго тѣла, поражающую болѣе всего количествомъ акенинируемаго матеріала.

Трудно сказать, какой театръ побилъ рекордъ въ этомъ отношеніи: «His Majesty's», гдѣ идетъ «Чучиль-Чоу» или «Huroodgom», гдѣ ставится гвоздь сезона, обзорніе «Jig-Saw», или «Palace Theatre», ставящій «Whirligig», или тотъ театръ, гдѣ идетъ шумѣвшая оперетта «Shopgirl». Или же зрительные залы этихъ театровъ, гдѣ, въ первыхъ рядахъ и ложахъ, плечи, груди и спины спорять

своей обнаженностью съ тѣмъ, что выставляется на показъ сцена.

Есть что-то чудовищное, что-то предсказанное рисунками Обри Бердслея и офортами Ронса въ этомъ «спорнограическомъ» дыханіи англійскаго театра. Каждый вечеръ на сорока ярко-освѣщенныхъ эстрадахъ, въ горячемъ сумракѣ сорока зрительныхъ заловъ, извращенно прославляется извращенный міръ женщины, стоящей надъ всѣмъ современнымъ, какъ какал-то высшая и всепокрывающая нелогичность. Днемъ Городъ живетъ среди вокзаловъ и доковъ, лабораторій и радиостанцій, приводныхъ ремней и пропеллеровъ. Но загораются освѣпительные огни рампы, и весь этотъ реальный міръ произмывается излученіями женщины. Линія ея тѣла, ритмъ колыханія ея набѣленной груди, невѣрность и нелогичность ея формы, фантастика костюма, яркая игра тканей, блескъ шелка и драгоценностей — таково настоящее содержаніе всѣхъ этихъ десятковъ обзорній, опереттъ и фичерій, загорающихся каждый вечеръ безчисленными огнями на подмосткахъ Лондона. Есть надъ чѣмъ задуматься передъ внѣшней фривольностью этого зрѣлища. Не кажется ли порой, что жемчужъ и драгоценныя камни, мѣха и перья, упругія кожаныя подушки автомобилей, хрусталь и цвѣты, эмали и обелены, искусственность сонета и типографская краска бульварнаго романа, все это — расходящаяся во все стороны эманация вотъ этихъ тридцати или болѣе полуголыхъ, набѣленныхъ дѣвушекъ, переступающихъ тамъ, подъ снопами блага электрическаго свѣта, съ ноги на ногу, въ

тактъ оглушительнымъ и раздражающимъ синконамъ негритянской «jazz band»? О, каждая изъ нихъ — героиня бульварнаго романа! Вчера — «степо-дактиль» или продавщица у Hagrod's въ огдѣленіи «Gents gloves», сестра маленькаго клерка, черноработчаго или валомщика, она завтра — подруга банкьера, жена министра или любовница художника. Она — единственная связь между дворцомъ, тюрьмой и рабочимъ кварталомъ, необходимая поправка къ социальнымъ утопіямъ, отрицаніе равенства и уравнише всѣхъ неравенствъ. И какъ бы ни называлось обозрѣніе, феерія или оперетта, рекламные огни которой вспыхиваютъ и гаснутъ каждый вечеръ передъ сорока театрами Лондона, публика идетъ съ жадностью сморънуть все тотъ же захватывающій бульварный романъ, романъ швеи, поднявшейся на подмостки, чтобы потомъ съѣсть вонъ тамъ, въ той ложѣ, рядомъ съ гордой лэди, которая не хочетъ скрыть отъ Лондона члго касаящагося ея плечь и яины... Или же, чтобы кончить въ моргѣ, подъ крапомъ медленно струящейся ледяной воды...

***

Итакъ, значитъ, публика? Тѣ, что, вставъ изъ-за стола, гдѣ мягкій свѣтъ матовыхъ лампъ дробилъ на граняхъ уалерфордскаго хрусталя и шеффилдскаго серебра, прѣвхали, мягко покачиваясь на упругихъ рессорахъ безшумнаго Рольсъ-Ройса; и тѣ, что съ семи часовъ стоятъ подъ зонтами въ очереди у кассъ «галерен», чита въ вечернихъ газетахъ сенсационныя свѣдѣнія о жизни «star»

овъ», — значитъ, эта публика лондонскихъ театровъ, составленная изъ всѣхъ слоевъ лондонскаго населенія, повинна въ томъ, что «Гамлетъ» и «Король Лиръ» уступили на подмосткахъ лондонскихъ театровъ фееріямъ и обозрѣніямъ въ родѣ «Чу-Чин-Чоу» и «Shor-girl»?

Когда въ той незначительной части печати, которая не заинтересована въ театральной рекламѣ, появляются нападки на безнадежное состояніе англійскаго репертуара, театральные предприниматели обычно валяютъ отвѣтственность на публику... Она-де виновата. Что дѣлать, если ее калачемъ не заманишь не только на Шекспира, но даже на Шоу и Голсуорти? Предприниматели не могутъ не считаться съ вкусомъ публики: они даютъ ей то, чего она требуетъ... Всякая публика имѣетъ тотъ театръ, какого заслуживаетъ... и т. д. Эти разсужденія не новы. На нихъ еще въ 1787 г. Фридрихъ Шиллеръ возражалъ слѣдующими словами: «Утвержденіе, что публика — причина паденія искусства, не основательно. Артисты держатъ публику на уровнѣ своего міросозерцанія; и во все эпохи упадка искусства оно падало благодаря своимъ жрецамъ. Отъ публики можно требовать только способности чувствовать, и этой способностью она обладаетъ. Она занимаетъ мѣста передъ опущеннымъ занавѣсомъ, полная невысказанныхъ ожиданій и разнообразныхъ возможностей. Она приноситъ съ собою воспримчивость къ высшему, готовность наслаждаться всемъ добрымъ и справедливымъ...»

Быть можетъ романтический оптимизмъ и высокая вѣра въ свѣтъ

для стороны массъ и преувеличенны у Шиллера. Но мы, бывшіе жители театральнѣйшей страны, мы, соотечественники театра Островскаго и современники Художественнаго театра и его молодыхъ отвѣтственій, знаемъ власть художественнаго и моральнаго зрѣлища надъ толпой. Больше того, мы знаемъ, что, въ концѣ концовъ, это даже выгодно съ антрепренерской точки зрѣнія. Театрала не только легко воспитать, его нетруд-

но и забавовать и заставить отъвернуться отъ низкопробнаго въ художественномъ отношеніи зрѣлища. Надо только захотѣть...

Но какое до этого дѣло промышленникамъ, завладѣвшимъ театральнымъ рынкомъ и такъ успешно и выгодно разрабатывающимъ залежи низменныхъ инстинктовъ и россыпи невѣжества и дурнаго вкуса?

Александръ Койранскій.

ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМЪ.

РОМАНЪ.

О, РУССКАЯ ЗЕМЛЯ!..

(Слово о полку Игореве)

I.

Сторонний наблюдатель изъ какого-нибудь заросшаго липами московскаго переулка, попадая въ Петербургъ, испытывалъ въ минуты вниманія сложное чувство умственнаго возбужденія и душевной придавленности.

Бродя по прямымъ и туманнымъ улицамъ, мимо мрачныхъ, какъ ящики, домовъ, съ темными окнами, съ дремлющими дворниками у воротъ, глядя подолгу на многоводный и хмурый просторъ Невы, на голубоватыя линии мостовъ, съ зажженными еще до темноты фонарями, съ колоннадами уютныхъ и нерадостныхъ дворцовъ, съ нерусской, пронзительной высотой Петропавловскаго собора, съ бѣдными лодочками, ныряющими въ темной водѣ, и безчисленными барками сырыхъ дровъ вдоль гранитныхъ набережныхъ, заглядывая въ лица прохожихъ — озабоченныя и блѣдныя, съ глазами, какъ городская муть, — види и принимая всему этому, сторонний наблюдатель — благонамѣренный — прятать голову поглубже въ воротникъ, а неблагонамѣренный — начинать думать, что хорошо бы ударить со всей силой, разбить вдребезги это застывшее, унылое очарованіе.

Еще во времена Петра Перваго дьячокъ изъ Троицкой церкви, что и сейчасъ стоитъ близъ Троицкаго моста, спускаясь съ колокольни, впотымахи, увидѣлъ кибимору — худую бабу и простоволосую, — сильно испугался, и, затѣмъ, говаривалъ въ кабацѣ : « Петербургу, молъ, быть пусту », — за что былъ схваченъ, пытанъ въ Тайной Канцеляріи и битъ кнутомъ нещадно.

Такъ, съ тѣхъ поръ, должно быть, и повелось думать, что съ Петербургомъ — нечисто. То видѣли очевидцы, какъ по улицѣ Васильевскаго острова ѣхалъ на извозчикѣ чортъ. То въ полночь, въ бурю и высокую воду, сорвался съ гранитной скалы и скакалъ по камнямъ Мѣдный Императоръ. То къ проѣзжему въ каретѣ тайному совѣтнику липнула къ стеклу, приставалъ мертвецъ — мертвый чиновникъ. Много такихъ ро- сказней ходило по городу.

И, совсѣмъ еще недавно, поэтъ, Алексѣй Алексѣевичъ Безсоновъ, проѣзжая ночью на лихачѣ, по дорогѣ на острова, горбатый мостикъ, увидаль сквозь разорванныя облака въ безднѣ неба звѣзду и, глядя на нее сквозь слезы, подумаль, что лихачъ, и горбатый мостикъ, и нити фонарей, и весь за спиной его спящій Петербургъ — лишь мечта, бредъ, возникшій въ его головѣ, отуманенной виномъ, любовью и скукой.

Точно въ бреду, наспѣхъ, построены были Петербургъ. Какъ сонъ, прошли два столѣтїя: чужой всему живому городу, стоящій на краю земли, въ болотахъ и пусторосляхъ, грезилъ всемирной славой и властью; бредовыми видѣнными мелькали дворцовые перевороты, убійства Императоровъ, триумфы и кровавыя казни; слабыя женщины принимали полубожественную власть; изъ горячихъ и смятыхъ постелей рѣшались судьбы народовъ; приходили ражіе парни съ могучимъ сложеніемъ и черными отъ земли руками, и смѣло поднимались къ трону, чтобы раздѣлить власть, ложе и византійскую роскошь.

Съ ужасомъ оглядывались сосѣди на эти бѣшеные взрывы фантазїи. Съ уныніемъ и страхомъ внимали русскіе люди бреду столицы. Страна питала и никогда не могла до-сыта напиться кровью своею и духомъ петербургскіе призраки.

Петербургъ жилъ бурливо-холодной, пресыщенной, полуночной жизнью. Фосфорическія лѣтнія ночи, сумасшедшія и сладострастныя, и бессонныя ночи зимой, зеленые столы и шорохъ золота, музыка, крутящіеся пары за окнами, бѣшенныя тройки, цыганы, дуэли, и на разсвѣтъ — въ свистъ ледного вѣтра и пронзительномъ завыванїи флейтъ — парадъ войскамъ передъ наводящимъ ужасъ взглядомъ выпуклыхъ глазъ Императора. — Такъ жилъ городъ.

Въ послѣднее десятилѣтіе съ невѣроятной быстротой создавались грандіозныя предпрїятїя. Возникали, какъ изъ воздуха, миллионныя состоянїя. Изъ хрусталя и цемента строились банкы, музыкъ-холлы, скетинги, великолѣпныя кабаки, гдѣ люди оглушались музыкой, отраженіемъ зеркалъ, полуобнаженными женщинами, свѣтомъ, шампанскимъ. Спѣшно открывались игорные клубы, дома свиданїй, театры, синематографы, лунныя парки съ американскими удовольствїями. Инженеры и капиталисты работали надъ проектомъ

постройки новой, невиданной еще роскоши, столицы, неподалеку отъ Петербурга, на необитаемомъ острове.

Въ городѣ была эпидемія самоубійствъ. Залы суда наполнялись толпами истерическихъ женщинъ, жадно внимающихъ кровавымъ и возбуждающимъ процессамъ. Все было доступно — роскошь и женщины. Развратъ проникалъ повсюду, имъ былъ, какъ заразой, пораженъ дворецъ.

И во дворецъ, до самаго трона несчастнѣйшаго изъ Императоровъ, дошелъ и, глумясь и издѣваясь, самъ сталъ шельмовать надъ Россіей неграмотный мужикъ, съ сумасшедшими глазами и могучей мужской силой.

Петербургъ, какъ всякій городъ, жилъ единой жизнью, напряженной и озабоченной. Центральная сила руководила этимъ движеніемъ. Но она не была слита съ тѣмъ, что можно было назвать духомъ города: центральная сила стремилась создать порядокъ, спокойствіе и цѣлесообразность, духъ города стремился разрушить эту силу. Духъ разрушенія былъ во всемъ, пропитывалъ гнилостнымъ ядомъ и грандіозныя биржевыя махинаціи знаменитаго Сашки Сакельмана, и мрачную злобу рабочаго на сталелитейномъ заводѣ, и вывихнутыя мечты модной поэтессы, сидящей въ пятомъ часу утра въ артистическомъ подвалѣ «Красные Бубенцы», — и даже тѣ, кому нужно было бороться съ этимъ разрушеніемъ, сами того не понимая, дѣлали все, чтобы усилить его и обострить.

То было время, когда любовь, чувства, добрыя и здоровыя, считались пошлостью и пережиткомъ; никто не любилъ, но всѣ жаждали и, какъ отравленные, припадали ко всему острому, раздражающему внутренности.

Дѣвушки скрывали свою невинность, супруги — вѣрность. Разрушеніе считалось хорошимъ вкусомъ, невращенія — признакомъ утонченности. Этому учили модные писатели, возникавшіе за одинъ сезонъ изъ небытія. Люди выдумывали на себя пороки и извращенія, лишь бы не прослыть прѣсными.

Вдыхать запахъ могилы и чувствовать, какъ рядомъ вздрагиваетъ, разгоряченное дьявольскимъ любопытствомъ, тѣло женщины, — вотъ въ чемъ былъ пафосъ поэзіи этихъ послѣднихъ лѣтъ: смерть и сладострастіе.

Таковъ былъ Петербургъ въ 1914 году. Замученный безсонными ночами, оглушающей тоску свою виномъ, золотомъ, безлюбой любовью, надрывающими и безсильно-чувственными звуками танго, — предсмертнаго гимна, — онъ жилъ словно въ ожиданіи рокового и страшнаго дня. И тому были предвозвѣстники, — новое и непонятное лѣзло изо всѣхъ щелей.

II.

... «Мы ничего не хотим помнить. Мы говоримъ — до-вольно, повернитесь къ прошлому задомъ! Кто тамъ у меня за спиной? Венера Милосская? А, что — ее можно кушать? Или она способствуетъ рощенію волосъ? Я не понимаю, для чего мнѣ нужна эта каменная туша. Но искусство, искусство, бррр! Вамъ все еще нравится щекотать себѣ пятки этимъ понятіемъ? Глядите по сторонамъ, впередъ, подъ ноги. У васъ на ногахъ американскіе башмаки? Да здравствуютъ американскіе башмаки! Вотъ искусство: красный автомобиль, гутаперчевая шина, пудъ бензину и сто двадцать верстъ въ часть. Это возбуждаетъ меня пожирать пространство. Вотъ искусство: афиша въ шестнадцать аршинъ и на ней нѣкій шикарный молодой человекъ въ сияющемъ, какъ солнце, цилиндрѣ. Это портной, художникъ, гений сегодняшняго дня! Я хочу пожирать жизнь, а вы меня подчуete сахарной водицей для страдающихъ половымъ безсиліемъ»...

Въ концѣ узкаго зала, за стульями, гдѣ тѣсно стояла молодежь съ курсовъ и университета, раздался смѣхъ и хлопки. Говорившій, Петръ Петровичъ Сапожковъ, усмѣхаясь влажнымъ ртомъ, надвинулъ на большой носъ прыгающее пенсне и бойко сошелъ по ступенямъ большой, дубовой каѳедры.

Сбоку ея, за длиннымъ столомъ, освѣщеннымъ двумя пятисвѣчными канделябрами, сидѣли члены общества «Философскіе Вечера». Здѣсь были и предсѣдатель общества, профессоръ богословія, Антоновскій, и сегодняшній докладчикъ — историкъ Вельяминовъ, и философъ Борскій, изгнанный изъ Духовной Академіи за отпаденіе къ социаль-демократамъ, ушедшій отъ социалистовъ и проклятый ими, и лукавый писатель Сакунинъ, авторъ циничныхъ и замѣчательныхъ книгъ.

Общество «Философскіе Вечера» въ эту зиму выдерживало сильный натискъ со стороны мало кому извѣстныхъ, но зубастыхъ молодыхъ людей. Они нападали на маститыхъ писателей и почтенныхъ философовъ съ такой яростью и говорили такія дерзкія и соблазнительныя вещи, что старый особнякъ на Фонтанкѣ, гдѣ помѣщалось общество, по субботамъ, въ дни открытыхъ засѣданій, бывалъ переполненъ.

Такъ было и сегодня. Когда Сапожковъ при разсыпавшихся хлопкахъ исчезъ въ толпѣ, на каѳедру поднялся небольшого роста человекъ съ шишковатымъ, стриженнымъ черепомъ, съ молодымъ, скуластымъ и желтымъ лицомъ, — Акундинъ. Появился онъ здѣсь недавно, успѣхъ, въ особенности въ заднихъ рядахъ зрительнаго зала, бывалъ у него огромный, и, когда спрашивали — откуда и кто такой? — знающіе люди загадочно

улыбались. Во всякомъ случаѣ, фамилія была ему не Акундинъ, прѣхаль онъ изъ заграницы и выступаль не спроста.

Пощипывая рѣдкую бородку, Акундинъ оглядѣлъ затихшее зало, усмѣхнулся тонкой полосой губъ и началъ говорить.

Въ это время, въ третьемъ ряду кресель, у средняго прохода, подперевъ кулачкомъ подбородокъ, сидѣла молодая дѣвушка, въ суконномъ черномъ платьѣ, закрытомъ до шеи. Ея пепельные, тонкіе волосы были подняты надъ ушами, завернуты въ большой узелъ и сколоты гребнемъ. Не шевелясь и не улыбаясь, она разглядывала сидящихъ за зеленымъ столомъ, иногда ея глаза подолгу останавливались на огонькахъ свѣчей.

Когда Акундинъ, стукнувъ сухонькимъ кулачкомъ по дубовой каедрѣ, воскликнулъ: «Міровая экономика наноситъ первый ударъ желѣзнаго кулака по церковному куполу. Борьба съ церковью — вопросъ чисто экономической», — дѣвушка вздохнула не сильно и, принявъ кулачокъ отъ покраснѣвшаго снизу подбородка, положила въ ротъ карамель.

Акундинъ говорилъ:

...«А вы все еще грезите туманными снами о царствіи Божіемъ на землѣ. Здѣсь еще похрапываютъ и глядятъ сны, бормочутъ сквозь сонъ о мессіанствѣ. А онъ, не смотря на всѣ усилія, продолжаетъ спать. Или вы надѣетесь, что онъ, все-таки, проснется и заговоритъ, какъ валамова ослица? Да, онъ проснется, но разбудить его не сладкіе голоса вашихъ потовъ, не дымъ изъ камильницъ, — народъ могутъ разбудить только фабричныя свистки. Онъ проснется и заговоритъ, но не о мессіанствѣ, а о справедливости, и голосъ его будетъ неприятный для слуха. Или вы надѣетесь на ваши дебри и болота? Здѣсь можно подремать еще съ полстолѣтія, вѣрю. Но не называйте это мессіанствомъ. Это не то, что грядетъ, а то, что уходитъ, какъ тѣнь по землѣ. Здѣсь въ Петербургѣ, въ эгомъ великолѣпномъ залѣ выдумали русскаго мужика. Написали о немъ сотни томовъ и сочинили оперы. Игра въ тѣни на стѣнѣ. Боюсь только, какъ бы эта забава не окончилась большою кровью»...

Но здѣсь предсѣдатель остановилъ говорившаго. Акундинъ слабо улыбнулся, вытащилъ изъ пиджака большой, грязный платокъ и вытеръ привычнымъ движеніемъ черепъ и лицо. Въ концѣ зала раздались голоса:

- Пускай говорить!
- Безобразіе закрывать челоуѣку роты!
- Это издѣвательство!
- Тише вы, тамъ сади!
- Сами вы тише!

Акундинъ продолжалъ:

...«Русскій мужикъ — точка приложенія идей. Да. Но, если эти идеи органически не связаны съ его инстинктами, съ его вѣковыми желаніями, съ его первобытнымъ понятіемъ о справедливости, понятіемъ всечеловѣческимъ, то идеи падаютъ, какъ сѣмена на камень. И до тѣхъ поръ, покуда не станутъ разсматривать русскаго мужика просто, какъ чело- вѣка съ голоднымъ желудкомъ и натертымъ работою хреб- томъ, покуда не лишатъ его, наконецъ, когда-то какимъ-то бариномъ придуманныхъ мессіанскихъ его особенностей, до тѣхъ поръ будутъ трагически существовать два полюса, — ваши великолѣпныя идеи, рожденныя въ темнотѣ кабинетовъ, и жадная, полувѣривная жизнь. Мы критикуемъ васъ не по существу. Было-бы странно терять время на пересмотръ этой феноменальной груды — челоѣческой фантазии. Итъ. Мы говоримъ — идите и претворяйте идеи въ жизнь. Не ждите и не философствуйте. Дѣлайте ошѣтъ. Пусть онъ бу- деть отчаяннымъ. И тогда вы увидите, съ какими идеями и какъ вамъ нужно идти»...

Дѣвушка, въ черномъ, суконномъ платьѣ, не была рас- положена вдумываться въ то, что говорилось съ дубовой кафедрой. Ей казалось, что всѣ эти слова и споры, конечно, очень важны и многозначительны, но самое важное, въ концѣ концовъ, у этихъ людей въ томъ, что, напримѣръ, Акундинъ, — она въ этомъ увѣрена, — никого на свѣтѣ, кромѣ себя, не любитъ и, если ему нужно для доказательства своей идеи, то и пристрѣлить челоѣка.

Когда она такъ думала, за зеленымъ столомъ появился новый челоѣкъ. Онъ, не спѣша, сѣлъ рядомъ съ председа- телемъ, кивнулъ направо и налево, провелъ покрасѣвшей рукой по русымъ волосамъ, мокрымъ отъ снѣга, пальцы вы- теръ о платокъ; и, спрятавъ подъ столъ руки, выпрямился, въ очень узкомъ, черномъ сюртукѣ: худое, матовое лицо, брови дугами, подъ ними, въ тѣняхъ, огромные, сѣрые глаза, и волосы, падающіе шапкой. Точно такимъ Алексѣй Алексѣ- евичъ Безсоновъ былъ изображенъ въ послѣднемъ номерѣ еженедѣльнаго журнала.

Дѣвушка не видѣла теперь ничего, кромѣ этого почти отталкивающе-красиваго лица. Она словно съ ужасомъ вни- мала этимъ страннымъ чертамъ, такъ часто снившимся ей въ вѣтряныя петербургскія ночи.

Вотъ онъ, наклонившись ухомъ къ сосѣду, усмѣхнулся, и улыбка простоватая, но въ вырѣзахъ тонкихъ ноздрей, въ слишкомъ женственныхъ бровяхъ, въ какой-то особой нѣж- ной силѣ этого лица было вѣроломство, надменность и еще то, чего она понять не могла, но что волновало ее всего сильнѣе.

Въ это время докладчикъ Вельяминовъ, красный и бородатый, въ золотыхъ очкахъ и съ пучками золотисто-сѣдыхъ волосъ вокругъ большого черепа, отвѣчалъ Акудину:

...«Вы правы такъ-же, какъ права лавина, когда обрушивается съ горъ. Мы давно ждемъ пришествія страшнаго вѣка, предугадываемъ торжество вашей правды. Вы овладѣете стикхией, а не мы. Но мы не подопремъ плечами вашу лавину. Мы знаемъ — когда она докатится до дна, до земли, — сила ея изсякнетъ, и высшая справедливость, на завоеваніе которой вы скликаете фабричными гудками, окажется грудой обломковъ, хаосомъ, гдѣ будетъ бродить оглушенный человекъ. «Жажду» — вотъ что скажетъ онъ, потому что въ немъ самомъ не окажется ни капли влаги. И вы не дадите ему пить. Берегитесь, — Вельяминовъ поднялъ длинный, какъ карандашъ, палецъ и строго черезъ очки посмотрѣлъ на ряды слушателей, — въ раю, который вамъ грезится, во имя котораго вы хотите превратить живого человека въ силлогизмъ, одѣтый въ шляпу, пиджакъ и съ винтовкой за плечами, въ этомъ страшномъ раю грозить новая революція, — быть можетъ, самая страшная изъ всѣхъ революцій — революція Духа»...

Акудинъ холодно проговорилъ съ мѣста:

— Это предусмотрено...

Вельяминовъ развелъ надъ столомъ руками. Канделябръ бросалъ блики на его лысину. Онъ сталъ говорить о грѣхѣ, въ который отпадаетъ міръ, и о будущей страшной расплатѣ. Въ залѣ покашливали.

Во время перерыва дѣвушка пошла въ буфетную и стояла у дверей, нахмуренная и независимая. Нѣсколько присяжныхъ повѣренныхъ съ женами пили чай и, громче, чѣмъ всѣ люди, разговаривали. У печки знаменитый писатель, Черныбылинъ, ѣлъ рыбу съ брусничкой и поминутно оглядывался злыми, пьяными глазами на проходящихъ. Двѣ, среднихъ лѣтъ, литературныя дамы, съ грязными шеями и большими бантами въ волосахъ, жевали бутерброды у буфетнаго прилавка. Въ сторонѣ, не смѣшиваясь со свѣтскими, благообразно стояли батюшки. Подъ люстрой, заложивъ руки сзади подъ длинный сюртукъ, покачивался на каблукахъ полусѣдой человекъ съ подчеркнуто-растрепанными волосами — Чирва — критикъ, ждалъ, когда къ нему кто-нибудь подойдетъ. Появился Вельяминовъ; одна изъ литературныхъ дамъ бросилась къ нему и вѣдлиплась въ рукавъ, который онъ во время разговора осторожно, но тщетно, старался выпростать. Другая литературная дама вдругъ перестала жевать, тоже стряхнула крошки, нагнула голову, расширила глаза. Къ ней подходилъ Безсоновъ, кланяясь направо и налево смиреннымъ наклоненіемъ головы.

Дѣвушка въ черномъ всей своей кожей почувствовала, какъ подобралась подъ корсетомъ литературная дама, впала въ фальшивое состояніе. Безсоновъ говорилъ ей что-то съ дѣливой усмѣшкой. Она всплеснула полными руками и захохотала, подкатывая глаза.

«Гнусная, немытая», — подумала дѣвушка, передернула плечикомъ и пошла изъ буфета. Ее окликнули. Сквозь толпу къ ней протискивался черноватый, истощенный юноша, въ бархатной курткѣ, радостно киваль, отъ удовольствія морщилъ носъ, и взявъ ее за руку. Его ладонь была влажная, и на лбу влажная прядь волосъ, и влажные, длинные, черные глаза засматривали съ мокрой нѣжностью. Его звали Александръ Ивановичъ Жировъ. Онъ сказалъ:

— Вотъ? Что вы тутъ дѣлаете, Дарья Дмитриевна?

— Тоже, что и вы, — отвѣтила она, освобождая руку, сунула ее въ муфту и тамъ вытерла о платокъ.

Онъ захихикалъ и, глядя еще нѣжнѣе, сказалъ:

— Неужели и на этотъ разъ вамъ не понравился Сапожковъ? Онъ говорилъ сегодня, какъ пророкъ. Васъ раздражаетъ его рѣзкость и своеобразная манера выражаться. Но самая сущность его мысли, — развѣ это не то, чего мы всѣ втайнѣ хотимъ, но сказать боимся? А онъ смѣетъ. Вотъ его послѣдній стишокъ:

«Каждый молодъ, молодъ, молодъ.

Въ животъ чертовскій голодъ.

Будемъ лопать пустоту...».

— Необыкновенно, ново и смѣло. Дарья Дмитриевна, развѣ вы сами не чувствуете, — новое, новое преть! Наше, новое, жадное, смѣлое. Вотъ, тоже и Акундинъ. Онъ слишкомъ логиченъ, но, какъ вбиваетъ гвозди! Еще двѣ, три такихъ зимы, и все затрещитъ, полѣзетъ по швамъ, — очень хорошо!

Онъ говорилъ тихимъ голосомъ, сладко и нѣжно улыбаясь. Даша чувствовала, какъ все въ немъ дрожитъ мелкой дрожью, точно отъ ужаснаго возбужденія. Она не дослушала, кивнула головой и стала протискиваться къ вѣшалкѣ.

Сердитый швейцаръ съ медалями, таская вороха шубъ и калошъ, не обращалъ вниманія на дашинъ протянутый номерокъ. Ждать пришлось долго, въ ноги дуло изъ пустыхъ, съ махающими дверями, сѣней, гдѣ стояли рослые, въ синихъ, мокрыхъ кафтанахъ, мужики-извозчики и весело и нагло предлагались выходящимъ:

— Вотъ на рѣзвой, ваше сясъ!

— Вотъ, по пути, на Пески!

Вдругъ, за дашиной спиной голосъ Безсонова проговорилъ раздѣльно и холодно:

— Швейцарь, шубу, шапку и трость.

Даша почувствовала, какъ легонькія иглочки пошли по спинѣ. Она быстро повернула голову и прямо взглянула Безсонову въ глаза. Онъ встрѣтилъ ея взглядъ спокойно, какъ должное, но, затѣмъ, вѣки его дрогнули, въ сѣрыхъ глазахъ появилась живая влага, они словно подались, и Даша почувствовала, какъ у нея затрепетало сердце.

— Если не ошибаюсь, — проговорилъ онъ, наклоняясь къ ней, — мы встрѣчались у вашей сестры?

Даша сейчасъ же отвѣтила дерзко:

— Да. Встрѣчались.

Выдернула у швейцаря шубу и побѣжала къ параднымъ дверямъ. На улицѣ мокрый и студеный вѣтеръ подхватилъ ея платье, обдалъ ржавыми каплями. Даша до глазъ закуталась въ мѣховой воротникъ. Кто-то, перегоняя, проговорилъ надъ ухомъ.

— Ай, да глазки!

Даша быстро шла по мокрому асфальту, по лиловымъ, зыбкимъ полосамъ электрическаго свѣта. Изъ распахнувшейся двери ресторана вырвались вопли скрипокъ, — вальсъ. И Даша, не оглядываясь, прогѣла въ косматый мѣхъ муфты:

— Ну, не такъ-то легко, не легко, не легко!

III.

Разстегивая въ прихожей мокрую шубу, Даша спросила у горничной:

— Дома никого нѣтъ, конечно?

Великій Моголь, — такъ называли горничную Лушу за широкоскулое, какъ у идола, всегда сильно напудренное лицо, — глядя въ зеркало, отвѣтила тонкимъ голосомъ, что барыни, дѣйствительно, дома нѣтъ, а баринъ дома, въ кабинетъ, и ужинать будетъ черезъ полъ часа.

Даша прошла въ гостиную, сѣла у рояля, положила ногу на ногу и охватила колѣно.

Зять, Николай Ивановичъ, дома, — значитъ поссорился съ женой, надутый, и будетъ жаловаться. Сейчасъ — одиннадцать, и часовъ до трехъ, покуда не заснешь, дѣлать нечего. Читать, но что? И охоты нѣтъ. Просто, сидѣть, думать, — себѣ дороже станеть. Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ жить иногда неуютно!

Даша вздохнула, открыла крышку рояля и, сидя бокомъ, одною рукою начала разбирать Скрябина. Трудновато приходится человѣку въ такомъ неудобномъ возрастѣ, какъ

девятнадцать лѣтъ, да еще двѣзущкѣ, да еще очень и очень не глупой, да еще по недѣпой какой-то чистоплотности слишкомъ суровой съ тѣми, — а ихъ было не мало, — кто выражалъ охоту развѣивать дѣвичью скуку.

Въ прошломъ году Даша прѣѣхала изъ Самары въ Петербургъ на юридическіе курсы и поселилась у старшей сестры, Екатерины Дмитріевны Смоковниковой. Мужъ ея былъ адвокатъ, довольно извѣстный; жили они шумно и широко.

Даша была моложе сестры лѣтъ на пять; когда Екатерина Дмитріевна выходила замужъ — Даша была еще дѣвочкой; послѣдніе годы сестры мало видались, и теперь между ними начались новыя отношенія: у Даши влюбленные, у Екатерины Дмитріевны — нѣжно-любовныя.

Первое время Даша подражала сестрѣ во всемъ, восхищалась ея красотой, вкусами, умѣньемъ вести себя съ людьми. Знакомыхъ сестры она робѣла, инымъ отъ застѣнчивости говорила дерзости. Екатерина Дмитріевна старалась чтобы домъ ея былъ всегда образцомъ вкуса и новизны, еще не ставшей достояніемъ улицы; она не пропускала ни одной выставки и покупала футуристическія картины. Въ послѣдній годъ изъ-за этого у нея происходили бурные разговоры съ мужемъ, потому что Николай Ивановичъ любилъ живопись идейную, а Екатерина Дмитріевна со всей женской пылкостью рѣшила лучше пострадать за новое искусство, чѣмъ прослыть отсталой.

Даша тоже восхищалась этими странными картинами, развѣшанными въ гостиной, хотя съ огорченіемъ думала иногда, что квадратныя фигуры, съ геометрическими лицами, съ большимъ, чѣмъ нужно, количествомъ рукъ и ногъ, глухія краски, какъ головная боль, — вся эта фабричная, чугунная, циничная поэзія возставшей противъ Господа Бога прогорклой улицы слишкомъ высока для ея тупого воображенія.

Каждый вторникъ у Смоковниковыхъ, въ столовой изъ птичьяго глаза, собиралось къ ужину шумное и веселое общество. Здѣсь были разговорчивые адвокаты, женолюбивые и внимательно слѣдящіе за литературными теченіями, два или три журналиста, прекрасно понимающіе, какъ нужно вести внутреннюю и внѣшнюю политику, нервно разстроенный критикъ Чирва, подготовлявшій очередную литературную катастрофу. Иногда, спозаранку, приходили молодые поэты, оставлявшіе тетради со стихами въ прихожей, въ пальто. Къ началу ужина въ гостиной появлялась какая-нибудь знаменитость, шла, не снѣша, приложиться къ хозяйкѣ и съ достоинствомъ усаживалась въ креслѣ. Въ серединѣ ужина бывало слышно, какъ въ прихожей съ грохотомъ

снимали кожанья калоши, и бархатный голосъ произносилъ:

«Привѣтствую тебя, Великій Моголь!» — и, затѣмъ, надъ стуломъ хозяйки склонялось бритое, съ отвислыми жабрами, лицо любовника-резонера:

«Катюша, — говорилъ онъ каждый разъ, — съ нынѣшняго дня даль зарокъ, не пью, честное слово».

Главнымъ человѣкомъ для Даши во время этихъ ужиновъ была сестра. Даша негодовала на тѣхъ, кто былъ мало внимателенъ къ милой, доброй и простодушной Екатеринѣ Дмитриевнѣ, къ тѣмъ же, кто бывалъ слишкомъ внимателенъ, ревновала, — глядѣла на виновнаго злыми, глазами.

Понемногу она начала разбираться въ этомъ, кружащемъ непривычную голову, множествѣ лицъ. Помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ она теперь презирала: у нихъ, кромѣ мохнатыхъ визитокъ, лиловыхъ талстуконъ, да проборовъ черезъ всю голову, ничего не было важнаго за душой. Любовника-резонера она ненавидѣла: онъ не имѣлъ права сестру звать Катей, Великаго Могола — Великимъ Моголомъ, не имѣлъ никакого основанія, выпивая рюмку водки, щурить отвислый глазъ на Дашу и приговаривать:

«Пью за цвѣтущій миндаль!»

Каждый разъ при этомъ Даша задыхалась отъ злости.

Щеки у нея, дѣйствительно, были румяныя, и ни чѣмъ этотъ проклятый миндальный цвѣтъ согнать было нельзя, и Даша чувствовала себя за столомъ, какъ свекла.

На лѣто Даша не поѣхала къ отцу въ пыльную и знойную Самару, а съ радостью согласилась остаться у сестры на взморьѣ, въ Сестрорѣцкѣ. Тамъ были тѣ же люди, что и зимой, только всѣ видѣлись чаще, катались на лодкахъ, купались, ѣли мороженое въ сосновомъ бору, слушали по вечерамъ музыку и шумно ужинали на верандѣ курзала, подъ звѣздами.

Екатерина Дмитриевна заказала Дашѣ бѣлое, вышитое гладью, платье, большую шляпу изъ розоваго газа съ черной лентой и широкой, шелковый поясъ, чтобы завязывать большимъ бантомъ на спинѣ, и въ Дашу, неожиданно, точно ему вдругъ раскрыли глаза, влюбился помощникъ зятя — Куличекъ.

Но онъ былъ изъ «презираемыхъ». Даша возмутилась, позвала его въ лѣсъ, и тамъ, не давъ ему сказать въ оправданіе ни одного слова (онъ только вытирался платкомъ, скомканнымъ въ кулакъ), наговорила, что она не мѣщанка и не позволить смотрѣть на себя, какъ на какую-то «самку», что она оскорблена и возмущена, считаетъ его личностью съ

глубоко развращеннымъ воображеніемъ, и сегодня же пожелается зятю.

Зятю она нажаловалась въ тотъ-же вечеръ. Николай Ивановичъ выслушалъ ее до конца, поглаживая холеную бороду и съ удивленіемъ взглядывая на миндальныя отъ негодованія дашины щеки, на гнѣвно дрожащую большую шляпу, на всю тонкую, бѣленькую дашину фигуру, затѣмъ сѣлъ на песокъ у воды и началъ хохотать; вынулъ платокъ, вытирала глаза, приговаривала:

— Уйди, Дарья, уйди, умру!

Даша ушла, ничего не понимая, смущенная и разстроенная. Куличекъ теперь не смѣлъ даже глядѣть на нее, худѣть и уединялся. Дашина честь была спасена. Но вся эта исторія неожиданно взволновала въ ней дѣвственно дремавшія чувства. Нарушилось тонкое равновѣсіе, точно во всемъ дашиномъ тѣлѣ, отъ волосъ до пятокъ, зачался какой-то второй человекъ,душный, мечтательный, безформенный и противный. Даша чувствовала его всей своей кожей, и мучилась, какъ отъ нечистоты; ей хотѣлось смыть съ себя эту невидимую паутину, вновь стать свѣжей, прохладной, легкой.

Теперь по цѣлымъ часамъ она играла въ теннисъ, по два раза на дню купалась, вставала раннимъ утромъ, когда на листьяхъ еще горѣли большія капли росы, отъ лиловаго, какъ зеркало, моря шель паръ, и на пустой верандѣ разставляли влажные столы, мели сырыя песчанья дорожки.

Но, притрѣвшись на солнышкѣ, или ночью въ мягкой постели, второй человекъ оживалъ отъ всѣхъ притѣсненій, осторожно пробирался къ сердцу и сжималъ его мягкой лапкой. Его нельзя было ни отодрать, ни смыть съ себя, какъ кровь съ закодованнаго ключа Синеѣ Бороды.

Всѣ знакомые, а первая сестра, стали находить, что Даша очень похорошѣла за это лѣто, и, словно, хорошѣеть съ каждымъ днемъ. Однажды, Екатерина Дмитриевна, зайдя утромъ къ сестрѣ, сказала:

— Что-же это съ нами дальше будетъ?

— А что, Катя?

Даша въ рубашкѣ сидѣла на постели, закручивая большимъ узломъ пеньельные волосы.

— Ужь очень хорошѣешь, — прямо страшно, что дальше дѣлать.

Даша строгими, «мохнатыми» глазами поглядѣла на сестру и отвернулась. Ея щека и ухо залились румянцемъ:

— Катя, я не хочу, чтобы ты такъ говорила, мнѣ это противно, понимаешь?

Екатерина Дмитриевна сѣла на кровать, щекою прижалась къ дашиной голой спинѣ и засмѣялась, цѣлуя между лопатками:

— Какія мы рогатыя уродились, ни въ ерша, ни въ ежа, ни въ дикую кошку.

Сестра засмѣялась такъ-же, какъ тогда Николай Ивановичъ. Никто не хотѣлъ понимать, что дѣлается съ Дашей, или всѣмъ имъ казалось, будто это такъ и должно быть, и очень хорошо.

Однажды на теннисной площадкѣ появился англичанинъ, — худой, бритый, съ выдавшимся подбородкомъ и дѣтскими глазами. Одѣтъ онъ былъ до того безукоризненно, что нѣсколько молодыхъ людей изъ свиты Екатерины Дмитриевны впади въ уныніе. Дашѣ онъ предложилъ партію и игралъ, какъ машина. Дашѣ казалось, что онъ за все время ни разу на нее не взглянулъ, — глядѣлъ мимо. Она проиграла и предложила вторую партію. Чтобы было ловчѣе, — засучила рукава бѣлой блузки. Изъ подъ пикейной ея шапочки выбилась прядь волосъ, она ее не поправляла. Отбивая сильнымъ дрейфомъ надъ самую сѣтку мячъ, подумала:

«Вотъ — ловкая, русская дѣвушка, съ неувимой граціей во всѣхъ движеніяхъ, и румянецъ ей къ лицу».

Англичанинъ выигралъ и на этотъ разъ, поклонился Дашѣ, надѣлъ канотье, — былъ онъ совсѣмъ сухой, — закурилъ душистую папироску и сѣлъ невдалекѣ, спросивъ лимонаду.

Играя третью партію со знаменитымъ гимназистомъ, Даша нѣсколько разъ косилась въ сторону англичанина, — онъ сидѣлъ за столикомъ, охвативъ у циклотки ногу въ шелковомъ носкѣ, положенную на колѣно, сдвинулъ соломенную шляпу на затылокъ и, не оборачиваясь, глядѣлъ на море.

Ночью, лежа въ постели, Даша все это припомнила, ясно увидѣла себя, прыгавшую по площадкѣ, красную, съ выбившимся клокомъ волосъ, и расплакалась отъ стыда, отъ самолюбія, и еще отъ чего-то, бывшаго сильнѣе ея самой.

Съ этого дня она перестала ходить на теннисъ. Однажды Екатерина Дмитриевна ей сказала:

— Даша, мистеръ Бейльсъ о тебѣ справляется каждый день, — почему ты не играешь?

Даша раскрыла ротъ — до того вдругъ испугалась. Затѣмъ, съ гнѣвомъ сказала, что не желаетъ слушать «глупыхъ сплетенъ», что никакого мистера Бейльса не знаетъ и знать не хочетъ, и онъ, вообще, ведетъ себя нагло, если думаетъ, будто она изъ-за него не играетъ въ «этотъ дурацкій теннисъ». Даша отказалась отъ обѣда, взяла въ карманъ хлѣба и крыжовнику и ушла въ лѣсъ, и въ пахнущемъ горячею смолою сосновомъ бору, бродя между высокихъ и красныхъ

стволовь, шумящихъ вершинами, рѣшила, что нѣтъ больше возможности скрывать жалкую истину: влюблена въ англичанина, несчастна, и нѣтъ охоты жить.

Такъ, понемногу, поднимать голову, вырасталъ въ Дашѣ второй человекъ. Вначалѣ его присутствіе было отвратительно, какъ нечистота, болезненно, какъ разрушеніе. Затѣмъ Даша привыкла къ этому сложному состоянію, какъ привыкають послѣ лѣта, свѣжаго вѣтра, прохладной воды затягиваться зимою въ корсетъ и суконное платье.

Двѣ недѣли продолжалась ея одинокая, самолюбивая, «рогатая» влюбленность въ англичанина. Даша ненавидѣла себя и негодовала на этого человека. Нѣсколько разъ издали видѣла, какъ онъ лѣнливо и ловко игралъ въ теннисъ, какъ бѣгалъ впередъ у воды по песку, какъ ужиналъ съ русскими моряками, и въ отчаяніи думала, что онъ самый обаятельный человекъ на свѣтѣ.

А потомъ появилась около него высокая, худая дѣвушка, одѣтая въ бѣлую фланель, — англичанка, его невеста, — и они уѣхали. Даша не спала цѣлую ночь, возненавидѣла себя лютымъ отвращеніемъ, и подъ утро рѣшила, что пусть это будетъ ея послѣдней ошибкой въ жизни.

На этомъ она успокоилась, а потомъ ей стало даже удивительно, какъ все это скоро и легко прошло. Но прошло не все: Даша чувствовала теперь, какъ тотъ — второй человекъ — точно слился съ ней, растворился въ ней, исчезъ, и она теперь вся другая — и легкая и свѣжая, какъ прежде, но точно вся стала мягче, нѣжнѣе, непонятнѣе, и, словно, кожа стала тоньше, и лица своего она не узнавала въ зеркалѣ, и особенно другими стали глаза, замѣчательные глаза, посмотришь въ нихъ — голова закружится.

Въ серединѣ августа Смоковниковы вмѣстѣ съ Дашей перѣехали въ Петербургъ, въ свою большую квартиру на Знаменской. Снова начались вторники, выставки картинъ, громкія премьеры въ театрахъ и скандальные процессы въ судѣ, покупки картинъ, увлеченіе стариной, поѣздки на всю ночь въ Самаркандъ къ цыганамъ. Опять появился любовникъ-резонеръ, скинувшій на минеральныхъ водахъ двадцать три фунта вѣсу, и ко всѣмъ этимъ безпокойнымъ удовольствіямъ прибавились неопредѣленные, тревожные и радостные слухи о томъ, что готовится какая-то перемѣна.

Дашѣ некогда было теперь ни думать, ни чувствовать по-многому: утромъ лекціи, въ четыре — прогулка съ сестрой и магазинъ, вечеромъ — театры, концерты, ужины, люди, — ни минуты побыть въ тишинѣ.

Въ одинъ изъ вторниковъ, послѣ ужина, когда пили

ликеры, въ гостиную вошелъ Алексѣй Алексѣвичъ Безсоновъ. Увидѣвъ его въ дверяхъ, Екатерина Дмитріевна залилась яркой краской. Общій разговоръ прервался. Безсоновъ сѣлъ на диванъ, и принялъ изъ рукъ Екатерины Дмитріевны чашку съ кофею.

Къ нему подошли знатоки литературы — два присяжныхъ повѣренныхъ, но онъ, глядя на хозяйку длиннымъ, страннымъ взоромъ, неожиданно заговорилъ о томъ, что искусства, вообще, никакого нѣтъ, а есть шарлатанство, факирскій фокусъ, когда обезьяна лѣзетъ на небо по веревкѣ.

«Фокусъ невинный, а у искусства — дьявольскій, — лукавое обольщеніе. Вы собрались слушать стихи, это значитъ, — тридцатипятилѣтній, семейный мужчина внезапно притворится, что въ немъ есть что-то такое, чего у другихъ нѣтъ, — нечеловѣческое, и начнетъ рассказывать въ рифму о томъ, какъ ему хочется растлить дѣвицу. Всѣ увѣрены, будто это очень возвышенно. Ненавижу! Никакой поэзіи нѣтъ. Все давнымъ давно умерло, — и люди и искусство. Россія — падалъ, и стаи вороновъ на ней, на вороньемъ пиру. А тѣ, кто пишутъ стихи, всѣ будутъ въ аду».

Онъ говорилъ не громко, глуховатымъ голосомъ. На зломъ, блѣдномъ лицѣ его розовѣли два пятна. Мягкій воротникъ былъ помнятъ и стюртку засыпанъ пепломъ. Изъ чашечки, которую онъ держалъ въ рукѣ, лился кофе на коверъ.

Знатоки литературы затѣяли было споръ, но Безсоновъ, не слушая ихъ, слѣдилъ потемнѣвшими глазами за Екатериной Дмитріевной. Затѣмъ, поднялся, подошелъ къ ней, и Даша слышала, какъ онъ сказалъ:

— Я плохо переношу общество людей. Позвольте мнѣ уйти.

Она робко попросила его почитать. Онъ замоталъ головой и, прощаясь, такъ долго оставался прижатымъ къ рукѣ Екатерины Дмитріевны, что у ней порозовѣла спина.

Послѣ его ухода начался споръ. Мужчины единодушно высказались: «Все-таки, есть нѣкоторыя границы, и нельзя ужъ такъ явно презирать наше общество». Критикъ Чирва подходилъ ко всѣмъ и повторялъ: «Господа, онъ былъ пьянъ, въ лоскъ». Дамы же рѣшили: «Пьянъ-ли былъ Безсоновъ, или просто въ своеобразномъ настроеніи, — все равно онъ волнующій человѣкъ, пусть это всѣмъ будетъ извѣстно».

На слѣдующій день, за обѣдомъ, Даша сказала, что Безсоновъ ей представляется однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ и «подлинныхъ» людей, чьими переживаниями, страстью, грѣхами, вкусами, какъ отраженнымъ свѣтомъ, живетъ, на примѣръ,

весь кружокъ Екатерины Дмитриевны. «Вотъ, Катя, я понимаю, какъ отъ такого человѣка можно голову потерять».

Николай Ивановичъ возмутился: «Просто тебѣ, Даша, ударило въ носъ, что онъ знаменитость». Екатерина Дмитриевна промолчала. У Смоковниковыхъ Безсоновъ больше не появлялся. Прошелъ слухъ, что онъ пропадаетъ за кулисами у актрисы Чародѣевой. Куличекъ съ товарищами ходили смотрѣть эту самую Чародѣву, и были разочарованы: куда, какъ мощи, — однѣ кружевные юбки.

Однажды Даша встрѣтила Безсонова на выставкѣ. Онъ стоялъ у окна и равнодушно перелистывалъ каталогъ, а передъ нимъ, какъ передъ чучелой изъ паноптикума, стояли двѣ коренастыя курсистки и глядѣли на него съ застывшими улыбками. Даша медленно прошла мимо, и уже въ другой залѣ сѣла на стулъ, — неожиданно устали ноги и было, непонятно почему, грустно.

Послѣ этого Даша купила карточку Безсонова и поставила на столъ. Его стихи, — три бѣлыхъ томака, — вначалѣ произвели на нее впечатлѣніе отравы: нѣсколько дней она ходила сама не своя, точно стала соучастницей какого-то злого и тайнаго дѣла. Но, читая ихъ и перечитывая, она стала наслаждаться именно этимъ болѣзненнымъ ощущеніемъ, словно ей нашептывали — забыть, обесилѣть, расточить что-то драгоценное, затосковать по тому, чего никогда не бываетъ.

Изъ-за Безсонова она начала бывать на «Филосовскихъ Вечерахъ». Онъ прѣзжалъ туда поздно, говорилъ рѣдко, но каждый разъ Даша возвращалась домой переволнованная, и была рада, когда дома — гости. Самолюбіе ея молчало.

Сегодня пришлось въ одиночествѣ разбираться Скрябина. Звуки, какъ ледяные шарики, медленно падаютъ въ грудь, въ глубь темнаго озера, безъ дна. Упавъ, колышутъ влагу и тонуть, а влага приливаетъ и отходитъ, и тамъ, въ горячей темнотѣ, гулко, тревожно ударяетъ сердце, точно, скоро, скоро, сейчасъ, въ это мгновеніе должно произойти что-то невозможное.

Даша опустила руки на колѣни и подняла голову. Въ мягкомъ свѣтѣ оранжеваго абажура глядѣли со стѣнъ на нее багровыя, вспухшія, оскаленныя, съ выпучанными глазами лица, точно призраки первозданнаго хаоса, жадно облѣпившіе въ первый день творенія садъ Господа Бога.

— Да, милостивая государыня, плохо наше дѣло, — сказала Даша. Слѣва на право стремительно проиграла гаммы, безъ стука закрыла крышку рояля, изъ японской коробочки, стоявшей на преддиванномъ столѣ, вынула папироску, закурила, закашлялась и смѣяла ее въ пепельницѣ.

— Николай Ивановичъ, который часъ? — крикнула Даша такъ, чтобы было слышно черезъ четыре комнаты. Въ кабинетѣ что-то упало, но не отвѣтили. Появилась Великій Моголь и, глядя въ зеркало, сказала, что ужинъ поданъ.

Въ столовой Даша сѣла передъ вазой съ увядшими цвѣтами и принялась ихъ ошипывать на скатерть. Моголь подала чай, холодное мясо и яичницу. Появился, наконецъ, Николай Ивановичъ въ новомъ синемъ костюмѣ, но безъ воротничка. Волосы его были растрепаны, на бородѣ, отогнутой влѣво, висѣла пушинка съ диванной подушки.

Николай Ивановичъ хмуро кивнулъ Дашѣ, сѣлъ въ концѣ стола, придвинулъ сковородку съ яичницей и жадно сталъ ѣсть.

Потомъ онъ облокотился о край стола, подперъ большимъ, волосатымъ кулакомъ щеку, уставился невидящими глазами на кучу оборванныхъ лепестковъ, и проговорилъ голосомъ низкимъ и почти ненатуральнымъ:

— Вчера ночью твоя сестра мнѣ измѣнила.

IV.

Родная сестра, Катя, сдѣлала что-то страшное и непонятное, чернаго цвѣта. Вчера ночью ея голова лежала на подушкѣ, отвернувшись отъ всего живого, родного, теплаго, а тѣло было раздавлено, развернуто. Такъ, содрогаясь, чувствовала Даша то, что Николай Ивановичъ назвалъ измѣной. И, ко всему, Катя не было дома, точно ее на свѣтъ больше и не существоуетъ.

Въ первую минуту Даша обмерла и въ глазахъ потемнѣло. Не дыша, она ждала, что Николай Ивановичъ либо зарыдаетъ, либо закричитъ какъ-нибудь страшно. Но онъ ни слова не прибавилъ къ своему сообщенію, и вертѣлъ въ пальцахъ подставочку для вилокъ. Взглянуть ему въ лицо Даша не смѣла.

Затѣмъ, послѣ очень долгаго молчанія, онъ съ грохотомъ отодвинулъ стулъ и ушелъ въ кабинетъ. «Застрѣлится», — подумала Даша. Но и этого не случилось. Съ острой и мгновенной жалостью она вспомнила, какая у него была волосатая, большая и теперь «безпомощная» рука на столѣ. Затѣмъ онъ уплылъ изъ ея зрѣнія, и Даша только повторяла: «Что же дѣлать. Что дѣлать?» Въ головѣ звенѣло, все, все, все было изуродовано и разбито.

Изъ-за суконной занавѣси появилась Великій Моголь съ

подносомъ, и Даша, взглянувъ ей въ напудренное лицо, вдругъ поняла, что теперь нѣтъ больше никакого Великаго Могола и не будетъ. Слезы залили ей глаза, она крѣпко сжала зубы и выбѣжала въ гостиную.

Здѣсь, все до мелочей, было съ любовью разставлено и развѣшено катиними руками. Но катина душа ушла изъ этой комнаты, и все въ ней стало дикимъ и нежилымъ. Даша съла на диванъ. Понемногу ея взглядъ остановился на недавно купленной картинѣ, въ простѣнкѣ надъ роялемъ. И въ первый разъ она увидѣла и поняла, что тамъ было изображено.

Нарисована была голая женщина, гнойно-краснаго цвѣта, точно съ содранной кожей. Ротъ — сбоку, носа не было совсѣмъ, вмѣсто него — треугольная дырка, голова — квадратная и къ ней приклеена тряпка — настоящая матерія. Ноги, какъ полѣнья, на шарнирахъ. Въ рукѣ — цвѣтокъ. Остальныя подробности ужасны. И самое страшное былъ уголь, въ которомъ она сидѣла раскорякой, — глухой и коричневый, такіе углы, должно быть, — въ аду. Картина называлась «Любовь», а Катя называла ее современной Венерой.

«Такъ вотъ почему Катя такъ восхищалась этой окаянной бабой. Она сама теперь такая-же — съ цвѣткомъ въ углу». Даша легла лицомъ въ подушку и, кусая ее, чтобы не кричать, заплакала. Нѣкоторое время спустя, въ гостиной появился Николай Ивановичъ. Разставивъ ноги, сердито зачиркалъ зажигательницей, пустилъ облако дыма, подошелъ къ роялю и сталъ тыкать въ клавиши. Неожиданно вышелъ — «чижикъ». Даша похолодѣла. Николай Ивановичъ хлопнулъ крышкой и сказалъ:

— Этого надо было ожидать.

Даша нѣсколько разъ про себя повторила эту фразу, стараясь понять, что она означаетъ. Внезапно, въ прихожей раздался рѣзкій звонокъ. Николай Ивановичъ поднялъ руки, взялся за бороду, но, произнеси сдавленнымъ голосомъ: — О-о-о! — ничего не сдѣлалъ, и быстро ушелъ въ кабинетъ. По корридору простукала, какъ копытами, Великій Моголь. Даша соскочила съ дивана, — въ глазахъ было темно, такъ билось сердце, — и выбѣжала въ прихожую.

Тамъ неловкими и покраснѣвшими отъ холода пальцами Екатерина Дмитріевна развязывала лиловыя ленты капора и морщила носикъ. Сестрѣ она подставила щеку для поцѣлуя, но когда никто ее не поцѣловалъ, тряхнула головой, сбрасывая капоръ, и пристально сѣрыми глазами взглянула на сестру:

— У васъ что-нибудь произошло? Вы поссорились? —

спросила она низкимъ, груднымъ, всегда такимъ очаровательно-милымъ голосомъ.

Даша стала глядѣть на кожанья галоши Николая Ивановича, онѣ назывались въ домѣ «сомоходами», и сейчасъ стояли сиротски. У нея дрожаль подбородокъ:

— Нѣтъ, ничего не произошло, просто я такъ.

Екатерина Дмитриевна медленно растегнула большія пуговицы бѣличьей шубы, движеніемъ голыхъ плечъ освободилась отъ нея, и теперь была вся теплая, нѣжная и усталая. Разстегивая гамаши, она низко наклонилась, говоря,

— Понимаешь, — покуда нашла автомобиль, — промочила ноги.

Тогда Даша, продолжая глядѣть на галоши Николая Ивановича, спросила сурово:

— Катя, гдѣ ты была?

— На литературномъ ужинѣ, моя милая, въ честь, ей Богу даже не знаю, кого. Все то же самое. Устала до смерти и хочу спать.

И она пошла въ столовую. Тамъ, бросивъ на скатерть кожаную сумку и вытирая платкомъ носикъ, спросила:

— Кто это нащипаль цвѣтовъ? А гдѣ Николай Ивановичъ, спитъ?

Даша была сбита съ толку: сестра ни съ какой стороны не походила на окаянную бабу, и не только была не чужая, а чѣмъ то особенно сегодня близкая, такъ бы ее всю и погладила. Но, все же, съ огромнымъ присутвіемъ духа, царапая ногтями скатерть, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ полчаса тому назадъ Николай Ивановичъ ѣлъ яичницу, Даша сказала:

— Катя!

— Что, миленькій?

— Я все знаю.

— Что ты знаешь? Что случилось, ради Бога?

— Екатерина Дмитриевна сѣла къ столу, коснувшись колънями дашиныхъ ногъ, и съ любопытствомъ глядѣла на нее, снизу вверхъ.

Даша сказала:

— Николай Ивановичъ мнѣ все открылъ.

И не видѣла, какое было лицо у сестры, что съ ней происходило.

Послѣ молчанія, такого долгаго, что можно было умереть, Екатерина Дмитриевна проговорила злымъ голосомъ:

— Что же такое потрясающее сообщилъ про меня Николай Ивановичъ?

— Катя, ты знаешь.

— Нѣтъ, не знаю.

Она сказала это «не знакъ» такъ, словно получился ледяной шарикъ.

Даша сейчасъ же опустила у ея ногъ:

— Такъ, можетъ быть, это неправда? Катя, родная, милая, красивая моя сестра, скажи, — вѣдь это все неправда? — И быстрыми поцѣлуями касалась катиной теплой, пахнущей ея духами, руки, съ синеватыми, какъ ручейки, жилками.

— Ну, конечно, неправда, — отвѣтила Екатерина Дмитриевна, устало закрывая глаза, — а ты и плакать сейчасъ же. Завтра глаза будутъ красные, и носикъ распухнетъ.

Она приподняла Дашу и надолго прижалась губами къ ея волосамъ.

— Слушай, я дура! — прошептала Даша въ ея грудь. Въ это время громкій и отчетливый голосъ Николая Ивановича проговорилъ за дверью кабинета:

— Она лжетъ!

— Сестры быстро обернулись, но дверь была затворена. Екатерина Дмитриевна сказала:

— Иди-ка ты спать, ребенокъ. А я пойду выяснять отношенія. Вотъ удовольствіе, въ самомъ дѣлѣ, — едва на ногахъ стою.

Она проводила Дашу до ея комнаты, перекрестила, потомъ вернулась въ столовую, гдѣ захватила сумочку, поправила гребень и тихо, пальцемъ, постучала въ дверь кабинета:

— Николай, отвори, пожалуйста.

На это ничего не отвѣтили. Было зловѣщее молчаніе, затѣмъ фыркнулъ носъ, повернули ключъ, и Екатерина Дмитриевна, войдя, увидѣла широкую спину мужа, который, не оборачиваясь, шелъ къ столу, сѣлъ въ кожаное кресло, положилъ локти на подлокотники, взялъ слоновой кости ножъ и рѣзко провелъ имъ вдоль разгиба книги (романъ Вассермана «Сорокалѣтній мужчина»).

Все это дѣлалось такъ, будто Екатерины Дмитриевны въ комнатѣ нѣтъ.

Она же съѣла на диванъ, одернула юбку на ногахъ и, спрятавъ носовой платочекъ въ сумку, щелкнула замкомъ. При этомъ у Николая Ивановича вздрогнуль клокъ волосъ на макушкѣ.

— Я не понимаю только одного, — сказала она, — ты воленъ думать все, что тебѣ угодно, но прошу Дашу въ свои настроенія не посвящать.

Тогда онъ живо повернулся въ креслѣ, вытянулъ шею и бороду и проговорилъ, не разжимая зубовъ:

— У тебя хватаетъ развязности называть это моимъ настроеніемъ?

— Не понимаю.

— Превосходно! Ты не понимаешь? Ну, а вести себя, какъ уличная женщина, ты, кажется, очень понимаешь?

Екатерина Дмитріевна немного только раскрыла ротъ на эти слова. Глядя въ побагровѣвшее до пота, обезображенное злостью лицо мужа, она проговорила тихо:

— Съ какихъ поръ, скажи, ты началъ говорить со мной неуважительно?

— Покорнѣйше прошу извинить! Но другимъ тономъ я разговаривать не умѣю. Однимъ словомъ, я желаю знать подробности.

— Какія подробности?

— Не лги мнѣ въ глаза.

— Ахъ, вотъ ты о чемъ. — Екатерина Дмитріевна закинула, какъ отъ послѣдней усталости, большіе глаза свои. — Давеча я тебѣ сказала, что-то такое... Я и забыла совсѣмъ.

— Я хочу знать — съ кѣмъ это произошло?

— А я не знаю.

— Еще разъ прошу не лгать...

— А я не лгу. Охота тебѣ лгать. Ну, сказала. Мало ли, что я говорю со зла. Сказала и забыла.

Во время этихъ словъ лицо Николая Ивановича было, какъ каменное, но сердце его нырнуло и задрожало отъ радости: «Слава Богу, наврала на себя». Зато теперь можно было безопасно и шумно ничему не вѣрить, — отвести душу.

Онъ поднялся съ кресла и, шагая по ковру, останавливаясь и разрѣзая воздухъ взмахами костяного ножа, заговорилъ о паденіи семьи, о растлѣннй нравственности, о свя-

ценныхъ, нынѣ забытыхъ, обязанностей женщины, жены, матери своихъ дѣтей, помощницы мужа. Онъ упрекалъ Екатерину Дмитріевну въ душевной пустотѣ, въ легкомысленной тратѣ денегъ, заработанныхъ кровью («не кровью, а трепаніемъ языка» — поправила Екатерина Дмитріевна). Нѣтъ, больше, чѣмъ кровью, — тратой нервовъ. Онъ попрекалъ ее безпорядочнымъ подборомъ знакомыхъ, безпорядкомъ въ домѣ, пристрастіемъ къ «этой идиоткѣ» Великому Моголу, и даже «омерзительными картинами, отъ которыхъ меня тошнить въ вашей мѣщанской гостиной».

Словомъ, Николай Ивановичъ отвелъ душу.

Быль четвертый часъ утра. Когда мужъ охрипъ и замолчалъ, Екатерина Дмитріевна сказала :

— Ничего не можетъ быть противнѣе толстаго и истерического мужчины, — поднялась и ушла въ спальню.

Но Николай Ивановичъ теперь даже не обидѣлся на эти слова. Медленно раздѣвшись, онъ повѣсилъ платье на спинку стула, завелъ часы и съ легкимъ вздохомъ влѣзъ въ свѣжую постель, съ вечера еще посланную на кожаномъ диванѣ.

«Да, живемъ плохо. Надо перестроить всю жизнь. Нехорошо, нехорошо», — подумалъ онъ, раскрывая книгу, чтобы для успокоенія почитать на сонъ грядущій. Но сейчасъ же опустилъ ее и прислушался. Въ домѣ было тихо. Кто-то высморкался, и отъ этого звука забилося сердце: «Плачеть, — подумалъ онъ, — ай, ай, ай, кажется я наговорилъ лишняго».

И, когда онъ сталъ вспоминать весь разговоръ и то, какъ Катя сидѣла и слушала, ему нестерпимо стало ее жалко. Онъ приподнялся на локтѣ, уже готовый вылѣзти изъ подъ одеяла, но по всему тѣлу поползла истома, точно отъ многодневной, страшной усталости, онъ уронилъ голову и уснулъ.

Даша, оставшись одна въ своей чистенько прибранной комнатѣ, вынула изъ волосъ гребень, помотала головой такъ, что сразу вылетѣли всѣ шпильки, разбросала по стульямъ платье и бѣлье, влѣзла въ бѣлую постель и, закрывшись до подбородка, зажмурилась. «Господи, все хорошо! Теперь ни о чемъ не думать, спать». Изъ угла глаза выплыла какая-то смѣшная рожица. Даша улыбнулась, подогнула колѣни и обхватила подушку. Темный, сладкій сонъ покрылъ ее, и, вдругъ, явственно, къ памяти раздался катинъ голосъ: «Ну, конечно, не правда». Даша открыла глаза. «Я ни одного звука, ничего не сказала Катѣ, только спросила — правда или не правда. Она же отвѣтила такъ, точно отлично понимала о чемъ идетъ рѣчь.» Сознаніе, какъ иглою сквозь все тѣло, прокололо Дашу: — Катя меня обманула! — Затѣмъ, припоминая всѣ

мелочи разговора, катины слова и движенія, Даша ясно увидѣла, — да, дѣйствительно, обманъ. Она была потрясена. Катя измѣнила мужу, но, измѣнивъ, согрѣшивъ, нагавъ, стала точно еще очаровательнѣе. Только слѣпой не замѣтитъ бы въ ней чего то новаго, какой-то особой, усталой нѣжности. И лжетъ она такъ, что можно съ ума сойти — влюбиться. Но вѣдь она преступница. Господи, ничего не понимаю!

Даша была разволнована и сбита съ толку. Пила воду, зажигала и опять тушила лампочку и до утра ворочалась въ постели, чувствуя, что не можетъ ни осудить Катю, ни понять того, что она сдѣлала.

Екатерина Дмитриевна тоже не могла заснуть въ эту ночь. Она лежала на спинѣ, безъ силъ, протянувъ руки поверхъ шелкового одѣяла, и, не вытирая слезъ, плакала о томъ, что ей смутно, нехорошо и нечисто, и она ничего не можетъ сдѣлать, чтобы было не такъ, и никогда не будетъ такой, какъ Даша — пылкой и строгой, и еще плакала о томъ, что Николай Ивановичъ назвалъ ее уличной женщиной и сказалъ про гостиную, что это — мѣщанская гостиная. И уже горько заплакала о томъ, что Алексѣй Алексѣвичъ Безсоновъ вчера въ полночь завезъ ее на лихомъ извозчикѣ въ загородную гостиницу и тамъ, не зная, не любя, не чувствуя ничего, что было у нея близкаго и родного, омерзительно и не спѣша, овладѣлъ ею такъ, будто она была куклой, розовой куклой, выставленной на Морской, въ магазинѣ парижскихъ модъ мадамъ Дюклэ.

V.

На Васильевскомъ островѣ въ только что отстроеномъ домѣ, по 19-ой линіи, на пятомъ этажѣ, помѣщалась, такъ называемая, «Центральная Станція для борьбы съ бытомъ», въ квартирѣ инженера Ивана Ильича Телѣгина.

Телѣгинъ снялъ эту квартиру подъ «обжитье» на годъ по дешевой цѣнѣ. Себѣ онъ оставилъ одну комнату, остальные же, меблированныя желѣзными кроватями, сосновыми столами и табуретками, сдалъ, съ тѣмъ расчетомъ, чтобы поселились жильцы — тоже холостые и непременно веселые. Такихъ ему сейчасъ же и подыскалъ его бывший одноклассникъ и пріятель Петръ Петровичъ Сапожковъ.

Это были — студентъ юридическаго факультета Александръ Ивановичъ Жировъ, хроникеръ и журналистъ Антошка Арнольдовъ, художникъ Валетъ, и молодая дѣвица

Елизавета Расторгуева, не нашедшая еще себя в жизни занятія по вкусу.

Жильцы вставали поздно, когда Телѣгинъ пріѣзжалъ съ завода завтракать, и, не спѣша, принимались каждый за свои занятія. Антошка Арнольдовъ уѣзжалъ на трамваѣ на Невскій, въ кофейню, гдѣ узнавалъ новости и сочинялъ статейки. Валетъ, обычно, садился писать свой автопортретъ. Сапожковъ запирался на ключъ работать, то-есть бѣгалъ съ восклицаніями по комнатѣ, готовилъ рѣчи и статьи о новомъ искусствѣ. Жировъ пробирался къ Елизаветѣ Кіевнѣ и мягкимъ, мяукающимъ голосомъ обсуждалъ съ ней вопросы жизни. Онъ писалъ стихи, но изъ самолюбія никому ихъ не показывалъ. Елизавета Кіевна считала его геніальнымъ.

Кромѣ разговоровъ съ Жировымъ и другими жильцами, Елизавета Кіевна занималась вязаніемъ изъ разноцвѣтной шерсти квадратовъ, не имѣющихъ опредѣленнаго назначенія, при чемъ пѣла груднымъ, сильнымъ и фальшивымъ голосомъ малороссійскія пѣсни, или устраивала себѣ необыкновенныя прически, или, бросивъ пѣть и распустивъ волосы, ложилась на кровать съ книгой, — засасывалась до головныхъ болей. Елизавета Кіевна была красивая, рослая и румяная дѣвушка, съ близорукими, точно нарисованными, глазами, и одѣвавшаяся съ такимъ безвкусіемъ, что ее ругали за это даже телѣгинскіе жильцы.

Когда въ домѣ появлялся новый человѣкъ, она зазывала его къ себѣ, и начинался головокружительный разговоръ, весь построенный на остріяхъ и безднахъ, причемъ она выпытывала — нѣтъ-ли у ея собесѣдника жажды къ преступленію? способенъ ли онъ, напримѣръ, изъ-за одного любопытства убить ее, Елизавету Кіевну? не ощущаетъ ли въ себѣ «самопровокаціи»? — это свойство она считала признакомъ всякаго замѣчательнаго человѣка.

Телѣгинскіе жильцы даже прибили на дверяхъ у нея таблицу этихъ вопросовъ; она была очень довольна и много хохотала. Въ общемъ, это была неудовлетворенная дѣвушка, и все ждала какихъ-то «переворотовъ», «кошмарныхъ событій», которые сдѣлаютъ жизнь увлекательной, такой, чтобы жить во весь духъ, а не томиться съ распущенными волосами.

Самъ Телѣгинъ не мало потѣшался надъ своими жильцами, считалъ ихъ отличными людьми и чудаками, но за недостаткомъ времени мало принималъ участія въ ихъ развлеченияхъ. Во всякомъ случаѣ онъ былъ очень доволенъ, даже и тогда, когда у него занимали немного денегъ (много-то у него самого не было), или платили за комнату стихами, автопортретами, или просто душевной бесѣдой.

Однажды, на Рождествѣ, Петръ Петровичъ Сапожковъ собралъ жильцовъ и сказалъ имъ слѣдующее:

— Товарищи, настало время дѣйствовать. Намъ много, но мы распылены. До сихъ поръ мы выступали разрозненно и робко. Мы должны составить фалангу и нанести ударъ буржуазному обществу. Для этого, во-первыхъ, мы фиксируемъ вотъ эту инициативную группу, затѣмъ выпускаемъ прокламацію, вотъ она: «Мы новые Колумбы! Мы гениальные возбудители! Мы смена новаго человечества! Мы требуемъ отъ заплываго жиромъ буржуазнаго общества отмѣны всѣхъ предразсудковъ. Отнынѣ, нѣтъ добродѣтели! Семья, общественныя приличія, браки — отмѣняются. Мы этого требуемъ. Человѣкъ, — мужчина и женщина, — долженъ быть голымъ, свободнымъ и счастливымъ. Половыя отношенія есть достоиніе общества. Юноши и дѣвушки, мужчины и женщины, выльзайте изъ насиженныхъ логовищъ, идите, нагіе и счастливые, въ хороводъ подъ солнце дикаго звѣря!»...

Затѣмъ Сапожковъ сказалъ, что необходимо издавать футуристическій журналъ подъ названіемъ: «Блюдо Боговъ», деньги на который отчасти дастъ Телъгинъ, остальные нужно вырвать изъ пасти буржуевъ, — всего три тысячи.

Такъ была создана «Центральная Станція по борьбѣ съ бытомъ», названіе, придуманное Телъгинымъ, когда, вернувшись съ завода, онъ до слезъ хохоталъ надъ проектомъ Сапожкова. Немедленно было приступлено къ изданію перваго номера «Блюда Боговъ». Нѣсколько богатыхъ меценатовъ, адвокаты и даже самъ Сашка Сакельманъ, съ охотой, словно боясь, что ихъ заподозрятъ въ отсталости, дали требуемую сумму — три тысячи. Были заказаны бланки, на оберточной бумагѣ, съ непонятной надписью — «Центрифуга», и приступлено къ приглашенію ближайшихъ сотрудниковъ и сбору матеріала. Художникъ Валетъ подаль идею, чтобы комната Сапожкова, превращенная въ редакцію, была обезображена циничными рисунками. Онъ нарисовалъ на стѣнахъ двѣнадцать автопортретовъ. Долго думали о мебелировкѣ. Елизавета Кіевна предложила, чтобы члены редакціи лежали на коврахъ. Наконецъ, было рѣшено убрать изъ комнаты все, кромѣ большого стола, оклееннаго золотой бумагой: посѣтители пускай потрудятся стоять.

Послѣ выхода перваго номера, въ городѣ заговорили о «Блюдѣ Боговъ». Одни возмущались, другіе утверждали, что не такъ-то все это просто, и не пришлось бы въ недалекомъ будущемъ Пушкина отослать въ архивъ. Литературный критикъ Чирва растерялся, — въ «Блюдѣ Боговъ» его назвали сволочью. Екатерина Дмитриевна Смоковникова немедленно

же подписалась на журналъ, на весь годъ, и рѣшила устроить вторникъ съ футуристами.

Ужинать къ Смоковниковымъ былъ посланъ отъ «Центральной Станціи» Петръ Петровичъ. Онъ появился въ грязномъ сюртукѣ изъ зеленой бумази, взятомъ на-прокатъ въ театральной парикмахерской изъ пьесы Манонъ Леско. Сапожковъ подчеркнуто много ѣлъ за ужиномъ, смѣлся пронзительно, такъ что самому было неприятно, намѣревался оскорбить Чирву, но подъ дѣйствіемъ «магнетическихъ» глазъ критика поколебался и лишь ограничился неприятностью хозяйкѣ, сказавъ ей: «А рыбка-то у васъ съ душкомъ». Затѣмъ, развалился и курить, поправляя пенснэ на мокромъ носу.

Въ общемъ, всѣ ожидали большого, и, когда онъ ушелъ, Екатерина Дмитриевна сказала:

— Ну, что, господа? А въ немъ, все-таки, есть что-то острое, увѣряю васъ.

Послѣ выхода второго номера рѣшено было устраивать вечера подъ названіемъ «Великолѣпныя Кошунства». На одно изъ такихъ кошунствъ пришла Даша.

Парадную дверь ей отворилъ Жировъ и сразу засуетился, стаскивая съ Дашы ботинки, шубку, снялъ даже какую-то ниточку съ суконнаго ея платья. Дашу удивило, что въ прихожей пахнетъ капустой и во всѣхъ углахъ лежитъ, что-то неприбранное. Жировъ, скользя бочкомъ за ней по коридору, къ мѣсту кошунства, спросилъ:

— Скажите, вы какими духами душиетесь? Замѣчательно пріятные духи какіе.

Затѣмъ, удивила Дашу очевидность всего этого, такъ нашумѣваго, дерзновенія. Правда, на стѣнахъ были разбросаны глаза, носы, руки, срамныя фигуры, падающіе небоскребы, словомъ, все, что составляло портретъ Василія Веньяминовича Валета, молча стоявшаго здѣсь-же, съ нарицательными зигзагами и запятыми на щекахъ. Правда, хозяева и гости, — а среди нихъ были почти всѣ молодые поэты, посѣщавшіе вторники у Смоковниковыхъ, — сидѣли на неструганыхъ доскахъ, положенныхъ на обрубки дерева, — даръ Тельфина. Правда, читались преувеличенно страстными голосами стихи про автомобили, ползущіе по небесному своду, про «плевки въ стараго небеснаго сифилитика», про молодня челюсти, которыми авторъ разгрызаль, какъ орѣхи, церковные купола, про какого-то до головной боли непонятнаго кузнечика, въ оверкотѣ, съ бедкеромъ и биноклемъ, прыгающаго изъ окна на мостовую. Но Дашѣ,

почему-то, всё эти ужасы казались убогими и слишком очевидными. По-настоящему понравился ей только Телѣгинъ. Во время перерыва онъ подошелъ къ Дашѣ и спросилъ съ застѣнчивой улыбкой, — не хочеть-ли она чаю и бутербродъ:

— И чай и колбаса у насъ обыкновенные, хорошіе.

У него было загорѣлое лицо, бритое и простоватое, и добрые синіе глаза чуть-чуть косили отъ застѣнчивости.

Даша подумала, что доставить ему удовольствіе, если согласится, поднялась и пошла въ столовую. Тамъ, на столѣ, среди грязной посуды, стояло блюдо съ бутербродами и помятый самоваръ. Телѣгинъ сейчасъ-же собралъ тарелки и поставилъ ихъ прямо на полъ въ уголъ комнаты; оглянулся, ница гряпку, вытеръ столъ носовымъ платкомъ, налилъ Дашѣ чаю и выбралъ бутербродъ «наиболѣе деликатный». Все это онъ дѣлалъ, не сѣбша, большими своими, очень сильными руками, и приговаривалъ, словно особенно стараясь, чтобы Дашѣ было уютно среди этого мусора:

— Хозяйство у насъ въ безпорядкѣ, это вѣрно, но чай и колбаса первоклассные, отъ Елизѣева. Были конфеты, но съѣдены, хотя, — онъ поджалъ губы и поглядѣлъ на Дашу, въ синихъ глазахъ его появился испугъ, затѣмъ рѣшимость, — если позволите? — и вытащилъ изъ жилетнаго кармана двѣ карамельки.

«Съ такимъ не пропадешь» — подумала Даша, и тоже, чтобы ему было пріятно, сказала:

— Какъ разъ мои любимыя карамельки.

Затѣмъ, Телѣгинъ, бочкомъ присѣвъ напротивъ Дашы, принялся внимательно глядѣть на горчичницу. На его большомъ и широкомъ лбу отъ напряженія собрались морщины. Онъ осторожно вытащилъ изъ кармана платокъ и уголочкомъ потеръ себѣ съ боковъ носа, а вытереть все лицо, очевидно, не рѣшился.

У Дашы губы сами растягивались въ улыбку: этотъ большой, красивый человекъ до того въ себѣ не увѣренъ и застѣнчивъ, что готовъ спрятаться за горчичницу. У него гдѣ-нибудь въ Арзамасѣ, — такъ ей показалось, — живетъ чистенькая старушка-мать и пишетъ оттуда строгія письма насчетъ бѣды, чтобы не пропадало у столичныхъ прачекъ, насчетъ его «постоянной манеры давать взаймы денюжки разнымъ дуракамъ», насчетъ того, что только «скромностью и прилежаніемъ получишь, другъ мой, уваженіе среди людей». И онъ, очевидно, вздыхаетъ надъ этими письмами,

понимая, какъ далеко ему до совершенства. Даша почувствовала нѣжность къ этому человѣку.

— Вы гдѣ служите? — спросила она. Телѣгинъ сейчасъ же поднялъ глаза, увидѣть ее улыбку, улыбнулся самъ, — понялъ, — подумала Даша, и отвѣтила :

— На Обуховскомъ заводѣ. Отливаемъ цилиндры для моторовъ, вообще — разныя сложныя штуки.

— Интересная работа у васъ?

— Не знаю. По-моему — всякая работа интересна.

— Мнѣ кажется, — рабочіе должны васъ очень любить.

— Вотъ, не думаль никогда объ этомъ. Но по-моему, не должны любить. За что имъ меня любить? Я съ ними строгъ. Хотя, отношенія хорошія, конечно. Товарищескія отношенія.

— Скажите, — вамъ, дѣйствительно, нравится все, что сегодня дѣлалось въ той комнатѣ?

Губы Ивана Ильича раздвинулись въ широкую улыбку, морщины сошли со лба и онъ громко разсмѣялся :

— Мальчишки! Хулиганы отчаянные! Замѣчательные мальчишки! Я своими жильцами очень доволенъ, Дарья Дмитріевна. Иногда въ нашемъ дѣлѣ бывають неприятности, вернешься домой разстроеннымъ, а тутъ преподнесутъ чепуху какую-нибудь... На слѣдующій день вспомнишь, — и смѣшно.

— А мнѣ эти кощунства очень не понравились, — сказала Даша строго, — это просто гадко и нечистоплотно.

Онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ ей въ глаза, она подтвердила, — «очень не понравилось».

— Разумѣется, виновать прежде всего я самъ, — проговорилъ Иванъ Ильичъ раздумчиво, — я ихъ къ этому поощрялъ. Дѣйствительно, пригласить гостей и весь вечеръ говорить непристойности... Дарья Дмитріевна, я вамъ очень благодаренъ, что вы такъ прямо выразились. Но ужасно, что вамъ все это было не приятно.

Даша съ улыбкою глядѣла ему въ лицо. Она могла бы что угодно сказать этому, почти незнакомому ей, человѣку, — до того было съ нимъ легко.

— Мнѣ представляется, Иванъ Ильичъ, что вамъ совсѣмъ другое должно нравиться. Мнѣ кажется — вы очень хорошій человѣкъ. Гораздо лучше, чѣмъ сами о себѣ думаете. Правда, правда.

Даша, облокотясь, подперла подбородокъ и мизинцемъ

трогала губы. Глаза ея смѣялись, а ему казались они страшными, — до того были потрясающе прекрасны: сѣрые, большіе, холодноватые. Иванъ Ильичъ, въ величайшемъ смущеніи сгибая и разгибая чайную ложку, пытался отрицать, вообще, самого себя.

На его счастье въ столовую вошла Елизавета Кіевна; на ней была накинута турецкая шаль и на ушахъ бараными рогами закручены двѣ косы. Дашъ она подала длинную, мягкую руку, представилась: — Расторгуева, — сѣла и сказала:

— О васъ, много, много рассказывалъ Жировъ. Сегодня я изучала ваше лицо. Васъ коробило. Это хорошо.

— Лиза, хотите холоднаго чаю? — поспѣшно спросилъ Иванъ Ильичъ.

— Нѣтъ, Телѣгинъ, вы знаете, что я никогда не пью чаю... Такъ, вотъ, вы думаете, конечно, что за странное существо говорить съ вами? Я — никто. Ничтожество, даже не самка. Бездарна и неприятна въ общезити.

Иванъ Ильичъ, стоявшій у стола, въ отчаяніи отвернулся. Даша опустила глаза. Елизавета Кіевна, съ улыбкой разглядывая ее, продолжала:

— Вы изящны, благоустроены и очень хороши собой. Не спорьте, вы это знаете сами. Въ васъ, конечно, влюбляются десятки мужчинъ. Обидно думать, что все это кончится очень просто, — придетъ гнусецъ, возьметъ васъ, народите ему дѣтей, потомъ умрете. Скука!

У Даши отъ обиды задрожали губы:

— Я и не собираюсь быть необыкновенной, — отвѣтила она, — и не знаю, почему васъ такъ волнуеетъ моя будущая жизнь.

Елизавета Кіевна еще веселѣе улыбнулась, глаза же ея продолжали оставаться грустными и короткими:

— Я же васъ предупредила, что я ничтожная, какъ человѣкъ, и омерзительная, какъ женщина. Переносить меня могутъ очень немногіе, и то изъ жалости, какъ, на примѣръ, Телѣгинъ.

— Чортъ знаетъ, что вы говорите, Лиза, — пробормоталъ онъ, не поднимая головы.

— Я ничего отъ васъ не требую, Телѣгинъ, успокойтесь. — И она опять обратилась къ Дашъ. — Вы видѣли когда-нибудь бурю на Черномъ морѣ? Я пережила одну бурю. Былъ человѣкъ, я его любила, онъ меня ненавидѣлъ, конечно. Когда началась буря — я ему сказала: «ѣдемъ».

И прыгнула въ лодку. Отъ злости и онъ тоже полѣзъ за мной. Насъ понесло въ открытое море. Вотъ было весело! Чертовски весело! Онъ сидѣлъ весь зеленый. Я раздѣваюсь до-нага и говорю ему: привязывайте меня къ мачтѣ...

— Слушайте, Лиза, — сказать Телѣгинъ, морща губы и носъ, — вы врете. Ничего этого не было, я знаю.

Тогда Елизавета Кіевна съ непонятной улыбкой поглядѣла на него и вдругъ начала смѣяться. Положила локти на столъ, спрятала въ нихъ лицо, смѣясь, вздрагивала полными плечами.

Даша чувствовала, какъ весь этотъ недѣльный разговоръ быть точно царпаньемъ по стеклу. Она поднялась и сказала Телѣгину, что хочетъ домой и уѣхать, если можно, ни съ кѣмъ не прощаясь.

Иванъ Ильичъ подать Дашѣ шубку такъ осторожно, точно шубка была тоже частью дашинаго существа, сошелъ внизъ по темной лѣстницѣ, все время зажигая спички и сокрушаясь, что такъ темно, вѣтрено и скользко, довель Дашу до угла и посадилъ на извозчика — старичка на старой лошади, занесенной снѣгомъ. И долго еще стоялъ и смотрѣлъ, безъ шапки и пальто, какъ таяли и расплывались въ желтомъ туманѣ низенькія санки съ сидящей въ нихъ фигурой строгой дѣвушки. Потомъ, не спѣша, вернулся домой, въ столовую. Тамъ, у стола, все такъ же — лицомъ въ руки — сидѣла Елизавета Кіевна. Телѣгинъ почесать подбородокъ и проговорилъ, морщась:

— Лиза.

Тогда она быстро, слишкомъ быстро, подняла голову, взглянула прямо въ глаза.

— Лиза, для чего, простите меня, вы всегда заводите такой разговоръ, что всѣмъ дѣлается неловко и стыдно?

— Влюбился, — негромко проговорила Елизавета Кіевна, продолжая глядѣть на него близорукими, грустными, точно нарисованными, глазами, — сразу вижу — готовъ. Вотъ скука!

— Это совершенная неправда! Мнѣ очень непріятенъ этотъ разговоръ.

— Ну, виновата. Виноватыхъ бьютъ и плакать не велятъ, — она лѣниво поднялась и ушла, волоча за собой по полу пыльную турецкую шаль.

Послѣ этого Иванъ Ильичъ походилъ небольшое время у себя по комнатѣ, вернулся въ столовую, налилъ холоднаго

чаю и съѣлъ, было, но вдругъ поспѣшно поднялся и со страхомъ поглядѣлъ на стулъ. На этомъ стулѣ только что сидѣла Дарья Дмитріевна. Быть можетъ, это и глупо и сантиментально, но стулъ, все-таки, надо убрать отсюда. Тельгинъ пожалъ плечами и отнесъ его въ свою комнату, тамъ прибрѣлся и поставилъ его въ уголъ и, взявъ себя всей горстью за носъ, громко разсмѣялся:

— Чепуха! Вотъ чепуха-то!

Для Даши эта встрѣча была, какъ одна изъ многихъ, — встрѣтила очень славнаго человѣка, и только. Даша была въ томъ еще возрастѣ, когда видять и слышать плохо: слухъ оглушенъ шумомъ крови, а глаза повсюду, — будь это человѣческое лицо, или просто глянцевиый листочекъ дерева, — видять, какъ въ зеркалѣ, только свое изображеніе. Въ такое время лишь уродства поражаютъ фантазію, а красивые люди, и обольстительные пейзажи, и скромная красота искусства считаются повседневной свитой королевы въ девятнадцать лѣтъ.

Не такъ было съ Иваномъ Ильичемъ. Теперь, когда съ посѣщенія Даши прошло больше недѣли, ему стало казаться удивительнымъ, какъ могла незамѣтно (онъ съ ней не сразу даже и поздоровался) и просто (вошла, сѣла, положила муфту на колѣни) появиться въ ихъ оголтелой квартирѣ эта дѣвушка съ нѣжной, нѣжнорозовой кожей, въ черномъ, суконномъ платьѣ, съ высоко поднятыми, пепельными волосами и гордымъ, дѣтскимъ ртомъ. Непонятно было, какъ рѣшился онъ спокойно говорить съ ней про колбасу отъ Елисѣева. А теплыя карамелечки вытащить изъ кармана, предложилъ съѣсть? Мерзавецъ!

Иванъ Ильичъ за свою жизнь (ему недавно исполнилось двадцать девять лѣтъ) влюблялся разъ шесть: еще реалистомъ, въ Казани, — въ зрѣлую дѣвицу, Марусю Хвоеву, дочь ветеринарнаго врача, давно уже и бесплодно гуляющую, все въ одной и той же плюшевой шубкѣ, по главной улицѣ, въ 4 часа: но Марусѣ Хвоевой было не до шутокъ, Ивана Ильича отвергли, и онъ безъ предварительнаго перехода увлекся гастролершей Адой Тилле, поражавшей казанцевъ тѣмъ, что въ опереттахъ, изъ какой-бы эпохи ни были онѣ, появлялась, по возможности, въ костюмѣ для морского купанья, что и подчеркивалось дирекціей въ афишахъ: «Знаменитая Ада Тилле, со своими роскошными ногами».

Иванъ Ильичъ дошелъ даже до того, что пробрался къ ней въ домъ и поднесъ букетъ, нарванный въ городскомъ саду. Но Ада Тилле, сунувъ эти цвѣты понюхать какой-то лохматой собаченкѣ, сказала Ивану Ильичу, что отъ мѣстной

пищи у нея совершенно испорченъ желудокъ и попросила его сбѣгать въ аптеку.

Загѣмъ, уже студентомъ, въ Петербургѣ, онъ увлекся, было, медичкой Вильбушевичъ и даже ходилъ къ ней на свиданье въ анатомическій театръ, но, какъ-то само собой, изъ этого ничего не вышло, и Вильбушевичъ уѣхала служить въ земство.

Однажды Ивана Ильича полюбила до слезъ, до отчаянія, модисточка изъ большого магазина, Зиночка, и онъ отъ смущенія и душевной мягкости дѣлать все, что ей хотѣлось, но, въ общемъ, облегченно вздохнуть, когда она вмѣстѣ съ отдѣленіемъ фирмы уѣхала въ Москву, — прошло постоянное ощущеніе какихъ-то неисполненныхъ обязательствъ.

Последнее нѣжное чувство было у него въ позапрошломъ году, лѣтомъ, въ іюнь. На дворѣ, куда выходила его комната, напротивъ, въ окнѣ, каждый день передъ закатомъ, появлялась худенькая и блѣдная дѣвушка и, отворивъ окно, старательно вытряхивала и чистила щеткой свое, всегда одно и то же, рыженькое платьє. Потомъ надѣвала его и выходила посидѣть въ паркѣ.

Тамъ, въ паркѣ на Петербургской сторонѣ, Иванъ Ильичъ и разговорился съ ней, — и съ тѣхъ поръ каждый вечеръ они гуляли вмѣстѣ, хвалили петербургскіе закаты и бесѣдовали.

Дѣвушка эта, Оля Комарова, была одинокая, служила въ нотаріальной конторѣ, и все хворала, — кашляла. Они бесѣдовали объ этомъ кашлѣ, о болѣзни, о томъ, что по вечерамъ тоскливо бываетъ одинокому человѣку, и о томъ, что какая-то ея знакомая Кира полюбила хорошаго человѣка и уѣхала за нимъ въ Крымъ. Разговоры были скучные. Оля Комарова до того уже не вѣрила въ свое счастье, что, не стѣсняясь, говорила Ивану Ильичу о самыхъ завѣтныхъ мысляхъ, и даже о томъ, что иногда разсчитываетъ, — вдругъ онъ полюбитъ ее, сойдется, увезетъ въ Крымъ.

Иванъ Ильичъ очень жалѣлъ ее и уважалъ, но полюбить такъ и не могъ, хотя иногда, постѣ ихъ бесѣды, лежа на диванѣ въ сумеркахъ, думала, — какой онъ эгоистъ, сластолюбецъ, грубый и плохой человѣкъ.

Осенью Оля Комарова простудилась и слегла, — у нея началась пневмонія. Иванъ Ильичъ отвезъ ее въ больницу, а оттуда на кладбище. Передъ смертью она сказала: «Если я выздоровлю, вы женитесь на мнѣ»? «Честное слово, женюсь», — отвѣтилъ Иванъ Ильичъ.

Чувство къ Дашѣ не было похоже на тѣ, прежнія. Елизавета Кіевна сказала: «Влюбился». Но влюбиться можно было во что-то предполагаемое доступнымъ, и невозможно, напримѣръ, влюбиться въ статую, въ облака, или въ поэзію Пушкина. Обо всемъ этомъ можно только мечтать.

Въ Дашу онъ не могъ быть влюбленнымъ, потому что чувствовать ея невозможно. Но о Дашѣ нельзя было и мечтать, потому что она была живая, пила чай, ѣла колбасу, пожимала руку чудеснымъ, крѣпкимъ пожатіемъ. Къ Дашѣ было какое-то третье, особое, незнакомое ему чувство, притомъ мало понятное, потому что и причинъ-то къ нему было мало — нѣсколько минутъ разговора, да стулъ въ углу комнаты.

Чувство это было даже и не особенно сильное и не большое, но Ивану Ильичу хотѣлось самому теперь стать другимъ, тоже особымъ, начать очень слѣдить за собой:

«Если вдуматься, — мнѣ скоро тридцать лѣтъ, а жилъ я до сихъ поръ, какъ трава росъ. Запустѣніе страшное. Эгоизмъ и безразличіе къ людямъ. Въ общемъ — нечистоплотность. Надо подтянуться, пока не поздно».

Въ концѣ марта, въ одинъ изъ тѣхъ передовыхъ, весеннихъ дней, неожиданно врывающихся въ бѣлый отъ снѣга, тепло закутанный городъ, когда съ утра заблеститъ, зазвенитъ капель съ карнизовъ и крышъ, зажурчитъ вода по водосточнымъ трубамъ, верхомъ потекутъ подъ ними зеленыя кадки, развезетъ на улицахъ снѣгъ, задымится асфальтъ и высохнутъ пятнами, когда тяжелая шуба повиснетъ на плечахъ, глядишь — а ужъ какой-то мужчина, съ острой бородой, идетъ въ одномъ пиджачкѣ, и всѣ оглядываются на него, улыбаются, а поднимешь голову — небо такое бездонное и синее, словно вымыто водами.

Въ такой день, въ половинѣ четвертаго, Иванъ Ильичъ вышелъ изъ технической конторы Сименсъ и Гальске, разстегнулъ хорьковую шубу и прищурился отъ солнца, подумавъ:

«На свѣтѣ жить, все-таки, недурно».

И въ ту же минуту увидѣлъ Дашу. Она медленно шла, въ синемъ, весеннемъ пальто, съ краю тротуара и махала лѣвой рукой со сверточкомъ; на синей ея шапочкѣ покачивались бѣлыя ромашки; лицо было задумчивое и грустное. Она шла съ той стороны, откуда по лужамъ, по рельсамъ трамваевъ, въ стекла, въ спины проходимъ, подъ ноги имъ, на спицы и мѣдъ экипажей свѣтило изъ синей бездны огромное солнце, косматое, плающее весенней яростью.

Даша точно вышла из этой синевы и свѣта, и прошла, пропала въ толпѣ. Иванъ Ильичъ долго смотрѣлъ въ ту сторону. Сердце медленно, точно кулакъ, било въ грудь. Воздухъ былъ густой, прѣный, кружащій голову.

Иванъ Ильичъ медленно дошелъ до угла и, заложивъ за спину руки, долго стоялъ передъ столбомъ съ афишами. «Новыя и интересныя приключенія Джэка Потрошителя животовъ, 2400 метровъ», — прочелъ онъ разъ шесть и сообщилъ, что ничего не понимаетъ, и счастливъ такъ, какъ въ жизни съ нимъ еще не бывало.

А, отойдя отъ столба, во второй разъ увидѣлъ Дашу. Она возвращалась, все такъ же — съ ромашками и сверточкомъ, по краю тротуара. Онъ подошелъ къ ней, снялъ шляпу и сказалъ:

— Дарья Дмитріевна, я не помѣшаю, если поздоровуюсь?

Она чуть-чуть вздрогнула. Затѣмъ подняла на него холодноватые глаза, въ нихъ отъ свѣта блеснули зеленныя точки, улыбнулась ласково и подала руку въ бѣлой лайковой перчаткѣ, крѣпко, дружески.

— Вотъ, какъ хорошо, что я васъ встрѣтила. Я даже думала сегодня о васъ... Правда, правда, думала. — Даша кивнула головой и на шапочкѣ закивали ромашки.

— У меня, Дарья Дмитріевна, было дѣло на Невскомъ, и теперь весь день свободный... И день какой-то такой... — Иванъ Ильичъ сморщилъ губы, собирая все присутствіе духа, чтобы онъ не расплылся въ улыбку. Даша спросила:

— Иванъ Ильичъ, вы могли-бы меня проводить до дома?

— Конечно... да...

Они свернули въ боковую улицу и шли теперь въ тѣни.

— Иванъ Ильичъ, вамъ не будетъ странно, если я спрошу васъ объ одной вещи? Нѣтъ, конечно, съ вами-то я и поговорю. Только вы отвѣчайте мнѣ сразу. Говорите, не раздумывая, а прямо, — какъ спрошу, такъ и отвѣтите.

Лицо ея было озабочено и брови сдвинуты.

— Раньше мнѣ казалось такъ, — она провела рукой по воздуху, — есть воры, лгунишки, убійцы и уличныя женщины. Но они существуютъ такъ же, какъ змѣи, пауки и мыши, — я боюсь мышей, — а люди, всѣ люди — немного смѣшныя, со слабостями и чудачествами, но всѣ — добрые и ясныя... Вонъ, видите — идетъ барышня — ну, вотъ, какая она есть, такая и есть. Весь свѣтъ мнѣ казался точно нарисованнымъ чудесными красками. Вы понимаете меня?

— Но это прекрасно, Дарья Дмитріевна...

— Подождите. А теперь я точно проваливаюсь въ эту

картину, въ темноту, въ духоту... Я вижу, — чедовѣкъ можетъ быть обаятельнымъ, даже какимъ-то особенно трогательнымъ, прямо на-ощупь, и грѣшить, грѣшить ужасно при этомъ. Вы не подумайте, — не пирожки таскать изъ буфета, а грѣхъ настоящий: ложь, — Даша отвернулась, подбородокъ ея дрогнулъ, — чедовѣкъ этотъ прелюбодѣй. Женщина—замужняя. Значить, грѣшить можно? Я спрашиваю, Иванъ Ильичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нельзя.

— Почему нельзя?

— Этого сейчасъ сказать не могу. Но чувствую, что нельзя.

— А вы думаете — я сама этого не чувствую? Съ двухъ часовъ брожу по городу въ тоскѣ. День такой ясный, свѣтлый, а мнѣ все представляется, что въ этихъ домахъ, за занавѣсками, попрятались черные, черные люди. И я должна выйти къ нимъ, вы понимаете?

— Нѣтъ, не понимаю, — быстро отвѣтилъ онъ.

— Нѣтъ, должна. И пойду. Потому что вся жизнь тамъ, за занавѣсками, а не здѣсь. Ахъ, какая тоска у меня! Значить, просто на просто, я—дѣвчонка. А этотъ городъ не для дѣвчонокъ построенъ, а для взрослыхъ.

Даша осталась у подъѣзда и носкомъ высокаго бапмака стала передвигать взадъ и впередъ по асфальту кѣмъ-то брошенную коробку отъ папирсъ, съ картинкой—зеленая дама, изо рта дымъ. Иванъ Ильичъ, глядя на лакированный носокъ дашиной ноги, чувствовалъ, какъ Даша, словно снѣгурка, таетъ, уходитъ туманомъ. Онъ бы хотѣлъ удержать ее, но какой силой? Есть такая сила, и онъ чувствовалъ, какъ она сжимаетъ ему сердце, стискиваетъ горло. Но для Даши все его чувство, какъ тѣнь на стѣнѣ, потому что и онъ самъ не болѣе, какъ добрый, славный Иванъ Ильичъ.

— Ну, прощайте, спасибо вамъ, Иванъ Ильичъ. Вы очень славный и добрый. Мнѣ легче не стало отъ нашихъ разговоровъ, но, все-же, я вамъ очень, очень благодарна. Вы меня поняли, правда? Вотъ какія дѣла на свѣтѣ. Надо быть взрослой, ничего не подѣлаешь. Заходите къ намъ въ свободный часокъ, пожалуйста. Она улыбнулась, встряхнула ему руку и вошла въ подъѣздъ, пропала тамъ въ темнотѣ.

VI.

Даша растворила дверь своей комнаты и остановилась въ недоумѣнн: пахло сырыми цвѣтами, и сейчасъ же она

увидѣла на туалетномъ столикѣ корзину съ высокой ручкой и синимъ бантомъ, подбѣжала и опустила въ нее лицо. Это были пармскія фіалки, нѣсколько большихъ пучковъ, немного помятыя и влажныя, съ запахомъ земли, весны и нѣжности.

Даша была взволнована. Съ утра ей хотѣлось чего-то неопредѣлимаго, а сейчасъ она поняла, что хотѣлось именно фіалокъ. Но кто ихъ прислалъ? Кто думалъ о ней сегодня такъ внимательно, что угадалъ даже то, чего она сама не понимала. Вотъ только бантъ — совсѣмъ ужъ здѣсь не къ мѣсту. Развязывая его, Даша подумала:

«Хоть и безпокойная, но не плохая дѣвушка. Какими бы вы тамъ грѣшками ни занимались — она пойдетъ своей дорогой. Быть можетъ, думаете, что слишкомъ задираетъ носъ? — думайте, если вамъ угодно. Найдутся люди, которые поймутъ задранный носъ и даже одѣнять».

Въ бантъ оказалась засунутой записка на толстой бумагѣ, два слова незнакомымъ, крупнымъ почеркомъ: «Любите любовь». Съ обратной стороны напечатано: «Цвѣтоводство Ницца». Значить, тамъ, въ магазинѣ, кто-то и написалъ: «Любите любовь». Даша съ корзиной въ рукахъ вышла въ корридоръ и крикнула:

— Моголь, кто мнѣ принесъ эти цвѣты?

Великій Моголь посмотрѣла на корзину и чистоплотно вздохнула, точно ея эти вещи ни съ какой стороны не касаются:

— Екатеринѣ Дмитріевнѣ мальчишка изъ магазина принесъ. А барыня вамъ велѣла поставить.

— Отъ кого, онъ сказалъ?

— Ничего не говорилъ, только сказалъ, чтобы передали барынѣ.

Даша вернулась къ себѣ и стала у окна, заложивъ руки за спину. Сквозь стекла былъ виденъ закатъ, — слѣва, изъ за кирпичной стѣны сосѣдняго дома онъ разливался по небу, зеленѣлъ и линялъ. Появилась звѣзда въ этой зеленѣющей пустотѣ, переливаясь сверкала, какъ вымытая. Внизу, въ узкой и затуманившейся теперь улицѣ, сразу, во всю ея длину, вспыхнули электрическіе шары, еще не яркіе и не свѣтящіе. Близко прокрякалъ автомобиль, и было видно, какъ покатилъ вдоль улицы въ вечернюю мглу.

Въ комнатѣ стало совсѣмъ темно, и нѣжно пахли фіалки. Ихъ прислалъ тотъ, съ кѣмъ у Кати былъ грѣхъ. Это ясно. Даша стояла и думала, что вотъ она, какъ муха, попала въ паутину тончайшаго и соблазнительнаго грѣха. Онъ въ этомъ влажномъ запахѣ цвѣтовъ, въ двухъ словахъ:

«любите любовь», жеманныхъ и волнующихъ, и въ кроткомъ очарованіи этого вечера.

И вдругъ ея сердце сильно и часто забилось. Даша почувствовала, точно прикасается пальцами, видитъ, слышитъ, ощущаетъ что-то запретное, скрытое, обжигающее сладостью. Она, внезапно, всѣмъ духомъ словно разрѣшила себѣ, дала волю. И нельзя было понять, какъ случилось, что въ то же мгновение она была уже по эту сторону. Строгость, ледяная стѣночка растаяла дымкой, такой-же, какъ та, въ концѣ улицы, куда беззвучно унесся автомобиль съ двумя дамами въ бѣлыхъ шляпахъ.

Только билось сердце, легко кружилась голова, и во всемъ тѣлѣ веселымъ холодкомъ сама собою пѣла какая-то музыка: «Я живу, люблю, жизнь, весь свѣтъ — мой, мой, мой».

«Послушайте, моя милая, — вслухъ проговорила Даша, открывая глаза, — вы дѣвственница, другъ мой, у васъ просто дурной характеръ».

Она пошла въ дальній уголъ комнаты, сѣла въ большое мягкое кресло и, не спѣша, обдирая бумагу съ шоколадной плитки, стала припоминать все, что произошло за эти двѣ недѣли, послѣ катинаго грѣха.

Въ домѣ ничего не измѣнилось. Катя даже стала особенно нѣжной съ Николаемъ Ивановичемъ. Онъ ходилъ веселый и собирался строить дачу въ Финляндіи. Одна Даша переживала молча эту «трагедію» двухъ ослѣпшихъ людей. Заговорить первая съ сестрой она не рѣшалась, а Катя, всегда такая внимательная къ дашинымъ настроеніямъ, на этотъ разъ точно ничего не замѣчала. Екатерина Дмитриевна заказывала себѣ и Дашѣ весенніе костюмы къ Пасхѣ, пропадала у портнихъ и модистокъ, принимала участіе въ благотворительныхъ базарахъ, устраивала, по просьбѣ Николая Ивановича, литературный спектакль съ негласной цѣлью сбора въ пользу комитета лѣвой фракціи социаль-демократической партіи, такъ называемыхъ большевиковъ, прозававшихъ въ Парижѣ, собирала гостей, кромѣ вторниковъ, еще и по четвергамъ, — словомъ, у нея не было ни минуты свободной.

«А вы въ это время трусили, ни на что не рѣшались и размышляли надъ моральной проблемой, въ которой, какъ овца, ничего не понимали, и не поймете, покуда сами не обожжете крылышки», — подумала Даша, и тихо засмѣялась. Изъ того темнаго озера, куда падали ледяные шарики, и откуда нельзя было ожидать ничего хорошаго, всталъ, какъ часто бывало за эти дни, ѣдкій и злой образъ

Безсонова. Она разрѣшила себѣ, и онъ овладѣть ея мыслями. Даша притихла. Въ темной комнатѣ тикали часики.

Затѣмъ, далеко въ домѣ хлопнула дверь, и было слышно, какъ голосъ сестры спросилъ:

— Давно вернулась?

Даша поднялась съ кресла и вышла въ прихожую. Екатерина Дмитриевна сейчасъ же сказала:

— Почему ты красная?

Николай Ивановичъ, шибко потерявъ руки, отпустилъ остроту изъ репертуара любовника-резонера. Даша, съ ненавистью поглядѣвъ ему на мягкія, большія губы, пошла за Катей въ ея спальню. Тамъ, присѣвъ у туалета, изящнаго и хрупкаго, какъ все въ комнатѣ сестры, она стала слушать болтовню о знакомыхъ, встрѣченныхъ во время прогулки.

Разсказывая, Екатерина Дмитриевна наводила порядокъ въ зеркальномъ шкафу, гдѣ лежали перчатки, куски кружевъ, вуальки, шелковые башмачки, — множество маленькихъ пу-
стяковъ, пахнущихъ ея духами. Оказывается, что Роза Абра-
мовна одѣвается ни у какой ни у мадамъ Дюклэ, а дома и
притомъ прескверно, что Ведренскій опять проворонилъ
процессъ и сидитъ безъ денегъ, встрѣтила его жену, пла-
чется, — очень трудно стало жить. У Тимирязевыхъ корь.
Шейнбергъ опять сошелся со своей истеричкой, передаютъ,
что она даже стрѣлялась у него на квартирѣ. Вотъ, — весна-
то, весна! А день какой сегодня?! Всѣ бродятъ, какъ пьяныя
мухи, по улицамъ. Да, еще новость, — встрѣтили Акундина,
увѣряетъ, что въ самомъ ближайшемъ времени у насъ будетъ
революція. Понимаешь, на заводахъ, въ деревняхъ — по-
всюду броженіе. Ахъ, поскорѣе-бы! Николай Ивановичъ до
того обрадовался, что повелъ меня къ Пивато, и мы выпили
бутылку шампанскаго, ни съ того, ни съ сего, за будущую
революцію.

Даша, молча слушая сестру, открывала и закрывала крышечки на хрустальныхъ флаконахъ.

— Катя, — сказала она внезапно, — понимаешь, — я такая, ка-
кая есть, никому не нужна. — Екатерина Дмитриевна съ
шелковымъ чулкомъ, натянутымъ на руку, обернулась и
внимательно взглянула на сестру. — Главное, я не нужна
самой себѣ, такая. Вродѣ того, если бы человѣкъ рѣшилъ
ѣсть одну сырую морковь и считалъ-бы, что это его ставитъ
гораздо выше остальныхъ людей.

— Не понимаю тебя, — сказала Екатерина Дмитриевна. Даша поглядѣла на ея спину и вздохнула:

— Всѣ не хороши, всѣхъ я осуждаю. Одинъ глупъ, дру-

гой противный, третій грязный. Одна я короша. Я здѣсь чужая, мнѣ очень тяжело отъ этого. Я и тебя осуждаю, Катя.

— За что? — не оборачиваясь, тихо спросила Екатерина Дмитриевна.

— Нѣтъ, ты пойми. Хожу съ задраннѣмъ носомъ, — вотъ и всё достоинства. Просто — это глупо, и мнѣ надоѣло быть чужой среди васъ всѣхъ. Однимъ словомъ, — понимаешь, мнѣ очень нравится одинъ человекъ.

Даша проговорила это, опустивъ голову; засунула палецъ въ хрустальный флакончикъ и не могла его оттуда вытащить.

— Ну, что же, дѣвочка, слава Богу, если нравится. Будешь счастлива. Кому же и счастье, какъ не тебѣ. — Екатерина Дмитриевна легонько вздохнула.

— Видишь-ли, Катя, это все не такъ просто. По-моему, — я не люблю его.

— Если нравится — полюбишь.

— Въ томъ-то и дѣло, что онъ мнѣ не нравится.

Тогда Екатерина Дмитриевна закрыла дверцу шкафа и остановилась около Даши:

— Ты же только что сказала, что нравится... Вотъ, дѣйствительно.

— Катюша, не придирайся. Помнишь англичанина въ Сестрорѣцкѣ, вотъ тотъ и нравился, была даже влюблена. Но тогда я была сама собой... Злилась, пряталась, по ночамъ ревѣла, и все сошло съ меня, какъ водица. А это... Я даже не знаю — онъ ли это... Нѣтъ, онъ, онъ, онъ... Смугиль меня... И вся я другая теперь. Точно дыму какого-то нанюхалась... Войди онъ сейчасъ ко мнѣ въ комнату — не пошевелюсь...

— Господи, Даша, что ты говоришь?

— Катя, вѣдь это называется грѣхъ?... Вотъ я такъ понимаю.

Екатерина Дмитриевна присѣла на стулъ къ сестрѣ, привлекла ее, взяла ее горячую руку, поцѣловала въ ладонь, но Даша медленно освободилась, вздохнула, подперла голову, и долго глядѣла на темное окно, на звѣзды.

— Даша, какъ его зовутъ?

— Алексѣй Алексѣевичъ Безсоновъ.

Тогда Катя пересѣла на стулъ, рядомъ, положила руку на горло и сидѣла, не двигаясь. Даша не видѣла ея лица, — оно все было въ тѣни, — но чувствовала, что сказала ей что-то ужасное.

«Ну, и тѣмъ лучше», — отворачиваясь, подумала она. И отъ этого «тѣмъ лучше» стало легко и пусто:

— Почему, скажи пожалуйста, другія все могутъ, а я не могу? Два года слышу про шестьсотъ шестьдесятъ шесть соблазновъ, а всего-то за всю жизнь одинъ разъ и цѣловалась съ гимназистомъ на каткѣ, въ теплушкѣ.

Она вздохнула громко и замолчала. Екатерина Дмитриевна сидѣла теперь согнувшись, опустивъ руки на колѣни:

— Безсоновъ очень дурной человекъ, — проговорила она, — онъ страшный человекъ, Дашенька. Ты слушаешь меня?

— Да.

— Онъ всю тебя сломаешь.

— Ну, что же теперь подѣлаешь!

— Я не хочу этого! Пусть лучше другія... Пусть лучше я погибну! Но не ты, не ты, милочка!

— Нѣтъ, вороненокъ не хорошъ, онъ черенъ тѣломъ и душой, — нарочно засмѣявшись, сказала Даша, — чѣмъ же Безсоновъ плохъ, скажи?

— Не могу сказать... Не знаю... Но я содрогаюсь, когда думаю о немъ.

— А вѣдь онъ тебѣ тоже, кажется, нравился немножко?

— Никогда!... Ненавижу!... Храни тебя Господь отъ него!

— Вотъ видишь, Катюша, теперь-то, какъ разъ, меня любопытство и разобрало. Теперь ужъ я навѣрно попаду къ нему въ сѣти.

— О чемъ ты говоришь?... Мы съ ума сошли обѣ!

Но Дашѣ именно этотъ разговоръ и нравился, точно шла за цыпочкахъ по дощечкѣ. Правилось, что волнуется Катя. О Безсоновѣ она почти уже и не думала, но нарочно принялась разсказывать про свои чувства къ нему, описывала встрѣчи, его лицо. Все это преувеличивала, и выходило такъ, будто она ночи напролетъ томится грѣшными мыслями и чуть ли ни сейчасъ готова бѣжать къ Безсонову. Подъ конецъ ей самой стало смѣшно, захотѣлось схватить Катю за плечи, расцѣловать: «Вотъ, ужъ кто дуручка, такъ это ты, Катюша». Но Екатерина Дмитриевна вдругъ соскочила со стула на коврикъ, обхватила Дашу, легла лицомъ въ ея колѣни и, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, крикнула какъ-то страшно даже:

— Прости, прости меня!... Даша, прости меня!

Даша перепугалась. Нагнулась къ сестрѣ, и отъ страха и жалости сама заплакала, всхлипывая стала спрашивать — о чемъ она говорить, за что ее простить? Но Екатерина

Дмитріевна стиснула зубы и только ласкала сестру, цѣловала ей руки.

За обѣдомъ Николай Ивановичъ, взглянувъ на обѣихъ сестеръ, сказалъ:

— Такъ-съ. А нельзя-ли и мнѣ быть посвященнымъ въ причину сихъ слезъ?

— Причина слезъ — мое гнусное настроеніе, — сейчасъ же отвѣтила Даша, — успокойся, пожалуйста, я и безъ тебя понимаю, что вся, вмѣстѣ съ этой вилкой, не стою мизинчика твоей супруги.

Въ концѣ обѣда, къ кофе, пришли гости. Николай Ивановичъ рѣшилъ, что по случаю семейныхъ настроеній необходимо поѣхать въ кабакъ. Куличекъ сталъ звонить въ гаражи. Катю и Дашу послали переодѣваться. Пришелъ Чирва и, узнавъ, что собираются въ кабакъ, неожиданно рассердился:

— Въ концѣ концовъ отъ этихъ непрерывныхъ кутежей страдаетъ кто? Русская литература-съ. — Но и его взяли въ автомобиль вмѣстѣ съ другими.

Въ «Сѣверной Пальмирѣ» было полно народомъ и шумно; огромная, низкая зала подъ землею ярко залита бѣлымъ свѣтомъ шести хрустальныхъ люстръ. Люстры, табачный дымъ, поднимающійся къ нимъ изъ партера, тѣсно поставленные столики, люди во фракахъ и голыя плечи женщинъ, цвѣтныя парики, — зеленые, лиловые и сѣдые, — пучки снѣжныхъ эспри, драгоценныя камни, дрожащія на шеяхъ и въ ушахъ снопиками оранжевыхъ, синихъ, рубиновыхъ лучей, скользящія въ тѣснотѣ лакеи, испитой человѣкъ, съ мокрой прядью волосъ на лбу, съ поднятыми руками, и магическая его палочка, рѣжущая воздухъ передъ занавѣсомъ малиноваго бархата, блестящая мѣдъ трубъ, — все это повторялось и множилось въ зеркальныхъ стѣнахъ, и, казалось, будто здѣсь, въ безконечныхъ перспективахъ, сидитъ все человѣчество, весь міръ.

Даша, потягивая черезъ соломинку шампанское, наблюдала за столиками. Вотъ, передъ запотѣвшимъ ведромъ и кожурой отъ лангуста, сидитъ бритый человѣкъ съ напудренными щеками. Глаза его полузакрыты, ротъ презрительно сжать. Очевидно, сидитъ и думаетъ о томъ, что, въ концѣ концовъ, электричество потухнетъ, а всѣ люди умрутъ. Стоить-ли, вообще, радоваться чему-нибудь? А вотъ — мужъ и жена. Они, должно быть, дома поссорились и сейчасъ шопотомъ доругиваются, хотя у нея на толстомъ лицѣ улыбка, а онъ лѣниво перекатываетъ сигару изъ угла въ уголь рта.

Вотъ, заколыхался и пошелъ въ обѣ стороны занавѣсъ. На эстраду выскочилъ маленькій, какъ ребенокъ, японецъ, съ трагическими морщинами, и замелькали вокругъ него въ воздухѣ пестрые шары, тарелки, факелы. Глядя на нихъ, Даша подумала:

«Почему Катя сказала — прости, прости?»

И вдругъ, точно обручомъ стиснуло голову, остановилось сердце. «Неужели?» Но она тряхнула головой, вздохнула глубоко, не дала даже подумать себѣ, что — «неужели», и поглядѣла на сестру.

Екатерина Дмитриевна сидѣла на другомъ концѣ стола такая утомленная, печальная и красивая, что у Даши глаза налились слезами. Она поднесла палецъ къ губамъ и незамѣтно дунула на него. Это былъ условный знакъ. Катя увидѣла, поняла и нѣжно, медленно улыбнулась.

Часовъ около двухъ начался споръ — куда ѣхать? Екатерина Дмитриевна попросилась домой. Николай Ивановичъ говорилъ, что, какъ всё, такъ и онъ, а «всѣ» рѣшили ѣхать «дальше».

И тогда Даша сквозь порѣдѣвшую толпу увидѣла Безсонова. Онъ сидѣлъ, положивъ локоть далеко на столъ и внимательно слушалъ Акундина, который съ полуизжованной папиросой во рту говорилъ ему что-то, рѣзко чертя ногтемъ по скатерти. На этотъ летающій ноготь Безсоновъ и глядѣлъ. Его лицо было сосредоточено и блѣдно. Дашѣ показалось, что сквозь шумъ она слышала: «Конецъ, конецъ всему». Но сейчасъ-же ихъ обоихъ заслонилъ широкобрюхій татаринъ-лакей. Поднялась Катя и Николай Ивановичъ, Дашу окликнули, и она такъ и осталась, уколотая любовью, взволнованная и растерянная.

Когда вышли на улицу — неожиданно бодро и сладко пахнуло морозцемъ. Въ черно-лиловомъ небѣ пылали созвѣдья. Кто-то за дашиной спиной проговорилъ со смѣшкомъ: «Чертовски шикарная ночь!». Къ тротуару подкатилъ автомобиль, свали, изъ бензиновой гари, вынырнулъ оборванный человекъ, сорвалъ каргузъ и, прилясывая, распахнулъ передъ Дашей дверцу мотора. Даша, входя, взглянула, — человекъ былъ худой, съ небритой щетиной, съ перекосеннымъ ртомъ, и весь трясся, прижимая локти.

— Съ благополучно проведеннымъ вечеромъ въ храмѣ роскоши и чувственныхъ удовольствій! — бодро крикнулъ онъ хриплымъ голосомъ, и, живо подхвативъ брошенный къ-то двугривенный, салютовалъ рваной фуражкой. Даша почувствовала, какъ по ней точно царапнули его черные, свирѣпые глазки.

Домой вернулись поздно. Даша, лежа на спинѣ въ постели, даже не заснула, а забылась, будто все тѣло у нея стнялось, — такая была усталость.

Вдругъ, со стономъ сдергивая съ груди одѣяло, она сѣла, раскрыла глаза. Въ окно на паркетъ свѣтило солнце... «Боже мой, что за ужасъ быть только что»?! Было такъ страшно, что она едва не заплакала; когда же собралась съ духомъ — оказалось, что забыла все. Только въ сердцѣ осталась боль отъ какого-то отвратительно-страшнаго сна.

Послѣ завтрака Даша пошла на курсы, записалась держать экзаменъ, купила книгъ и до обѣда, дѣйствительно, вела суровую, трудовую жизнь — зубрила постылый курсъ римскаго права. Но вечеромъ опять пришлось натягивать шелковые чулки (утромъ рѣшено было носить только нитяные), пудрить руки и плечи, перечесываться. «Устроить бы на затылкѣ шишъ, вотъ и хорошо, а то всё кричать: дѣлай модную прическу, а какъ ее сдѣлаешь, когда волосы сами разсыпаются». Словомъ, была мука. На новомъ же, синемъ, шелковомъ платьѣ оказалось спереди пятно отъ шампанскаго.

Дашѣ вдругъ стало до того жалко этого платья, до того жаль своей пропадающей жизни, что, держа въ рукѣ испорченную юбку, она сѣла и расплакалась. Въ дверь сунулся, было, Николай Ивановичъ, но, увидѣвъ, что Даша въ одной рубашкѣ и плачетъ, позвалъ жену. Прибѣжала Катя, схватила платье, воскликнула: «Ну, это сейчасъ отойдетъ!» и кликнула Великаго Могола, которая появилась съ бензиномъ и горячей водой.

Платье отчистили, Дашу одѣли. Николай Ивановичъ чертыхался изъ прихожей: «Вѣдь премьера же, господа, нельзя опаздывать». И, конечно, въ театрѣ опоздали.

Даша, сидя въ ложѣ рядомъ съ Екатериной Дмитриевной, глядѣла, какъ рослый мужчина, съ наклеенной бородой и неестественно расширенными глазами, стоя подъ плоскимъ деревомъ, говорилъ дѣвушкѣ въ ярко-розовомъ:

«Софья Ивановна, я люблю васъ, люблю васъ», — и держалъ ее за руку. И, хотя пьеса была не жалобная, Дашѣ все время хотѣлось плакать, жалѣть дѣвушку въ ярко-розовомъ, и было досадно, что дѣйствіе не такъ поворачиваетъ. Дѣвушка, какъ выяснялось, и любитъ и не любитъ, на объятіе отвѣтила русалочимъ хохотомъ и убѣжала къ мерзавцу, бѣлые брюки котораго мелькали на второмъ планѣ, между стволонъ. Мужчина схватился за голову, сказалъ, что уничтожить какую-то рукопись — дѣло его жизни, и первое дѣйствіе окончилось.

Въ ложѣ появились знакомые, и начался обычный, торопливо-приподнятый, разговоръ.

Маленькій Шейнбергъ, съ голымъ черепомъ и бритымъ, измятымъ лицомъ, словно все время выпрыгивающимъ изъ жесткаго воротника, сказалъ о пьесѣ, что она захватываетъ:

— Опять проблема пола, но проблема, поставленная остро. Человѣчество должно, наконецъ, покончить съ этимъ проклятымъ вопросомъ.

На это отвѣтилъ угрюмый, большой Буровъ, слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ — либераль, у котораго на Рождествѣ сбѣжала жена съ содержателемъ скаковой конюшни:

— Какъ для кого — для меня вопросъ рѣшенный. Женщина жжетъ самымъ фактомъ своего существованія, мужчина жжетъ при помощи искусства. Половой вопросъ — просто мерзость, а искусство — одинъ изъ видовъ уголовного преступленія.

Николай Ивановичъ захохоталъ, глядя на жену. Буровъ продолжалъ мрачно:

— Птицѣ пришло время нести яйца, — самецъ одѣвается въ пестрый хвостъ. Это ложь, потому что природный хвостъ у него сѣрый, а не пестрый. На деревѣ распускается цвѣтокъ — тоже ложь, приманка, а суть въ безобразныхъ корняхъ подъ землей. А больше всего жжетъ человѣкъ. На немъ цвѣтовъ не растетъ, хвоста у него нѣтъ, приходится пускать въ дѣло языкъ, — ложь сугубая и отвратительная, такъ называемая, любовь и все, что вокругъ нея накручено. Вещи загадочныя для барышень въ нѣжномъ возрастѣ, только, — онъ покосился на Дашу, — въ наше время — полнѣйшаго отупѣнія — этой чепухой занимаются серьезные люди. Да-съ, Россійское государство страдаетъ засореніемъ желудка.

Онъ съ катарральной гримасой нагнулся надъ коробкой конфетъ, покопалъ въ ней пальцемъ, выбралъ шоколадную съ ромомъ, вздохнулъ, положить въ ротъ и поднялъ къ глазамъ большой бинокль, висѣвшій у него на ремешкѣ черезъ шею.

Разговоръ перешелъ на застой въ политикѣ и реакцію. Куличекъ, шевеля бровями, взволнованнымъ шопотомъ разсказалъ послѣдній дворцовый скандалъ.

— Кошмаръ, кошмаръ! — быстро проговорилъ Шейнбергъ. Николай Ивановичъ ударилъ себя по колѣнкѣ:

— Революція, господа, революція нужна намъ немедленно! Иначе мы просто задохнемся. У меня есть слѣднія, — онъ понизилъ голосъ, — на заводахъ очень не спокойно.

Всѣ десять пальцевъ Шейнберга влетѣли отъ возбужденія на воздухъ:

— Но когда же, когда? Невозможно безъ конца ждать!

— Доживемъ, Яковъ Александровичъ, доживемъ, — проговорилъ Николай Ивановичъ весело, — и вамъ портфельчикъ вручимъ министра юстиции-съ, ваше превосходительство.

Дашѣ надоѣло слушать объ этихъ проблемахъ, революціяхъ и портфельчикахъ. Облокотясь о бархатъ ложи и другою рукою обнявъ Катю за талию, она глядѣла въ партеръ, иногда съ улыбкой кивая знакомымъ. Даша знала и видѣла, что онѣ съ сестрой нравятся, и эти, увлеченные въ толпѣ, взгляды — нѣжные мужскіе и злые женскіе — и обрывки фразъ и улыбки возбуждали ее, какъ пьянить весенній воздухъ. Слезливое настроеніе прошло. Щеку около уха щеко-таль завитокъ катиныхъ волосъ.

— Катюша, я тебя люблю, — щопотомъ проговорила Даша.

— И я.

— Ты рада, что я у тебя живу?

— Очень.

Даша раздумывала, что-бы ей еще сказать Катѣ доброе. И вдругъ, внизу увидѣла Телѣгина. Онѣ стоялъ въ черномъ сюртукѣ, держа въ рукахъ шапку и афишу и, давно уже, исподлобья, чтобы не замѣтили, глядѣлъ на ложу Смоковниковыхъ. Его загорѣлое, твердое лицо замѣтно выдѣлялось среди остальныхъ лицъ, либо слишкомъ бѣлыхъ, либо испитыхъ. Волосы его были гораздо свѣтлѣе, чѣмъ Даша ихъ представляла, — какъ рожь.

Встрѣясь глазами съ Дашей, онѣ сейчасъ-же поклонился, затѣмъ отвернулся, но у него упала шапка. Нагибаясь, онѣ толкнулъ сидѣвшую въ креслахъ толстую даму, началъ извиняться, покосился опять на ложу и, видя, что Даша смѣется, покраснѣлъ, попятился, наступилъ на ногу редактору эстетическаго журнала «Хоръ Музъ» и, махнувъ, рукой, пошелъ къ выходу. Даша сказала сестрѣ:

— Катя, это и есть Телѣгинъ.

— Вижу, очень милый.

— Поцѣловала бы, до чего милъ. И, если бы ты знала, до чего онѣ умный человекъ, Катюша.

— Вотъ, Даша!..

— Что?

Но сестра промолчала. Даша поняла и тоже пріумолкла. У нея опять зацемло сердце, — у себя, въ улиточьемъ дому было неблагополучно: на минуту забылась, а заглянула опять туда, — тревожно, темно, душно.

Когда залъ погасъ, и занавѣсъ поплылъ въ обѣ стороны, Дашѣ показалось, что она точно выгнана изъ дому, — не-

куда отъ самой себя укрыться. Она вздохнула и внимательно стала слушать.

Человѣкъ съ наклеенной бородой продолжалъ грозиться сжечь рукопись, дѣвушка издѣвалась надъ нимъ, сидя у рояля. И было очевидно, что эту дѣвицу поскорѣе нужно выдать замужъ, чѣмъ тянуть еще канитель на три акта. Все это — душевный вывихъ, ни что иное, какъ глупость.

Даша подняла глаза къ плафону зала, — тамъ, среди облаковъ, летѣла прекрасная, полуобнаженная женщина, съ радостной и ясной улыбкой. «Боже, до чего похожа на меня», — подумала Даша. И сейчас же увидѣла себя со стороны: сидитъ существо въ ложѣ, ѣсть шоколадъ, вретъ, путается и ждетъ, чтобы само собою случилось что-то необыкновенное. Но ничего не случится. «И жизни мнѣ нѣтъ, покуда не пойду къ нему, не услышу его голоса, не почувствую его всего. А остальное—ложь. Просто—нужно быть честной».

Съ этого вечера Даша не раздумывала болѣе — любить ли Безсонова, или тянется къ нему отъ грѣховной какой-то разягченности, большого любопытства. Она знала теперь, что пойдетъ къ нему, и боялась этого часа. Одно время она рѣшила, было, уѣхать къ отцу, въ Самару, но подумала, что полторы тысячи верстъ не спасутъ отъ искушенія, и махнула рукой.

Ея здоровая дѣвственность негодовала, но что можно было подѣлать со «вторымъ человѣкомъ», когда ему помогало все на свѣтѣ. И, наконецъ, было невыносимо оскорбительно такъ долго страдать и думать объ этомъ Безсоновѣ, который и знать-то ее не хочетъ, живетъ въ свое удовольствіе гдѣ-то около Каменноостровскаго проспекта, пишетъ стихи объ актрисѣ съ кружевными юбками. А Даша, вся до послѣдней капельки, наполнена имъ, вся въ немъ.

Даша теперь брезговала собой. Нарочно гладко причесывала волосы, закручивая ихъ шишомъ на затылкѣ, носила старое — гимназическое—платье, привезенное еще изъ Самары, съ тоской, упрямь, зубрила римское право, не выходила къ гостямъ и отказывалась отъ развлеченій. Быть честной оказалось не легко. Даша просто трусилась.

Въ началѣ апрѣля, въ прохладный вечеръ, когда закатъ уже потухъ, и зеленовато-линялое небо свѣтилось фосфорическимъ свѣтомъ, не бросая тѣней, Даша возвращалась съ островъ пѣшкомъ.

Дома она сказала, что идетъ на курсы, а вмѣсто этого пробѣжала въ трамвайчикѣ до Елагина моста и бродила весь вечеръ по голымъ аллеямъ, переходила мостики, глядѣла на воду, на лиловые сучья, распластанные въ оранжевомъ зарвѣ заката, на лица прохожихъ, на плывущія за мшистыми

стволами огоньки экипажей. Она не думала ни о чемъ и не торопилась.

Было спокойно на душѣ, и всю ее, словно до костей, пропиталь весенній, солоноватый *воздухъ взморья. Ноги устали, но не хотѣлось возвращаться домой, въ комнату, гдѣ столько было передумано душевныхъ мыслей.

По широкому проспекту Каменноостровскаго крупной рысью катили коляски, проносились длинные автомобили, съ шутками и смѣхомъ двигались кучки гуляющихъ. Даша свернула въ боковую улочку.

Здѣсь было совсѣмъ тихо и пустынно. Зеленѣло небо надъ крышами. Изъ каждаго почти дома, изъ-за опущенныхъ занавѣсей, раздавалась музыка. Вотъ разучиваютъ сонату, вотъ — знакомый, знакомый вальсъ, а вотъ въ тускломъ и красноватомъ отъ заката окнѣ мезонина переливаются четыре хрустальныхъ голоса фуги. Словно въ тишинѣ этого синеватаго вечера пѣлъ самый воздухъ.

И у Даши, насквозь пронизанной звуками, тоже все пѣло и все тосковало. Казалось, тѣло стало легкимъ и чистымъ, безъ пятнышка.

Даша свернула за уголъ, прочла на стѣнѣ дома номеръ, усмѣхнулась и, подойдя къ парадной двери, гдѣ надъ мѣдной, львиной головой была прибита визитная карточка: «А. Безсоновъ», сильно позвонила.

VII.

Въ желѣзныя ворота постучали. На каменной тумбѣ, въ тѣни воротной арки, зашевелился тулупъ, поднялась рука со звенящими ключами, шмыгнула по носу. Тулупъ двинулся, взвизгнувъ замокъ, и тяжелыя ворота пріоткрылись.

На улицу вышли двое, пряча подбородки въ поднятые воротники, — Безсоновъ и Акундинъ. Изъ черной овчины тулупа высунулось подслѣповатое личико ночного сторожа, попросило у нихъ на-чаекъ. Безсоновъ опустилъ ему въ конецъ рукава двугривенный и повернулъ направо по пустынной улицѣ. Акундинъ шель немного сзади, затѣмъ догналъ его и взялъ подъ руку:

— Ну, что, Алексѣй Алексѣвичъ, какъ вамъ понравился нашъ пророкъ Елисѣй?

Безсоновъ сразу остановился:

— Послушайте, но вѣдь это бредъ! За воротами, на второмъ дворѣ, на черной лѣстницѣ, въ душевной комнатѣ, среди книгъ, табаку, сидѣть и думать... Вы вглядывались въ его лицо?... Безъ кровинки... Какой-то особенный, красный

ротъ, точно онъ слова обсасываетъ губами. Но, подумайте, если осуществить все, о чемъ онъ говоритъ?

— Большая будетъ потѣха на свѣтъ, Алексѣй Алексѣевичъ.

— Нѣтъ, это бреды!... На старомъ диванѣ, въ табачномъ дыму зажигать міровой пожары!... Что вы мнѣ говорите, — вотъ леть дождикъ, такъ и будетъ лить до скончанія вѣка... Камня вы съ мѣста не сдвините.

Они стояли подъ фонаремъ. Безсоновъ глядѣлъ на падающія во мглѣ мелкаго дождя зеленоватыя точки огней. Рѣдкіе прохожіе, отражаясь въ черномъ асфальтѣ, спѣшили по домамъ, — руки въ карманы, носы въ воротники. Акундинъ, въ большой сѣрой шляпѣ, глядѣлъ снизу вверхъ на Безсонова и, усмѣхаясь, пощипываль бородку:

— Въ такія іерихонскія трубы затрубимъ, Алексѣй Алексѣевичъ, не то что стѣны — все съ верху до низу рухнетъ. У насъ ухватка ужъ больно хороша. Словечко есть. Важно было словечко найти, — Сезамъ, отворись. И въ нашемъ словечкѣ особенный фокусъ: къ чему его ни приставишь, все въ ту-же минуту гнѣтъ и разсыпается. А вы говорите — камня не сдвинемъ. Напримѣръ, во имя, скажемъ, процвѣтанія Алаунскаго суглинка, необходимо пойти бить нѣмцевъ и городишки ихъ жечь. Ура, ребята, за вѣру, царя и отечество! А вы попробуйте-ка приставить къ этому наше словечко. Товарищи, русскіе, нѣмцы и прочіе, — голь, нищета, послѣдніе людишки, — довольно вашей кровушки попито, на горбѣ поѣзжено, давайте устраивать *міровую справедливость*. На меньшее васъ не зовемъ. Отнынѣ, вы одни люди, остальные паразиты. Въ чемъ дѣло? Какіе паразиты? Какая такая міровая справедливость? Алексѣй Алексѣевичъ понимаетъ — какой тутъ нуженъ жестъ, — вродѣ того, какимъ было съ горы Іисусу Христу земное царство показано. Повторить необходимо. Объясните на примѣрѣ, что такое міровая справедливость въ пониманіи Каширскаго уѣзда, села Брюхина, крестьянина Ликсея Иванова Седьмого, работающаго съ двѣнадцати лѣтъ на кирпичномъ заводѣ, за поденную плату пятьдесятъ пять копѣекъ въ сутки, на своихъ харчахъ. Примѣръ: домъ каменный видите? Видимъ. Въ домѣ сидитъ кирпичный фабрикантъ, цѣпочка поперекъ живота, видите? Видимъ. Шкафъ у него полный денегъ, а подъ окнами городской ходить, смотреть строго, видите? Видимъ. Ну, все это по міровой справедливости ваше, товарищи. Поняли? А вы, Алексѣй Алексѣевичъ, говорите, что мы теоретики. Мы, какъ первые христіане. Они нищему поклонились, и мы униженному и оскорбленному, лохудрѣ, что и на человѣка то не похожъ, — низкій поклонъ отъ пяти материковъ. У нихъ было словечко, и у насъ словечко. У нихъ крестовые походы, и у насъ крестовые походы.

Акундинъ засмѣялся, стараясь разглядѣть лицо Безсонова, затѣненное шляпой. Затѣмъ, взглянувъ на часы, заторопился:

— Побрыкаетесь, а придете, придете къ намъ, Алексѣй Алексѣвичъ. Такіе, какъ вы, намъ вотъ какъ нужны... Время близко, послѣдніе денѣчки доживаемъ... — Онъ хихикнулъ, подавивъ въ себѣ возбужденіе, крѣпко, отрывисто стиснулъ Безсонову руку и свернулъ за уголъ. И долго еще было слышно, какъ увѣренно постукивали его каблуки по тротуару. Безсоновъ крикнулъ извозчика. Гдѣ-то въ дождевой мглѣ зацокали губами, затарахтѣлъ экипажъ. У фонаря остановилась женщина и тоже стала глядѣть на пропадающіе огоньки. Потомъ проговорила, едва ворочая языкомъ:

— Никогда не прощу.

Безсоновъ, вздрогнувъ, взглянулъ. Лицо ея все смѣялось, морщинистое и пьяное. Подѣхалъ извозчикъ — высокій мужикъ на маленькой лошаdkѣ, сказалъ тонкимъ голосомъ: — «типу». Садясь въ сырую пролетку, Безсоновъ вспомнилъ, что предстоитъ еще одно свиданіе съ женщиной. Очевидно, будетъ глупо и пошло, — тѣмъ лучше. Онъ сказалъ адресъ, поднялъ воротникъ, и поплыли навстрѣчу смутныя очертанія домовъ, расплывающіеся свѣты изъ оконъ, облачка желтоватаго тумана надъ каждымъ фонаремъ.

Остановившись у ресторана, извозчикъ сказалъ особымъ только для господъ, разбитнымъ голосомъ:

— Васъ четвертаго сюда нынѣ привожу. Пицца здѣсь что ли хороша? Одинъ все погонялъ, цѣлковый, говоритъ, подарю, поѣзжай скорѣй, сукинъ сынъ. А лошаdешка у меня совсѣмъ не способная.

Безсоновъ, не глядя сколько, сунулъ ему мелочь и взбѣжалъ по широкой лѣстницѣ ресторана. Швейцаръ сказалъ, снимая съ него шубу:

— Алексѣй Алексѣвичъ, васъ ожидаютъ.

— Кто?

— Особа женскаго пола, намъ не извѣстная.

Безсоновъ, высоко поднявъ голову и глядя передъ собой холодными глазами, прошелъ въ дальній уголъ низкаго и сейчасъ наполненнаго народомъ рестораниаго зала, къ своему старичному столику. Метръ-д'отель, Лоскуткинъ, благородный старикъ, сообщилъ, наклонившись надъ скатертью, что сегодня — необыкновенное баранье сѣдло. Безсоновъ сказалъ:

— Ъсть не хочу. Дадите бѣлаго вина. Моего.

Онъ сидѣлъ строго и прямо, положивъ руки на скатерть. Вп этотъ часъ, въ этомъ мѣстѣ, какъ обычно, нашло на него ѣривычное состояніе мрачнаго вдохновенія. Всѣ впечатлѣнія

дня словно сѣпились въ стройную и осмысленную форму, и въ немъ, въ глубинѣ, волнуемой завываніемъ румынскихъ скрипокъ, запахами женскихъ духовъ, духотой люднаго зала, возникла тѣнь этой, вошедшей извнѣ, формы, и эта тѣнь была — вдохновеніе. Онъ чувствовалъ, что будто слѣпымъ, какимъ-то, внутреннимъ осязаніемъ постигаетъ таинственный смыслъ вещей и словъ, — смѣющагося лица въ слезахъ у фонаря, и музыки, упоенной похотью въ эту черную ночь, и бредовой фантазіи пророка Елисея (Юрія Давидовича Елисеѣва, публициста-соціолога, къ которому его привелъ сегодня Акундинъ), и всѣхъ этихъ странныхъ сравненій, при-мѣрчиковъ и подхихкиваній, на углу, у фонаря.

Безсоновъ поднималъ стаканъ и пилъ вино, не разжимая зубовъ. Сердце медленно билось. Было невыразимо пріятно чувствовать всего себя, пронизаннаго звуками и голосами.

Напротивъ, у столика подъ зеркаломъ, ужинали Сапожковъ, Антошка Арнольдовъ, вертлявый человекъ съ трагическими глазами, и Елизавета Кіевна. Она вчера написала Безсонову длинное письмо, назначивъ здѣсь свиданіе, и сейчасъ сидѣла красная и взволнованная. На ней было платье изъ полосатой матеріи, черной съ желтымъ, и такой же бантъ въ волосахъ. Когда вошелъ Безсоновъ, ей стало душно. Сапожковъ сказалъ:

— Струсите. Держу пари.

— Будьте осторожны, — прошепталъ Арнольдовъ и, усмѣхаясь, показалъ сразу всѣ свои гнилые и золотые зубы, — онъ бросилъ актрису, сейчасъ безъ женщины и опасенъ, какъ тигръ.

Елизавета Кіевна засмѣялась, тряхнула полосатымъ бантомъ и пошла между столиками къ Безсонову. На нее оглядывались, отодвигаясь со стульями, давали дорогу.

За послѣднее время жизнь Елизаветы Кіевны складывалась совсѣмъ уныло, — день за днемъ, безъ дѣла, безъ надежды на лучшее, — словомъ — тоска. Телѣгинъ явно не влюбилъ ее, обращался вѣжливо, но разговоровъ и встрѣчъ наединѣ избѣгалъ. Она же съ отчаяніемъ чувствовала, что онъ то, именно, ей и нуженъ. Когда въ прихожей раздавался его голосъ, Елизавета Кіевна поднимала голову отъ книги и глядѣла на дверь. Онъ шелъ по корридору, какъ всегда, на ципочкахъ. Она ждала, сердце останавливалось, дверь расплывалась въ глазахъ, но онъ опять проходилъ мимо. Хотъ бы постучалъ, попросилъ спичекъ. Въ концѣ концовъ, все это было безумно оскорбительно.

На-дняхъ, на зло Жирову, съ кошачьей осторожностью ругавшему все на свѣтъ, она купила книгу Безсонова, разрѣзала ее щипцами для волосъ, прочла нѣсколько разъ подрядъ,

залила кофеемъ, смяла въ постели и, наконецъ, за обѣдомъ объявила, что онъ гений... Тельгинскіе жильцы возмутились. Сапожковъ назвалъ Безсонова грибкомъ на разлагающемся тѣлѣ буржуазіи. У Жирова вздулась на лбу жила, и онъ сказалъ:

— Мнѣ кажется — вы недостаточно разобрались въ этой позіи, — это слабо и вяло, очень вяло.

Художникъ Валетъ швырнулъ вилку. Одинъ Тельгинъ остался безучастнымъ. Тогда у нея произошелъ такъ называемый «моментъ сомопровокаціи», она захохотала, ушла къ себѣ, написала Безсонову восторженное, нелѣпое письмо, съ требованіемъ свиданія, вернулась въ столовую и молча бросила письмо на столъ. Жильцы прочли его вслухъ и долго совѣщались. Тельгинъ сказалъ:

— Очень смѣло написано.

Тогда Елизавета Кіевна отдала письмо кухаркѣ, чтобы немедленно бросить въ ящикъ, и почувствовала, что летитъ въ пропасть.

Сейчасъ, подойдя къ Безсонову, Елизавета Кіевна проговорила бойко:

— Я вамъ писала. Вы пришли. Спасибо.

И сейчасъ же сѣла напротивъ него, бокомъ къ столу, — нога на ногу, локоть на скатерть, — подперла подбородокъ и стала глядѣть на Алексѣя Алексѣевича нарисованными глазами. Онъ молчалъ. Лоскуткинъ подаль второй стаканъ и самъ налилъ вина Елизаветѣ Кіевнѣ. Она сказала:

— Вы спросите, конечно, зачѣмъ я васъ хотѣла видѣть?

— Нѣтъ, этого я спрашивать не стану. Пейте вино.

— Вы правы, мнѣ нечего рассказывать. Вы живете, Безсоновъ, а я нѣтъ. Если бы у меня были деньги — я бы гоняла на автомобиль по всей Европѣ, куда не сорвалась въ пропасть. Мнѣ просто — скучно.

— Чѣмъ вы занимаетесь?

— Мнѣ предлагали войти въ партію для совершенія террористическихъ актовъ, но я ненавижу дисциплину. Стать кокоткой — не хочу, — брезглива. Заняться полезной дѣятельностью — лучше петлю на шею. Что можно сейчасъ дѣлать, когда все гнилое, все гниетъ. Ничего я не дѣлаю. Вамъ странно? Противно? Такъ вотъ, я спрашиваю — куда мнѣ дѣться?

— Я думаю, что такимъ людямъ, какъ вы, нужно подождать немного, — отвѣтилъ Безсоновъ, поднимая стаканъ на свѣтъ, — скоро, скоро будетъ время, когда тысячи такихъ же окаменѣвшихъ химеръ оживутъ и слетятся дѣлать до-

бьчу. У васъ глаза химеры. — И онъ медленно вытянулъ вино сквозь зубы.

Елизавета Кіевна не совсѣмъ поняла, о чемъ онъ говорить, но отъ удовольствія покраснѣла. Безсоновъ же почувствовалъ въ ней хорошаго слушателя, къ тому же, самъ собою подвернулся «стиль», и онъ разрѣшилъ себѣ наслаженіе поколдовать — напустить на эту замеревшую отъ вниманія женщину чернаго дыма фантазіи. Онъ заговорилъ о томъ, что на Россію опускается ночь для совершенія страшнаго возмездія. Онъ чувствуетъ это по тайнымъ и зловѣщимъ знакамъ. На заборахъ и стѣнахъ домовъ, въ видѣ торговыхъ рекламъ, появились изображенія дьявола. Вчера, напримѣръ, былъ расклеенъ отъ фирмы «Космосъ» огромный плакатъ: по безконечной лѣстницѣ, внизъ, на автомобильной шинѣ летитъ хохочущій дьяволъ, огненно-красный, какъ кровь. Въ Денежномъ переулкѣ на заборѣ онъ видѣлъ афишу — изъ облака рука указываетъ пальцемъ внизъ на странную надпись: «въ самомъ ближайшемъ времени».

— Вы понимаете, что это обозначаетъ?... Скоро будетъ большой просторъ для васъ, Елизавета Кіевна.

Разговаривая, онъ подливалъ вино въ стаканы. Елизавета Кіевна глядѣла въ ледяные его глаза, на женственный ротъ, на поднятыя тонкія брови и на то, какъ слегка дрожали его пальцы, державшіе стаканъ, и какъ онъ пилъ, — жадная, медленно. Голова ея упоительно кружилась. Издали Сапожковъ началъ дѣлать ей знаки. Внезапно Безсоновъ оборвалъ, обернулся и спросить, нахмурясь:

— Кто эти люди?

— Это — мои друзья.

— Мнѣ не нравятся ихъ знаки.

Тогда Елизавета Кіевна проговорила, не думая:

— Пойдемте въ другое мѣсто, хотите?

Безсоновъ взглянулъ на нее пристально. Глаза ея слегка косили, ротъ слабо усмѣхался, на вискахъ выступили маленькія капельки пота. И вдругъ онъ почувствовалъ жадность къ этой здоровой, близорукой дѣвушкѣ, взялъ ея большую и горячую руку, лежащую на столѣ, и сказалъ:

— Или уходите сейчасъ-же... Или молчите... Ёдемъ. Такъ нужно...

Елизавета Кіевна только вздохнула коротко, щеки ея поблѣднѣли. Она не чувствовала, какъ поднялась, какъ взяла Безсонова подъ руку, какъ въ швейцарской надѣли на нее пальто. И когда они сѣли на извозчика, даже вѣтеръ не охладилъ ея пылающей кожи. Пролетка тархтѣла по кам-

нямъ. Безсоновъ, опираясь о трость обѣими руками и положивъ на нихъ подбородокъ, говорилъ:

— Вы сказали, что я живу. Я жилъ. Мнѣ 38 лѣтъ, но жизнь окончена. Меня не обманываетъ больше любовь. Что можетъ быть грустнѣе, когда увидишь вдругъ, что рыцарскій конь — деревянная лошадка. И вотъ еще много, много времени нужно тащиться по этой жизни, какъ трупъ...

Онъ обернулся, верхняя губа его приподнялась съ усмѣшкой.

— Видно, и мнѣ, вмѣстѣ съ вами, нужно подождать, когда затрубятъ іерихонскія трубы. Хорошо, если-бы на этомъ кладбищѣ вдругъ раздалось тра-та-та! И — зарево по всему небу...

Они подѣхали къ загородной гостиницѣ. Заспанный половой повелъ ихъ по длинному корридору въ единственный, оставшійся не занятымъ, номеръ. Это была никакая комната, съ красными обоями, въ трещинахъ и пятнахъ. У стѣны, подъ выцвѣтшимъ балдахиномъ, стояла большая кровать, въ ногахъ ея — жестяной рукомоиникъ. Пахло неprovѣтренной сыростью и табачнымъ перегаромъ. Пыльная лампочка тускло горѣла подъ потолкомъ. Елизавета Кіевна сказала, стоя у двери:

— Зачѣмъ вы привезли меня сюда?

— Нѣтъ, нѣтъ, здѣсь намъ будетъ хорошо, — поспѣшно отвѣтилъ Безсоновъ.

— Я сейчасъ уѣду.

Тогда онъ снялъ съ нея пальто и шляпу и положилъ на сломанное креслице. Половой принесъ бутылку шампанскаго, мелкихъ яблочекъ и кисть винограда съ пробковыми опилками, заглянулъ въ рукомоиникъ и скрылся все такъ же хмуро.

Елизавета Кіевна отогнула штору на окнѣ, — тамъ, среди мокраго пустыря, горѣлъ газовой фонарь и ѣхали огромныя бочки, съ согнувшимися подъ рогожами людьми на козлахъ. Она усмѣхнулась, подошла къ зеркалу и сталаправлять себѣ волосы какими-то новыми, незнакомыми самой себѣ движеніями. «Завтра опомнюсь, — сойду съ ума», — подумала она спокойно и расправила полосатый бантъ. Безсоновъ спросилъ:

— Вина хотите?

— Да, хочу.

Она сѣла на диванъ, онъ опустился у ея ногъ на коврикъ и проговорилъ, словно въ раздумьи:

— У васъ странные глаза: дикіе и кроткіе. Русскіе глаза. Вы любите меня?

Тогда она опять растерялась, но сейчас-же подумала: «Нѣтъ. Это и есть безуміе». Взяла изъ его рукъ стаканъ, полный вина, и выпила; и сейчас-же голова медленно закружилась, словно опрокидываясь.

— Я васъ боюсь, и должно быть возненавижу, — сказала Елизавета Кіевна, съ усмѣшкой прислушиваясь, какъ словно издалека звучать ея и не ея слова, — не смѣйте такъ смотрѣть на меня, слышите?

— Вы странная дѣвушка.

— Безсоновъ, слушайте, вы очень опасный человѣкъ. Очень страшный. Я вѣдь изъ раскольниковъ семьи, я въ дьявола вѣрю... Ахъ, Боже мой, не смотрите-же такъ на меня. А вы вотъ даже въ себя не вѣрите. Я знаю, зачѣмъ я вамъ понадобилась... Я васъ боюсь, честное слово...

Она громко засмѣялась, все тѣло ея задрожало отъ смѣха, и въ рукахъ расплескалось вино изъ стакана. Безсоновъ опустилъ ей въ колѣни лицо:

— Любите меня... Умоляю, любите меня, — проговорилъ онъ отчаяннымъ голосомъ, словно въ ней было сейчасъ все его спасеніе, — мнѣ тяжело, если-бы вы знали... Мнѣ страшно... Мнѣ страшно одному... Пожалуйте меня... Любите, любите меня...

Елизавета Кіевна положила руки ему на голову, закрыла глаза.

Онъ говорилъ, что каждую ночь находить на него ужасъ смерти. Онъ долженъ чувствовать около себя близко, рядомъ, живого человѣка, который-бы жалѣлъ его, согрѣвалъ, отдавалъ-бы ему себя. Это наказаніе, муки... «Да, да, знаю. Но я весь оконечѣть. Сердце остановилось. Согрѣйте меня. Мнѣ такъ мало нужно. Сжальтесь, я погибаю. Не оставляйте меня одного. Милая, милая дѣвушка»...

Елизавета Кіевна молчала, испуганная и взволнованная. Безсоновъ цѣловалъ ея ладони все болѣе долгими поцѣлуями. Сталъ цѣловать болящія и сильныя ея ноги. Она крѣпче зажмурилась, показалось, что остановилось сердце, — такъ было стыдно.

И вдругъ ее всю словно обвѣялъ огонекъ, побѣждалъ по тѣлу тревогой и радостью. Безсоновъ сталъ казаться милымъ, какъ ребенокъ, несчастный и невинный. Она приподняла его голову и крѣпко, жадно поцѣловала въ губы. Послѣ этого, уже безъ стыда, поспѣшно раздѣлась и легла въ постель.

Когда Безсоновъ заснулъ, положивъ голову на ея голое плечо, Елизавета Кіевна еще долго вглядывалась близорукими глазами въ его желтовато-блѣдное лицо, все въ усталыхъ

морщинкахъ, — на вискахъ, подъ вѣками, у сжатаго рта: чужое, не любимое, но теперь на вѣкъ родное лицо.

Глядѣть на спящаго было такъ тяжело, что Елизавета Кіевна заплакала.

Ей казалось, что Безсоновъ проснется, увидитъ ее въ постели, тѣлстую, некрасивую, съ распухшими глазами, и постарается поскорѣе отвязаться; что никогда никто не сможетъ ее полюбить и всѣ будутъ увѣрены, будто она развратная, глупая и пошлая женщина, и она нарочно станетъ дѣлать все, чтобы такъ думали; что она любитъ одного человѣка, а сошлась съ другимъ, и такъ всегда ее жизнь будетъ полна мути, мусора, отчаянныхъ оскорбленій. Елизавета Кіевна осторожно всхлипывала и вытирала глаза угломъ простыни. И такъ, незамѣтно, въ слезахъ, забылась сномъ.

Безсоновъ глубоко втянуть носомъ воздухъ, повернулся на спину и открылъ глаза. Ни съ чѣмъ не сравнимой кабацкой тоской гудѣло все тѣло. Было противно подумать, что нужно начинать заново день. Онъ долго рассматривалъ металлическій шарикъ кровати, затѣмъ рѣшился и поглядѣлъ налѣво. Рядомъ, тоже на спинѣ, лежала женщина, лицо ея было прикрыто голымъ локтемъ.

«Кто такая?» Онъ напрягъ мутную память, но ничего не вспомнилъ, осторожно вытащить изъ-подъ подушки портсигаръ и закурилъ. «Вотъ такъ чортъ! Забылъ, забылъ. Фу, какъ неудобно!»

— Вы, кажется, проснулись, — проговорилъ онъ вкрадчивымъ голосомъ, — доброе утро. — Она промолчала, не отнимая локтя. — Вчера мы были чужими, а сегодня связаны таинственными узами этой ночи. — Онъ поморщился; все это выходило пошловато. И, главное, неизвѣстно, что она сейчасъ начнетъ дѣлать — каяться, плакать, или охватить ее приливъ родственныхъ чувствъ? Онъ осторожно коснулся ея локтя. Она отодвинулась. Кажется, ее звали Валентина. Онъ сказалъ грустно:

— Валентина, вы сердитесь на меня?

Тогда она сѣла въ подушкахъ и, придерживая на груди падающую рубашку, стала глядѣть на него выпуклыми, близорукими глазами. Вѣки ея припухли, полный ротъ кривился въ усмѣшку. Онъ сейчасъ-же все вспомнилъ и почувствовалъ братскую нѣжность.

— Меня зовутъ не Валентина, а Елизавета Кіевна, — сказала она. — Я васъ ненавижу. Слѣзьте съ постели.

Безсоновъ сейчасъ-же вытѣзъ изъ подъ одеяла и за пологомъ кровати, около вонючаго рукомойника, одѣлся кое-какъ, затѣмъ поднялъ штору и загасилъ электричество.

— Есть минуты, которыхъ не забываютъ, — сказалъ онъ. Елизавета Кіевна продолжала слѣдить за нимъ темными глазами. Когда онъ присѣлъ было съ папирской на диванъ, она проговорила медленно:

— Приѣду домой — отравлюсь.

— Я не понимаю вашего настроенія, Елизавета Кіевна.

— Ну, и не понимайте. Убирайтесь изъ комнаты, я хочу одѣваться.

Безсоновъ вышелъ въ корридоръ, гдѣ пахло угаромъ и сильно сквозило. Ждать пришлось долго. Онъ сидѣлъ на подоконникѣ и курилъ; потомъ пошелъ въ самый конецъ корридора, гдѣ изъ маленькой кухоньки слышались негромкіе голоса пологого и двухъ горничныхъ, — они пили чай, и половой говорили:

— Заладила про свою деревню. Тоже Рассел! Много ты понимаешь. Походи ночью по номерамъ — вотъ тебѣ и Рассея. Всѣ сволочи! Сволочи и охальники.

— Выражайтесь поаккуратнѣе, Кузьма Иванычъ.

— Если я при этихъ номерахъ восемнадцать лѣтъ состою — значить могу выразаться.

Безсоновъ вернулся обратно. Дверь въ его номеръ была отворена, комната пуста. На полу валялась его шляпа.

«Ну, что же, тѣмъ лучше», — подумалъ онъ и, сладко зѣвнувъ, потянулся, расправляя кости.

Такъ начался новый день. Онъ отличался отъ вчерашняго тѣмъ, что часамъ къ десяти утра сильный вѣтеръ разорвалъ дождевая облака, погналъ ихъ на сѣверъ и тамъ свалилъ въ огромныя, побѣлѣвшія груды. Мокрый городъ былъ залитъ свѣжими потоками солнечнаго свѣта. Въ немъ корчились, жарились, валились безъ чувствъ студенистыя чудовища, неуловимыя глазу, — насморки, кашли, дурныя хвори, меланхолическія палочки чахотки, и даже полумистическіе микробы черной неврастеніи забивались за занавѣси, въ полумракъ комнатъ и сырыхъ подваловъ. По улицамъ продувалъ теплый вѣтерокъ. Въ домахъ протирали стекла, открывали окна. Дворники въ пестрыхъ рубахахъ чистили и поливали мостовыя. На Невскомъ порочныя дѣвочки, съ зелеными личиками, предлагали прохожимъ букетики подсолнечниковъ, пахнущихъ дешевымъ одеколономъ. Въ магазинахъ слѣшно убирали все зимнее, и, какъ первые цвѣты, появлялись за витринами весеннія шляпки, легкія матеріи, книги игриваго содержанія, веселенькіе галстучки.

Трехчасовыя газеты вышли всѣ съ заголовками: «Да здравствуетъ Русская Весна». И нѣсколько опубликованныхъ

стишковъ были весьма двусмысленны. Словомъ, цензурѣ нанянули носъ.

И, наконецъ, по городу, подъ свистъ и улюлюканье толпы мальчишекъ, прошли футуристы отъ группы «Центральной Станціи». Ихъ было трое: Жировъ, художникъ Валеть и, никому тогда еще не извѣстный, Аркадій Семисвѣтовъ, огромнаго роста парень, съ лошадинымъ лицомъ и жилистыми руками.

Футуристы были одѣты въ короткія, безъ поясовъ, кофты изъ оранжеваго бархата съ черными зигзагами, въ цилиндры, и съ моноклями на шнуркахъ. И у каждаго на щекъ нарисованы — рыба, стрѣла и буква «Р». Часамъ къ пяти приставъ литейной части задержалъ ихъ и на извозчикъ повезъ въ участокъ для выясненія личности.

Весь городъ былъ на улицахъ. По Морской, по набережнымъ и Каменноостровскому двигались сверкающіе экипажи и потоки людей. Многимъ, очень многимъ казалось, что сегодня должно случиться что-то радостное и необыкновенное: — либо въ Зимнемъ дворцѣ подпишутъ какой-нибудь манифестъ, либо взорвутъ совѣтъ министровъ бомбой, либо, вообще, гдѣ-нибудь «начнется».

Но опустились синія сумерки на городъ, зажглись огни, какъ драгоценные камни, вдоль каналовъ и улицъ, отразились зыбкими иглами въ черной водѣ, и съ мостовъ Невы былъ виденъ за трубами судостроительныхъ заводовъ огромный закатъ, дымный и облачный. И ничего не случилось. Блеснула искра на Петропавловской крѣпости, раскатился пушечный выстрѣлъ, и день кончился.

Безсоновъ много и хорошо работалъ въ этотъ день. Освѣженный послѣ завтрака сномъ, онъ долго читалъ Геге, и, какъ всегда, чтеніе возбудило его и взволновало.

Онъ ходилъ по комнатѣ, вдоль книжныхъ шкафовъ, курить и думалъ, иногда вслухъ; время отъ времени подсаживался къ письменному столу и записывалъ слова и строки; чтобы сильнѣе возбудить себя, приказалъ подать чернаго кофе, и старушка-нянька, жившая всегда при его небольшой, холостой квартирѣ, принесла на подносѣ фарфоровый, дымящійся моккой, кофейникъ.

Безсоновъ писалъ о томъ, что опускается ночь на Россію, раздвигается занавѣсъ трагедіи, и народъ-богоносецъ чудесно, какъ въ «Страшной мести» казакъ, превращается въ богоборца, надѣваетъ страшную личину. Готовится всенародное совершеніе черной обѣдни. Бездна раскрыта. Спасенія нѣтъ. Примемъ грѣхъ.

Закрывая глаза, онъ представлялъ пустынные поля, кресты

на курганахъ, разметанныя вѣтромъ кровли и вдаль, за холмами, зарева пожарищъ. Обхвативъ обѣими руками голову, онъ думалъ, что любить именно такую эту страну, которую зналъ только по книгамъ и картинамъ. Любовь его покрывался глубокими морщинами, сердце было полно ужаса предчувствій. Потомъ, держа въ пальцахъ дымящуюся папиросу, онъ исписывалъ крупнымъ почеркомъ, — бѣлыми стихами, — хрустящія четвертушки тонкой бумаги.

Въ сумерки, не зажигая огня, Безсоновъ прилегъ на диванъ, весь еще взволнованный, съ горячей головой и влажными руками. На этомъ кончался его рабочий день.

Понемногу сердце билось ровнѣе и спокойнѣе. Теперь надо было подумать, какъ провести этотъ вечеръ и ночь. Бррр! Никто не звонилъ по телефону и не приходилъ въ гости. Придется одному справляться съ бѣсомъ унынія. Наверху, гдѣ жила англійская семья, играли на рояли, и отъ этой музыки поднимались смутныя и невозможныя желанія.

Вдругъ въ тишинѣ дома раздался звонокъ съ параднаго. Нянька прошлепала туфлями. Сильный женскій голосъ проговорилъ:

— Я хочу его видѣть.

Затѣмъ, легкіе, стремительные шаги замерли у двери. Безсоновъ, не шевелясь, усмѣхнулся! Безъ стука распахнулась дверь, и въ комнату вошла, освѣщенная сзади, изъ прихожей, стройная, высокая дѣвушка, въ большой шляпѣ, съ дыбомъ стоящими ромашками.

Ничего не различая со свѣта, она остановилась посреди комнаты; когда же Безсоновъ молча поднялся съ дивана, — попятилась, было, но упрямо тряхнула головой и проговорила тѣмъ же высокимъ, требовательнымъ голосомъ:

— Я пришла къ вамъ по очень важному дѣлу.

Безсоновъ подошелъ къ столу и повернулъ выключатель. Между книгъ и рукописей засвѣтился синій абажуръ, наполнившій всю комнату спокойнымъ полусвѣтомъ.

— Чѣмъ могу быть полезенъ? — спросилъ Алексѣй Алексѣвичъ; показалъ вошедшей на стулъ, самъ спокойно опустился въ рабочее кресло и положилъ слабыя руки на подлокотники. Лицо его было прозрачно-блѣдное съ синевой подъ вѣками. Онъ, не спѣша, поднялъ глаза на гостью и вздрогнулъ, пальцы его затрещали.

— Дарья Дмитриевна! — проговорилъ онъ тихо, — я васъ не узналъ въ нераюю минуту.

Даша сѣла на стулъ рѣшительно, такъ же, какъ и вошла, сложила на колѣняхъ руки въ лайковыхъ перчаткахъ и сердито насупилась.

— Дарья Дмитриевна, я счастливъ, что вы посѣтили меня. Это большой, большой подарокъ.

Не слушая его, Даша сказала:

— Вы, пожалуйста, не подумайте, что я ваша поклонница. Нѣкоторые ваши стихи мнѣ нравятся, другіе не нравятся, — не понимаю ихъ, просто не люблю. Я пришла вовсе не затѣмъ, чтобы разговаривать о стихахъ... Я пришла потому, что вы меня измучили...

Она низко нагнула голову, и Безсоновъ увидѣлъ, что у нея покраснѣла шея и руки, между перчатками и рукавами черного платья. Онъ молчалъ, не шевелился.

— Вамъ до меня, конечно, нѣтъ никакого дѣла. И я бы тоже очень хотѣла, чтобы мнѣ было все равно. Но, вотъ видите, приходится испытывать очень неприятныя минуты...

Она быстро подняла голову и строгими, ясными глазами взглянула ему въ глаза. Безсоновъ медленно опустил рѣшницы.

— Я не могу себя побороть, понимаете? Вы вошли въ меня, какъ болѣзнь. Я постоянно ловлю себя на томъ, что думаю о васъ. Это, наконецъ, выше моихъ силъ. Лучше было прийти и прямо сказать, чѣмъ эта духота. Сегодня—рѣшилась. Вотъ, видите, я вамъ объяснилась въ любви...

Губы ея дрогнули. Она поспѣшно отвернулась и стала смотрѣть на стѣну, гдѣ, освѣщенная снизу, будто усмѣхалась стиснутымъ ртомъ и закрытыми вѣками, любимая въ то время всѣми поэтами, маска Петра Перваго. Наверху, въ семействѣ англійскаго пастора, четыре голоа фуги пѣли: «Умремъ». «Нѣтъ, мы улетимъ». «Въ хрустальное небо». «Въ вѣчную, вѣчную, вѣчную радость».

— Если вы станете увѣрять, что испытываете тоже ко мнѣ какія-то чувства — я уйду сію минуту, — торопливо и горячо проговорила Даша. — Вы меня даже не можете уважать — это ясно. Такъ не поступаютъ женщины. Но я ничего не хочу и не прошу отъ васъ. Мнѣ нужно было только сказать, что я васъ любила мучительно и очень сильно... Я разрушилась вся отъ этого чувства... У меня даже гордости нѣтъ...

И она подумала: «Теперь встать, гордо кивнуть головой и выйти». Но продолжала сидѣть, глядя на усмѣхающуюся маску. Ею овладѣла такая слабость, что — не поднять руки, и она чувствовала теперь все свое тѣло, его тяжесть и теплоту. «Отвѣчай-же, отвѣчай», — думала она, какъ сквозь сонъ. Безсоновъ прикрылъ ладонью лицо и сталъ говорить тихо, какъ бесѣдуютъ въ церкви, — немного придушенно:

— Всѣмъ моимъ духомъ я могу только благодарить васъ

за это чувство. Такихъ минутъ, такого благоуханія, какимъ вы меня овѣяли, не забываютъ никогда...

— Не требуется, чтобы вы ихъ помнили, — пробормотала Даша сквозь зубы.

Безсоновъ помолчалъ, поднялся и, отойдя, прислонился спиной къ книжному шкафу.

— Дарья Дмитріевна, я вамъ могу только поклониться низко. Я не достоинъ быть слушать васъ. Я никогда, быть можетъ, такъ не проклиналъ себя, какъ въ эти минуты. Растратилъ, размоталъ, изжилъ всего себя. Чѣмъ я вамъ отвѣчу? Приглашеніемъ за городъ, въ гостиницу? Дарья Дмитріевна, я честенъ съ вами. Мнѣ нечѣмъ любить. Нѣсколько лѣтъ назадъ я бы повѣрилъ, что могу еще испытать вѣчной молодости. Я бы васъ не отпустилъ отъ себя. Я бы прильнулъ къ этой чашѣ...

Даша чувствовала, какъ онъ впускаетъ въ нее иголки. Въ его словахъ была затягивающая мука...

— Теперь, я только расплескаю драгоценное вино. Вы должны понять, чего мнѣ это стоитъ. Протянуть руку и взять...

— Нѣтъ, нѣтъ, — быстро прошептала Даша.

— Нѣтъ, да... И вы это чувствуете. Нѣтъ слаще грѣха, чѣмъ расточеніе. Расплескать. За этимъ вы и пришли ко мнѣ. Иначе во вѣки вѣковъ хранили бы за бѣлыми занавѣсочками Богомъ данную вамъ чашу съ медомъ. Вы принесли ее мнѣ...

Онъ медленно зажмурился. Даша, не дыша, съ ужасомъ глядѣла въ его лицо.

— Дарья Дмитріевна, позвольте мнѣ быть откровеннымъ. Вы такъ похожи на вашу сестру, что въ первую минуту...

— Что? — крикнула Даша. — Что вы сказали?

— Показалось, что здѣсь мнѣ слишкомъ трудно будетъ бороться.

Даша сорвалась съ кресла и остановилась передъ нимъ. Безсоновъ не понялъ и не такъ истолковалъ ея волненіе. Онъ чувствовалъ, что теряетъ голову. Его ноздри вдыхали благоуханіе духовъ и тотъ, почти неуловимый, но оглушающій и различный для cadaго, запахъ женской кожи.

— Это сумасшествіе... Я знаю... Я не могу... — прошептала она, оцупью отыскивая ея руку. Но Даша рванулась и побѣжала. На порогѣ оглянулась дикими глазами и скрылась. Сильно хлопнула парадная дверь. Безсоновъ медленно подошелъ къ столу и застучалъ ногтями по хрустальной корбочкѣ, беря папиросу. Потомъ сжалъ ладонью глаза и со всей ужасающей силой воображенія почувствовалъ, что Бѣ-

лый Орденъ, готовящійся къ рѣшительной борьбѣ, послать къ нему эту пылкую, нѣжную и соблазнительную дѣвушку, чтобы привлечь его, обратить и спасти. Но онъ уже безнадежно въ рукахъ черныхъ, и теперь спасенія нѣтъ. Медленно, какъ ядъ, текущій въ крови, разжигали его неутоленная жадность и сожалѣнїе.

VIII.

— Даша, это ты? Можно. Войди.

Екатерина Дмитриевна стояла передъ зеркальнымъ шкафомъ, затягивая корсетъ. Дашѣ она улыбнулась разсѣяннo, и продолжала дѣловито повертываться, переступая на коврѣ тугими туфельками. На ней было легкое бѣлье, въ ленточкахъ и кружевахъ, красивыя руки и плечи — напудрены, волосы причесаны пышной короной. Около, на низенькомъ столикѣ стояла чашка съ горячей водой; повсюду — ножницы для ногтей, пилочки, карандаши, пуховки. Сегодня былъ пустой вечеръ, и Екатерина Дмитриевна «чистила перышки», какъ это называлось дома.

— Понимаешь, — говорила она, пристегивая чулокъ, — теперь перестаютъ носить корсеты съ прямой планшеткой. Посмотри, — зотъ — новый, отъ мадамъ Дюклэ. Животъ гораздо свободнѣе, и даже чуть-чуть обозначенъ. Тебѣ нравится?

— Нѣтъ, не нравится, — отвѣтила Даша. Она стояла у стѣны, съ заложенными за спину руками. Екатерина Дмитриевна удивленно подняла брови:

— Правда, не нравится? Какая досада. А въ немъ такъ удобно.

— Что удобно, Катя?

— Можетъ быть, тебѣ кружева не нравятся? Можно положить другія. Какъ, все-таки, странно, — почему не нравится?

И она опять повернулась и правымъ и лѣвымъ бокомъ у зеркала. Даша сказала:

— Ты, пожалуйста, не у меня спрашивай, какъ нравятся твои корсеты.

— Ну, Николай Ивановичъ совсѣмъ въ этомъ дѣлѣ ничего не понимаетъ.

— Николай Ивановичъ тоже тутъ не при чемъ.

— Даша, ты что?

Екатерина Дмитриевна даже пріоткрыла ротъ отъ изумленія. Только теперь она замѣтила, что Даша едва сдерживается, говорить сквозь зубы, и на щекахъ у нея горячія пятна.

— Мнѣ кажется, Катя, тебѣ бы надо бросить вертѣться у зеркала.

— Но, должна же я привести себя въ порядокъ.

— Для кого?

— Что ты въ самомъ дѣлѣ?.. Для самой себя.

— Врешь!

Долго послѣ этого обѣ сестры молчали. Екатерина Дмитріевна сняла со спинки кресла верблюжій халатикъ на синемъ шелку, надѣла его, и медленно завязала поясъ. Даша внимательно слѣдила за ея движеніями, затѣмъ проговорила:

— Ступай къ Николаю Ивановичу и Расскажи ему все, честно.

Екатерина Дмитріевна продолжала стоять, перебирая поясъ. Было видно, какъ у нея по горлу нѣсколько разъ прокатился клубочекъ, точно она проглотила что-то.

— Даша, ты что-нибудь узнала? — спросила она тихо.

— Я сейчасъ была у Безсонова. — Екатерина Дмитріевна быстро взглянула невидящими глазами и вдругъ страшно побѣлѣла, подняла плечи. — Можешь не беспокоиться, — со мной тамъ ничего не случилось. Онъ во-время сообщилъ, что мое очарованіе выигрываетъ отъ сходства съ сестрой.

Даша переступила съ ноги на ногу:

— Я давно догадывалась, что ты, именно, съ нимъ... Только слишкомъ все это было омерзительно, чтобы вѣрить... Ты трусила и агала, и, кажется, совсѣмъ успокоилась... Такъ вотъ, я въ этой мерзости жить больше не желаю... Потрудись пойти къ мужу, и все Расскажи, и ужъ распутывайся сама, какъ знаешь...

Даша не могла больше говорить, — сестра стояла передъ ней, низко наклонивъ голову. Даша ждала всего, но только не этой повинно и покорно склоненной головы.

— Сейчасъ пойти? — спросила Катя.

— Да. Сію минуту... Я требую... Ты сама должна понять...

Екатерина Дмитріевна коротко вздохнула и пошла къ двери. Тамъ, замедливъ, она сказала еще:

— Я не могу, Даша. — Но Даша молчала. — Хорошо, я скажу.

Николай Ивановичъ сидѣлъ въ гостиной и, поскребыая въ бородѣ костянымъ ножомъ, читалъ статью Акундина въ только-что полученной книжкѣ журнала «Русскія Записки».

Статья была посвящена годовщинѣ смерти Бакунина.

Николай Ивановичъ наслаждался. Когда вошла жена, онъ воскликнулъ:

— Катюша, сядь. Послушай, что онъ пишетъ,— вотъ это мѣсто... «Даже не въ образѣ мыслей и не въ преданности до конца своему дѣлу обаяніе этого человѣка, — то есть Бакунина, — а въ томъ паѳосѣ претворенныхъ въ реальную жизнь идей, которымъ было проникнуто каждое его движеніе, — и бессонныя бесѣды съ Прудономъ, и мужество, съ какимъ онъ бросался въ самое пламя борьбы, и даже тотъ романтическій жестъ, когда, мимоходомъ, онъ наводитъ пушки австрійскихъ повстанцевъ, еще не зная хорошо, съ кѣмъ и за что они дерутся. Паѳосъ Бакунина есть прообразъ той могучей силы, съ какою выступать на борьбу новые классы. Матерьялизация идей — вотъ задача наступающаго вѣка. Не извлеченіе ихъ-изъ подъ груды фактовъ, подчиненныхъ слѣпой инерціи жизни, не уводъ ихъ въ идеальный міръ, а процессъ обратный: завоеваніе физическаго міра міромъ идей. Реальность — груды горячаго, идеи — искры. Эти два міра, разъединенные и враждебные, должны слиться въ пламени мірового переворота»... Нѣтъ, подумай, Катюша... Вѣдь, это чернымъ по бѣлому — да здравствуетъ революція! Молодецъ, Акундинъ! Дѣйствительно живемъ — ни большихъ идей, ни большихъ чувствъ. Правительствомъ руководитъ только одно — безумный страхъ за будущее. Интеллигенція, — обжирается и опивается, — пора открыть форточки. Вѣдь мы только болтаемъ, болтаемъ, Катюша, и по уши въ болотѣ. Народъ — заживо разлагается. Вся Россія погрязла въ сифилисѣ и водкѣ. Россія сгнила, дунь на нее — разсыпется въ прахъ. Такъ жить нельзя... Намъ нужно какое то самоожженіе, очищеніе въ огнѣ...

Николай Ивановичъ говорилъ возбужденнымъ и бархатнымъ голосомъ, глаза его стали круглыми, ножъ полосовалъ воздухъ. Екатерина Дмитриевна стояла около, держась за спинку кресла. Когда онъ выговорился и опять принялся разрѣзывать журналъ, она подошла и положила ему руку на волосы:

— Коленъка, тебѣ будетъ очень больно то, что я скажу. Я хотѣла скрыть, но вышло такъ, что нужно сказать...

Николай Ивановичъ освободилъ голову отъ ея руки и внимательно взглядѣлся:

— Да, я слушаю, Катя.

— Помнишь, мы, какъ-то, съ тобой повздорили, и я тебѣ сказала со зла, чтобы ты не очень былъ спокоенъ на мой счетъ... А потомъ отрицала это...

— Да, помню. — Онъ отложилъ книгу, и совсѣмъ по-

вернулся въ креслѣ. Глаза его, встрѣтясь съ простымъ и спокойнымъ взоромъ Кати, забѣгали отъ испуга.

— Такъ вотъ... Я тебѣ тогда солгала... Я тебѣ была не вѣрна...

Онъ жалобно сморщился, стараясь улыбнуться. У него пересохло во рту. Когда молчать уже дольше было нельзя, онъ проговорилъ глухимъ голосомъ:

— Ты хорошо сдѣлала, что сказала... Спасибо, Катя...

Тогда она взяла его руку, прикоснулась къ ней губами и прижала къ груди. Но рука выскользнула, и она ее не удерживала. Потомъ Екатерина Дмитриевна тихо опустила на коверъ и положила голову на кожаный выступъ кресла:

— Больше тебѣ не нужно ничего говорить?

— Нѣтъ. Уйди, Катя.

Она поднялась и вышла. Въ дверяхъ столовой на нее неожиданно налетѣла Даша, схватила, стиснула и зашептала, цѣдя въ волосы, въ шею, въ уши:

— Прости, прости!... Ты дивная, ты изумительная!... Я все слышала... Простишь ты меня, простишь ты меня, Катя?... Катя!...

Екатерина Дмитриевна осторожно высвободилась, пошла къ столу, поправила морщину на скатерти и сказала:

— Я исполнила твое приказаніе, Даша.

— Катя, простишь ты меня когда-нибудь?

— Ты была права, Даша. Такъ лучше, какъ вышло.

— Ничего я не была права! Отъ злости наговорила гадостей, вотъ и все... А теперь вижу, что тебя никто не смѣетъ осуждать. Пускай мы всѣ страдаемъ, пускай намъ будетъ больно, но ты — права, я это чувствую, ты права во всемъ. Прости меня, Катя.

У Даши катились крупныя, какъ горохъ, слезы. Она стояла позади, на шагъ отъ сестры и говорила громкимъ шопотомъ:

— Если ты не простишь, — я больше не хочу жить. Я вообще не знаю, какъ мнѣ теперь жить... А если ты еще будешь со мной такая...

Екатерина Дмитриевна быстро повернулась къ ней:

— Какая, Даша? Что ты еще хочешь отъ меня? Тебѣ хочется, чтобы все опять стало благополучно и душевно?... Такъ я тебѣ скажу... Я потому лгала и молчала, что только этимъ и можно было продлить еще немного нашу жизнь съ Николаемъ Ивановичемъ... А вотъ теперь — конецъ.

Поняла? Я Николая Ивановича давно не люблю и давно ему не вѣрна. А Николай Ивановичъ любить меня, или не любить — не знаю, но онъ мнѣ не мужъ. Поняла? Можетъ быть, у него семья другая, или ему, вообще, не нужно никакой женщины, или у него острая неврастенія, — не знаю. Поняла? А ты, какъ зябликъ, все голову подъ мышку прячешь, чтобы не видѣть страшныхъ вещей. Я ихъ видѣла и знала, но жила въ этой мерзости, потому что — слабая женщина. Я видѣла, какъ тебя эта жизнь тоже затягиваетъ. Я старалась оберечь тебя, запретила Безсонову прѣзжать къ намъ... Это было еще до того, какъ онъ... Ну, все равно... Теперь всему этому пришелъ конецъ...

Екатерина Дмитриевна вдругъ подняла голову, прислушиваясь. У Даши со страха похолодѣла спина. Въ дверяхъ, бокомъ, изъ-за портьеры, появлялся Николай Ивановичъ. Руки его были спрятаны за спиной,

— Безсоновъ? — спросилъ онъ, съ улыбкой покачивая головой. И продвинулся въ столовую.

Екатерина Дмитриевна не отвѣтила. На щекахъ ея выступили пятна, глаза высохли. Она стиснула ротъ.

— Ты, кажется, думаешь, Катя, что нашъ разговоръ оконченъ? Напрасно.

Онъ продолжалъ улыбаться. — Даша, оставь насъ однихъ, пожалуйста.

— Нѣтъ, я не уйду. — И Даша стала рядомъ съ сестрой.

— Нѣтъ, ты уйдешь, если я тебя попрошу.

— Нѣтъ, не уйду.

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ придется удалиться изъ этого дома.

— Удаляйся, — глядя на него съ ненавистью, отвѣтила Даша.

Николай Ивановичъ побагровѣлъ, но сейчасъ-же въ глазахъ его мелькнуло прежнее выраженіе — веселенькаго сумасшествія.

— Тѣмъ лучше, оставайся. Вотъ въ чемъ дѣло, Катя... Я сейчасъ сидѣть тамъ, гдѣ ты меня оставила, и, въ сущности говоря, за нѣсколько минутъ пережить то, что трудно, вообще, переживаемо... Я пришелъ къ выводу, что мнѣ нужно тебя убить... Да, да.

При этихъ словахъ Даша быстро прижалась къ сестрѣ, обхвативъ ее обѣими руками. У Екатерины Дмитриевны прерзительно задрожали губы...

— У тебя истерика... Тебѣ нужно принять валерьяну, Николай Ивановичъ...

— Нѣтъ, Катя, на этотъ разъ—не истерика...

— Тогда, дѣлай то, за чѣмъ пришелъ,—крикнула она, оттолкнувъ Дашу, и подошла къ Николаю Ивановичу вплотъ.— Ну, дѣлай! Въ лицо тебѣ говорю — я тебя не люблю!

Онъ понялся, положилъ на скатерть выгащенный изъ-за спины револьверъ, запустилъ концы пальцевъ въ ротъ, укусилъ ихъ, повернулся и пошелъ къ двери. Катя пронзительно глядѣла ему вслѣдъ. Не оборачиваясь, онъ проговорилъ:

— Мнѣ больно!... Мнѣ больно!...

Тогда она кинулась къ нему, схватила за плечи, повернула къ себѣ его лицо:

— Врешь!... Вѣдь врешь!... Вѣдь ты и сейчасъ врешь!...

Но онъ замоталъ головой и ушелъ. Екатерина Дмитриевна присѣла у стола:

— Вотъ, Дашенька, — сцена изъ третьяго акта, съ выстрѣломъ. Подумай теперь сама — во что должна превратиться женщина отъ этой слякоти... Я уѣду отъ него.

— Катюша!... Господь съ тобой!

— Уѣду, не хочу такъ жить. Черезъ пять лѣтъ — стану старая, будетъ ужь поздно. Не могу больше такъ жить... Гадость, гадость!

Она закрыла лицо руками, опустила его въ локти на столъ. Даша, присѣвъ рядомъ, быстро и осторожно цѣловала ее въ плечо. Екатерина Дмитриевна подняла голову:

— Ты думаешь — мнѣ его не жалко? Мнѣ всегда его жалко. Но ты, вотъ, подумай, — пойду сейчасъ къ нему, и будетъ у насъ длиннѣйшій разговоръ, весь, насквозь, фальшивый... Точно бѣсъ какой-то всегда между нами кривить, фальшивить, слова отводить... Все равно, какъ играть на разстроенномъ роялѣ, такъ и съ Николаемъ Ивановичемъ разговаривать... Нѣтъ, я уѣду!.. Ахъ, Дашенька, если бы ты знала, какая у меня тоска! Хочу иного, понимаешь? Всей жизнью, до послѣдняго волоска, хочу любить. Любви хочу такой, чтобы каждой минуткой, каждымъ помысломъ, всѣмъ тѣломъ моимъ, всей этой кожей — любить, любить... А такую я себя ненавижу, — брезгую.

Къ концу вечера Екатерина Дмитриевна, все-же, пошла въ кабинетъ.

Разговоръ съ мужемъ былъ долгій, говорили оба тихо и горестно, старались быть честными, не щадили другъ друга,

и все-же, у обоихъ осталось такое чувство, что ничего этимъ разговоромъ не достигнуто, и не понято, и не спяно.

Николай Ивановичъ, оставшись одинъ, до разсвѣта сидѣлъ у стола и вздыхать. За эти часы, какъ впоследствии узнала Катя, онъ продумалъ и пересмотрѣлъ всю свою жизнь. Результатомъ было огромное письмо женѣ, которое кончалось такъ: «Да, Катя, мы всё въ нравственномъ тупикѣ. За послѣднія пять лѣтъ у меня не было ни одного сильнаго чувства, ни одного крупнаго движенія. Даже любовь къ тебѣ и женитьба прошли точно впопыхахъ. Существованіе — мелкое и полуистерическое, подъ непрерывнымъ наркозомъ всей нашей, нарочно для этого опьяненія и созданной, жизни. Выходовъ два — или покончить съ собой, или разорвать эту, лежащую на моихъ мысляхъ, на чувствахъ, на моемъ сознаниіи душную пелену. Ни того, ни другого сдѣлать я не въ состояніи...»

Семейное несчастье произошло такъ внезапно и домашній миръ развалился до того легко и окончательно, что Даша была оглушена, и думать о себѣ — ей и въ голову не приходило; какія ужъ тамъ дѣвичьи настроенія, — чепуха, страшная коза на стѣнѣ, вродѣ той, что давнымъ давно нянька-Лукерья показывала имъ съ Катей, — зажигала свѣчку, складывала руки, и на стѣнѣ коза ѣла капустку, шевелила рогами.

Нѣсколько разъ на дню Даша подходила къ катиной двери и скреблась пальцемъ. Катя отвѣчала:

— Дашенька, если можешь, — оставь меня одну, пожалуйста.

Николай Ивановичъ въ эти дни долженъ былъ выступать въ судѣ. Онъ уѣзжалъ рано, завтракалъ и обѣдалъ въ ресторанѣ, возвращался ночью. Его рѣчь въ защиту жены акціаннаго чиновника Ладникова, Зои Ивановны, зарѣзавшей въ сонномъ состояніи на гороховой улицѣ своего любовника, сына петербургскаго домовладѣльца, студента Шлиппа, потрясла судей и весь залъ. Дамы рыдали. Обвиняемая, Зоя Ивановна, билась головой о загородку, и была оправдана.

Николай Ивановичъ, блѣдный, съ провалившимися глазами, былъ окруженъ при выходѣ изъ суда толпою женщинъ, которыя бросали цвѣты, взвизгивали и цѣловали ему руки. Изъ суда онъ проѣхалъ домой и объяснялся съ Катей съ полной душевной размягченностью.

У Екатерины Дмитриевны оказались сложенными чемоданы. Онъ по чистой совѣсти посоветовалъ ей поѣхать на югъ Франціи и далъ на расходы двѣнадцать тысячъ. Самъ же онъ, тоже во время этого разговора, рѣшилъ передать дѣла по-

мощнику и поѣхать въ Крымъ — отдохнуть и собраться съ мыслями.

Въ сущности, было неясно и неопредѣленно, — разъѣзжаются-ли они на-время или навсегда, и кто кого покидаетъ? Эти острые вопросы были старательно заслонены суетой отъѣзда.

О Дашѣ оба они забыли. Екатерина Дмитріевна спохватилась только въ послѣднюю минуту, когда, одѣтая въ сѣрый дорожный костюмъ, въ изящной шапочкѣ, подъ вуалькой, похудѣвшая, грустная и милая, увидѣла Дашу въ прихожей на сундукѣ. Даша болтала ногой и ѣла хлѣбъ съ мармеладомъ, потому что сегодня обѣдъ заказать забыли.

— Родной мой, Данюша, — говорила Екатерина Дмитріевна, цѣлуя ее черезъ вуальку, — а ты то какъ-же? Хочешь, поѣдемъ со мной?

Но Даша сказала, что останется одна въ квартирѣ съ Великимъ Моголомъ, будетъ держать экзамены, и въ концѣ мая поѣдетъ на все лѣто къ отцу.

IX.

Даша осталась одна въ домѣ. Большія комнаты теперь казались неудобными и вещи въ нихъ — лишними. Даже квадратные портреты въ гостиной, съ отъѣздомъ хозяевъ, перестали пугать и облекли. Мертвыми складками висѣли порттеры. На обивкѣ кресель и дивановъ, на еще не убранныхъ коврахъ, на обояхъ выступали съ тоскливымъ однообразіемъ не живыя арабески, уродливыя изображенія цвѣтовъ и фигуръ. И, хотя Великій Моголь каждое утро, молча, какъ привидѣніе, бродила по комнатамъ, отряхивая пыль метелкой изъ пѣтушиныхъ перьевъ, все-же, словно иная, невидимая пыль все гуще покрывала домъ.

Теперь, въ первый разъ, среди этого нагроможденія лишнихъ и непонятно для чего пріобрѣтенныхъ вещей и вещицъ, Дашѣ стало казаться, что сестра и зять словно приколачивали себя къ жизни этими предметами, заполняли ими пустыя мѣста, а и у самихъ не было ни силы, ни цѣпкости, чтобы держаться.

Въ комнатѣ сестры можно было, какъ по книгѣ, прочесть все, чѣмъ жила Екатерина Дмитріевна. Вотъ, въ углу — маленький, точенаго дерева, мольбертикъ съ начатой картиночкой, — дѣвушка въ бѣломъ вѣнкѣ и съ глазами въ полъ-лица. За этотъ мольбертикъ Екатерина Дмитріевна уцѣпилась, было, чтобы какъ-нибудь вынырнуть изъ бѣшеной суеты, но, конечно, не удержалась. Вотъ старинный рабочій столикъ, въ

безпорядкѣ набитый начатыми рукодѣльями, распоротыми шляпками, пестрыми лоскутками, все не окончено и заброшено, — тоже попытка. Такой-же безпорядокъ въ шкафу, — видно, что начали прибирать и бросили. И повсюду брошены, засунуты, наполовину разрѣзанныя, книги Юги, популярныя лекціи по антропософіи, стишки, романы. Сколько попытокъ и бесплодныхъ усилій начать добрую жизнь! На туалетномъ столѣ Даша нашла серебряный блокнотикъ, гдѣ было записано: «Рубашекъ 24, лифчиковъ 8, лифчиковъ кружевныхъ... Для Ведрийскихъ билеты на Дядю Ваню...» И затѣмъ, крупнымъ, дѣтскимъ почеркомъ: «Даша любитъ яблочный тортъ».

Даша вспомнила, — яблочный тортъ такъ никогда и не былъ купленъ. Ей до слезъ стало жалко сестры. Ласковая, добрая, слишкомъ деликатная для этой жизни, она цѣплялась за вещи и вещицы, старалась укрѣпиться, уберечь себя отъ дробленія и разрушенія, но нечѣмъ и некому было помочь.

Даша вставала рано, садилась за книги и сдавала экзамены, почти всѣ — «отлично». Къ телефону, безъ устали звонившему въ кабинетъ, она посылала Великаго Могола, которая отвѣчала неизмѣнно: «Господа уѣхали, барышня подойти не могутъ».

Цѣлые вечера Даша играла на роялѣ. Музыка не возбуждала ее, какъ прежде, не хотѣлось чего-то неопредѣленнаго, и не замирало мечтательно сердце. Теперь, сидя строго и смиренно передъ тетрадью нотъ, озаренная съ боковъ двумя свѣчами, Даша словно очищала себя торжественными звуками, наполнявшими до послѣднихъ закоулковъ весь этотъ грѣшный домъ.

Иногда среди музыки являлись маленькіе враги — непрошенныя воспоминанія. Даша опускала руки и хмурилась. Тогда въ домѣ становилось такъ тихо, что было слышно, какъ потрескивала свѣча. Затѣмъ, Даша шумно вздыхала, и вновь ея руки съ силой касались холодныхъ клавишъ, а маленькіе враги, точно пыль и листья, гонимые вѣтромъ, летѣли изъ большой комнаты куда-нибудь въ темный корридоръ за шкафы и кардонки... Было навѣкъ покончено съ той Дашей, которая десять дней тому назадъ звонила у подъѣзда Безсонова, и говорила беззащитной Катѣ злыя слова. Ополумѣвшая дѣвчонка чуть было не натворила бѣды. Удивительное дѣло! Будто одинъ свѣтъ въ окошкѣ — любовныя настроенія, и любви-то никакой не было, а просто раздраженное всей этой суетой любопытство.

Часовъ въ одиннадцать Даша закрывала рояль, задувала свѣчи и шла спать, — все это дѣлалось безъ колебаній, дѣловито. За это время она рѣшила, какъ можно скорѣе, начать самостоятельную жизнь, — самой зарабатывать, взять Катю

къ себѣ, окружить такими заботами, такой любовью, чтобы сестра никогда больше, во всю жизнь, не заплакала отъ горя.

Въ концѣ мая, сдавъ экзамены, Даша поѣхала къ отцу черезъ Рыбинскъ по Волгѣ. Вечеромъ, прямо съ желѣзной дороги, она сѣла на бѣлый, ярко освѣщенный среди ночи и темной воды пароходъ, разобрала въ чистенькой каютѣ вещи, заплела косу, подумала, что самостоятельная жизнь начинается не плохо и, положивъ подъ голову локоть и улыбаясь отъ счастья, заснула подъ мѣрное дрожаніе машины.

Разбудили ее тяжелые шаги и бѣготня по палубѣ. Сквозь жалюзи лился солнечный свѣтъ, играя на красномъ деревѣ рукомошника жидкими переливами. Вѣтерокъ, отдувавшій парусиновую штору, пахнулъ медовыми цвѣтами и полынью. Она приоткрыла жалюзи. Пароходъ стоялъ у пустыннаго берега, гдѣ подъ свѣже обвалившейся, въ корняхъ и комьяхъ, невысокой кручей, стояли возы съ основными ящиками. У воды, разставивъ худыя, съ толстыми колѣнками, ноги, пилъ коричневый жеребенокъ. На кручѣ большимъ краснымъ крестомъ торчала маячная вѣха.

Даша соскочила съ койки, развернула на полу тѣбъ и, набравъ полную губку воды, выжала ее на себя. Стало до того свѣжо и боязно, что она, смѣясь, начала поджимать къ животу колѣни. Потомъ надѣла приготовленные съ вечера бѣлые чулки, бѣлое платье и бѣлую шапочку, — все это сидѣло на ней ловко и строго, — и, чувствуя себя независимой, сдержанная, но страшно счастливая, вышла на палубу.

По всему бѣлому пароходу играли жидкіе отсвѣты солнца, на воду больно было смотреть, — рѣка сияла и переливалась. На дальнемъ берегу, гористомъ и кудрявомъ, бѣлѣла, по поясъ въ березахъ, старенькая колокольня.

Когда пароходъ отчалилъ и, описавъ полукругъ, побѣжалъ внизъ, навстрѣчу ему медленно двинулись берега, — луговой — пустынный, и нагорный — въ лѣскахъ и пестро-зеленыхъ или каменистыхъ продысинахъ. Изъ-за бугровъ, точно завалившись, выглядывали кое-гдѣ соломенные крыши избъ. Въ небѣ стояли кучевыя облака съ синеватыми днищами, и отъ нихъ въ небесно-желтоватую бездну рѣки падали бѣлыя тѣни.

Даша сидѣла въ плетеномъ креслѣ, положивъ ногу на ногу, обхвативъ колѣно, и чувствовала, какъ сияющіе изгибы рѣки, облака и бѣлыя ихъ отраженія, березовые холмы, луга и струи вѣтра, то пахнуція болотной травой, то сухостью вспаханной земли, медовой кашкой и полынью, — текутъ сквозь нее, и тихимъ восторгомъ ширится сердце.

Какой-то человекъ медленно подошелъ, остановился сбоку у периль и, кажется, поглядывалъ. Даша нѣсколько разъ

забывала про него, а онъ все стоялъ. Тогда она твердо рѣшила не оборачиваться, но у нея былъ слишкомъ горячій нравъ, чтобы спокойно переносить такое разглядыванье. Она покраснѣла и быстро, гнѣвно, обернулась. Передъ ней стоялъ Телѣгинъ, держась рукой за столбикъ, и не рѣшался ни подойти, ни заговорить, ни скрыться. Даша неожиданно засмѣялась, — онъ ей напомнилъ что-то неопредѣленно веселое и доброе. Да и весь Иванъ Ильичъ, неуклюжій, сильный и застѣнчивый, точно необходимымъ завершеиіемъ появился изъ всего этого рѣчного покоя. Она протянула ему руки. Здраваясь, Телѣгинъ сказалъ:

— Я видѣлъ, какъ вы сѣли на пароходъ. Въ сущности, мы вѣхали съ вами въ одномъ вагонѣ отъ Петербурга. Но я не рѣшался подойти — вы были очень озабочены... Я вамъ не мѣшаю?

— Садитесь, — она пододвинула ему плетеное кресло, — ѣду къ отцу, а вы куда?

— Я то, въ сущности говоря, еще не знаю. Пока — въ Кинешму, къ роднымъ.

Телѣгинъ сѣлъ рядомъ и снялъ шляпу. Брови его сдвинулись, по лбу пошли морщины. Служенными глазами онъ глядѣлъ на воду, вогнутой, гнѣнищейся дорогой выбѣгающую изъ подъ парохода. Надъ ней, какъ комары, за кормой летѣли острокрылые мартыны, падали на воду, залетали съ хриплыми, жалобными криками и, далеко отставъ, кружились и дрались надъ плывущей хлѣбной коркой.

— Приятный день, Дарья Дмитриевна, — сказалъ Телѣгинъ.

— Такой день, Иванъ Ильичъ, такой день! Я сижу и думаю, какъ изъ ада живая вырвалась, честное слово. Помните нашъ разговоръ на улицѣ?

— Помню до послѣдняго слова, Дарья Дмитриевна.

— Послѣ этого такое началось, не дай Богъ! Я вамъ какъ-нибудь расскажу. — Она задумчиво покачала головой. — Вы были единственнымъ человѣкомъ, который не сходилъ съ ума въ Петербургѣ, такъ мнѣ представляется. Поэтому мнѣ съ вами приятно. — Она нѣжно улыбнулась и положила ему руку на рукавъ. У Ивана Ильича испуганно дрогнули вѣки и поджалась губы. — Я вамъ очень довѣряю, Иванъ Ильичъ. Вы очень сильный? Правда?

— Ну, какой-же я сильный.

— И вѣрный человѣкъ. — Даша чувствовала, что всѣ мысли ея — добрыя, ясныя и любовныя, и такія же добрыя, вѣрныя и сильныя мысли были у Ивана Ильича. И особая радость была въ томъ, чтобы говорить — выражать прямо эти свѣтлыя волны чувствъ, подходящія къ сердцу. — Мнѣ

представляется, Иванъ Ильичъ, что если вы любите, то мужественно, кротко, увѣренно. А если чего-нибудь захотите, то не отступитесь.

Не отвѣчая, Иванъ Ильичъ медленно подѣзъ въ карманъ, вытащилъ оттуда кусокъ хлѣба и сталъ бросать птицамъ. Цѣлая стая бѣлыхъ мартиновъ съ тревожными криками кинулась ловить крошки. Даша и Иванъ Ильичъ подошли къ борту.

— Вотъ этому киньте, — сказала Даша, — смотрите, какой голодный.

Телѣгинъ далеко въ воздухъ швырнулъ остатокъ хлѣба. Жирный, головастый мартиновъ скользнулъ на недвижающихся, распластанныхъ, какъ ножи, крыльяхъ, налетѣлъ и промахнулся, и сейчасъ-же штукъ десять ихъ понеслось вслѣдъ за падающимъ хлѣбомъ до самой воды, теплой пѣной бьющей изъ-подъ борта. Даша сказала:

— Мнѣ хочется быть, знаете, какой женщиной? Перестать волноваться на свой счетъ. Вспомнишь — о комъ думала, кого любила? Одну себя. Безпокойно, душно, и совсѣмъ не весело. Охъ, нѣтъ, хорошо быть вотъ какой женщиной, — всегда на тебѣ невидимый, чистенькій передничекъ, и съ ногъ до головы — весело влюблена; жить, какъ утромъ по росѣ босикомъ бѣгать. На будущій годъ кончу курсы, начну зарабатывать много денегъ, возьму жить къ себѣ Катю, буду совершенно новымъ человѣкъ. Увидите, Иванъ Ильичъ, какая стану. Тогда перестанете меня презирать.

Во время этихъ словъ Телѣгинъ морщился, удерживался и, наконецъ, раскрылъ ротъ съ крѣпкимъ, чистымъ рядомъ крупныхъ зубовъ и захохоталъ такъ весело, что взмокли рѣсницы. Даша вспыхнула, оскорбилась, но и у нея запрыгала подбородокъ, и не хотѣла, а разсмѣялась, такъ же, какъ и Телѣгинъ, въ сущности говоря, сама не зная чему.

— Дарья Дмитриевна, — проговорилъ онъ наконецъ, — вы замѣчательная... я вначалѣ васъ боялся до смерти... Но вы прямо замѣчательная!

— Ну, вотъ что — идемте завтракать, — сказала Даша сердито.

— Съ удовольствіемъ.

Иванъ Ильичъ велѣлъ вынести столикъ на палубу и, глядя на карточку, озабоченно сталъ скрести чисто выбритый подбородокъ.

— Что вы думаете, Дарья Дмитриевна, относительно бутылки легкаго бѣлаго вина?

— Немного выпью, съ удовольствіемъ.

— Шабли или Барзакъ?

Даша такъ же дѣловито отвѣтила:

— Или то или другое.

— Въ такомъ случаѣ — выпьемъ шипучаго.

Мимо плыль холмистый берегъ, съ атласно-зелеными полосами пшеницы, зелено-голубыми — ржи, и розоватыми — зацвѣтающей гречихи. За поворотомъ, надъ глинистымъ обрывомъ, на навозѣ, подъ шапками соломы, стояли приземистыя избы, отсвѣчивая окошечками. Подальше — десятокъ крестовъ деревенскаго кладбища, и шестикрылая, какъ игрушечная, мельница съ проломаннымъ бокомъ. Стайка мальчишекъ бѣжала вдоль кручи за пароходомъ, кидая камнями, еле долетавшими даже до воды. Пароходъ повернулъ, и на пустынномъ берегу — низкій кустарникъ, и коршуны надъ нимъ.

Теплый вѣтерокъ поддувалъ подъ бѣлую скатерть, подъ платье. Золотистое вино въ граненыхъ большихъ рюмкахъ казалось Божиимъ даромъ. Даша сказала, что завидуетъ Ивану Ильичу, — у него есть свое дѣло, увѣренность въ жизни, а вотъ ей еще полтора года корѣть надъ книгами, и при томъ такое несчастье, что она — женщина. Телѣгинъ, смѣясь, отвѣтилъ:

— А меня вѣдь съ Обуховскаго-то завода выгнали.

— Что вы говорите!

— Въ двадцать четыре часа, чтобы духу не было. Иначе, зачѣмъ бы я на пароходѣ оказался. Вы развѣ не слышали, какія у насъ дѣла творились?

— Нѣтъ, нѣтъ.

— Я то вотъ дешево отдѣлялся. Да... — Онъ помолчалъ, положивъ локти на скатерть. — Вотъ, подите же, до чего у насъ все дѣлается глупо и бездарно, — на рѣдкость. И, чертъ знаетъ, какая слава о насъ идетъ, о русскихъ. Обидно и совѣстно. Подумайте, — талантливый народъ, богатѣйшая страна, а какая видимость? — Видимость: наглая, прокопченная, писарская рожа. Въмѣсто жизни — бумага и чернила. Вы не можете себѣ представить, сколько у насъ изводится бумаги и чернилъ. Какъ начали отписываться при Петрѣ Великомъ, такъ до сихъ поръ не можемъ остановиться. И вѣдь оказывается, — кровавая вещь — чернила, представьте себѣ.

Иванъ Ильичъ отодвинулъ стаканъ съ виномъ и закурилъ. Ему, видимо, было неприятно рассказывать все дальнѣйшее.

— Ну, да что вспоминать. Думать надо, что и у насъ когда-нибудь хорошо будетъ, не хуже, чѣмъ у людей.

Весь этотъ день Даша и Иванъ Ильичъ провели на палубѣ. Постороннему наблюдателю казалось бы, что они говорятъ чепуху, но это происходило оттого, что они разговаривали шифромъ. Слова, самыя обычныя, таинственно и непонятно получали двойной смыслъ, и когда Даша, указывая глазами на пухленькую, низкорослую барышню, съ удивленно-круглыми глазами, безъ бровей и съ отдувающимся за ея сутулой спиной розово-лиловымъ шарфомъ, и на сосредоточенно шагающаго рядомъ съ ней второго помощника капитана, говорила: «Смотрите, Иванъ Ильичъ, у нихъ, кажется, дѣло идетъ на ладъ», — нужно было понимать: «Если бы у насъ съ вами что-нибудь случилось, — было бы совсѣмъ не такъ». Никто изъ нихъ не могъ бы вспомнить по чистой совѣсти, что онъ говорилъ, но Ивану Ильичу казалось, что Даша гораздо умнѣе, тоньше и наблюдательнѣе его, Дашѣ казалось, что Иванъ Ильичъ добрѣе ея, лучше, умнѣе разъ въ тысячу.

Даша собиралась нѣсколько разъ съ духомъ, чтобы рассказать ему о Бесоновѣ, но задумывалась; солнце грѣло колѣни, вѣтеръ касался щеки, плечей, шеи; словно круглыми и ласковыми пальцами, хлопающій флагъ на носу, веревочная рѣшетка борта, сѣрый, блестящій полъ — все это вмѣстѣ съ нею и Иваномъ Ильичемъ медленно плыло между облаками, мимо невысокихъ и кроткихъ береговъ. Даша думала:

«Нѣтъ, расскажу ему завтра. Пойдетъ дождикъ — тогда расскажу».

Даша, любившая наблюдать и наблюдательная, какъ всѣ женщины, знала къ концу дня, приблизительно, всю подноготную про всѣхъ ѣдущихъ на пароходѣ. Ивану Ильичу казалось это почти чудомъ.

Про ректора Петербургскаго Университета, угрюмаго чловѣка, въ дымчатыхъ очкахъ и крылаткѣ, Даша рѣшила почему-то, что это очень крупный пароходный шулеръ. И, хотя Иванъ Ильичъ зналъ, что это ректоръ, теперь ему тоже запало подозрѣніе — не шулеръ-ли. Вообще, его представление о дѣйствительности пошатнулось за этотъ день. Онъ чувствовалъ не то головокруженіе, не то сонъ въ яви, и, почти не въ силахъ выдерживать время отъ времени подступающую волну любви ко всему, что видитъ и слышитъ, присматривался — хорошо бы сейчасъ броситься въ воду вонъ за той, скажемъ, стриженной дѣвочкой, если она еще кроче перегнетса съ кормы и упадетъ.

Въ первомъ часу ночи Даша до того сразу и сладко захотѣла спать, что едва дошла до каюты и, прощаясь въ дверяхъ, сказала, зѣвая:

— Прощайте. Смотрите, присматривайте за шулеромъ-то.

Иванъ Ильичъ сейчасъ же пошелъ въ рубку перваго класса, гдѣ ректоръ, страдающій безсонницей, читаль сочиненія Дюма-отца, поглядѣлъ на него нѣкоторое время, подумалъ, что — прекрасный человекъ, несмотря на то, что шулеръ, затѣмъ вернулся въ ярко освѣщенный корридоръ, гдѣ пахло машиной, лакированнымъ деревомъ и духами Даши, на цыпочкахъ прошелъ мимо ея двери, и у себя въ каютѣ, повалившись на спину на койку и закрывъ глаза, почувствовалъ, что весь потрясенъ, весь полонъ звуками, запахами, жаромъ солнца и острой, заглушающей все это, непонятной грустью.

Въ седьмомъ часу утра его разбудилъ ревъ парохода. Подходили къ Кинешмѣ. Иванъ Ильичъ быстро одѣлся и выглянулъ въ корридоръ. Всѣ двери были закрыты, всѣ еще спали. Спала и Даша. «Мнѣ слѣзть необходимо, иначе получится чортъ знаетъ что», — подумалъ Иванъ Ильичъ и вышелъ на палубу, глядя на эту самую, некстати подоспѣвшую Кинешму на крутомъ и высокомъ берегу, съ деревянными лѣстницами, съ деревянными, точно кое-какъ нагороженными, наваленными домишками, крышами, заборами, съ яркими, по-утреннему желтовато-зелеными липами городского парка, съ неподвижно висящимъ облакомъ пыли надъ возами, тянущимися по городскому спуску. Широкомордый матросъ, твердо ступая по палубѣ пятками босыхъ ногъ, появился съ рыжимъ чемоданомъ Тельгина...

— Нѣтъ, нѣтъ, я передумалъ, назадъ несите, — взволнованно проговорилъ ему Иванъ Ильичъ, — я, видите-ли, до Нижняго рѣшилъ ѣхать. Въ Кинешму мнѣ и не особенно было нужно. Вотъ сюда ставьте, подъ койку. Благодарю васъ, голубчикъ.

Въ каютѣ Иванъ Ильичъ просидѣлъ часа три, придумывая, какъ объяснить Дашѣ свой, по его пониманію, пошлый и навязчивый поступокъ, и было ясно, что объяснить невозможно, ни соврать, ни сказать правду.

Въ одиннадцатомъ часу, раскаиваясь, ненавидя и презирая себя, онъ появился на палубѣ, — руки за спиной, походочка какая-то ныряющая, лицо фальшивое. — словомъ, типъ пошляка. Но, обойдя кругомъ палубу и не найдя Даши, Иванъ Ильичъ взволновался, сталъ заглядывать повсюду. Даши не было нигдѣ. У него пересохло во рту. Очевидно, что-то случилось. И вдругъ, онъ прямо наткнулся на нее. Даша сидѣла на вчерашнемъ мѣстѣ, въ плетеномъ креслѣ, грустная и тихая. На колъняхъ у нея лежали книжка и груша. Она медленно повернула голову къ Ивану Ильичу,

глаза ея расширились, точно отъ испуга, залились радостью, на щеки взошелъ румянецъ, груша покатилаcь съ колѣнъ:

— Вы здѣсь? Не слѣзали? — Проговорила она тихо.

Иванъ Ильичъ проглотилъ волненіе, сѣлъ рядомъ и сказалъ глухимъ голосомъ:

— Не знаю, какъ вы взглянете на мой поступокъ, но я намѣренно не выѣзъ въ Кинешмѣ.

— Какъ я посмотрю на вашъ поступокъ? Ну, этого я не скажу. — Даша засмѣялась, и неожиданно, такъ что у Ивана Ильича снова на весь день, сильнѣе вчерашняго, пошла кружиться голова, положила ему въ ладонь свою руку, просто и нѣжно.

Х.

На самомъ дѣлѣ, на Обуховскомъ заводѣ произошло слѣдующее. Въ дождливый вечеръ, затянувшій вѣтряными облаками фосфорическое небо, въ узкомъ переулкѣ, вонючемъ и грязномъ, той особенной, угольно желѣзной грязью, какою бываютъ сплошь залиты прилегающія къ большимъ заводамъ улицы, въ толпѣ рабочихъ, идущихъ, послѣ свистка по домамъ, появился неизвѣстный человѣкъ, въ резиновомъ плащѣ съ поднятымъ капюшономъ.

Нѣкоторое время онъ шелъ вслѣдъ за всѣми, затѣмъ остановился и направо и налево сталъ раздавать листки, говоря сиповатымъ голосомъ:

«Отъ Центральнаго Комитета. Прочтите, товарищъ».

Рабочіе на-ходу брали листки и прятали въ карманы и подъ шапки. За послѣднее время въ мрачную и озлобленную массу рабочихъ, ревниво охраняемую властями, сквозь всѣ щели проникали подобные молодые люди, посылаемые невидимыми друзьями. Они появлялись подъ видомъ служащихъ, чернорабочихъ, продавцовъ, или вотъ такъ — въ плащѣ съ капюшономъ. Они подкидывали листки, раздавали книги; пускали слухи, разъясняли злоупотребленія администраціи, и всѣ повторяли одно: «Если хотите быть людьми, а не скотами, — учитесь ненавидѣть тѣхъ, на кого работаете». Рабочіе чувствовали и понимали, что на царскую власть, заставлявшую ихъ работать двѣнадцать часовъ въ сутки, отгородившую ихъ отъ богатой и веселой жизни города грязными переулками и постами ночныхъ сторожей, вынуждавшую рабочихъ дурно ѣсть, грязно одѣваться, жить съ неряшливыми и рано старѣющими женщинами, посылать дочерей въ проститутки, а мальчиковъ въ постылую каторгу фабрикъ, — на эту власть нашлась управа — Центральный

Комитетъ Рабочей Партіи. Онъ былъ неуловимъ и невидимъ. Рабочіе ненавидѣли власть съ чугунной скукой, Центральный Комитетъ ненавидѣлъ ее дѣятельно и ѣдко. Онъ не устывая повторялъ: — требуйте, кричите, возмущайтесь. Васъ учили — будьте добрыми, — провокація! Добродѣтель пролетарія — ненависть. Вамъ говорили — терпите и прощайте, — издѣвательство! Вы не рабы. Ненавидьте и организуйтесь. Вамъ внушали — любите ближняго. Но ближній пользуется этой любовью, чтобы запретить ее въ ярмо. Вы одурачены. Есть одна достойная человѣка любовь — любовь къ свободѣ. Помните, — Россія построена вашими руками. Вы одни законные хозяева Россійскаго государства.

Когда человѣкъ въ резиновомъ плащѣ роздалъ почти всѣ листочки, около него, сильно протиснувшись плечомъ сквозь толпу, появился ночной сторожъ и, проговоривъ поспѣшно: «Погоди-ка», — схватилъ сади за плащъ. Но человѣкъ, мокрый и скользкій, вывернулся и, пригибаясь, къ землѣ, побѣжалъ. Раздался рѣзкій свистокъ, въ отвѣтъ, издавѣла, заверещалъ другой. По рѣдѣющей толпѣ пошелъ глухой говоръ. Но дѣло было сдѣлано, и человѣкъ въ плащѣ исчезъ.

Дня черезъ два на Обуховскомъ заводѣ, неожиданно для администраціи, съ утра не всталъ на работу токарный цехъ и предъявилъ требованія, не особенно серьезныя, но рѣшительныя.

По длиннымъ заводскимъ корпусамъ, мутно освѣщеннымъ сквозь грязныя окна и закопченныя, стекляныя крыши полетѣли, какъ искорки, неопредѣленныя фразы, замѣчанія и злыя словечки. Рабочіе, стоя у станковъ, странно взглядывали на проходящее начальство и, видимо, въ сдержанномъ, но страшномъ возбужденіи ждали какихъ-то указаній.

Старшему мастеру Павлову, доносчику и нашептывателю, вертѣвшемуся около гидравлическаго пресса, нечаянно раздавили всю ступню раскаленной болванкой. Онъ дико закричалъ, и тогда по заводу пошелъ слухъ, что кого-то уже убили. Въ девять часовъ на заводскій дворъ, какъ буря, влетѣлъ огромный, черный лимузинъ главнаго инженера.

Иванъ Ильичъ Тельгинъ, придя въ обычный часъ въ литейную, огромную постройку въ видѣ цирка, съ разбитыми кое-гдѣ стеклами, съ висящими цѣпами передвижныхъ крановъ, съ плавильными горнами у стѣнъ и землянымъ подомъ, остановился въ дверяхъ, передернулъ плечами отъ утренняго холода, и за руку, весело, поздоровался съ подошедшимъ мастеромъ — Пунько.

Въ литейной былъ полученъ спѣшный заказъ на моторныя станины, и Иванъ Ильичъ заговорилъ съ Пунько о пред-

стоящей работѣ, дѣловито и вдумчиво совѣтуюсь съ нимъ о тѣхъ вещахъ, которыя были для нихъ обоихъ несомнѣнны. Эта маленькая хитрость вела къ тому, что Пуныко, поступившій въ эту литейную пятнадцать лѣтъ тому назадъ простымъ чернорабочимъ, а теперь — старшій мастеръ, очень высоко ставившій свои знанія и опытъ, остался вполнѣ довольнымъ бесѣдой, самолюбіе его было удовлетворено, а Телѣгинъ былъ увѣренъ, что, если Пуныко доволенъ, то работа пойдетъ быстро и скоро.

Обойдя литейную, Иванъ Ильичъ поговорилъ съ литейщиками и формовщиками, съ каждымъ тѣмъ полушутливо-товарищескимъ тономъ, который наиболѣе точно опредѣлялъ ихъ взаимоотношенія: мы оба стоимъ на одной работѣ, значитъ — товарищи, но я инженеръ, вы рабочій, и по существу мы — враги, но, такъ какъ мы другъ друга любимъ и уважаемъ, то намъ ничего не остается, какъ подшучивать другъ надъ другомъ.

Къ одному изъ горновъ, стуча спускающейся цѣпью, подкатилъ кранъ. Филиппъ Шубинъ и Иванъ Орѣшниковъ, мускулистые и рослые рабочіе, одинъ похожій на Пугачева, черный, съ просѣдью и въ круглыхъ очкахъ, другой — съ кудрявой бородой, со свѣтлыми, повязанными ремешкомъ, волосами, голубоглазый и атлетически сильный — любимецъ Ивана Ильича, принялись: одинъ — ломомъ отдирать доску съ лицевой стороны горна, другой — наводитъ на бѣлый отъ жара, высокий тигель клещи. Цѣпь затрещала, тигель подался и, шипя, свѣтясь и роняя корки нагара, поплылъ по воздуху къ серединѣ мастерской.

— Стопъ, — сказала Орѣшниковъ, — снижай.

Опять загромычала лебедка, тигель опустился, и ослѣпительная струя бронзы, раскидывая лопающуюся, зеленая звѣзда, озаряя оранжевымъ заревомъ шатровый потолокъ мастерской, полилась подъ землю. Запахло гарью приторно сладкой мѣди.

Въ это время двустворчатыя двери, ведущія въ сосѣдній корпусъ, подались, распахнулись, и въ литейную быстро и рѣшительно вошелъ молодой рабочій, съ блѣднымъ и злымъ лицомъ, въ черной косовороткѣ и въ глубоко надвинутомъ картузѣ объ одну пуговку.

— Кончай работу... Снимайся! — крикнулъ онъ отрывистымъ, жестокимъ голосомъ, покосился на Телѣгина и дернулъ черными усиками. — Слышали? Али нѣтъ?

— Сышали, слышали, не кричи, — отвѣтил Орѣшниковъ спокойно и поднять голову къ лебедкѣ: — Димитрій, не спи, вытравливай.

— Ну, слышали — понимаете сами, второй разъ просить не станемъ, — сказалъ рабочій, сунуль руки въ карманы, и, бойко повернувшись, вышелъ.

Иванъ Ильичъ, присѣвъ надъ свѣжей отливкой, осторожно расковыривалъ землю кускомъ проволоки. Пунько, сидя на высокомъ стулѣ у дверей передъ конторкой, быстро началъ гладить сѣрую, козлиную бородку и сказалъ, бѣгая глазами:

— Хочешь, не хочешь, значить, а дѣло бросай. А ребятаекъ чѣмъ кормить, если тебѣ по шапкѣ дадутъ съ завода — объ этомъ молодцы эти думаютъ, али нѣтъ?

— Этихъ дѣловъ ты лучше бы не касался, Василий Степанычъ, — отвѣтилъ Орѣшниковъ густымъ голосомъ.

— То-есть, это какъ-же?

— Такъ, это наша каша. Съ голоду не твои дѣти станутъ пузыри пускать... Ты то ужъ забѣжишь къ начальству, въ глаза взглянешь. По этому случаю — молчи.

— Изъ-за чего забастовка? — спросилъ, наконецъ, Тельгинъ, — какія требованія?.. — Орѣшниковъ, на котораго онъ взглянулъ, отвелъ глаза. Пунько отвѣтилъ:

— Слесаря забастовали. На прошлой недѣлѣ у нихъ шестьдесятъ станковъ перевели на сдѣльную работу, для пробы. Ну, вотъ, и получается, что не дорабатываютъ, сверхсрочные часы приходится выстаивать. Да у нихъ цѣлый списокъ въ шестомъ корпусѣ на двери прибитъ, требованія разныя, не большія.

Онъ сердито обмокнулъ перо въ пузырекъ и принялся сводить вѣдомость. Тельгинъ заложилъ руки за спину, прошелся вдоль горновъ, потомъ сказалъ, глядя въ круглое отверстие, за которымъ въ бѣломъ, нестерпимомъ огнѣ танцовада, ходила змѣями кипящая бронза.

— Орѣшниковъ, какъ бы штука-то эта у насъ не перестоялась, а?

Орѣшниковъ, не отвѣчая, снялъ кожаный фартукъ, повѣсилъ его на гвоздь, надѣлъ барашковую шапку и длинный, добротный пиджакъ и проговорилъ густымъ, наполненнымъ всю мастерскую, басомъ:

— Снимайтесь, товарищи. Есть желающіе — приходите въ шестой корпусъ, къ среднимъ дверямъ.

И пошелъ къ выходу. Рабочіе молча побросали инструменты, кто спустился съ лебедки, кто вытѣвъ изъ ямы въ полу, и толпою двинулись за Орѣшниковымъ. И вдругъ, въ дверяхъ что-то произошло, — раздался срывающійся на визгъ, иступленный голосъ:

— Пишешь?.. Пишешь, сукинъ сынъ! На, записывай меня!.. Доноси начальству!.. — Это кричалъ на Пуныко формовщикъ, Алексѣй Носовъ; изможденное, давно не бритое лицо его, съ провалившимися, мутными глазами, прыгало и перекашивалось, на тонкой шеѣ надулась жила; крича, онъ билъ чернымъ кулакомъ въ край конторки. — Кровопійцы!.. Мучители!.. Мать вашу въ душу!.. Найдемъ и на васъ ножикъ!..

Тогда Орѣшниковъ схватилъ Носова за туловище, легко отодралъ отъ конторки и повелъ къ дверьямъ. Тотъ сразу затихъ. Мастерская опустѣла.

Къ полудню забастовалъ весь заводъ. Ходили слухи, что не спокойно на Балтійскомъ и на Невскомъ Судостроительномъ. Рабочіе большими группами стояли на заводскомъ дворѣ и ждали — къ чему поведутъ переговоры администраціи со стачечнымъ комитетомъ, какъ выяснилось, уже давно существовавшимъ. Забастовка была дѣло его рукъ.

Засѣдали въ конторѣ. Администрація шла на уступки. Задержка теперь была только за дверцей въ дощатомъ заборѣ, которую рабочіе требовали открыть, иначе имъ придется обходить мѣсить четверть версты по грязи. Дверца никому, въ сущности, была не нужна, но дѣло пошло на самолюбіе, администрація вдругъ уперлась, и начались длинные пренія. Стачечный комитетъ поставилъ вопросъ о дверцѣ на социальную плоскость. И въ это время по телефону изъ министерства внутреннихъ дѣлъ получился приказъ: — отказать стачечному комитету во всѣхъ требованіяхъ и, впредь до особаго распоряженія, ни въ какіе разговоры съ нимъ не вступать.

Приказъ этотъ настолько портилъ все дѣло, что старшій инженеръ немедленно умчался въ городъ для объясненій. Рабочіе недоумѣвали, настроеніе было, скорѣе, мирное. Нѣсколько инженеровъ, выйдя къ толпѣ, объяснялись, разводили руками. Кое-гдѣ раздавался даже смѣхъ. Никто не вѣрилъ, что изъ-за пустой какой-нибудь дверцы остановится цѣлый заводъ. Наконецъ, на крыльцѣ конторы появился огромный, тучный, сѣдой инженеръ Бульбинъ и прокричалъ на весь дворъ, что переговоры отложены на завтра.

Иванъ Ильичъ, пробивъ въ мастерской до вечера и видя, что горны все равно погаснутъ, плюнулъ и поѣхалъ домой. Въ столовой сидѣли футуристы и, оказывается, живо интересовались тѣмъ, что дѣлается на заводѣ. Но Иванъ Ильичъ ничего рассказывать не сталъ, задумчиво жевалъ поджогенные ему Елизаветой Кіевной бутерброды, и ушелъ къ себѣ, заперся на ключъ и легъ спать. На слѣдующій день, подѣзжая къ заводу, онъ еще издали увидать, что дѣло не ладно.

По всему переулку стояли кучки рабочихъ и совѣщались. Около воротъ собралась огромная толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ и гудѣла, какъ потревоженный улей.

Иванъ Ильичъ былъ въ мягкой шляпѣ и штатскомъ пальто, на него не обращали вниманія, и онъ, прислушиваясь къ отдѣльнымъ кучкамъ спорящихъ, узналъ, что ночью былъ арестованъ весь стачечный комитетъ, что и сейчасъ продолжаются аресты среди рабочихъ, что выбранъ новый комитетъ, засѣдающій тайно, гдѣ-то въ пивной, что требованія, предъявленныя ими теперь, уже политическія, что весь заводскій дворъ полонъ казаками и, говорятъ, былъ данъ приказъ — разгонять толпу, но казаки, будто бы, отказались и что, наконецъ, Балтійскій, Невскій Судостроительный, Французскій и нѣсколько мелкихъ заводовъ присоединились къ забастовкѣ.

Все это было настолько невѣроятно, что Иванъ Ильичъ рѣшилъ пробраться въ контору — узнать новости, но съ величайшимъ трудомъ протискался только до воротъ. Тамъ, около знакомаго сторожа Бабкина, угрюмаго человѣка въ огромномъ тулупѣ, стояли два рослыхъ казака, въ надвинутыхъ на ухо безкозыркахъ и съ русыми бородами на двѣ стороны. Весело и дерзко поглядывали они на невыспавшіяся, нездоровыя лица рабочихъ, были оба румяны, опрятны и, должно быть, ловки дратья и зубоскалить.

«Да, эти мужики стѣсняться не станутъ», — подумалъ Иванъ Ильичъ и хотѣлъ было войти во дворъ, но ближайшій къ нему казакъ загородилъ дорогу и, въ упоръ глядя веселыми, ясными глазами, сказалъ:

— Куда? Осади!

— Мнѣ нужно пройти въ контору, я инженеръ.

— Осади, говорятъ!

Тогда изъ толпы послышались голоса:

— Нехристи! Опричники!

— Мало вамъ нашей крови пролито!

— Черти сытые! Помѣщики!

Въ это время въ первые ряды протискался низенькій прыщавый юноша, съ большимъ и кривымъ носомъ, въ огромномъ, не по росту, пальто и неловко надѣтой рыжеватой, высокой шапкѣ на курчавыхъ волосахъ. Помахивая недоразвитой, очень бѣлой ручкой, онъ заговорилъ, картавя:

— Товарищи казаки! Развѣ мы не всѣ русскіе? На кого вы поднимаете оружіе? На своихъ же братьевъ. Развѣ мы ваши враги, чтобы насъ разстрѣливать? Чего мы хотимъ? Мы хотимъ счастья всѣмъ русскимъ. Мы хотимъ, чтобы ка-

ждый человекъ былъ свободенъ. Мы хотимъ уничтожить произволь...

Казакъ, поджавъ губы, презрительно оглядѣвъ молодого человека съ головы до ногъ, повернулся и зашагалъ въ воротахъ. Другой отвѣтилъ внушительно, книжнымъ голосомъ:

— Никакихъ бунтовъ допустить мы не можемъ, потому что мы присягу принимали.

Тогда первый, очевидно придумавъ отвѣтъ, крикнуть курчавому юношѣ:

— Братья, братья... Ты штаны-то подтняи, а то упадутъ.

И оба казака засмѣялись,

Иванъ Ильичъ отодвинулся отъ воротъ, движеніемъ толпы его понесло въ сторону, къ забору, гдѣ валялись заржавленные, чугунныя шестерни. Онъ попытался было забраться на нихъ, и увидѣлъ Орѣшникова, который, сдвинувъ на затылокъ барашковую шапку, спокойно жевалъ хлѣбъ. Телѣгину онъ кивнулъ бровями и сказалъ басомъ.

— Вотъ, дѣла-то хороши, Иванъ Ильичъ.

— Здравствуйте, Орѣшниковъ. Чѣмъ это все кончится?

— А вотъ мы покричимъ малое время да и шапку снимемъ. Только и всѣхъ бунтовъ. Пригнали казаковъ. А чѣмъ мы съ ними воевать будемъ? Вотъ этой развѣ луковицей бросить — убить двойкѣ. Чудаки.

Въ это время по толпѣ прошелъ ропотъ, и стихъ. Въ тишинѣ у воротъ раздался отрывистый, командный голосъ:

— Господа, прошу васъ расходиться по домамъ. Ваши просьбы будутъ рассмотрѣны. Прошу васъ спокойно разойтись.

Толпа заволновалась, двинулась назадъ, въ сторону. Иные отошли, иные продвинулись. Говоръ усилился. Орѣшниковъ сказалъ:

— Третій разъ честию просить.

— Кто это говорилъ?

— Есауль.

— Товарищи, товарищи, не расходитесь, — послышался взволнованный голосъ, и сзади Ивана Ильича на шестерни вскочилъ блѣдный, возбужденный человекъ въ большой шляпѣ, съ растрепанной черной бородой, подъ которой изящный лиджакъ его былъ заколотъ английской булавкой на горлѣ. Ивану Ильичу лицо его показалось очень знакомымъ.

— Товарищи, ни въ какомъ случаѣ не расходитесь, — зычно заговорилъ онъ, протянувъ руки со сжатыми кулаками, — намъ достоверно извѣстно, что казаки стрѣляютъ отъ казались. Администрація ведетъ переговоры черезъ третьихъ

лицъ со стачечнымъ комитетомъ. Мало того, желѣзнодорожники обсуждаютъ сейчасъ всеобщую забастовку. Въ правительствѣ паника.

— Bravo! — завопилъ чей-то изступленный голосъ. Толпа загудѣла, заревѣла, надвинулась. Ораторъ нырнулъ въ нее и скрылся. Было видно, какъ по переулку подбѣгали люди:

Иванъ Ильичъ поискалъ глазами Орѣшникова, но тотъ стоялъ уже далеко у воротъ. Нѣсколько разъ до слуха долетѣло: «революція, революція».

Иванъ Ильичъ чувствовалъ, какъ все въ немъ дрожить испуганно-радостнымъ возбужденіемъ. Взобравшись на ше-стерни, онъ оглядывалъ огромную теперь толпу, и вдругъ, въ двухъ шагахъ отъ себя, у забора, увидѣлъ Акундина. Онъ узналъ его не сразу: Иванъ Аввакумовичъ Акундинъ былъ въ очкахъ, въ картузѣ съ большимъ козырькомъ и въ черной накидкѣ. Нагнувъ голову, онъ упрямо грызъ ноготь на большомъ пальцѣ. Къ нему протиснулся господинъ съ дрожющими губами, въ котелкѣ. Телѣгинъ слышалъ, какъ онъ крикнулъ Акундину:

— Идите, Иванъ Аввакумовичъ, васъ ждутъ.

— Я не приду. — Акундинъ откусилъ ноготь и невидящими глазами глядѣлъ на подошедшаго.

— Собрался весь комитетъ. Безъ васъ, Иванъ Аввакумовичъ, не хотятъ принимать рѣшенія.

— Я остаюсь при особомъ мнѣніи, это извѣстно,—отвѣтилъ Акундинъ.

— Вы съ ума сошли. Вы видите, что дѣлается. Я вамъ говорю, что съ минуты на минуту начнется разстрѣль... — У господина въ котелкѣ запрыгали щеки и губы.

— Во-первыхъ, не кричите, — проговорилъ Акундинъ, — ступайте и выносите компромиссное рѣшеніе. Я своего голоса назадъ не возьму...

— Чортъ знаетъ, чортъ знаетъ, сумасшествіе какое-то! — проговорилъ господинъ въ котелкѣ и протискался въ толпу. Къ Акундину бокомъ пододвинулся вчерашній рабочий, снявшій людей въ мастерской Телѣгина. Акундинъ что-то сказалъ ему, тотъ кивнулъ и скрылся. Затѣмъ то-же самое — короткая фраза и кивокъ головы — произошло съ другимъ, неизвѣстнымъ Телѣгину рабочимъ. Было похоже, что Акундинъ отдаетъ какія-то приказанія. Въ толпѣ, по ту сторону воротъ, опять закричали, заволновались. И вдругъ разда-лось три подрядъ короткихъ, сухихъ выстрѣла. Сразу настала тишина. И придушенный голосъ, точно по-наро-чному, затянулъ: «а-а-а». Толпа подалась и отхлынула отъ воротъ. На разбитой ногами грязи лежалъ ничкомъ, съ по-

догнутыми къ животу колынями, казакъ. И сейчасъ-же пошелъ крикъ по всему народу: «Не надо, не надо!» Это отворяли ворота. Но, откуда-то сбоку хлопнулъ четвертый револьверный выстрѣлъ, и полетѣло нѣсколько камней, ударившись о желѣзо. Въ эту минуту Телыгинъ увидѣлъ Орѣшникова, стоящаго безъ шапки, съ открытымъ ртомъ, одного, впереди уже безпорядочно бѣгущей толпы. Онъ точно вросъ отъ ужаса въ землю огромными сапогами. И одновременно полоснули, какъ удары бича, длинные, раздирающіе воздухъ, винтовочные выстрѣлы, — одинъ, два и залпъ, — и мягко осѣлъ на колѣни, повалился навзничь Орѣшниковъ.

Черезъ недѣлю было окончено разслѣдованіе происшествія на Обуховскомъ заводѣ. Иванъ Ильичъ попалъ въ списокъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ сочувствіи рабочимъ. Вызванный въ контору, онъ, неожиданно для всѣхъ, наговорилъ рѣзкостей администраціи, выразилъ недовольство существующему строю и подписалъ отставку.

ПАЕВОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„РУССКАЯ ЗЕМЛЯ“

ВЪ ПАРИЖѢ.

Директоръ Т. И. ПОЛНЕРЪ.

Выйдутъ въ Ноябрь:

К. Д. Вальмонтъ. „Даръ Земля“ (сборникъ новыхъ стиховъ). —
И. А. Бунинъ. „Господинъ изъ Санъ-Франциско“ и др. рассказы. —
А. И. Купринъ. „Суламиѣ“ и др. рассказы. — Гр. А. Н. Толстой.
„Навождение“ и др. рассказы. — Ив. Шмелевъ. „Неупиваемая
Чаша“, повесть.

Печатаятся:

И. А. Бунинъ. „Дережня“ и др. рассказы. — З. Н. Гиппиусъ.
Сборникъ избранныхъ рассказовъ. — Борисъ Зайцевъ. „Путники“
и др. рассказы. — А. И. Купринъ. „Гамбринусъ“ и др. рассказы. —
Д. С. Меренковскій. „14 декабря“, романъ. — Ив. Нахичевинъ.
„Новые рассказы“. — А. Н. Тэффи. Сборникъ избранныхъ рассказовъ.
— Гр. А. Н. Толстой. „Хромой Баринъ“, романъ.

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Письменные заказы по
адресу: 5^{6^{er}}, Rue du Dôme, PARIS (XVIe). Издательство.

— ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА —
на ежедневную газету

„ВОЛЯ РОССІИ“

выходящую въ Прагѣ при ближайшемъ участіи:

В. М. ЗЕНЗИНОВА, В. И. ЛЕБЕДЕВА и О. С. МИНОРА

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	1 мѣс.	3 мѣс.
Въ Прагѣ и Чехо-Словакии	20 кр.	60 кр.
Во Франціи и Бельгіи	9 фр.	27 фр.
Въ Швейцаріи	5 фр.	15 фр.
Въ Германіи	20 мар.	60 мар.
Въ Болгаріи	45 лева	135 лева
Въ Юго-Славіи	20 дин.	60 дин.
Въ другихъ странахъ	40 кр.	120 кр.

Военнопльнннымъ, легионерамъ и обществ. организациямъ скидка 25 %

Подписка принимается только по 1-ое и 15-ое каждого мѣсяца.

За перемѣну адреса уплачивается 1 крона.

Редакція и Контора газеты:

Tcheco-Slovaquie, PRANA I., Uhoľný trh 1. tel. 9802.